

САМЮЭЛЬ БЬОРК

18+

СКАНДИНАВСКИЙ
БЕСТСЕЛЛЕР №1

Я ПУТЕШЕСТВУЮ
ОДНА

Книга издается в 23 странах мира

Annotation

В лесу в окрестностях Осло обнаружено тело шестилетней девочки. Она одета в кукольное платье, за спиной у нее школьный ранец, а на шее – лента с надписью «Я путешествую одна».

Гениальная Миа Крюгер, обладающая уникальным чутьем следователя, ушла из полиции несколько лет назад и поселилась на безлюдном острове в норвежских фьордах, где предаётся мучительными воспоминаниями и мыслям о самоубийстве. Но когда бывший босс Холгер Мунк показывает ей фотографии с места преступления, Миа понимает: девочка в лесу – только первая жертва, так что вернуться и раскрыть это дело – ее долг. Но Миа Крюгер еще не знает, насколько глубоко она в действительности замешана в этой истории...

- [Самюэль Бьорк](#)

-

- [1](#)

- [1](#)

- [2](#)

- [3](#)

- [4](#)

- [5](#)

- [6](#)

- [7](#)

- [8](#)

- [9](#)

- [10](#)

- [11](#)

- [12](#)

- [13](#)

- [2](#)

- [14](#)

- [15](#)

- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [3](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
 - [50](#)
- [4](#)

- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [5](#)
 - [64](#)
 - [65](#)
 - [66](#)
 - [67](#)
 - [68](#)
 - [69](#)
 - [70](#)
 - [71](#)
 - [72](#)
 - [73](#)
 - [74](#)
 - [75](#)
- [6](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)

- [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [7](#)
 - [89](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
-

Самюэль Бьорк

Я путешествую одна

Лиза шла в
школу, топ-топ-топ.
В новом
платье радостно
шагала.

*Норвежская
детская песенка*

«DET HENGER EN ENGEL ALENE I
SKOGEN»

by Samuel Bjørk

Печатается с разрешения автора и
литературного агентства Ahlander Agency.

This translation has been published with the
financial support of NORLA.

Copyright © Samuel Bjørk 2013

© Назарова М.В., перевод, 2014

© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

28 августа 2006 года в родильном отделении больницы Рингерике в Хёнефоссе на свет появилась девочка. Ее мать, двадцатипятилетняя воспитательница Катарина Улсен, была больна гемофилией и умерла при родах. Акушерка и несколько медсестер, помогавших ей, позже говорили, что ребенок родился необыкновенно красивым. Новорожденную описывали как тихую, но невероятно живую девочку со взглядом, из-за которого все сотрудники отделения относились к малышке по-особому. В документах Катарина Улсен указала отца как неизвестного. В последующие дни руководству

больницы Рингерике вместе с местным комитетом по охране детства удалось найти бабушку ребенка, проживавшую в Бергене. Женица не знала даже о беременности дочери, а приехав в больницу, обнаружила, что ребенок пропал. На протяжении следующих недель полиция Рингерике вела розыск девочки – безрезультатно. Два месяца спустя шведский медбрат Йоаким Виклунд был найден повешенным в своей квартире в центре Хёнефосса. На полу под телом лежал лист бумаги с набранным на компьютере текстом: «Мне очень жаль».

Девочку так и не нашли.

1

Вальтер Хенриксен сидел за столом и отчаянно пытался проглотить хоть кусочек завтрака, поданного женой. Яичница с беконом. Селедка, копченая колбаса и свежий хлеб. Чай из выращенных в их собственном саду трав. В том самом саду, который она так хотела и ради которого они купили этот дом на окраине Осло, рядом с лесом Эстмарка. Чтобы она могла воспитывать здоровые привычки. Ходить в лес на прогулки. Ухаживать за небольшим огородом. Собирать грибы и ягоды и дать собаке свободную жизнь. Вальтер не выносил этого кокер-спаниеля, но обожал жену и поэтому пошел на все это ради нее.

Он проглотил кусочек бутерброда с селедкой и изо всех сил боролся с телом, которое хотело выбросить его обратно. Сделав большой глоток апельсинового сока, он попытался улыбнуться, хотя у него было ощущение, словно кто-то ударил его молотком по голове. Корпоратив вчера вечером пошел не по плану, и он снова не удержался от алкоголя.

Фоном звучали новости, пока Вальтер пытался прочесть настроение на лице жены. Спала ли она, когда он пришел домой под утро? Он не помнил, во сколько, но было поздно, слишком поздно. Он помнил, что разделся, а также смутную мысль, что она уже, *к счастью*, спит, перед тем как он завалился на слишком жесткий матрас, на покупке которого настояла жена, потому что в последнее время у нее появились проблемы со спиной.

Вальтер покашлял, вытер рот салфеткой и погладил себя по животу, как будто от удовольствия и сытости.

– Может быть, я схожу прогуляюсь с Леди? – пробормотал он, изобразив подобие улыбки.

– Да, отлично, – кивнула жена, немного удивившись, потому что, хотя об этом и не говорили вслух, она прекрасно знала, что он не любил их трехлетнюю собаку.

– Может быть, вы в этот раз пройдетесь подальше, чем просто вокруг дома?

Он искал в ее голосе ту подавляемую агрессию, которая обычно означала недовольство, улыбку, которая была вовсе не улыбкой, а чем-

то другим, но не нашел ничего подобного: она выглядела вполне довольной. Он справился, слава богу. И пообещал себе, что такое больше не повторится. Здоровый образ жизни – и больше никаких корпоративов.

– Я думал отвести ее в Маридален, может, по той дорожке к Даушён.

– Замечательно, – улыбнулась она.

Она погладила собаку по голове, поцеловала в лоб и потрепала за ухом.

– Папочка берет тебя на прогулку, это будет так здорово, правда, моя маленькая, малышка моя, да?

Вальтер ходил в Маридален в те редкие разы, когда выгуливал собаку. Он никогда не любил собак, ничего не знал о них и, если бы мог, вообще избавил бы мир от этих животных. Он чувствовал нарастающую неприязнь к глупой псине, тянущей поводок, чтобы он пошел быстрее. Или чтобы он подождал. Или пошел в другую сторону. Наконец он поднялся на дорожку, ведущую к Даушён. Здесь можно было отпустить собаку с поводка. Он присел на корточки, погладил по голове в попытке проявить ласку и отцепил поводок.

– Вот, теперь можешь немного побегать.

Собака посмотрела на него глупыми глазами и высунула язык. Вальтер закурил и на мгновение почувствовал нечто похожее на любовь к этому маленькому существу. Это ведь не ее вина. Собака была совершенно нормальной. На свежем воздухе головная боль немного отступила. Теперь он будет любить собаку. Ах, она такая милая. На самом деле это даже здорово – побродить вместе по лесу. Теперь они почти подружились, и она так хорошо его слушается. Без поводка она все равно шла по тропинке рядом с ним.

Вдруг Леди рванула в сторону и понеслась в лес.

Черт побери.

– Леди!

Вальтер Хенриксен стал звать собаку, но тщетно. Он бросил сигарету, тихо выругался и начал взбираться на холм, куда убежала собака. Через несколько сотен метров он остановился как вкопанный. Собака лежала на небольшой полянке. И в этот момент он заметил девочку, висящую на дереве. Качающуюся над холмом. Со школьным рюкзаком на спине и лентой на шее с надписью:

Я путешествую одна.

Вальтер Хенриксен упал на колени и на автомате сделал то, чего ему хотелось все утро с момента пробуждения.

Его стошнило, и он заплакал.

Миа Крюгер проснулась от крика чаек.

Вообще-то ей уже пора было привыкнуть к ним, ведь прошло целых четыре месяца с тех пор, как она купила этот дом далеко во фьорде, но город будто бы еще не отпустил ее. Квартира в Торшов, на Вогтсгате, где всегда было шумно: автобусы, трамваи, сирены полиции и «скорой помощи»... Она ни разу не просыпалась от них, эти звуки даже как будто успокаивали ее, но крик чаек она не могла вынести. Может, это потому, что, кроме них, никаких звуков больше не было?

Она потянулась за часами на ночном столике, но не разглядела, сколько было времени. Стрелки как будто исчезли, словно их поглотил туман, четверть одиннадцатого или половина второго, а может, пять минут чего-то еще. Таблетки, которые она приняла вечером, все еще действовали. Успокоительные, притупляющие, подавляющие, *нельзя принимать с алкоголем*, но кому какое дело... Осталось всего двенадцать дней до смерти, в календаре на кухне осталось двенадцать незачеркнутых клеточек.

12 дней. 18 апреля.

Миа села в кровати, натянула свитер и, пошатываясь, спустилась в гостиную.

Один коллега выписал ей эти таблетки. Ниспосланный небесами друг, который должен помочь ей забыть, пережить, идти дальше. Полицейский психолог – или он психиатр? Наверное, психиатр, раз может выписывать рецепты. В любом случае она получила от него то, что хотела. Даже здесь, на острове, хотя купить тут что-то непросто. Ей нужно одеться. Завести мотор лодки. Мерзнуть пятнадцать минут – столько занимает путь до набережной. Завести машину. Ехать сорок минут до Филлана, местного центра цивилизации. Он не очень-то похож на центр, но аптека там есть. В торговом центре «Йортен». И там же винная монополия. Рецепты были переданы из Осло и готовы. Некоторые от психиатра, некоторые от терапевта. Эти врачи так хорошо помогали, были такими «сочувствующими». *Будь осторожна, не принимай слишком много.* Но Миа не собиралась быть осторожной. Она приехала сюда не чтобы поправиться. Она приехала сюда, чтобы исчезнуть.

Еще 12 дней. 18 апреля.

Миа Крюгер взяла бутылку воды «Фаррис» из холодильника, оделась и спустилась к морю. Она села на камень, плотнее закуталась в куртку и приняла первые за день таблетки. Перебрала их в кармане. Разноцветные. Она понятия не имела, какие из них она только что выпила, голова все еще шла кругом. Да это и неважно. Она запила их из бутылки и вытянула ноги к воде. Сидела и смотрела на свои сапоги. Бессмыслица какая-то – казалось, будто это не ее ноги, а чужие, где-то вдали. Она перевела взгляд на море. В этом тоже не было никакого смысла, но Миа заставила себя не отрывать глаза от маленького островка вдали, названия которого не знала.

Она выбрала место наобум. Хитра. Остров в Трэнделаге. Ей было все равно, где, только бы в одиночестве. Она позволила риелтору решить. Продайте мою квартиру и дайте что-то взамен. Риелтор посмотрел на нее косо, как на сумасшедшую или идиотку. Но ему главное заработать денег, так что черт с ней, все равно. С белозубой улыбкой, претендующей на дружелюбность, он сказал, что справится с этим. Хотите продать сразу же? Какие-то предпочтения по месту нового дома? Притворная вежливость, но она видела, что за ней скрыто. Ее бросило в жар от этой мысли. Лживые, уродливые глаза. Миа всегда видела людей изнутри. Сейчас она насквозь видела его, этого гладкого типа в костюме с галстуком, и он ей не нравился.

Ты должна пользоваться своим талантом, раз он у тебя есть! Ты что, не понимаешь? Ты должна им пользоваться, и это именно то, для чего он тебе пригодится!

Больше она не будет пользоваться им. Никогда и ни для чего. Эта мысль успокоила ее. Вообще она стала очень спокойной с тех пор, как приехала сюда. На остров Хитра. Риелтор молодец. Она почти послала ему мысленный привет.

Миа Крюгер поднялась с камня и пошла по тропинке к дому. Пора выпить. Она не знала, сколько сейчас времени, но уже пора. Она купила дорогое вино, заказала его заранее. Какая-то нелепость: зачем наслаждаться дорогим алкоголем, если осталось так мало времени? С другой стороны, почему бы и нет? Почему одно, почему другое? Она давно перестала думать о таких вещах. Открыла бутылку «Armagnac Domaine de Pantagnan» 1965 года и налила себе три четверти чайной чашки, стоявшей немой на кухонном столе. Арманьяк за 800 крон из

немытой чашки. *Думаешь, мне есть дело?* Она улыбнулась самой себе, достала еще таблеток из кармана и снова спустилась к камню.

И снова послала мысленный привет риелтору с неестественно белыми зубами. Если бы ей нужно было место для жизни, этот дом вполне подошел бы. Воздух, вид на море, покой под белыми облаками. Она никогда не испытывала симпатии к области Трэнделага, но этот островок понравился ей сразу. Здесь были олени. Бессчетное множество оленей. Это очаровало ее: олень представлялся ей в других местах – на Аляске или в фильмах. Но красивый зверь, которого непременно застрелят, был здесь. Миа Крюгер научилась стрелять в академии, но никогда не любила оружие. Нельзя играть с оружием, им нужно пользоваться только в случае крайней необходимости, а лучше – никогда. Сезон охоты на оленей продолжался на Хитра с сентября по ноябрь. Однажды по пути в аптеку она увидела компанию молодежи – они пытались привязать тушу оленя к машине. В феврале, когда охотиться запрещено. На мгновение она подумала остановиться, записать их имена и выписать им заслуженный штраф, но сдержалась.

Однажды полицейский – навсегда полицейский?

Теперь уже нет. Больше никогда.

Осталось двенадцать дней. Восемнадцатое апреля.

Она допила арманьяк, откинула голову назад и закрыла глаза.

Холгер Мунк, обливаясь потом, стоял в зале прилетов в аэропорту Вернес и ждал свою арендованную машину. Самолет, как обычно, задержался из-за тумана в Гардермуэне, и Холгер снова подумал о следователе Яне Фредрике Виборге, который якобы совершил самоубийство после того, как раскритиковал планы расширения главного аэропорта из-за погодных условий. Даже теперь, спустя восемнадцать лет, Мунка не оставляло в покое это дело: взрослый человек выпрыгнул из маленького окна в отеле, без причины, прямо перед тем как Стортинг^[1] принял решение расширить аэропорт? И почему ни датская, ни норвежская полиция не захотели тщательно проработать дело?

Он отбросил эту мысль, когда светловолосая девушка за стойкой «Eurocar» кашлянула в знак того, что подошла его очередь.

– Мунк, – сказал он сухо. – Машина должна быть уже заказана.

– Ах, да, так это у вас будет новый музей в Осло? – подмигнула девушка в зеленой униформе.

Мунк не сразу понял шутку.

– Или вы все же не художник? – улыбнулась она, быстро печатая на компьютере.

– Что? А, нет, не художник, – сухо ответил он. – Даже не родственник.

Будь я художником, я бы тут не стоял, подумал Мунк в тот момент, когда девушка протягивала ему бумагу на подпись.

Холгер Мунк ненавидел летать, поэтому настроение у него было не лучшим. Не потому, что он боялся падения самолета. Его хобби была математика, и он точно знал, что вероятность падения самолета меньше, чем шанс попасть под удар молнии два раза в один день. Нет, он ненавидел летать, потому что ему с некоторых пор было тесно на сиденье.

– Ну вот, – девушка в зеленой униформе улыбнулась и дала ему ключи. – Просторная хорошая «Вольво V70», оплачена, время аренды не ограничено, вы можете сдать ее где и когда хотите. Хорошей поездки.

Просторная? Это была еще одна шутка, или она так решила его успокоить? Вот вам большая машина, где вам хватит места, а то вы такой толстый, что не видите своих ботинок.

Холгер Мунк бросил взгляд на свое отражение в одном из больших окон по пути из зала прилетов к парковке. Наверно, уже пора. Пора начать тренироваться. Следить за питанием. Сбросить пару килограммов. Он начал думать об этом в последнее время по нескольким причинам. Он давно уже не бегал по улицам за преступниками, для этого были подчиненные, так что причина не в этом. В последние недели у Мунка немного разыгралось тщеславие.

Боже, Холгер, новый свитер? Боже, Холгер, новая куртка? Боже, Холгер, ты сбрил бороду?

Он завел «вольво», поставил свой телефон на подставку и включил его. Только успел пристегнуться и поехать в сторону центра, как начали приходить сообщения. Холгер вздохнул. Всего час с выключенным телефоном, и вот, все заново. Никогда не оставят в покое. На самом деле не только самолет так испортил его настроение. В последнее время многое накопилось. И дома, и на работе. Холгер водил пальцем по экрану смартфона, который его обязали купить. Современная полиция, новейшие технологии – даже в Хёнефоссе, где он провел последние восемь месяцев. Отделение полиции Рингерике. Именно там он начал свою карьеру, и вот он снова оказался там. Из-за происшествий у Трюванна.

Семь пропущенных из главного офиса. Два от бывшей жены. Один от дочери. Два из дома престарелых. И миллион сообщений.

Холгер Мунк решил, что мир немного подождет, и включил радио. Нашел станцию с классической музыкой, опустил окно и зажег сигарету. Курение было его единственной вредной привычкой, не считая еды, разумеется, но это совсем другое дело. Он не собирался бросать курить, сколько бы новых законов ни принимали политики и сколько бы запрещающих курение табличек ни стояло на его пути – как, например, на приборной доске этой машины.

Без сигареты не получалось думать, а думать Холгер Мунк любил. Напрягать мозги. Тело существует, пока работает мозг. По радио играли «Мессию» Генделя, не самая любимая у Мунка, но вполне подходящая моменту. Ему больше нравился Бах, он любил математичность в музыке, а не всех этих чувственных композиторов.

Арийские военные марши Вагнера, импрессионистский эмоциональный мир Равеля. Мунк слушал классику, чтобы избежать человеческих чувств. Если бы музыка была математическим предметом, было бы намного проще. Он быстро провел пальцем по обручальному кольцу и подумал о бывшей жене. Уже десять лет прошло, а он все еще не может его снять. Она звонила? Может быть, и правда она?

Да нет. Снова про свадьбу. У них есть общая дочь, Мириам. Она собирается замуж, и нужно обсудить техническую сторону дела. Вот и все. Холгер Мунк выбросил окурочек в окно и зажег новую сигарету.

Я не пью кофе, не пью алкоголь. Черт с ним, могу я хотя бы выкурить сигарету?

Он напился всего один раз, в четырнадцать лет, самодельным отцовским вином из вишни, в деревне. С тех пор он ни разу не пил. Не было потребности. Не было желания. Разрушать мозговые клетки? Как такое в голову может прийти? Вот сигареты – это другое дело. И, может быть, бургер?

Он свернул на заправку «Шелл» и, заказав меню дня с бургером и беконом, съел его на лавке с видом на фьорд Тронхейма. Если бы коллегам нужно было описать Холгера Мунка в трех словах, два из них, скорее всего, были бы «книжный червь». Третьим могло быть «умный» или, может быть, «слишком добрый». Но совершенно точно – книжный червь. Толстый добрый ботаник, никогда не пьющий алкоголь, любящий математику, классическую музыку, кроссворды и шахматы. Может, немного скучный, но отличный следователь и справедливый начальник. Он никогда не ходил пить пиво вместе со всеми и ни разу не встречался с женщиной с тех пор, как жена ушла от него к учителю из Хурума. Мунк был в отпуске два месяца в году, и ему никогда не приходилось вставать посреди ночи, не зная, куда ему нужно ехать. Ни у кого не было такого высокого процента раскрываемости дел, как у Холгера. Все знали и любили его. И тем не менее он вернулся в Хёнефосс.

Я не понижаю, а повышаю тебя. Можешь радоваться, что у тебя все еще есть работа.

В тот день в офисе Миккельсона в Грэнланд он чуть было не уволился, но передумал. А что ему оставалось делать? Стать охранником?

Холгер Мунк сел обратно в машину и поехал по шоссе Е6 в сторону Тронхейма. Снова закурил и последовал в объезд города, на юг. В машине был GPS-навигатор, но Мунк не стал включать его. Он и так знал дорогу.

Миа Крюгер.

Он с теплом подумал о своей старой коллеге, когда зазвонил телефон.

– Мунк слушает.

– Где тебя носит?

На том конце Миккельсон, возбужденный, как всегда на грани сердечного приступа. Как этот человек пережил десять лет в кресле начальника, оставалось загадкой для многих.

– Я в машине, а тебя где носит? – сухо ответил Мунк.

– Где конкретно? Ты уже доехал?

– Нет, не доехал, я только что приземлился, я думаю, ты в курсе.

Что тебе нужно?

– Я просто хотел проверить, что ты сделал то, о чем мы договорились.

– У меня с собой папка, и я думал отдать ее, если ты об этом, – вздохнул Мунк. – Неужели было так необходимо посылать меня сюда за этим? Почему не послать почтой? Можно было использовать местную полицию.

– Ты прекрасно знаешь, почему ты там, – ответил Миккельсон. – И я хочу, чтобы ты сделал то, о чем я тебя попросил.

– Во-первых, – Мунк вздохнул и выбросил бычок в окно, – я тебе ничего не должен. Во-вторых, я тебе ничего не должен. В-третьих, на тебе ответственность за то, что я больше не могу использовать свои мозги по назначению, так что можешь просто заткнуться. Знаешь, над чем я теперь работаю? Хочешь услышать, Миккельсон? Хочешь?

На том конце повисла тишина. Мунк посмеялся про себя.

Если и было что-то, что Миккельсон терпеть не мог, так это просить об услуге. Мунк знал, что сейчас Миккельсон раздражен, и радовался, что в этот раз старому шефу не удастся получить все, что он хочет, и придется передумать.

– Просто пусть это будет сделано.

– Есть, сэр, – Мунк отдал честь в машине.

– И нечего иронизировать, Мунк, перезвони мне, когда что-то появится.

– Хорошо. Ах да, еще кое-что.

– Что? – прорычал Миккельсон.

– Если она согласится, я снова переведусь в Осло. Больше никакого Хёнефосса. И я хочу обратно свой офис на Марибуэсгате. И свою старую команду.

Миккельсон замолчал на мгновение.

– Об этом даже речи быть не может, Мунк. Это совершенно ни к чему. Это...

Мунк улыбнулся и положил трубку прежде, чем Миккельсон закончил говорить. Зажег новую сигарету, снова включил радио и повернул в сторону Оркангеру.

Миа Крюгер уснула на диване, рядом с камином, завернувшись в плед. Она видела во сне Сигрид и проснулась с ощущением, что ее сестра-близняшка все еще рядом. Рядом с ней. Живая. Они вместе, как и было всегда. Сигрид и Миа. Миа и Сигрид. Как два стебелька из Осгордстранда, родившиеся с разницей в две минуты, одна светлая, другая темная, такие разные – и тем не менее такие похожие.

Миа хотела вернуться в сон, к своей Сигрид, но заставила себя встать и пойти на кухню. Немного поесть. Чтобы алкоголь не вышел обратно. Продолжая в том же духе, она могла умереть раньше времени, а это было совершенно не нужно.

18 апреля.

Осталось десять дней.

Нужно было продержаться еще десять дней. Миа заставила себя съесть два хлебца, подумала о стакане молока, но решила выпить воды. Два стакана воды и две таблетки. Из кармана штанов. Неважно какие. Сегодня – белая и голубая.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979. Умерла 18 апреля 2002.

Помним, любим, скорбим.

Миа Крюгер снова села на диван и стала ждать, когда таблетки подействуют. Ее тело онемело. Перегородка между ней и миром. Именно то, что ей сейчас нужно. Она не смотрела на себя три недели, и пришло время расплатиться за это. Душ. Ванная на втором этаже. Она избегала этого столько, сколько было возможно, – не хотела видеть себя в большом зеркале, которое предыдущий владелец дома повесил прямо за дверью ванной. Хотела даже найти отвертку. Убрать это убожество. Она чувствовала себя довольно плохо. Не хотела это признавать, но сил не было. Ни на что. Только таблетки. И алкоголь. Валиум, растекающийся по венам, маленькие улыбки в крови, сладостная защита от всех иголок, плававших внутри нее так долго. Она взяла себя в руки и поднялась по лестнице. Открыла дверь в ванную и была поражена увиденным в зеркале отражением. Это была не она. Кто-то другой. Миа Крюгер всегда была худой, но сейчас она

выглядела больной. Она всегда была здоровой. Всегда сильной. А теперь от нее почти ничего не осталось. Сняв свитер и джинсы, она осталась перед зеркалом в одном нижнем белье. Трусы висели на ней мешком. Вся масса с живота и бедер исчезла. Она аккуратно провела рукой по торчащим ребрам, ощутила их, посчитала. Заставила себя подойти ближе, вплотную, поймала собственный взгляд в ржавом серебре. Все всегда хвалили ее голубые глаза. Однажды ей кто-то сказал: «Ни у кого нет таких норвежских глаз, как у тебя, Миа». Она до сих пор помнила, как гордилась ими, *норвежскими глазами*, – это так красиво звучало. В какой-то момент ей даже не хотелось ничего менять в себе. Сигрид всегда была красивее нее – может быть, поэтому было так приятно слышать комплименты о глазах? Живые голубые глаза. Теперь от них мало что осталось. Они уже выглядели мертвыми. Без блеска и жизни, красные. Миа наклонилась к своим джинсам, достала две таблетки из кармана и проглотила их, не запивая. Снова встала перед зеркалом и попыталась выпрямить спину.

«Мой маленький индеец» – так обычно называла ее бабушка. Она вполне была похожа на индейца, кроме голубых глаз. Индеец. Из племени киова, или сиу, или апачей. Она обожала индейцев с детства и всегда была на их стороне. Ковбои плохие, а индейцы хорошие. *Как твои дела сегодня, Миа Лунный Свет?* Миа положила руку на свое отражение в зеркале и послала бабушке дружеский привет. Продолжая стоять, она посмотрела на свои длинные волосы. Мягкие угольно-черные волосы ниспадали на хрупкие плечи. Давно у нее не было таких длинных волос. Она начала коротко стричься еще в полицейской академии. Без всяких парикмахеров, дома, сама, просто брала ножницы и состригала. Чтобы показать, что ее не волновал ее внешний вид. Не волновала показуха. Она и косметикой не пользовалась. «Ты красива от природы, мой маленький индеец, – говорила бабушка, когда они сидели у камина дома в Осгортстранде. – Посмотри, какие у тебя красивые веки, какие прекрасные длинные ресницы! Видишь, что природа уже тебя украсила? Не переживай ни о чем. Мы украшаемся не для мальчиков. Они появятся, когда придет время». С бабушкой она была индейцем. А в школе – норвежкой. Идеальное сочетание. Вдруг ее бросило в жар – не все же мир и спокойствие от таблеток, иногда такое случается, ведь она никогда не следила, что с чем смешивала. Миа оперлась на стену одной рукой, пока ей не стало чуть лучше,

потом снова подняла взгляд, заставив себя постоять перед зеркалом еще немного. Посмотреть на себя. В последний раз.

Еще 10 дней.

18 апреля.

Она не особо размышляла о том, как это случится. Последнее мгновение. Будет ли больно. Будет ли трудно сделать последний шаг. Она не верила во все эти истории о том, как жизнь проносится перед глазами. Или, может, так и бывает? Это не очень-то важно. Вся история жизни Мии была видна в ее теле. Она видела жизнь в отражении зеркала. Индеец с норвежскими глазами. Длинные черные волосы, которые раньше всегда были коротко острижены, а теперь волнами спадали на ее худые плечи. Она убрала их за ухо и присмотрелась к шраму около левого глаза. Трехсантиметровая отметина, которая никогда не исчезнет. Подозреваемый в убийстве на допросе. Молодая девушка из Латвии найдена в реке Акерсэльва. Миа проявила слабость и невнимательность, не увидев ножа, но, к счастью, успела увернуться, иначе осталась бы слепой. Она ходила с повязкой на обоих глазах несколько месяцев – спасибо врачам больницы Уллевол, что сохранили зрение. Миа подняла левую руку перед зеркалом – на одном пальце не хватает фаланги. Еще один подозреваемый, небольшая ферма около Мосса, он выпустил вперед собаку. *Берегись собаки.* Ротвейлер метил вцепиться горло, но она успела выставить вперед руку. Она все еще чувствовала его зубы и панику, овладевшую ею, пока она не достала пистолет из кобуры и не застрелила разъяренную псину. Миа опустила глаза вниз, на татуировку в виде маленькой бабочки на бедре около резинки трусов. Это было в Праге, и ей было девятнадцать. Она познакомилась с одним испанцем, флиртowała с ним, они напились «Бехеровки», а наутро проснулись каждый со своей татуировкой. У нее была фиолетово-желтая с зелеными крапинками бабочка. Миа слабо улыбнулась. Сколько раз она хотела ее свести, забыть об idiotском юношеском поступке, но так и не сделала этого. А теперь это уже не имело никакого значения. Она погладила небольшой серебряный браслет на правой руке. Ей и Сигрид подарили по такому браслету на конфирмацию. Детский браслетик, с сердечком. И буквой. М на ее браслете и С – для Сигрид. В тот вечер, когда праздник закончился и

гости разошлись, они сидели в своей комнате в Осгордстранде, и тут Сигрид вдруг предложила поменяться.

Давай ты возьмешь мой, а я твой?

С того дня Миа никогда не снимала этот серебряный браслет.

Таблетки уносили ее все дальше, она уже почти не видела себя в зеркале. Тело ее стало похоже на далекое привидение. Шрам около глаза, отсутствующая фаланга на пальце. Чешская татуировка с бабочкой. Худые руки и ноги. Индианка с грустными голубыми почти неживыми глазами. Больше она была не в силах смотреть на все это, отвела взгляд и проскользнула в душ. Там она стояла под теплой водой так долго, что под конец она стала ледяной.

Она уклонилась от зеркала на выходе из ванной. Голой спустилась в гостиную и вытерлась перед незажженным камином. Зашла на кухню и налила себе новую порцию. Нашла новые таблетки в ящике. Впихнула их в себя, пока одевалась. Еще больше захотелось спать. Чиста снаружи, и скоро будет чиста изнутри.

Миа надела шапку и куртку и вышла из дома. Снова спустилась к морю. Села на камень и позволила глазам отдохнуть, глядя на горизонт. Какое пошлое клише... Откуда у нее взялось это? А, точно, это был фестиваль, фестиваль антинорвежских фильмов. Его организовали известные люди, считавшие, что норвежское кино нужно изменить. Мии очень понравился фильм, но она не была уверена, что норвежское кино изменится от того, что из него уберут эмоциональные сцены и море. Каждый раз, когда кто-то пытался изобразить полицейского в фильме, она так расстраивалась, что уходила из кинотеатра, сочувствуя бедному актеру, которому достались эти реплики и такой режиссер, что в итоге все вышло безвкусно. Нет, пусть будет больше сцен у моря. Миа Крюгер улыбнулась про себя и сделала глоток из бутылки. Как уже говорилось, если бы она не приехала сюда умирать, то вполне могла бы остаться здесь жить.

18 апреля.

Эта дата однажды внезапно пришла ей на ум, и с тех пор все наладилось. Сигрид нашли мертвой 18 апреля 2002 года, в подвале района Тейен в Осло, на гнилом матрасе, все еще с иглой в руке. Она даже не ослабила ремешок. Скончалась от передозировки. Через десять дней будет ровно десять лет, как это случилось. Маленькая милая красавица Сигрид умерла от передозировки героина в грязном

подвале. Всего через неделю после того, как Миа сама забрала ее из реабилитационной клиники в Валдресе.

О, в тот день Сигрид выглядела прекрасно. После четырех недель на свежем воздухе к ней вернулись румянец на щеках и смех. Они ехали в машине в Осло почти как раньше, смеялись и шутили вместе, прямо как в саду дома в Осгордстранде.

– Ты Белоснежка, а я Спящая красавица.

– Но я тоже хочу быть Спящей красавицей, почему я все время Белоснежка?

– Потому что у тебя темные волосы, Миа.

– Ах, поэтому?

– Да, поэтому. Ты раньше этого не понимала?

– Нет.

– Ты глупышка.

– Это же неправда?

– Да, неправда.

– Почему мы должны играть в Белоснежку и Спящую красавицу, ведь мы обе должны спать сто лет и ждать принца, это совсем не весело, и никого не будет рядом.

– О, он обязательно придет, вот увидишь, Миа, он придет.

В случае Сигрид принцем стал идиот из Хортена. Он посвятил себя музыке, у него даже была своя группа музыкантов, которые никогда не играли, а только сидели в парке, курили гашиш, иногда глотали спиды или кололись. Чертов тощий надутый неудачник. Миа не могла даже произнести его имени, от одной мысли о нем ее бросало в жар и перехватывало дыхание. Она пошла тропинкой вдоль скал, мимо лодочной пристани и присела на набережной. Там, в центре страны, она видела суету. Люди, которые занимались своими «людскими» делами. Сколько сейчас времени? Она прикрыла глаза рукой и взглянула на небо. Попробовала угадать – двенадцать или час, судя по солнцу. Сделала глоток из бутылки и ощутила эффект от таблеток, почувствовала, как они забирали ее чувства, делали ее равнодушной. Она свесила ноги с берега и повернула лицо к солнцу.

Маркус Скуг.

Сигрид было восемнадцать, этому идиоту двадцать два. Он переехал в Осло и стал зависать на Плата^[2]. Несколько месяцев спустя к нему присоединилась Сигрид.

Четыре недели реабилитации. Миа забирала сестру из клиники уже не в первый раз, но теперь все было иначе. Абсолютно новая мотивация. Не та улыбка наркоманки и бесконечная ложь, только чтобы поскорее выйти из клиники и получить новую дозу – нет, что-то новое появилось во взгляде Сигрид. Она выглядела уверенней, стала похожа на саму себя.

Миа так много думала о сестре за все эти годы, что чуть голову не сломала. Почему именно Сигрид? Потому что ей было скучно? Из-за мамы и папы? Только из-за этого чертова идиота? Типа, любовь?

Мама бывала строгой, но по делу. Папа бывал слишком добрым, но разве это имеет значение? Ева и Кюлле Крюгер удочерили близнецов сразу после их рождения. Это было заранее оговорено с матерью, та была молода, одинока, не могла и не хотела их растить. А для бездетной пары это был подарок с небес. Девочки были именно такими, о каких они мечтали, это было настоящее счастье.

Мама была учителем в школе Осгордстранда, у папы, торговца красками, был свой магазин в центре Хортена. Миа продолжала и продолжала искать семейные причины, которые могли объяснить, почему же Сигрид закончила свою жизнь наркоманкой, но так ничего и не нашла.

Маркус Скуг.

Это была его вина.

Всего через неделю после приезда домой из Валдреса. Им было так хорошо вместе в квартире на Вогтсгате. Сигрид и Миа. Белоснежка и Спящая красавица. Снова как стебельки одного растения. Миа даже взяла несколько отгулов на работе, первый раз за бог знает сколько времени. И вот, однажды вечером она нашла записку на столе.

Мне нужно поговорить с М.

Скоро вернусь. С.

Миа Крюгер поднялась на ноги и поплелась к дому. Ее уже немного шатало. Пока принять еще пару таблеток. И выпить.

Холгер Мунк устал за рулем и свернул с дороги, чтобы передохнуть. Он поставил машину на обочине и вышел размять ноги. Осталось ехать не так долго, всего несколько километров до тоннеля Хитра, но спешить было некуда. Человек, который перевезет его на лодке через фьорд, почему-то был свободен только после двух – Холгер не стал уточнять почему. Местная полиция никогда никуда не торопилась. У Мунка не было предрассудков о полиции в регионах, но он привык к совершенно другому темпу в Осло. Конечно, теперь в Хёнефоссе все иначе, но отделение Рингерике было уж точно не самым загруженным в стране. Мунк тихо выругался и с ненавистью подумал о Миккельсоне. Внутренние расследования, и что-то должно случиться после, он знал это, но тем не менее.

Мунк сел на лавку и закурил новую сигарету. В этом году весна рано пришла в Трёнделаг. Деревья тут и там уже зазеленели, а снег почти весь растаял. Не то что бы он знал, когда обычно приходит весна в Трёнделаг – он слышал об этом по местному радио, переключив с музыки на новости. Или им все еще удавалось держать известие в тайне, или какой-нибудь идиот из Грёнланда приберег его для жадного до сенсаций журналиста с толстым кошельком, но, к счастью, пока ничего. Ни слова о маленькой девочке, которую нашли повешенной в Маридалене.

Телефон звонил и пищал всю поездку, но Холгер не отвечал. Не хотел звонить или набирать смс в машине. Он расследовал множество дел, когда люди попадали в аварии, отвлекаясь на секунду. И потом, не было ничего срочного. Так хорошо немного побыть одному. Он не хотел признаваться в этом самому себе, но порой было тяжело. Вся эта работа. Еще и домашние дела. Он не имел ничего против того, чтобы навещать свою мать в доме престарелых. Или чтобы помогать дочери с приготовлениями к свадьбе. Или чтобы проводить время с Марион, маленькой внучкой, которой только недавно исполнилось шесть. Но все равно, было что-то лишнее.

Он и Марианне. Он словно никогда и не думал, что их отношения могут быть другими. И даже теперь, спустя десять лет, он чувствовал, что что-то в нем сломалось так, что больше уже не починится.

Мунк отбросил от себя эти мысли и проверил телефон. Еще два неотвеченных от Миккельсона, понятно насчет чего, перезванивать не было нужды. Еще одно сообщение от Мириам, его дочери, как всегда, короткое и безличное. Несколько звонков от Марианне, бывшей жены. Вот черт, он забыл позвонить в дом престарелых. Ведь сегодня среда. Он должен был сделать это еще до того, как сел в машину. Нашел номер, встал и немного потянулся.

– Дом престарелых Хёвиквейен, добрый день, меня зовут Карен, чем могу помочь?

– Здравствуйте, Карен, это Холгер Мунк.

– Добрый день, Холгер, как ваши дела? – ответил мягкий голос на другом конце, Мунк покраснел, он ожидал услышать голос постарше.

Боже, Холгер, новый свитер? Боже, Холгер, новая куртка? Боже, Холгер, ты сбрил бороду?

– Вполне неплохо, – ответил Мунк. – Но, к сожалению, я должен попросить вас еще об одной услуге.

– Конечно же, Холгер, о чем речь, – рассмеялась женщина в трубке.

Они были шапочно знакомы уже пару лет. Карен. Одна из сотрудниц дома престарелых, где его мать сначала отказывалась жить, но теперь успокоилась.

– Снова среда, – вздохнул Мунк.

– И вы не успеете?

– К сожалению, нет, – ответил Мунк. – Я в отъезде.

– Понимаю, – сказала Карен со смешком. – Я узнаю, сможет ли кто-то отвезти ее, если нет, закажу такси.

– Я заплачу за него, естественно, – быстро ответил Мунк.

– Никаких проблем.

– Большое спасибо, Карен.

– Рада помочь. Холгер, а в следующую среду вы успеете?

– Да, должен успеть.

– Хорошо, тогда увидимся в среду?

– Да, скорее всего, – сказал Мунк. – Еще раз спасибо и передавайте ей привет от меня.

– Передам.

Мунк положил трубку и снова присел на лавку.

Почему бы не пригласить ее куда-нибудь? Что страшного может случиться? На чашку кофе? В кино?

Он быстро отбросил эту мысль, когда на телефон пришел мейл. Мунку не нравилось, что в этих новых телефонах все собрано в одном месте – никакого покоя. Правда, на этот раз полученное сообщение его обрадовало. Открыв почту, он улыбнулся и прочел новую задачку от Юрия из Белоруссии, с которым Мунк познакомился несколько лет назад в интернете. На форум math2.org собирались все ботаники мира. Юрий – профессор из Минска, шестидесяти с чем-то лет. Холгер не решился бы назвать его другом, ведь он никогда не видел его вживую, но они часто обменивались письмами и поддерживали спорадическую связь. Обсуждали шахматы и иногда устраивали общие разминки мозга, примерно как сейчас.

Вода затекает в бак. Объем воды увеличивается в два раза каждую минуту. Бак наполняется за час. Сколько времени потребуется, чтобы наполнить бак наполовину? Ю.

Мунк зажег новую сигарету и подумал немного, прежде чем ответить. Забавно. Ему нравился Юрий. Холгер даже подумывал съездить навестить его. Он никогда не был в Белоруссии, почему бы не встретиться с человеком из интернета? У него было много знакомых с форума: mrmischigan40 из США, margrete_08 из Швеции, Birrrdman из Южной Африки. Любители шахмат и математики, но прежде всего – такие же люди, как он, почему бы и нет? Съездить, познакомиться с новыми людьми, должно же получиться? Не слишком ли он стар? И когда он последний раз выезжал куда-то? Он увидел свое отражение в экране телефона и положил его на лавку перед собой.

Пятьдесят четыре. Он не ощущал себя на этот возраст. Ему казалось, он много старше. Он постарел лет на десять только в тот день, когда Марианне рассказала ему про учителя из Хурума. Он пытался отнестись к этому спокойно. Он даже понимал это глубоко внутри себя. Долгие дни на работе вместе с общим ощущением отсутствия даже в те редкие дни, когда он бывал дома. В конце концов, это должно было привести к каким-то последствиям, но почему сейчас, вот таким образом? Она была абсолютно расслаблена, как

будто подготовилась к этой речи заранее. Они встретились на занятиях. Потом общались. Чувства росли. Они встречались несколько раз тайком, но она больше не хочет скрывать. Мунк не смог сдержаться. Мунк, который, никогда ни на кого не поднял руки, швырнул тарелку об стену. Кричал и бегал за ней по дому. Ему до сих пор стыдно. Мириам в слезах выбежала из своей комнаты. Тогда ей было пятнадцать, сейчас двадцать пять, и она выходит замуж. Пятнадцать лет, и на стороне своей матери. Неудивительно. Сколько времени он был дома с ними за все эти годы?

Ему не хотелось отвечать на сообщение Мириам, такое холодное и краткое, как символ их отношений. Теперь еще нужно думать и об этом, как будто папки, лежавшей у него в машине, было недостаточно.

Сможешь добавить еще пару тысяч? Мы решили пригласить племянников. М.

Свадьба. «Конечно», – написал он и добавил смайлик, но сразу же удалил его. Он смотрел, как сообщение отправляется, и думал о Марион, своей внучке. Мириам сказала ему сразу после родов, что все еще не уверена, заслужил ли он общение с малышкой. К счастью, она передумала. Теперь он ждал встреч с Марион больше всего. Время, проведенное с ней, было лучом света в той темноте, которая окружала его после переезда в Хёнефосс.

После развода он оставил дом Марианне. Это было единственно верным решением, чтобы избавить Мириам от переезда прочь от школы, друзей и гандбола. Он же купил себе маленькую квартиру на Бислетт, рядом с работой. После переезда он сохранил квартиру и сейчас жил в небольшой однушке на Рингвейен, недалеко от отделения полиции Хёнефосса. Все еще с неразобранными коробками вещей. Он взял с собой немного, ожидая скорого возвращения в столицу, когда закончит дело, но теперь, спустя два года, он так и продолжал жить, не распаковывая вещи, не чувствуя себя дома ни там, ни тут.

Прекрати себя жалеть. Полно людей, которым намного хуже.

Мунк затушил сигарету и переместил мысли в папку, лежавшую в машине. Шестилетняя девочка найдена повешенной на дереве в Маридалене случайным прохожим. Давненько он не видел таких дел. Неудивительно, что они бились над этим в Грэнланде.

Он снова взял телефон и отправил Юрию ответ.

59 минут;) ХМ

Мунк не хотел признавать, но от этой папки у него по спине бежали мурашки. Он завел машину, повернул обратно на шоссе и поехал на восток к Хитра.

Человек с татуировкой орла на шее надел свитер с высоким горлом по такому случаю. В прежние времена ему нравился центральный вокзал Осло, толкучка была идеальным местом для человека его профессии. Но теперь везде понаставили камер слежения, и спрятаться практически негде. Уже давно он переносит свои встречи и операции на другие площадки: кинозалы, закусочные – в общем, те места, где легко остаться незамеченным, если, конечно, операция не крупная. Он давно не работал в больших масштабах, но все равно, лучше соблюдать осторожность.

Человек с татуировкой орла на шее надвинул шапку на лицо и вошел в здание вокзала. Место выбрал не он, но сумма была настолько велика, что он просто последовал указанию. Он понятия не имел, как покупатель нашел его, просто получил ММС с фотографией, заданием и суммой. И сделал все как обычно, хорошо и без лишних вопросов. Без сомнения, это странное задание, он ни разу не делал ничего подобного, но, как уже было сказано, за все годы работы он хорошо научился одному – никогда не спрашивать, а просто выполнять работу и получать плату. Так он и справлялся со всем и все еще имел вес в том, теневом мире. Хотя заданий было все меньше, а суммы все скромнее, но иногда случалось и дело покрупнее, на котором можно неплохо заработать. Такое, как это. Станный запрос, очень необычный, но хорошо оплачиваемый, и это было именно то, что нужно, – получить деньги.

Костюмный пиджак, хорошие брюки, светлые ботинки, дипломат, свитер с горлом и даже пара фальшивых очков. Человек с татуировкой орла выглядел полной противоположностью самому себе, в этом и был смысл. С его профессией никогда не знаешь, когда появится полиция и проведет обыск, поэтому лучше обезопасить себя. Он выглядел, как бухгалтер или любой другой офисный служащий. Хотя в это и трудно поверить, человек с татуировкой орла был довольно тщеславен. Ему не хотелось, чтобы его приняли за какого-то выпендрейника из элиты. Ему нравился его грубый вид, татуировки и кожаная куртка. В этих же брюках было тяжело ходить, и он чувствовал себя идиотом. Сковывающий движение пиджак и дурацкие блестящие ботинки.

Сейчас так должно быть. Сумма, ждавшая его в одной из камер хранения, того стоила. На все сто процентов. Он был на мели вот уже некоторое время, и деньги были нужны. Праздник – вот что он себе устроит. Улыбнувшись про себя, он спокойно прошел через вокзал.

Первое сообщение пришло около года назад, и с тех пор было еще несколько. ММС с фото и суммой. Сначала он подумал, что это какая-то шутка, настолько странным и особенным был запрос, но он все равно выполнил его. И получил оплату. Так же и в следующий раз. И еще раз. Каждый раз было одно и то же.

Он остановился у киоска «Нарвесен», купил газету и пару пачек сигарет. Самый обычный день по пути с работы домой. Ничего примечательного в этом бухгалтере. Он положил газету под мышку и прошел дальше к камерам хранения. Встал около входа и набрал сообщение:

Я на месте

Немного подождал ответа. Как обычно, он пришел быстро. Номер камеры хранения и код доступа. Он осторожно огляделся пару раз, прежде чем спуститься к ячейкам и найти нужную. Удобное новшество вокзала Осло – больше никаких ключей из рук в руки. Все, что нужно, – это код. Человек с татуировкой орла набрал цифры на клавиатуре и услышал звук открывшейся ячейки. Как всегда, там лежал коричневый конверт. Он вынул его и попытался не осматриваться, вести себя наименее подозрительно перед камерами наблюдения. Открыл дипломат и быстро убрал в него конверт. Он с улыбкой заметил, что на этот раз конверт был много толще. Последнее задание. Пора получить окончательную оплату. Он отошел от камер хранения, поднялся вверх через холл, зашел в «Бургер Кинг» и заперся в туалете. Он открыл дипломат и достал конверт, уже не в состоянии терпеть. Увидев, что внутри, он ухмыльнулся про себя. Там лежала не только оговоренная сумма денег, в купюрах по двести крон, как он всегда просил, но и небольшой пакетик белого порошка. Человек с татуировкой орла открыл пакетик, аккуратно попробовал содержимое и улыбнулся еще шире. Он понятия не имел, кто давал ему эти задания, но он явно имел связи и был информирован. Те, кто был знаком с нашим героем, знали о его пристрастии к порошку.

Он отправил привычное сообщение:

ОК. Спасибо

Обычно он не благодарил, это ведь чистый бизнес и ничего личного, но в этот раз решил отправить, за повышенную плату и все такое. Через несколько секунд пришел ответ:

Развлекайся.

Человек с татуировкой орла с улыбкой убрал конверт в дипломат и пошел обратно в здание вокзала.

Миа Крюгер сидела на камне у берега, в белой шапке поверх вороных волос, укутавшись в плед. Была середина дня. В аптеке она услышала, как кто-то говорил, что весна в Трэнделаг в этом году пришла рано, но Мии все еще было холодно, и она не ощутила тепла, о котором говорили.

Осталось шесть дней. Шесть клеточек в календаре на кухне. Она почувствовала нетерпение.

Смерть не так страшна.

В последнее время это все прочней укоренялось в ее голове. Сохранять спокойствие. Знать, что скоро ее не станет. Она нашла пару таблеток в кармане куртки и запила их водой из бутылки. Миа улыбнулась про себя и посмотрела вдаль на море. Рыболовное судно скользило мимо вдоль горизонта. Апрельское солнце раскрашивало облака, отражаясь в воде около берега. В последние дни она много думала. О своих близких или о тех, кто ими был. Теперь осталась только она, а скоро и ее не станет. На этой планете. В этой реальности, как сказала бы бабушка. Миа улыбнулась и сделала еще глоток.

Сигрид всегда была всеобщей любимицей. Сигрид со светлыми длинными волосами. Умница в школе. Играла на флейте и в гандбол и дружила со всеми. Миа никогда не имела ничего против внимания, которое получала Сигрид. Сигрид никогда не использовала это внимание в дурных целях, ни разу не сказала плохого слова кому-либо или о чем-либо. Сигрид была просто-напросто невероятной. Но было очень здорово, когда бабушка отводила Мию в сторону и говорила, что та особенная:

Ты совершенно особенная, понимаешь? Другие дети тоже хорошие, но ты все знаешь, Миа, не правда ли? Ты видишь то, что другие не замечают.

Хотя бабушка и не была ей родной, Миа всегда чувствовала, что у них есть что-то общее. Какая-то связь. Может потому, что они были похожи внешне. Или потому что бабушка относилась к ней почти как к другу, сообщнику в том, *чтобы быть другими*. Бабушка рассказывала Мие все возможное о своей жизни, всегда называя вещи своими именами. Что у нее было много мужчин, и что их не стоит бояться –

мужчины на самом деле как маленькие безобидные кролики. И что она может предсказывать будущее, что существуют другие реальности, поэтому не нужно бояться смерти. Это все христианство, говорила бабушка, трактует смерть как нечто отрицательное, чтобы мы ходили и боялись их бога, смерть – это ад или рай, но в любом случае конец всего, по их мнению. Но знаешь что, Миа, бабушка не уверена в том, что смерть – это конец всего. Во всяком случае, я ее не боюсь.

Дома в Осгордстранде злые языки прозвали бабушку ведьмой, но ее это мало беспокоило. Миа прекрасно понимала, что люди имели в виду: седые волосы вместе с сине-черными глазами делали бабушку непохожей на других. Она часто громко говорила в магазине о странных вещах или сидела в саду всю ночь, смотря на луну и смеясь сама с собой. Она умела делать то, что в Средневековье называли бы ведьминскими проделками, и взяла Мию к себе как свою маленькую ученицу.

Миа чувствовала, что ей повезло. Она выросла в спокойном окружении. С доброй мамой и замечательным папой, и с бабушкой, живущей в нескольких домах от них. С бабушкой, которая видела ее по-настоящему и называла ее особенной.

Легкой походкой, Миа, помни, легкой походкой.

Последние перед смертью слова бабушка сказала, подмигнув своему особенному другу. Миа подняла бутылку к облакам.

Смерть не страшна.

Осталось шесть дней.

От таблеток ее начало клонить в сон. Миа Крюгер приняла еще несколько и прилегла на камень.

Ты совершенно особенная, Миа, понимаешь?

Может, поэтому она и выбрала полицейскую академию? Чтобы делать что-то абсолютно иное? Она думала и об этом в последние дни: почему она сделала такой выбор? Но пазл уже не складывался до конца. Время сдвинулось. В ее голове все изменилось. Сигрид уже больше не была той маленькой светлой Сигрид, она стала наркоманкой Сигрид, настоящим кошмаром. Мама и папа как будто умерли внутри, были удалены из мира, друг от друга, от нее. Миа переехала в город, попыталась взять пару курсов в Блиндерне^[3], без энтузиазма, она даже не смогла прийти на экзамен. Может быть, это полицейская академия выбрала ее? Чтобы она очистила мир от таких, как Маркус Скуг?

Миа встала и, пошатываясь, пошла по набережной. Осушила бутылку и положила ее в карман куртки. Нашла еще пару таблеток и приняла их без заправки. Место чаек занял рыбацкий корабль, и единственным звуком остался спокойный шум волн.

Она выстрелила в него.

В Маркуса Скуга.

Два раза. Прямо в грудь.

Все произошло по чистой случайности. Они были на другом деле. Пропала девочка, и специальный отдел позвали все разноухать. Как говорил Холгер, *у нас не так много на повестке дня, Миа, поэтому пойдем, разноухаем это дело.*

Холгер Мунк. Миа с теплотой подумала о своем старом коллеге и уселась на край набережной, свесив ноги к воде. Все было так странно. Она убила человека, но не мучилась угрызениями совести. Совесть больше мучила ее из-за всего того, что случилось после. Грэнланд, Холгер Мунк, руководивший отделом, взявший ее из полицейской академии на работу, был переведен на другой участок. Специальный отдел закрыли. В глубине души она чувствовала, что это причинило боль – Холгер заплатил за то, что сделала она. Но само убийство не вызывало у нее беспокойства. Они шли по следу к озеру Трюванн, несколько джанки или хиппи – их всегда трудно отличить по телефону – так или иначе, кто-то припарковал свой трейлер, шумел и что-то праздновал. Холгер считал, что в этом месте нужно поискать пропавшую девочку. И они на самом деле нашли девочку, хоть и не ту, с бесцветными глазами и с иглой в руке, в этом грязном трейлере. А вместе с ней как из ниоткуда появился Маркус Скуг. И Миа, как справедливо записали во внутреннем отчете расследования, действовала *непреднамеренно, превысила полномочия, без необходимости.*

Миа затрясла головой от своей аморальности. Холгер Мунк был на ее стороне и сказал, что Скуг напал на нее первым, кроме того, на месте были найдены нож и топор. Но Миа знала, как все произошло на самом деле. Конечно же, она была достаточно тренирована, чтобы выстоять против ножа или топора в руках тощего джанки. Она могла выстрелить ему в ногу. В руку. Но не сделала этого. Она убила его. Мгновенная ненависть, когда весь остальной мир просто исчез для нее. Два выстрела прямо в грудь.

Если бы не Холгер Мунк, ее бы посадили. Она достала пустую бутылку из куртки, вылила в себя последние капли и снова подняла ее к облакам. Это уже не имеет никакого значения. Теперь все закончилось.

Наконец-то.

Осталось шесть дней.

Она поджала ноги, прислонилась щекой к грубой доске набережной и закрыла глаза.

Тобиас Иверсен закрыл брату уши руками, чтобы тот не слышал шум с первого этажа. Обычно шуметь начинали в это время дня, когда мама приходила с работы и обнаруживала, что отчим не сделал то, что его просили. Приготовить еду для мальчиков. Убраться в доме. Найти работу. Тобиас не хотел, чтобы младший брат слышал все это, и придумал игру.

Я закрываю тебе уши, а ты говоришь то, что видишь в своей голове, хорошо?

– Красный грузовик с пламенем, – улыбнулся братик, а Тобиас кивнул и улыбнулся в ответ – давай, продолжай.

– Рыцарь борется с драконом, – засмеялся братик, и Тобиас снова кивнул.

Шум снизу усиливался. Крики заползали наверх по стенам и под кожу. Тобиас не мог вынести, что последует за этим – они будут кидать предметы об стены и кричать еще громче, а может и чего похуже. Поэтому он решил взять брата на улицу. Он сказал ему на ухо:

– Пойдем, постреляем буйволов?

Братишка улыбнулся и с готовностью закивал.

Стрелять буйволов. Бегать по лесу и играть в индейцев. Ему очень хотелось. Здесь было не так уж и много других детей, поэтому Тобиас с братом привыкли проводить время вместе, несмотря на то, что Тобиасу тринадцать, а брату семь. В доме не получалось быть подолгу, поэтому в основном они гуляли на улице.

Тобиас помог брату надеть куртку и ботинки, напевая и притоптывая по лестнице, ведущей на выход. Братишка посмотрел на него своими большими глазами. Он привык, что брат все время подшучивал над ним, издавая эти странные звуки, и считал это классным. Он очень любил старшего брата и обожал участвовать во всяких странных затеях, которые тот придумывал.

Тобиас зашел в сарай, взял кусочек веревки и ножик, а младший брат побежал вперед в сторону леса. У них там было секретное место, поэтому отпускать его вперед было неопасно, и он мог бежать по поляне среди елей, к временной хижине, которую они смастерили вместе.

Когда они пришли к ней, брат сразу же уселся на старый матрас, нашел комикс и стал рассматривать картинки вместе с красивыми новыми буквами и словами, которые, приложив немало усилий и с помощью старшего брата, он начал читать.

Тобиас достал нож, нашел подходящую ивовую лозу, срезал ее у корня и очистил от коры в середине. Там будет ручка. Хвататься удобнее, когда снимешь кору и дашь дереву немного подсохнуть. Он разложил иву на коленях и прикрепил веревку к ее концам. Отложив готовый лук, он пошел поискать материал для стрел. Это не обязательно должна быть ива, подойдет любое дерево, кроме ели – у нее слишком хрупкие ветки. Тобиас вернулся с ветками, прямыми и тонкими, и стал очищать их от коры. Скоро рядом с ним уже лежали четыре готовые стрелы.

– Тобиас, что тут написано?

Брат плелся назад к хижине, держа перед собой журнал.

– Криптонит, – объяснил Тобиас.

– Супермен его не переносит, – кивнул брат.

– Совершенно верно, – ответил Тобиас и вытер брату нос рукавом свитера.

– Думаешь, этот хорошо получится?

Тобиас встал и приставил стрелу к луку. Натянул веревку и выпустил стрелу вперед между елей.

– Круто, – завизжал братишка. – Сделаешь еще один для меня?

– Этот и есть для тебя, – подмигнул Тобиас.

Братик раскраснелся и развеселился. Он натянул тетиву изо всех сил, и стрела пролетела несколько метров. Взглянул на Тобиаса, тот кивнул: хороший выстрел, – и пошел за стрелой.

– Может быть, постреляем в христианских девочек? – спросил брат, когда вернулся.

– Что ты имеешь в виду? – удивился Тобиас.

– Ну, те христианские девочки, которые поселились в лесу! Может, постреляем в них?

– Мы не стреляем в людей, – сказал Тобиас, решительно взяв брата за руку. – И откуда ты знаешь о них?

– В школе кто-то рассказал. Что они живут в нашем лесу и едят людей.

Тобиас посмеялся про себя.

– Да, кто-то живет в лесу, – улыбнулся он. – Но они не опасны и уж точно не едят людей.

– Почему они не ходят в нашу школу? – спросил брат, широко раскрыв глаза. – Если они тут живут.

– Точно не знаю. Думаю, у них есть своя школа.

Братишка посерьезнел.

– Это же очень хорошо. Раз уж они не хотят ходить в нашу.

– Вероятно, – подмигнул Тобиас.

– Ну, где будем стрелять буйволов сегодня? – продолжил он, и погладил брата по волосам. – Около озера Рундванн?

– Вероятно, – кивнул малыш, пытаясь казаться взрослым. – Вероятно, я хочу туда.

– Тогда туда и пойдем. Сможешь поднять стрелу, которую я выпустил первой, найдешь ее?

Брат кивнул.

– Вероятно, я найду ее, – сказал он с хитрой улыбкой и побежал вперед между деревьев.

Холгер Мунк чувствовал себя не лучшим образом, сидя в моторной лодке на пути из Хитра на еще меньший островок поблизости. Нет, он не страдал от морской болезни, Мунк очень любил бывать в море. Дело в том, что он только что говорил по телефону с Миккельсоном. Тот внезапно стал очень странным, без обычной для него напускной суровости, он говорил почти смиренно, пожелал Мунку удачи и выразил надежду, что все получится. Сказал, что сейчас очень важно объединиться всему отделу – речь его была пустой эмоциональной болтовней. Это так не похоже на Миккельсона, и Мунку это не нравилось. Очевидно, что-то случилось. Что-то, о чем Миккельсон не хотел говорить Мунку.

Мунк укутался в куртку и попробовал прикурить сигарету, пока корабль тихо плыл по фьорду. Парень с взъерошенными волосами, управлявший лодкой, был явно не полицейским, а каким-то волонтером. Мунк так и не понял, почему нельзя было отвезти его до двух часов, да он и не стал спрашивать об этом. Он коротко поздоровался с парнем на набережной, спросил, знает ли он, где находится остров, на что тот кивнул и показал на него. Всего-то пятнадцать минут на лодке. Старый дом Ригмур, она жила там с сыном, но потом сын уехал в Австралию, скорее всего, к женщине, и Ригмур ничего не оставалось, как переехать на главный остров, а маленький с домом продали какой-то девушке с востока Норвегии. Никто особо ничего о ней не знал, видели ее пару раз на пути в аптеку – красивая девушка лет тридцати, длинные черные волосы, всегда в солнечных очках – это же то место, куда вам нужно?

Последний вопрос парень прокричал под шум мотора лодки, но Холгер Мунк, не вымолвивший ни слова с момента прибытия на набережную, продолжал молчать. Он просто решил дать парнишке возможность поболтать, пока сам уже в третий раз пытался, прикрываясь ладонью от ветра, зажечь сигарету, но безуспешно.

Когда они приблизились к острову, небольшая тошнота после разговора с Миккельсоном испарилась. До него дошло, что он наконец увидит Мию снова. Он скучал по Мии. Последний раз они виделись почти год назад. В доме отдыха. Или в сумасшедшем доме, или как там

это называется теперь. Она была сама не своя, он практически не смог с ней пообщаться. Пытался наладить контакт, звонил и писал мейлы несколько раз, но все без ответа. Когда он увидел перед собой красивый маленький остров, он понял, почему. Она не хотела, чтобы до нее добрались. Хотела быть одна.

Моторная лодка причалила к маленькой пристани, и Мунк сошел на землю, не с такой легкостью, как десять лет назад, но все же он был не в такой плохой форме, как думали другие.

– Мне подождать или вы позвоните, чтобы я довез вас обратно? – спросил молодой человек с взъерошенными волосами в надежде, что, может быть, ему удастся подождать и оказаться в центре событий, ведь здесь, на отдаленных островах, мало что интересного происходит.

– Я позвоню, – кратко сказал Мунк, отдав честь.

Он повернулся и посмотрел вверх, на дом. Постоял так некоторое время, пока не затих шум мотора уплывающей лодки. Это было удивительное место. У Мии есть вкус, без сомнений. Она выбрала идеальное место, чтобы спрятаться. Свой собственный маленький остров, расположенный далеко во фьорде. От пристани шла небольшая тропинка к маленькому идиллическому белому домику. Мунк в этом плохо разбирается, но выглядел он так, словно был построен в 50-ых или около того, возможно, дача, позже ставшая постоянным жильем. Миа Крюгер. Здорово будет снова ее увидеть.

Он вспомнил, как увидел ее в первый раз. Сразу после того, как создали специальный отдел, ему позвонил Магнар Иттре, давний коллега, а сейчас ректор полицейской академии. Мунк не разговаривал с Иттре уже много лет, но, несмотря на это, ни секунды не потратил на дежурные фразы. *Мне кажется, я нашел кое-кого для тебя*, сказал он гордо, словно маленький ребенок, показывающий родителям рисунок.

– Привет, Магнар, давно не слышал тебя. Что ты нашел?

– Я нашел кое-кого для тебя. Ты должен с ней встретиться.

Иттре говорил так быстро, что Мунк не успел расслышать все детали, но в общих чертах история была такова. Второкурсники полицейской академии получили тестовое задание, разработанное исследователями института психологии UCLA в Лос-Анджелесе. Тест с каким-то медицинским названием, которое Мунк не запомнил, заключался в следующем. Все студенты получили фото жертвы убийства вместе с другими снимками с места преступления. Их задача

была – назвать свои выводы и ассоциации, сказать, на что они обратили внимание, о чем подумали. Тест был проведен в неформальной обстановке, в духе небольшой игры, чтобы студенты не были под давлением и не знали, что это что-то важное.

– У меня нет точной статистики, но я никогда не видел подобного результата. Эта девушка – нечто совершенно особенное, – объяснил Иттре, все еще с гордостью и нетерпением.

Холгер Мунк встретился с ней в кафе – простая встреча около дома. Миа Крюгер. Двадцать с небольшим, белый свитер и узкие черные брюки, косо постриженные черные волосы и самые ясные голубые глаза, которые он когда-либо видел. Ему она сразу понравилась. Что-то было в том, как она себя вела, как разговаривала. Как ее взгляд реагировал на заданные вопросы. Как будто она видела, что он экзаменует ее, но все равно отвечала очень вежливо, с небольшой ухмылкой во взгляде – *вы думаете, я ничего не понимаю?*

Через несколько недель после этой встречи он забрал ее из академии, с разрешения Иттре, который уладил все с документами. Не было никакого смысла продолжать сидеть на школьной скамье. Эта девушка уже все умела.

Мунк улыбнулся про себя и пошел к дому. Входная дверь была открыта, но Мии нигде не было видно. Внезапно ему пришло в голову, что, несмотря на то, что они работали вместе много лет, он ни разу не был у нее дома. Он почувствовал себя незванным гостем и немного постоял в коридоре перед тем, как медленно сделать еще пару шагов вперед. Постучав в полуоткрытую дверь, он вошел в гостиную. Комната была скромно убрана: стол, старый диван, несколько венских стульев, камин в углу. Все вместе смотрелось немного странно, было не очень похоже на дом: никаких фотографий или личных вещей.

Может быть, он ошибся? И ее тут нет? Может, она пожила здесь недолго и уехала дальше, спряталась в другом месте?

– Эй, Миа?

Мунк прошел в кухню и выдохнул с некоторым облегчением. На столике у окна стояла кофемашина, одна из современных моделей, какие обычно стоят в кафе, а не в домах. Он слегка улыбнулся в бороду. Теперь он знал, что пришел куда нужно. У Мии Крюгер было не так много привязанностей, но то, без чего она не могла обойтись, – это хороший кофе. Сколько раз она приходила к нему в кабинет и

морщила нос, учуяв запах его кофе. *Как ты можешь пить это пойло, тебя не тошнит от него?*

Мунк подошел к столику и посмотрел на сияющую кофемашину. Она была холодная. Ее не использовали уже некоторое время. Это необязательно должно что-то значить. Миа все еще могла быть где-то поблизости. Но что-то действительно было не так. Он не мог точно сказать что. Он начал осматривать дом.

– Эй, Миа! Ты тут?

Миа Крюгер резко проснулась и села в кровати.

В доме кто-то есть.

Она не смогла вспомнить, как добралась до второго этажа, как разделась и легла спать, но теперь все это не имело никакого значения. В доме кто-то есть. Она услышала, как на кухне бутылки выпали из шкафа и разбились. Миа выбралась из кровати, натянула джинсы и футболку, открыла ящик с бельем и достала оттуда пистолет, маленький «Глок 17». Она не любила пистолеты, но глупить было нельзя. Босиком вышла из спальни, открыла окно в коридоре и вылезла на крышу. Миа ощутила холодный ветер на оголенных плечах и внезапно поняла, что уже проснулась. Ее так долго не было в реальности. Ей снилась Сигрид. Золотое пшеничное поле: Сигрид с развевающимися волосами мелькает, будто в замедленной съемке:

Пойдем, Миа, пойдем же.

Миа стряхнула с себя остатки сна, засунула пистолет за пояс, прыгнула с крыши и по-кошачьи мягко приземлилась на траву. Кто, черт его побери, это может быть? Здесь? В ее доме? Так далеко от цивилизации? Она прокралась за угол и бросила взгляд на окно гостиной. Никого. Медленно направилась к задней двери, заглянула в маленькое окошко – снова никого. Осторожно открыла дверь и задержалась на несколько секунд, прежде чем босиком зайти в коридор. У входа в гостиную она прижалась спиной к стене и задержала дыхание. Войдя в гостиную, она достала пистолет.

– Вот, значит, как ты встречаешь старого знакомого?

Холгер Мунк сидел на диване, положив ноги на стол, и улыбался ей.

– Чертов идиот, – с облегчением выдохнула Миа. – Я могла застрелить тебя.

– Ну, это вряд ли, – ухмыльнулся Мунк и поднялся. – Слишком маленькая мишень.

Он хлопнул себя по животу и рассмеялся. Миа положила пистолет на подоконник и подошла обнять старого коллегу. Только сейчас она почувствовала, что замерзла, босиком, почти без одежды, и что вчерашние таблетки все еще давали знать о себе. Инстинкт

самосохранения возобладал, дав ей силы, которых не было в теле. Завернувшись в плед, она устроилась на диване.

– Ты в порядке?

Миа кивнула.

– Я не хотел тебя пугать. Ты испугалась?

– Немного, – кивнула Миа.

– Извини, – сказал Мунк. – Я сделаю чаю, хочешь? Хотел приготовить кофе, но понятия не имею, как работает этот твой космический корабль.

Миа улыбнулась. Она давно не видела своего коллегу, но, кажется, он не изменился.

– Я с удовольствием выпью чая, – улыбнулась она.

– Две секунды, – усмехнулся Мунк и исчез на кухне.

Миа бросила взгляд на толстую папку, лежащую на столе. У нее не было доступа к телефону, интернету или газетам, но было несложно догадаться: что-то случилось там, снаружи, в большом мире. Что-то важное. Настолько важное, что Холгер Мунк сел сначала на самолет, затем в машину и наконец на паром, чтобы найти ее.

– Сразу перейдем к делу или хочешь немного поболтать?

Мунк улыбнулся и поставил чашку перед ней.

– Я больше не возьму на себя никаких дел, Холгер.

Миа покачала головой и сделала глоток.

– Да, это ясно, – вздохнул Мунк и опустился в одно из кресел. – Поэтому ты и прячешься здесь, на острове, я понимаю. У тебя и телефона нет? Непросто было тебя найти.

– В этом и смысл, – сухо ответила Миа.

– Понимаю, понимаю. Хочешь, чтобы я уехал?

– Нет, почему же, ты можешь остаться ненадолго.

Вдруг она почувствовала страшную усталость. Шаткость. Она раньше была такой спокойной и уравновешенной. Пощупала карман, но там было пусто. Да и нельзя было принимать ничего, пока Холгер Мунк здесь. А было бы так хорошо сейчас принять таблетку и запить чем-нибудь покрепче.

– Ну, что думаешь? – спросил Мунк, немного наклонив голову.

– О чем? – переспросила Миа.

– Хочешь взглянуть или нет?

Он кивнул в сторону папки, лежащей на столе между ними.

– Я думаю, что воздержусь, – сказала Миа и плотнее укуталась в плед.

– Хорошо.

Мунк достал телефон и набрал номер молодого человека с взъерошенными волосами.

– Это Мунк, я закончил дела на острове, сможете забрать меня?

Миа Крюгер покачала головой. Он остался все тем же – всегда знал, как добиться желаемого.

– Ты идиот.

Мунк прикрыл трубку рукой.

– Что ты сказала?

– Ну, ладно-ладно, я посмотрю мельком. Но на этом все. Окей?

– Забудьте то, что я сказал, пока не приезжайте. Я перезвоню позже.

Мунк положил трубку и придвинулся ближе к столу.

– Ну? Что тебе для этого нужно? – спросил он и взялся за папку.

– Я хочу теплые носки и свитер, ты найдешь их в шкафу в спальне. А еще хочу выпить. В кухонном шкафу под столом стоит бутылка коньяка.

– Ты начала пить крепкий алкоголь? – спросил Мунк и поднялся. – На тебя это не похоже.

– Еще было бы здорово, если бы ты замолчал, – сказала Миа и открыла папку перед собой.

Внутри было около двадцати пяти фотографий и отчет с места происшествия. Миа Крюгер разложила фотографии на столе.

– Ну что думаешь? Первое впечатление? – прокричал Мунк с кухни.

– Я поняла, почему ты приехал.

Мунк вернулся в комнату, поставил бокал на пол около нее и вышел.

– Не торопись, потрать столько времени, сколько тебе нужно. Я пойду принесу все, что ты просила, а потом сяду рядом и буду смотреть на море, хорошо?

Миа не слышала, что он сказал. Она уже отключилась от внешнего мира. Сделав большой глоток коньяка, она глубоко вдохнула и начала изучать фотографии.

Мунк сидел на камне у берега и смотрел на исчезающее за горизонтом солнце. Раньше он думал, что в Хёнефоссе тихо. Лежа в своей комнате вечерами, он редко слышал какие-нибудь звуки. Но это ерунда по сравнению с этим островом. Здесь была настоящая тишина. И красота. Мунк давно не видел ничего подобного. Он понял, почему она выбрала это место. Какой покой! Какой прекрасный воздух! Мунк глубоко вдохнул. Это что-то особенное. Он бросил взгляд на часы на своем телефоне. Два часа. Долго, но она должна получить столько времени, сколько ей потребуется. Ему вообще-то никуда и не нужно. Может быть, он просто побудет здесь на улице? Жить, как она, выбросить телефон? Отключить окружающий мир? Полностью освободиться? Нет, не мог же он оставить маленькую Марион. Остальные неважны. Как же так? Он почувствовал укол совести. На мгновение увидел перед собой мать, едущую навстречу в инвалидной коляске. Надеюсь, все прошло хорошо. Ведь это я должен возить ее на встречи в молельный дом по средам. Он не понимал, зачем ей вообще туда нужно, она никогда не была особенно верующей. Но она уже достаточно взрослая, чтобы решать самостоятельно, хотя Мунку и не нравилось это предприятие.

– Холгер?

Ход мыслей Мунка был прерван голосом Мии из дома.

– Готова?

– Думаю, да.

Мунк резко поднялся, поборов боль в мышцах, и быстрыми шагами пошел к дому.

– Ну, что думаешь?

– Я думаю, нам надо пообедать. Я приготовила суп.

Мунк вернулся в гостиную и снова сел на венский стул. Фотографии уже были не разбросаны по столу, а аккуратно сложены в папку.

Миа вошла и, ничего не говоря, поставила перед ним тарелку горячего дымящегося супа. Было ясно видно, что она напряженно думала, он узнал этот ее взгляд: она была глубоко внутри себя и не

хотела, чтобы ее беспокоили. Он молча съел суп, подождал, пока доест она, и осторожно кашлянул, чтобы вернуть ее в реальность.

– Паулине Улсен. Древнее имя для шестилетней девочки.

– Лине, – сказал Мунк.

– Что?

– Ее называли в честь бабушки, но дома звали просто Лине.

Миа посмотрела на него взглядом, который сложно было расшифровать. Она все еще была где-то далеко.

– Лине Улсен, – продолжил Мунк. – Шесть лет, собиралась в школу осенью. Была найдена в Маридалене висящей на дереве случайным прохожим. Никаких признаков сексуального насилия. Убита передозом метогекситаля. Ленточка вокруг шеи из «Норвиджиан». ^[4] «Я путешествую одна». Школьный рюкзак на спине, полный учебников – не ее, ведь она еще не пошла в школу. Пенал, линейка и все книжки обернуты в бумагу, без отпечатков пальцев. На всех книгах стоит имя Ане ЙВ, по той или иной причине, чужое имя. Одежда чистая, новая, ни один предмет не принадлежал девочке – по словам матери, все новое.

– Это кукла, – сказала Миа.

– Что?

Миа медленно наполнила свой стакан, принесла бутылку коньяка из кухни, пока его не было, и почти опустошила ее.

– Это кукольная одежда, – продолжила она. – Весь наряд. Откуда?

Мунк пожал плечами.

– Извини, я не знаю ничего, кроме того, что в отчете. Я не занимаюсь этим делом.

– Тебя Миккельсон прислал?

Мунк кивнул.

– Будут еще, – тихо сказала Миа.

– Что ты имеешь в виду?

– Будут еще жертвы. Она первая.

– Ты уверена?

Миа странно посмотрела на него.

– Прости, – сказал Мунк.

– У нее цифра на ногте мизинца, – коротко сказала Миа.

Миа взяла одну из фотографий из папки. Левая рука девочки крупным планом. Положила ее перед Мунком и ткнула.

– Видишь? Цифра 1, процарапанная на ногте левого мизинца? Выглядит, как черточка, но это номер. Номер 1. Будут еще.

Мунк почесал бороду. Для него это была всего лишь маленькая царапинка, указанная в отчете, но ничего не значащая.

– Сколько? – спросил он и стал ждать продолжения.

– Может, количество пальцев.

– Десять?

– Нельзя точно сказать. Может быть.

– Так ты точно уверена? Что будут еще?

Миа снова странно посмотрела на него и сделала еще глоток.

– Это клинический случай. Преступник потратил много времени. Вообще я даже не уверена, что это мужчина, хотя может и так, но тогда он точно не... да.

– Что?

– Не знаю. Обычный. Если это мужчина, то необычный.

– Ты имеешь в виду сексуальную сторону?

– Не совсем сходится, и все же сходится, хотя все же кое-что не сходится, если ты понимаешь, о чем я, – и все равно сходится...

Она снова оставила его: ее не было в комнате, она была внутри своей головы. Мунк просто ждал продолжения, не прерывая ее.

– Что такое метогекситал?

Мунк открыл папку и немного полистал отчет, прежде чем ответить. Конечно же, она не читала его. Только посмотрела фотографии, как обычно.

– Он поставляется под названием «бревитал». Наркоз. Используется анестезиологами.

– Наркоз, – повторила Миа и снова исчезла в себе.

Мунку ужасно хотелось покурить, но он продолжал сидеть. Не хотел закуривать в доме, но и покидать Мию тоже не хотел – не сейчас.

– Он не хотел причинить ей боль, – внезапно сказала Миа.

– В смысле?

– Преступник не хотел причинить ей боль. Он нарядил ее, помыл. Наркоз. Не хотел, чтобы она страдала. Она ему нравилась.

– Нравилась?

Миа тихо кивнула.

– Тогда почему он повесил ее на скакалке?

– Она собиралась пойти в школу.

– Зачем рюкзак и учебники?

Миа непонимающе посмотрела на него.

– Тот же ответ.

– Почему на них стоит не Паулине, а Ане?

– Этого я не знаю, – вздохнула Миа. – Это не укладывается.

Именно это не вписывается в картину. Все остальное сходится, но это – нет, ты согласен?

Мунк не ответил.

– Сзади на платье вышивка – Мк.10:14. Это вписывается, – продолжила она.

– Евангелие от Марка 10:14? «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им».

Мунк запомнил эту деталь из отчета, ведь она была довольно важной, а вот черточке на ногте не придал значения.

Миа кивнула.

– Но это не так важно. Мк.10:14. Это просто ерунда. Есть кое-что поважнее.

– Важнее имени на учебниках?

– Не знаю, – сказала Миа.

– Миккельсон хочет, чтобы ты вернулась.

– В этом все дело?

– Да.

– Это невозможно. Я не вернусь.

– Уверена?

– Я не вернусь, – она внезапно закричала. – Ты что, не слышал? Я не собираюсь возвращаться!

Мунк никогда не видел ее такой прежде. Она вся дрожала, почти плакала. Он встал и подошел к дивану. Сел рядом с ней и обнял за плечи. Прижал ее голову к своей груди и погладил по волосам.

– Хватит, Миа, хватит. Давай остановимся на этом. Большое спасибо тебе.

Миа не отвечала. Мунк чувствовал, как ее хрупкое тело тряслось. Она и правда была сама не своя. Да, такой он ее раньше не видел. Он помог ей встать с дивана и подняться по лестнице. Проводил ее в комнату, уложил на кровать и накрыл одеялом.

– Хочешь, я останусь на ночь? Посижу тут? Или посплю внизу на диване? Приготовлю завтрак тебе утром? Я могу попробовать

починить этот космический корабль. Разбудить тебя чашкой кофе?

Миа Крюгер не ответила. Та красивая девочка, которую он так любил, безжизненно лежала под одеялом без движения. Мунк сел на стул рядом с кроватью и через несколько минут услышал, как ее тяжелое дыхание выровнялось – она уснула.

Миа? Вот так?

Он видел ее уставшей и подавленной раньше, но вот такой – никогда. Это было чем-то совершенно иным. Он тепло посмотрел на нее, проверил, не холодно ли ей, и спустился вниз. Нашел тропинку к морю и достал мобильный из кармана куртки.

– Миккельсон, слушаю?

– Это Мунк.

– Да?

– Она не вернется.

На том конце повисла тишина.

– Черт, – наконец раздалось в трубке, – Она сказала что-то полезное? То, что мы упустили?

– Будут еще жертвы.

– Что ты имеешь в виду?

– То, что сказал. У нее на мизинце написано число. Мы пропустили его.

– Мать божья, – Миккельсон снова затих.

– Есть что-то, чего я не знаю? – спросил Мунк.

– Лучше всего тебе вернуться.

– Я останусь тут до завтра. Я нужен ей.

– Я не это имею в виду, я имею в виду – вернуться назад, к нам.

– Мы снова откроем наш отдел?

– Да, ты сразу можешь ехать сюда. Я сделаю несколько звонков завтра.

– Хорошо, увидимся завтра вечером, – ответил Мунк.

– Хорошо, – сказал Миккельсон и снова замолчал.

– Нет, Миа не вернется, – повторил Мунк, словно отвечая на висящий в воздухе вопрос.

– Ты уверен?

– Абсолютно. Марибуэсгате, тот же офис?

– Все уже налажено. Отдел неофициально открыт снова. Ты сможешь забрать свою команду, когда вернешься.

– Окей, – ответил Мунк и быстро положил трубку.

Он испытал нарастающую радость, но не хотел, чтобы Миккельсон почувствовал это. Он снова вернется домой. В Осло. Его отдел снова работает. Он получил назад свою старую работу, но не мог радоваться до конца. Он никогда не видел Мию Крюгер в таком ужасном состоянии. И в то же время не хотел тащить ее с собой. А от мысли о девочке, висящей на дереве, обычно сдержанного следователя бросило в дрожь.

Мунк взглянул на небо. Уже стемнело. Звезды купали тишину в холодном свете. Он выбросил сигарету в воду и пошел назад к дому.

Тобиас Иверсен нашел новую ветку и стал очищать ее для еще одной стрелы, пока брат побежал поднимать первую. Ему нравилось работать ножом. Нравилось, как лезвие врезалось в дерево, нравилось медленно скользить ножом между корой и деревом, чтобы не наделать зазубрин в будущей стреле. Тобиас умел работать руками, отличные оценки он получал только на искусстве и труде. В остальных предметах был середнячком, особенно в математике. Но в труде у него были успехи. И в норвежском. Тобиас обожал читать. До этого он читал в основном фэнтези и научную фантастику, но этой осенью к ним пришла новая учительница, Эмилие, с высоким смехом и множеством веснушек, вообще даже не совсем учительница, а просто милая взрослая девушка. Она вела уроки, совсем другие, чем были до нее. На тех уроках было в основном... да он даже и не помнил, что на них было. Эмилие составила ему целый список книг, которые, по ее мнению, ему следует прочесть. Он почти закончил «Повелителя мух» и почувствовал, что с нетерпением ждет возвращения домой, когда сможет лечь на кровать и почитать. Или, по крайней мере, просто почитать – домой идти ему не очень-то хотелось. Ему было тринадцать, но чувствовал он себя гораздо старше, ведь он пережил вещи, которые вообще-то не должен был переживать в своем возрасте. Много раз он думал сбежать, просто собрать все самое необходимое в рюкзак и уехать в большой мир из темного дома, но так сделать не получалось. Куда он поедет? Он скопил немного денег, с подарков на дни рождения и Рождество, но этого не хватит на что, чтобы доехать куда-нибудь, да и не может же он уехать от братишки – кто будет заботиться о нем, если не он? Он попробовал подумать о чем-то другом, продолжая медленно скользить ножом по ивовой коре, и удовлетворенно улыбнулся, когда у него получилось очистить всю ветку без зазубрин.

Братишки все еще не было. Тобиас бросил взгляд в сторону леса, особо не беспокоясь об этом. Он любопытный малый, и, наверно, просто заметил интересный гриб или муравейник.

Может быть, мы постреляем в одну из христианских девочек?

Тобиас усмехнулся про себя. Типичный маленький ребенок, такой невинный, ничего не знает, может говорить все что думает, не то, что в классе у Тобиаса или вообще в школьном дворе. Там нужно было следить за тем, что говоришь и думаешь. Если так не делать, будет плохо. Тобиас видел это много раз. Точно как в «Повелителе мух». Если ты покажешь слабость, то станешь жертвой. Сейчас крутым считается спорт, к счастью, Тобиас спортивный мальчик: быстро бегает, прыгает высоко и далеко и хорошо играет в футбол. Проблема была с одеждой. Несколько новичков, переехавших сюда из города, привыкли к немного другой жизни, у них было больше денег. Теперь нужно носить «Адидас», «Найки», «Пуму» или «Рибок». Тобиас уже получил пару замечаний насчет своих ботинок, старых шорт, тренировочных штанов и футболок неправильного фасона и с неправильным логотипом. К счастью, была одна вещь важнее всех остальных – нравишься ли ты девочкам. И если ты им нравишься, ни спорт, ни школа, ни одежда уже не особенно важны. Девочки любили Тобиаса Иверсена. Не только потому, что он был симпатичным, но и потому, что с ним было приятно общаться. Так что было нестрашно, что на его поношенных кроссовках всего одна полоска.

Христианские девочки. Сразу же распространились слухи, что они поселились в старом доме в лесу около Литьённа, где никто уже давно не жил. И то, что они отремонтировали его и теперь там все по-другому, – подозрительно это все, считали люди. Вроде бы они назывались «Друзья Смита», но может, и нет, а кто-то состоял в «Друзьях Смита», но решил, что они недостаточно хороши, и поэтому основал свою собственную секту – это связано с религией или что-то в таком духе. Каждый думал, что что-то знал, но на самом деле никто не знал ничего, только что их дети не ходили в школу и что у них все было о Боге и христианстве и тому подобном. Тобиасу это очень нравилось, он быстро понял, что если вдруг ему указывали на его одежду или речь заходила про бедных людей, он мог просто перевести разговор на христианских девочек, и все тут же забывали о модных вещах. Он даже как-то соврал, что видел их после физкультуры, только чтобы те двое городских заткнулись, и у него получилось. Тобиас выдумал историю, что у девочек была странная одежда и почти мертвые глаза и что они стали следить за ним, когда увидели. Конечно,

это глупо, ведь он не имел никакого отношения к этим девочкам, но что поделаться?

Тобиас отложил нож и посмотрел на часы. Брата не было уже довольно долго, и он начал волноваться. Не потому что им нужно домой – никто не следил, во сколько они приходят и уходят. Тобиас надеялся, что в холодильнике найдется что-нибудь, чтобы покормить брата вечером. Все остальное он научился делать сам. Он мог поменять постельное белье, запустить стиральную машинку, собрать рюкзак брату – на самом деле, практически все необходимое, кроме еды. Он не хотел тратить свои деньги на еду, ведь это несправедливо, но обычно на кухне что-то было, пакетик супа или немного хлеба с вареньем. Обычно им хватало.

Он воткнул ветку в землю около пенька, на котором сидел, и встал. Если они пойдут охотиться на буйволов, то уже пора. Он любил укладывать брата спать до девяти, во всяком случае, по будням. Так было лучше для них обоих. У них была общая комната наверху, и Тобиас любил те редкие часы, когда брат уже засыпал, а он мог читать под лампой перед сном.

– Торбен?

Тобиас пошел в лес в ту сторону, куда улетела стрела и отправился брат. Ветер усилился, и вокруг него зашумели листья. Ему не было страшно, он гулял один много раз и в ветер, и в непогоду, ему даже нравилось, как природа брала верх и сотрясала все вокруг. Но вот братишка может испугаться.

– Торбен? Ты где?

Внезапно он почувствовал укол совести за то, что говорил о христианских девочках. Ложь, почерпнутая из книг. Он решил как-нибудь предпринять небольшую экспедицию, как мальчики в «Повелителе мух». У которых не было взрослых. Выбраться из дома, взяв с собой немного еды и фонарик, и пойти к Литъённа. Он знал дорогу. Посмотреть, правда ли все то, что про них говорили. Интересно и познавательно – вот, теперь он вспомнил, что прежний учитель делал на уроках: он всегда говорил, что сейчас они будут изучать что-то интересное и познавательное, поэтому должны сидеть тихо и слушать, но так никогда не было, было неинтересно и не особенно познавательно, ведь Тобиас ничего не помнил из этих уроков. Еще он вспомнил одну вещь, которую ему сказал дедушка,

когда они ехали на старой красной «вольво», не всем стоит заводить детей, некоторым не стоит быть родителями. Он это хорошо запомнил, может быть, так же бывает и с учителями? Может быть, им просто не подходит эта работа, поэтому они каждый раз приходят на уроки с грустными лицами?

Его ход мысли был прерван шевелением в кустах неподалеку. Как из ниоткуда перед ним появился брат, со странным выражением лица и большим мокрым пятном спереди на штанах.

– Торбен? Что там такое?

Брат посмотрел на него пустыми глазами.

– Там ангел висит в лесу одиноко.

– Что ты имеешь в виду?

– Ангел висит в лесу одиноко.

Тобиас обнял братика, почувствовав, как тот весь дрожит.

– Ты нашел то, что искал, Торбен?

– Нет. Она висит там в лесу.

– Можешь показать мне, где?

Братик посмотрел на него снизу вверх.

– У нее нет крыльев, но я почти уверен, что это ангел.

– Покажи мне, – серьезно сказал Тобиас и подтолкнул брата в сторону елей.

Миа Крюгер сидела на камне и смотрела на закат над Хитра последний раз.

Семнадцатое апреля. Остался один день. Завтра она встретится с Сигрид.

Она чувствовала усталость. Не ту усталость, когда хочется спать, а усталость от всего. От жизни. От людей. От всего, что произошло. Она нашла своеобразный покой перед тем, как Холгер показал ей эти фотографии. Но после того как он уехал, это уродливое чувство снова поднялось в ней.

Зло.

Она сделала глоток из бутылки, которую взяла с собой, и натянула шапку плотнее на уши. Становилось холоднее, весна все-таки не пришла раньше времени. Она просто обманула всех, сказав, что уже в пути. Миа была рада, что у нее есть бутылка для согрева. Не так она представляла свой последний день. Она планировала успеть как можно больше. Последние двадцать четыре часа жизни. Птицы, деревья, вода, свет. На день отдохнуть от таблеток, почувствовать вещи и себя живую, в последний раз. Но так не получилось. После отъезда Холгера потребность в подавлении чувств только росла. Она больше пила. Принимала больше таблеток. Просыпалась, не замечая, что спала. Она пообещала себе не переживать из-за того, что увидела в папке. Идиотизм, конечно же, когда это ей удавалось отстраниться от таких вещей? Работа. Для других это, может, и была работа, но не для Мии. Она всегда принимала близко к сердцу все свои дела. Чувствовала душой, словно сама была жертвой всех этих преступлений. Похищенной, изнасилованной, избитой железными прутьями, прожженной сигаретами, отравленной передозировкой наркотиков, шестилетней девочкой, повешенной на дереве на скакалке.

Почему на учебниках стояло не ее имя?

Ведь все остальное было спланировано до мелочей.

Твою мать.

Она пыталась забыть взгляд маленькой девочки на дереве, но не могла выбросить из головы. Все это выглядит как театральная постановка. Почти что игра. Как сообщение. Но для кого? Для того,

кто найдет ее? Для полиции? Она перерыла свою память в поисках дел, где фигурировало имя Ане, но ничего не вспомнила. Именно к этому Миа раньше была особенно способна, но теперь голова больше не работала. И тем не менее, в этом что-то было, что-то, на что она никак не могла выйти, и это раздражало ее. Миа посмотрела, как солнце село в море, и попыталась сконцентрироваться. Сообщение? Для полиции? О старом деле? О нераскрытом деле? У нее было не так уж много нераскрытых дел в карьере. К счастью. И все же была парочка. Богатая пожилая женщина была найдена мертвой в своей квартире на Бугстадсвейен, но они не нашли признаков убийства, хотя Миа и была уверена, что ее убил кто-то из наследников. В том деле не было имени Ане. Они помогали полиции Рингерике в деле о пропаже несколько лет назад. Пропал маленький ребенок, швед взял на себя вину и покончил с собой, но ребенка так и не нашли. Дело закрыли, хотя у Мии были аргументы оставить его открытым. Насколько она помнила, там тоже не было имени Ане. Паулине. Шесть лет. Не шесть ли лет назад исчез ребенок? Миа осушила бутылку и позволила глазам отдохнуть на горизонте, пока она пыталась заглянуть внутрь себя. Назад. Шесть лет назад. Там что-то было. Она почти чувствовала это на языке. Но оно не выходило на свет.

Твою мать.

Миа пошарила в карманах в поисках таблеток, но ничего не нашла. Она забыла положить новых. Все они лежали на столе в гостиной. Все, что остались. Достаточное количество. Готовы к употреблению. Вообще она хотела дождаться рассвета. Лучше отправиться в путешествие при свете, думала она. Если я отправлюсь в темноте, вдруг я в ней потону? Но сейчас она передумала. Все, что нужно было, – чтобы время перевалило за полночь. С 17 на 18 апреля.

Пойдем, Миа, пойдем.

Не так представляла она себе конец. Она встала и выбросила пустую бутылку в море. Разозлилась на себя, не надо было мусорить, этот запрет крепко сидел в ней с детства. Красивый сад. Мама и папа. Бабушка. Надо было написать письмо в бутылке. Сделать что-то красивое в свои последние часы на земле. Помочь нуждающемуся. Раскрыть дело. Она хотела снова подняться к дому, но ноги не слушались. Она осталась стоять, крепко прижав к телу руки, в холоде, внизу на камне.

Ане ЙВ. Ане ЙВ. Ане ЙВ. Ане ЙВ. Паулине. Нет, Ане. А не Паулине.

Ах, черт побери.

Миа Крюгер резко проснулась. Голова, ноги, руки, кровь, дыхание, чувства – все ожило.

Ане ЙВ.

Конечно. Конечно же. Боже мой, почему она не догадалась раньше? Это же было очевидно. Ясно как день. Миа побежала к дому, оступилась в темноте, сразу же поднялась на ноги и вбежала в гостиную, не закрыв за собой дверь. Вбежала в кухню. Встав на колени перед раковиной, стала рыться в мусорном ведре. Сюда она его выбросила? Телефон, который он снова оставил ей.

На случай, если ты передумаеть.

Она нашла мобильный в мусоре вместе с бумажкой, на которой был пин-код и номер Мунка. Она вышла в гостиную, торопливо включила телефон. Дрожащими пальцами набрала пин-код. Ну, конечно же. Конечно. Неудивительно, что что-то не вписывалось. Все должно вписываться. И все вписалось. Ане ЙВ. Ну, конечно. Какой же она была дурой.

Миа набрала номер и нетерпеливо ждала, пока Мунк ответит. Она услышала автоответчик, сбросила и набрала еще раз. И еще раз. И еще, пока не услышала усталый голос Мунка на другом конце:

– Миа? – зевнул он.

– Я все поняла, – Миа взволнованно выдохнула.

– Что ты поняла? Сколько времени?

– Какая к чертовой матери разница, сколько времени, я все поняла!

– Что поняла?

– Ане ЙВ.

– Ты серьезно? И что это?

– Я думаю, ЙВ – это Йоаким Виклунд. Тот швед из дела в Хёнефоссе пару лет назад. Помнишь его?

– Конечно, – пробормотал Мунк.

– А «Ане» просто значит «а не». «Это я, а не Йоаким Виклунд». Это тот же человек, Холгер. Тот же, что и в деле Хёнефосса.

Мунк надолго замолчал. Миа почти слышала стрекот у него в голове. Это звучало слишком дико, чтобы быть правдой, но тем не

менее, так и есть.

– Ты так не думаешь? – спросила Миа.

– Звучит совершенно безумно, – наконец произнес Мунк. – Но хуже всего то, что ты можешь оказаться права. Ты приедешь сюда или как?

– Да, – ответила Миа. – Но только на это дело. Потом я пас. У меня есть другие дела.

– Понял. Это тебе решать, – сказал Мунк.

– Мы вернемся на Марибуэсгате?

– Да.

– Я прилечу завтра.

– Хорошо. Тогда увидимся.

– Увидимся.

– Будь осторожна на дороге.

– Я всегда осторожна, Холгер.

– Ты никогда не осторожна, Миа.

– Иди к черту, Холгер.

– Я тоже тебя люблю, Миа. Хорошо, что ты возвращаешься. До встречи завтра.

Миа положила трубку и несколько секунд стояла, несмело улыбаясь про себя. Она медленно прошла в гостиную и посмотрела на все таблетки, выложенные на столе.

Пойдем, Миа, пойдем.

Она послала мысленное извинение своей близняшке. Сигрид придется еще немного подождать. Мии Крюгер сначала нужно кое-что доделать.

Габриэль Мёрк немного волновался, пока стоял на тротуаре на Марибуэсгате и ждал, когда его заберут. Он думал, что отделение полиции находится в Грэнланде, но это, видимо, не так. Он получил короткую смску: «Встреча на Марибуэсгате. Заберем тебя в 11». Ни отправителя. Ничего. Странно, на самом деле. Прошлая неделя вообще была очень странной – забавно, но Габриэль Мёрк еще не понял всего разнообразия того, на что он подписался.

Работа. У него раньше не было работы. Быть в подчинении шефа. Работать в команде. И все такое. Реальность. Вставать по утрам. Быть частью общества. Это не совсем то, что делают в двадцать четыре года.

Габриэлю Мёрку нравилось бодрствовать по ночам. Когда весь остальной мир спит. Думать получается лучше. В ночной тишине, освещаемой только светом монитора в доме. Или в комнате в доме. Габриэль не любил признаваться, что все еще живет в своей детской комнате у мамы. С отдельным входом и даже своей ванной, но его мать все еще жила в этом доме. Ничего крутого, и уж точно этот факт он не рассказывал в тех редких случаях, когда знакомился с новыми людьми или встречал старых школьных знакомых. Он знал и других хакеров, которые тоже жили с родителями. Но тем не менее.

Теперь все будет по-другому. Внезапно. Все изменилось очень быстро. Или это и есть то, чего он ждал всю свою жизнь? Он познакомился с ней в интернете всего семь месяцев назад, и вот она уже беременна. Теперь они переедут жить в отдельную квартиру, и сейчас он стоит посреди улицы, получив работу в полиции. Габриэль Мёрк никогда не чувствовал себя особенно успешным, кроме того, что касалось компьютеров, – в этой области мало кто его превосходил. Но что касается обычной жизни... В школе он в основном держался особняком. Стеснялся, когда девочки подходили и звали его куда-то. В выпускном классе, когда его одноклассники напились до беспамятства на Трюванн, он остался дома. Следующей осенью он записался на пару предметов по информатике, но никогда не ходил туда. А что там делать? Он и так уже все знал.

Он нервно огляделся вокруг себя, но все еще не было похоже, что сейчас кто-то приедет за ним. Может, это все была шутка? Эта работа в

полицейской? Сначала он подумал, что это кто-то из его кибер-друзей пошутил над ним. Он знал несколько человек, которые считали, что это очень забавно. Издеваться над чужими жизнями. Взламывать врачебные журналы. Взламывать адвокатские фирмы. Посылать сообщения случайным людям о том, что они беременны. Подделывать результаты тестов на отцовство. Творить всякое дерьмо. Габриэль был не таким хакером, но был знаком с парочкой таких. Вполне возможно, что кто-то пошутил над ним, но он так не думал. Парень, звонивший ему, звучал очень правдоподобно. Они нашли его имя в GCHQ^[5] в Англии. МИ-6. Разведка. Габриэль Мёрк сделал, как и многие его знакомые: решил задачу, которая неожиданно появилась в интернете прошлой осенью. «Canyoucrackit». Для большинства людей это мнимый нерешаемый код. Сто шестьдесят пар чисел и букв и часы, тикающие к нулю, чтобы добавить напряжения. Габриэль был не первым, кто разгадал код, но недалеко от первого. Первым стал русский, *черный хакер*, который решил код всего через несколько часов после того, как его выложили в интернет. Габриэль Мёрк знал, что тот русский не решил сам код, а взломал его с обратной стороны, внутри сайта canyoucrackit.co.uk нашел html-адрес, который, скорее всего, должен оказаться ответом, – забавно само по себе, но на самом деле ничего сверхъестественного.

Габриэль Мёрк сразу же увидел, что это машинный код, X86, и что он ввел алгоритм RC4. Это было непросто, но те, кто написал код, конечно же, сделали некоторые препятствия к нему: например, они спрятали блок информации в файл PNG, то есть в саму картинку кода. Просто расшифровать цифры оказалось недостаточно. В любом случае, он потратил на все это пару ночей. Занятная задача. Ответ на код был не таким занятным, но тем не менее. Оказалось, что все это было пиар-акцией GCHQ, тестом для устройства на работу. *Если сможешь разгадать этот код, ты достаточно умен, чтобы работать у нас.*

Он указал свое имя и описал, как разгадал код, – просто так, забавы ради. Пришел вежливый ответ, что да, задача решена верно, но, к сожалению, претендовать на работу могут только граждане Британии.

Габриэль Мёрк больше не думал об этом. Пока ему не позвонили в прошлую пятницу. Сегодня четверг, и он уже стоит здесь, с

компьютером под мышкой, и собирается с кем-то встретиться, чтобы что-то сделать. Чтобы работать в полиции.

– Габриэль Мёрк?

Габриэль слегка вздрогнул и повернулся.

– Да?

– Привет, я Ким.

Мужчина, назвавший его по имени, протянул ему руку. Габриэль не заметил, откуда тот появился, может быть, оттого что выглядел он совсем обычно. Видимо, Габриэль ожидал увидеть синюю мигалку и сирену, или униформу, или какую-то суровость в том или ином виде, но человек, стоявший перед ним, мог быть кем угодно. Он был почти незаметен. Обычные брюки, обычные ботинки, обычный свитер расцветки, которая ничем не отличается от большинства. Габриэль понял, что это было нарочно. Гражданская полиция. Его научили быть незаметным. Внезапно возникать ниоткуда.

– Следуй за мной, мы пойдем наверх, – сказал человек, назвавшийся Кимом, и пошел впереди через улицу к желтому дому.

Полицейский провел картой по считывателю рядом с входной дверью и набрал код. Дверь открылась. Габриэль проследовал за ним к лифту – снова та же процедура: чтобы воспользоваться лифтом, тоже нужна карта. Габриэль стоял и исподтишка наблюдал за полицейским, пока тот набирал код. Габриэль не знал, что ему нужно говорить и нужно ли вообще. Он никогда раньше не был в полиции и никогда не видел лифтов с кодами. Полицейский, назвавшийся Кимом, выглядел абсолютно спокойно, словно это было самое будничное дело. Забрать на улице нового, совершенно незнакомого коллегу. Набирать коды в лифтах. Они были одинакового роста, но полицейский был более подтянутым, под всей этой маской незаметности было видно, что он неплохо тренирован. Короткие темные волосы, плохо выбрит. Габриэль не понял, специально ли так или он просто не доставал бритвой до некоторых мест. Он не решался рассматривать слишком долго, но успел заметить краем глаза, как полицейский подавил зеवоту. Долгие дни на работе. Наверно, сложные дела.

Лифт остановился на четвертом этаже, и полицейский вышел первым. Габриэль последовал за ним по длинному коридору к двери, которая тоже открывалась картой и кодом. Никакой вывески. Ни «Полиция», ни какого-нибудь другого обозначения. Полная

анонимность. Мужчина открыл последнюю дверь, и они оказались внутри. Офисы были не такие уж большие, но открытые и светлые. Несколько столов в одном помещении, и небольшие кабинеты тут и там, большинство со стеклянными стенами, другие с опущенными шторами. Никто не обратил внимания, что они зашли, все были заняты своими делами. Габриэль прошел вслед за полицейским через офис к небольшому кабинету, одному из тех, что со стеклянными стенами. Он будет сидеть на всеобщем обозрении, но, по крайней мере, у него будет свой угол.

– Это твой кабинет, – сказал Ким и впустил Габриэля внутрь.

Он был скромно обставлен. Стол, лампа, стул. Все выглядело совершенно новым.

– Ты отправил список для заказа нужного тебе оборудования?

Габриэль кивнул.

– Стол и лампа из ИКЕА?

Первый раз полицейский проявил какую-то эмоцию. Он подмигнул и хлопнул Габриэля по плечу.

– Ну, вообще нет, там было не только это, – сказал Габриэль.

– Да я шучу. Парень из техподдержки едет сюда, он зайдет к тебе в течение дня. Я собирался показать тебе все тут и познакомить со всеми, но мы не успеваем. У нас брифинг через пять минут. Ты куришь?

– Курю?

– Да, ну, сигареты?

– Э-э-э, нет...

– Вот и хорошо. Тут не так много правил, но есть одно – когда Холгер Мунк курит на веранде, другим туда ходить не стоит. Холгер Мунк там думает, и ему не стоит мешать. Хорошо?

Полицейский вывел Габриэля из маленького кабинета и показал в сторону веранды. Габриэль увидел человека, стоявшего снаружи, – вероятно, это Холгер Мунк, начальник. Тот самый, который звонил ему и через десять минут уже взял на работу. В полицию. Не беспокоить шефа, когда тот курит. Окей, Габриэль вообще-то и не думал кого-то беспокоить или делать что-либо, выходящее за рамки того, о чем его попросят. Вдруг он увидел девушку, стоявшую вместе с Холгером на веранде.

– О, черт, – вырвалось у него.

Он думал, что произнес это про себя, но Ким повернулся к нему.

– Что такое?

– Это Миа Крюгер?

– Ты ее знаешь?

– Что? Нет, ну, я с ней не знаком, но как бы да, слышал о ней.

– Да, а кто ж не слышал, – хохотнул Ким. – Миа очень талантлива, без сомнения. Она – это нечто особенное.

– А правда, что она всегда носит только черную и белую одежду?

Габриэль задал вопрос, не задумываясь, – любопытство взяло верх, – но тут же разозлился на себя. Непрофессионально. Как сопляк. Он и забыл, что только что получил работу. Ким, наверно, подумал, что он какой-то фанат, и в какой-то степени так и было, но уж точно не таким образом Габриэль хотел предстать перед коллегой в свой первый день на работе.

Ким пристально посмотрел на него, прежде чем ответить.

– Ммм, не припомню, чтобы она когда-нибудь была в чем-то другом, а что?

Габриэль немного покраснел, потупившись.

– Нет-нет, просто прочел в интернете...

– Не стоит верить всему, что пишут, – улыбнулся Ким и вынул из кармана конверт. – Вот твоя карта, код – дата твоего рождения. Переговорная в конце коридора. Мы начинаем через пять-десять минут, не опаздывай.

Ким подмигнул, еще раз хлопнул Габриэля по плечу и оставил его одного в маленьком кабинете.

Габриэль не знал, что ему делать. Стоять, или сесть, или, может, убежать домой и забыть обо всем этом. Найти другую работу, заняться чем-то другим. Он чувствовал себя не в своей тарелке. И как можно прийти вовремя примерно через пять-десять минут?

Он открыл конверт и с удивлением обнаружил там пропуск со своей фотографией.

Габриэль Мёрк.

Отдел по расследованию убийств.

Внезапно он ощутил гордость. Потайные двери. Секретные коды. Специальный отдел. И он внутри всего этого? И разве это не сама Миа Крюгер только что стояла на веранде? Он решил пойти в

переговорную через несколько минут. Лучше, наверное, прийти пораньше, чем минута в минуту в этом мистическом месте.

Фермер Том Лауритц Ларсен из Тангена изначально крайне негативно относился к интернету. Но когда в доме поселился его молодой сменщик, Юнас, он потребовал, чтобы шестидесятилетний крестьянин провел интернет. А если он этого не сделает, Юнас не будет работать на ферме. Том Лауритц Ларсен, конечно, разозлился, он всегда был раздражен, улыбаться особо не было причин, а теперь как назло еще и эта болезнь легких. Больничный? Что за чепуха? Хоть кто-нибудь в его семье когда-нибудь брал больничный? Что себе думает этот врач идиот? Он что, считает, что Том не справится со своим хозяйством? Два поколения фермеров разводили свиней в Тангене, и никто ни разу не был на больничном и не брал за него деньги у государства. Но Том начал падать в обморок. Часто и всюду. Последний раз он свалился в свином хлеву с открытой дверью. Когда он очнулся, вокруг него собрались соседи, а свиньи разбежались по деревне, и Том Лауритц Ларсен так расстроился, что на следующий день последовал совету врача. Поехал на обследования в больницу Хамара. Взял больничный. И получил сменщика через организацию по охране труда.

Сменщик, девятнадцатилетний паренек из Станге, был замечательным работником. Тому Юнас сразу понравился. Он был не из тех жеманных мальчиков, ничего не умеющих делать, – нет, у него было все, что нужно. Только вот этому интернету Том Лауритц Ларсен не доверял. Но из-за девятнадцатилетнего парня пришлось установить. У того была девушка на западе страны, телефонные счета дорогие, а по интернету можно болтать бесплатно, и даже можно увидеть друг друга, и теперь он это узнал. Как бы то ни было, провайдер прислал парня из Хамара, и вот уже несколько месяцев на маленькой ферме работает интернет.

Том Лауритц Ларсен налил себе еще чашечку утреннего кофе и зашел на интернет-страницу Норвежской организации по защите интересов крестьян. Там была очень интересная статья, он видел ее накануне вечером, но хотел перечитать еще разок. Статья освещала статистику в области свиноводства. С 2007 года один из четырех фермеров, разводивших свиней, закрыл свое хозяйство по причине

нерентабельности. Среднее число свиней в оставшихся хозяйствах равно примерно 53,2 свиньи, в то время как в прошлом году оно составляло 51,1. Не нужно быть гением, чтобы понять, что происходит. Большие фермы расширяются, а маленькие закрываются.

Том Лауритц Ларсен снова подошел долить себе кофе, но замер у окна с чашкой в руке. Как вдруг из сарая как ошпаренный выбежал Юнас. Что с ним стряслось? Ларсен пошел к выходу и столкнулся с парнем в дверях. У Юнаса, взмокшего, бледного, в глазах была такая паника, как будто он увидел привидение.

– Святые угодники, с тобой все в порядке?

– Т-а-а-а-а-м... Крист-и-и-и... Кристи-и-и...

Парень не мог выговорить ни слова. Он размахивал руками как сумасшедший. Ларсен прошел через двор, как был, в тапочках и с чашкой кофе в руке. Они зашли в сарай и подошли к одному из закутов. Зрелище, ожидавшее их, было настолько ужасным, что после этого Ларсен несколько месяцев не мог толком рассказать, что же он увидел. Он выронил чашку и даже не заметил, как горячий кофе потек по ноге.

На полу в закуте лежала одна из его свиней, Кристине. Мертвая. Но там была не вся туша. Осталось только тело. Кто-то отрезал голову. Электрической пилой. Распилил ей шею. У свиньи больше не было головы. Только тело.

– Звони ленсману^[6], – сказал Том Лауритц Ларсен Юнасу, и это было последнее, что он помнил перед обмороком.

В этот раз не из-за проблем с легкими.

Сара Киесе сидела в приемной адвокатской фирмы на Тейен в крайне раздраженном настроении. Она ясно дала понять адвокату, что не хочет ничего из наследства своего мужа. Да и какое там наследство? Дети от других женщин? Письма от кредиторов с требованиями заплатить долги? Сара Киесе была далеко не идеальной, но по сравнению со своим недавно почившим мужем она просто ангел. Как же она сглупила, когда завела ребенка от этого идиота. Ей было стыдно тогда и все еще стыдно сейчас. Она не только родила от него ребенка, но еще и вышла за него замуж, боже мой, какой же душой надо было быть. Она вспомнила их первую встречу в пабе в Грэнланде, когда он стал перед ней заискивать. Он сразу не понравился ей, но Сара была слаба. Она покупала ему пиво и напитки, какого черта, вот же дура. Ну да ладно. Теперь все кончилось. Она всегда будет любить дочку, ведь та не имеет ничего общего с этим идиотом. Когда он вообще бывал дома? Только когда хотел взять у нее денег? Одолжить в то или иное дело? Вообще-то он был слесарем, но была ли у него постоянная работа? Или своя фирма? Ничего подобного, никогда никаких планов, никаких амбиций, только мелкие халтурки там-сям, подзаработать пару сотен крон между прочим. Он всегда приносил в дом запах других женщин. Даже не удосуживаясь помыться, ложился на только что застеленные чистые простыни. Сару Киесе начинало тошнить при мысли об этом, но, к счастью, теперь все позади. Он выпал из окна десятого этажа одного из новых зданий около Оперы. Скорее всего, нашел себе очередную паршивую работенку, как часто бывало по вечерам. Сара Киесе радовалась, думая о том, как больно должно было ему падать десять этажей вниз. Когда она получила сообщение о смерти, ее радости не было предела. Пятьдесят метров свободного падения и смерть, потрясающе. Наверно, за это время он успел страшно запаниковать? Сколько могло длиться падение? Восемьдесят секунд? Замечательно.

Она раздраженно посмотрела на часы в приемной и перевела взгляд на дверь в кабинет адвоката. Нет-нет-нет, – сказала она, когда тот позвонил, – я не хочу иметь ничего общего с этим идиотом, но этот подозрительный адвокат настоял. Вот же мерзавцы, вся их шайка.

Никогда она больше не захочет быть с мужчиной, только если он не кронпринц. Да и тогда не стоит. Никаких мужчин. Только она с дочкой, в новой маленькой квартирке на площади Карла Бернера. Идеально. Только ее запах под одеялом, а не пятьдесят чужих дешевых духов, смешанных со зловонием. Почему она вообще согласилась сюда прийти? Разве не этому ее учили на курсах, предложенных ей органами социальной опеки? Говорить «нет», очерчивать круг вокруг себя, ты лучший друг самому себе, тебе не нужен никто другой. Нет, нет, нет, нет.

– Сара! Здравствуйте! Спасибо, что пришли.

Подозрительный адвокат с лысиной, обрамленной остатками волос, высунул голову и позвал ее в кабинет. Он напоминал ей маленькую мышь. Нет, не мышь – крысу. Уродливую маленькую трусливую помойную крысу.

– Я от всего отказалась, – сказала Сара.

– Я знаю, – заискивающе произнесла помойная крыса. – Но я безмерно благодарен, что вы все-таки пришли. Это очень важно. – Он немного покашлял. – Я пропустил одну маленькую деталь в разделе наследства, это, конечно же, моя ошибка.

– Еще письма от кредиторов? Новые вызовы в суд?

– Хе-хе, нет-нет, – кашлянула крыса, сложив пальцы. – Вот, смотрите.

Он выдвинул ящик стола и положил перед ней флешку.

– Что это такое?

– Это вам, – сказала крыса. – Он отдал ее мне некоторое время назад, спросил, не смогу ли я вам ее передать.

– Почему он сам ее мне не отдал?

На лице помойной крысы мелькнула улыбка.

– Может быть, потому что в последний раз, когда он появился в вашей квартире, он получил горячим утюгом по лицу?

Сара внутренне улыбнулась. Он проник в квартиру. Застал ее врасплох. Внезапно оказался посреди гостиной. Хотел быть милым, как всегда, когда ему было что-то нужно. Утюг встретился с разинутым ртом со всего размаху. Он не успел среагировать. С тех пор она не видела и не слышала этого идиота.

– Я давно собирался отдать ее вам, но был очень занят, – сказала крыса почти извиняющимся тоном.

– Вы имеет в виду, что он обещал вам за это заплатить, но денег вы так и не получили? – спросила Сара.

Адвокат улыбнулся.

– В любом случае, на этом мы, наверное, закончим.

Сара Киесе взяла флешку, положила ее в сумку и пошла к двери. Крыса привстала со стула и кашлянула:

– Да, да. В остальном у вас все хорошо, Сара? Все в порядке?..

– Пошел к черту, – сказала Сара Киесе и вышла из кабинета, не закрыв за собой дверь.

На пути домой, в новую квартиру на площади Карла Бернера, она несколько раз порывалась выбросить флешку. Выкинуть ее в мусор и покончить с ним, но она не сделала этого. По какой-то непонятной причине. Не потому что ей было любопытно. Саре Киесе было на сто процентов наплевать, что на флешке. Наверное, потому, что Сара была правильная. Хоть он и крыса, но все же адвокат. Хоть он и был идиотом, но все же у него есть последнее желание. Отдать флешку Саре и только Саре.

Она закрылась в квартире и включила компьютер. Черный ноутбук медленно вышел из спящего режима. Она вставила флешку и скопировала содержимое на рабочий стол. На ней был только один файл с названием Sarah.mov. Кусочек видео. Ну что же. Видимо, ей придется посмотреть на его кривую рожу еще раз. Даже из могилы он умудряется ее мучить. Она дважды кликнула по файлу, и видео запустилось.

– *Сара, у меня мало времени, но я должен сделать это. Мне нужно рассказать об этом кому-нибудь, потому что это все неправильно.*

Он провел камерой вокруг себя.

– *Я получил предложение о работе, и вот – я построил это. Я далеко в...*

Тут начались странные звуки, треск, как будто он держался за микрофон в своем телефоне, и она не расслышала его слова. Бывший муж продолжал снимать, пока говорил. Он построил что-то, ну и что теперь?

– *...и я боюсь того, что я на самом деле построил. Видишь? Я глубоко под землей. Я думал, это какое-то убежище, но нет, посмотри: тут есть маленький люк.*

Голос снова пропал в шуме и треске, пока он продолжал записывать видео. Какое-то убежище под холмом.

– ...я чувствую, что здесь что-то не то, что-то странное. Посмотри сюда, вот. Посмотри. Можно поднимать вещи вверх и вниз. Как в старых лифтах для еды...

Вдруг бывший муж вздрогнул и огляделся вокруг. Весь отрывок напомнил ей фильм, который она смотрела несколько лет назад, «Ведьма из Блэр», там молодежь бегала по лесу и снимала свой страх на видео.

– ...черт побери, я знаю, со мной должно что-то случиться, я просто чувствую это. Ты знаешь, сколько я тут нахожусь? Ты можешь записать все, что я говорю, Сара? Где я и как я получил эту работу, а потом ты сможешь пойти в полицию, если со мной что-то случится? Эту работу мне дал...

Снова треск. Сара Киесе не разобрала ни слова из речи умершего мужа, только видела его испуганные глаза и рот, дрожащий и мелящий языком. Это продолжалось еще минуту, и видео кончилось.

Ну и кого же ты трахнул, чтобы получить эту работенку? Или это и была расплата? Во всяком случае, никаких денег я не видела. Помочь тебе, говоришь?

Ей было крайне неприятно смотреть это видео, но она почувствовала, что не в состоянии вмешиваться в это. Это все могло быть совершенной чепухой, чьей-то идиотской шуткой. Она давно уже не верила ни во что, что делал этот идиот.

Сара удалила видео с рабочего стола, вынула флешку, выкинула ее в мусорное ведро, вышла в коридор и выбросила мусор в мусоропровод. Вот так. Теперь дом снова чист. Только ее дом. Никаких его следов.

Скоро дочка придет из школы. Жизнь прекрасна. В этой квартире Сара главная. Она вышла на веранду и закурила. Положив ноги на стол, улыбнулась про себя, закрыла глаза и стала наслаждаться наконец-то выглянувшим весенним солнцем.

Ее жизнь. Ничья больше. Наконец-то.

Габриэль Мёрк как раз собирался идти в переговорную, когда в дверь постучали.

– Да?

– Привет, Габриэль.

Холгер Мунк зашел в комнату и закрыл за собой дверь. Габриэль приветственно кивнул и пожал большую теплую руку Мунка.

– Эээ, да. – Мунк пригладил волосы. – Ты, видимо, еще не получил необходимое оборудование?

– Нет, не получил, – сказал Габриэль. – Но, он сказал, ну, это...

– Ким?

– Да, Ким сказал, что оно скоро будет.

– Прекрасно, прекрасно, – сказал Холгер Мунк и почесал бороду. – До тебя у нас тут работал один парень, но он не прошел испытательный срок. Жаль, но что поделать.

Габриэлю стало интересно, что за испытательный срок не прошел его предшественник, но не стал спрашивать. Что-то было во взгляде Мунка. Он уже видел этот взгляд у другого полицейского, Кима. Тяжелый, серьезный, словно мыслями он где-то в другом месте.

– Я прошу прощения за этот неортодоксальный порядок приема на работу. Обычно я встречаюсь со всеми, кого собираюсь нанять, но сейчас совсем нет времени, к сожалению...

– Все в порядке, – ответил Габриэль.

– Тебя очень рекомендовали, – кивнул Мунк и хлопнул Габриэля по плечу. – Извини, мы тут сейчас все в стрессе, не знаю, в общем. Ким дал тебе информацию?

Габриэль помотал головой.

– Окей, ну ничего, мы постепенно введем тебя в курс дела. Ты читал сегодняшние газеты?

– Да, в интернете.

– Заметил какие-то особенные новости, выделяющиеся из других?

– Две девочки, которых все ищут?

Мунк кивнул.

– Мы с Мией скоро дадим всем полный отчет об этом. Просто чтобы ты знал, о чем пойдет речь. У тебя ведь нет опыта работы в

полиции?

Габриэль помотал головой.

– Не думай об этом особенно. Я выбрал тебя из-за твоих навыков, – продолжил Мунк. – Как я уже говорил, если бы у нас было время, мы бы провели тебе краткий курс по работе в полиции, но мы не успеваем, поэтому тебе придется просто приспособливаться ко всему по ходу дела. А если что-то будет неясно, сразу спрашивай у меня, хорошо?

– Да, конечно, – кивнул Габриэль.

– Отлично, – пробормотал Мунк, снова уносясь мыслями далеко. – Что ты подумал, кстати?

– О чем? – спросил Габриэль.

– Когда читал новости сегодня.

– А-а-а, да, – ответил Габриэль, покраснев: надо было бы сразу понять, что шеф имеет в виду. – Наверное, я подумал о том же, о чем и все остальные. Я был в шоке. Я следил за делом об исчезновении двух девочек и надеялся, что их обнаружат живыми...

Габриэль подумал о заголовках газет.

Паулине и Юханне найдены убитыми...

Как две куклы на деревьях...

Горе в семьях...

Был замечен белый «ситроен»...

Если вы видели эту одежду...

– Вы это имели в виду?

– Что?

Мунк снова на минуту выпал из жизни.

– Надо сказать больше?

– Нет, все хорошо, – ответил Мунк, положил руку ему на плечо и пошел к двери. – А хотя, знаешь, продолжи немного.

Мунк дал Габриэлю знак присесть, а сам прислонился к стеклянной стене.

– Я точно не знаю... – сказал Габриэль, – но когда я проснулся сегодня утром, я был, ну, обычным парнем, не знал, что это будет дело, над которым я буду работать.

Слова странно ощущались во рту. *Работать. Над делом. Над делом об убийстве. Газеты пестрели заголовками. По телевизору тоже только и говорили о двух девочках, которых не могли найти две недели*

и которых искала вся Норвегия. Очевидно, что полиция знала больше, чем сообщали СМИ. Они искали кого-то, кто видел одежду девочек раньше. Платья, в которых их нашли. Платья для кукол. Между строк читались слова, которые еще не использовали, ведь это Норвегия, а не США или какая-нибудь другая страна, где такое случилось. *Серийный убийца*. Никто не употреблял это выражение, но, тем не менее, все об этом думали.

– Я подумал, что это один и тот же убийца, – сказал Габриэль.

– Ага, дальше.

– Еще я подумал, что это все не очень-то по-норвежски.

– Именно. Давай дальше.

– И я подумал, как я рад, что это не дети кого-то из моих знакомых.

Мунк сделал знак продолжать.

– Странно, что обе девочки собирались осенью в первый класс. Сначала я подумал, что тут замешан какой-нибудь учитель. Потом я подумал, что могут исчезнуть и другие девочки. Ну и наконец, если бы у меня была дочка шести лет, я бы особенно внимательно присматривал за ней.

– Что ты сказал? – сказал Мунк, снова проснувшись.

– Если бы у меня была дочка шести лет, я бы особенно внимательно смотрел за ней.

– Нет, перед этим.

– Возможно, пропадут и другие девочки. Я подумал, что может быть тут замешан какой-то учитель.

– Хммм, – сказал Мунк, погладив бороду.

Он пошел к двери.

– А, кстати. Ты хорошо расшифровываешь коды?

Габриэль улыбнулся.

– Я думал, вы поэтому и наняли меня.

– Ну, в общем-то, да, – улыбнулся в ответ Мунк.

Он засунул руку в карман брюк и вытащил листочек с нацарапанной надписью.

– Это не приоритетное задание, это личное, но я подумал, что ты мог бы помочь мне с ним.

Мунк отдал листочек Габриэлю.

– У меня есть пара друзей-ботанов, которые любят присылать мне задачки. Один из них прислал вот это, но я не могу разгадать.

Габриэль посмотрел на бумажку:

bwlybjlynwnztirkjao=5

– Ты понимаешь, что это? – спросил Мунк с любопытством.

– Ну, пока нет, – пробормотал Габриэль.

– Он пытал меня несколько дней, – вздохнул Мунк. – Но видимо, придется мне сдать. Посмотри, что ты сможешь из этого вытащить, ладно? Бесит, когда эти ребята ставят меня в тупик. – Мунк рассмеялся и снова хлопнул Габриэля по плечу. – Но это *не* приоритет, это лично мое задание, ладно?

– Конечно, – кивнул Габриэль.

Мунк снова пошел к двери и на этот раз даже успел выйти в коридор, прежде чем вернуться и просунуть голову в дверной проем.

– Перенесем брифинг на попозже, хорошо?

– Конечно, – кивнул Габриэль и сел изучать листочек, который только что получил от Мунка.

Бенджамин Бах не мог скрыть разочарование, когда не нашел своего имени в сегодняшнем номере «Верденс ганг». В газете собрали лучшие наряды года, в прошлом году он был на третьем месте после Мортена Харкета и Ари Бена, а в этом его вообще не было в списке. *Твою мать*. Актер изо всех сил ударил рукой по стене гардероба, но тут же пожалел об этом. Было больно и очень громко. Тут же в дверь гримерки постучали – это была Сюзанне, ассистент режиссера.

– Бенджамин, все в порядке? У тебя что-то разбилось?

Бенджамин спрятал ушибленную руку в карман и нацепил на себя свою лучшую улыбку. Он ведь актер, несмотря ни на что.

– У меня все отлично, может, это у Тронда-Эспена?

– Хорошо, – улыбнулась Сюзанне. – Через пятнадцать минут репетиция, третий акт с начала.

– Быть или не быть вовремя, вот в чем вопрос, – подмигнул Бенджамин.

Ассистент режиссера хихикнула и снова исчезла. Наверное, он преувеличивает, но ощущение адское. Он же был в списке в том году, что стало не так теперь? Он ведь был так внимателен к одежде! Даже нанял стилиста и пиар-менеджера, чтобы они помогали ему со всем этим. Хорошо выглядеть. Сделать фото в правильной обстановке. С правильного ракурса. Он вздохнул и сел перед гримерным зеркалом. Он несильно изменился за год. Крошечные морщинки около глаз. Может, чуть выше залысины. Он наклонился и внимательно посмотрел на свои волосы. Выглядит не очень, явно сдвинулись на пару миллиметров вверх с тех пор, как он последний раз проверял. Он зачесал волосы набок, стало лучше. Сделал пару голосовых упражнений. Разогрел горло, надул губы самому себе в зеркале.

Он начал работать в Национальном театре почти восемь лет назад. *Рождение новой звезды*, – писали в «Дагбладе» после того, как он сыграл Эстрагона в пьесе Самюэля Беккета «В ожидании Годо», и с тех пор он в основном получал главные роли, по крайней мере, в первые годы. Он играл Ромео. Играл Пер Гюнта. Сейчас они ставят шекспировского «Гамлета», и он также надеялся на главную роль. *Быть или не быть*. Но ему досталась всего лишь роль Горацио.

Гамлетом будет, конечно же, Тронд-Эспен. Бенджамин не понимал, почему так. Ведь он же много выше, как актер.

О, мой господин.

Ему это ужасно не нравилось. Играть в тени Тронда-Эспена. Чертов Горацио, никто и не узнает его, ведь в основном у него диалоги с Гамлетом. Стоять и кланяться, относиться к Тронд-Эспену, как к королю, – нет, ему это не нравилось.

Бенджамин Бах поднялся и взглянул на свое тело в зеркале. Он выглядел очень хорошо. Настроение немного улучшилось. Последние тренировки давали результаты. И йога. И уход за кожей – на ней ни пятнышка.

Он снова сел на стул и продолжил разогревать речевой аппарат, когда по внутренней связи раздался голос режиссера:

– Мы готовы прогнать третий акт. «Гамлет», «Гамлет», третий акт с начала, через пять минут.

Бенджамин Бах закончил упражнения, вышел из гримерной и направился на главную сцену.

Габриэль Мёрк сидел в дальнем ряду переговорной и ждал начала брифинга. Он со всеми познакомился, всем пожал руки, поклонился, поприветствовал, не запомнив большинства имен. Там был Ким, забравший его на улице, девушка с длинными светлыми волосами, которую звали Анетте, еще было трое молодых людей, их имена он не запомнил, и один мужчина постарше, его звали, кажется, Людвиг.

Холгер Мунк вошел в комнату в сопровождении Мии Крюгер. Миа уселась на стул перед всеми, а Холгер подключил проектор к своему ноутбуку.

– Привет всем. Сегодня у нас первый брифинг, все на месте, вся наша команда в сборе, и нам это очень нужно. Как уже говорилось, у нас несколько новых лиц, добро пожаловать. Те, кто работает здесь давно, помогите новичкам включиться в работу, чтобы мы получили максимум пользы друг от друга. Прошло десять дней, как мы нашли Паулине Улсен, и восемь дней с момента обнаружения Юханне Ланге. После ряда попыток не сообщать ничего СМИ, мы решили использовать их себе на пользу. Как вы уже наверняка видели, сегодня в газетах напечатали фотографии платьев, в которых были девочки.

Холгер сделал небольшую паузу и посмотрел на собравшихся. Габриэлю показалось, что за серьезностью в глазах он разглядел тень улыбки.

– Вообще-то нам надо бы отпраздновать наше возвращение сюда, на Марибуэсгате, – кратко сказал Мунк, – но сейчас у нас есть дела поважнее, так что это мы сделаем позже.

Габриэль огляделся. Хотя настрой тут был и серьезный, он увидел улыбки и довольные лица вокруг. Без сомнения, все члены команды были очень рады видеть друг друга.

– Некоторые из вас были с нами с самого начала, а некоторые только пришли. Поэтому я расскажу вам все в подробностях. Хочу добавить, что вся сводка сегодняшней встречи будет лежать на сервере в общем доступе. Мы просим каждого из вас выкладывать туда всю информацию, которую вы найдете. Когда у всех есть доступ к данным, работа идет быстрее, а нам проще писать отчеты.

Мунк включил компьютер, и на экране появилась первая фотография. Это были не те фото, что утром напечатали в газете, с двумя кукольными платьями. На фотографиях были висящие на деревьях девочки в этих платьях. Габриэль никогда не видел ничего подобного, и только сейчас до него дошло, чем ему предстоит заниматься. Это не кино. Не по телевизору. Это реальность. Двух маленьких девочек больше нет. Кто-то лишил их жизни. По-настоящему. Они больше не дышат. Они больше никогда не будут разговаривать. Улыбаться. Они никогда не пойдут в школу. Габриэль Мёрк старался сохранять спокойствие, заставил себя посмотреть на фотографии, но в животе что-то мерзко зашевелилось. Он уже чувствовал себя выбитым из колеи. Не хватало только упасть в обморок на первом брифинге.

– Паулине Улсен и Юханне Ланге, – сказал Мунк. – Шесть лет. Собирались в первый класс осенью. Паулине пропала четыре недели назад. Юханне – три недели назад.

Новые фотографии, несколько карт.

– Паулине пропала из детского сада Шёйен Киркес и была найдена в Маридалене. Юханне пропала из детского сада Лилле Экеберг и была найдена в лесу, недалеко от Хаделандсвейен. Точное время смерти девочек установить довольно трудно, но все указывает на то, что их держали в плену живыми достаточно долго, прежде чем как надеть на них эти костюмы и оставить так, как мы их нашли.

Мунк снова нажал на клавишу, появились новые фото. Габриэль больше не мог смотреть и уставился на свои ботинки.

Боже мой. На что я подписался? Этих девочек нашли мертвыми. По-настоящему. Жертвы чьей-то гротескной игры.

Он захотел обратно в свою постель, почувствовал, что его жизнь изменилась буквально за несколько минут. Лучше бы он никогда не видел этих фотографий. Лучше бы он не знал, что есть такие люди. Которые делали такое. Внезапно ему стало очень тяжело. Нахлынула такая печаль, какой он раньше никогда не чувствовал. Он знал, что такие вещи происходят, но тем не менее, не знал этого. Это было очень реально – нет, чересчур реально, *чертовски реально*, вот как это было. Габриэль тяжело вздохнул и попытался сконцентрироваться, чтобы сидеть спокойно.

– Никаких признаков сексуального насилия, – продолжал Мунк. – Девочек помыли, постригли им ногти, вымыли и расчесали волосы. У обеих на шеях были ленточки из «Норвиджиан» с надписью «Я путешествую одна». У обеих – школьные рюкзаки на спинах. Обе умерли от передозировки наркоза. Никаких сомнений, что это сделал один и тот же преступник и что и похищения, и убийства были тщательно спланированы. Паулине нашел человек по имени Вальтер Хенриксен, он есть в нашем регистре, но не за подобные вещи: два раза вел машину в нетрезвом виде пару лет назад – нет никаких причин полагать, что он замешан. Юханне нашли два брата, Тобиас и Торбен Иверсен, тринадцати и семи лет. У мальчиков есть отчим, Микаэль Франк, также наш знакомый, – сидел шесть месяцев за что-то мелкое, но также нет причин полагать, что кто-то из них замешан. Опрос жителей близких к местам обнаружения районов пока особо ничего не дал, но, как вы уже знаете, была замечена машина, белый «ситроен» неизвестной модели.

Мунк снова нажал на клавишу, и теперь на экране появились те фотографии, что были в газетах. Мунк сделал глоток из бутылки «Фарриса», стоявшей перед ним на столе.

– Платья – это копии платьев для кукол, специально сшитые под размер девочек. Если преступник сшил их сам, нам это, вероятно, ничего не даст, но мы надеемся, что он или она поручили эту работу кому-то другому, кто не знал, для чего их будут использовать. Поэтому мы и дали эти фотографии газетам, в надежде, что кто-то узнает эти платья. Пока ничего нет, Анетте?

Мунк повернулся к светловолосой девушке.

– Ничего, – сказала Анетте. – Но еще рано.

– Конечно, – кивнул Мунк. – Анетте – это, для тех, кто не знает, связующее звено между нами и Грэнландом, вся связь идет через нее, тут у нас не будет никаких утечек. Есть еще одна причина, почему мы спрятались тут наверху, правда, Ким?

– Чтобы ты мог курить на веранде?

Раздался тихий смех.

– Спасибо тебе, Ким. Следи, чтобы не удариться затылком об дверь, когда будешь выходить отсюда. Но серьезно, я подчеркну это еще раз. Мы ни с кем не разговариваем. Ни с журналистами. Ни с коллегами из Грэнланда. Ни с родственниками, ни с женами, ни с

друзьями, ни с девушками, ни с сожителями, ни с возлюбленными, или, в твоём случае, Ким, с твоей собакой.

Все снова рассмеялись. Габриэль Мёрк огляделся. Он не мог понять, как они могли смеяться, но потом до него дошло, что это единственное, что они могут сделать. Дистанция. Они держат эмоциональную дистанцию. Если не держать ее, они не смогут ясно смотреть на вещи, не смогут хорошо выполнять свою работу.

Не переживай слишком сильно. Не впутывай в дело эмоции.

Он сделал глубокий вдох и попытался немного посмеяться про себя.

– Знаем только мы, – продолжил Мунк. – И мы держим это при себе. Нам окажут любую помощь, которая потребуется, нужно только сообщить Анетте. Все что угодно, попросите Аннете, нам предоставили неограниченные ресурсы.

– Что значит «неограниченные»? – спросил Ким.

– Это значит – вообще без границ. Переработки, машины, техника, персонал... Это дело является не только приоритетом для нас и для Грэнланда, оно касается всей нации. Приказы поступают от верхних чинов, и я имею в виду не Миккельсона.

– Министерство юстиции? – спросил один из мужчин, имени которого Габриэль не запомнил.

– В том числе, – кивнул Мунк.

– Премьер-министр? – продолжил тот.

– Да, офис премьер-министра в курсе.

– Разве не в этом году выборы? – ухмыльнулся человек с бритой головой.

– У нас всегда выборы, Карри, – улыбнулся Ким.

Карри. Вот как они его называют. Габриэлю сначала послышалось женское имя Кари.

– Мне абсолютно наплевать, что вы двое думаете о премьер-министре, – продолжил Мунк чуть напряженным голосом. – Эти девочки могли быть нашими детьми, и в горе не только мы, но и вся страна, посмотрите в интернете, в новостях, все в шоке и в трауре. Мы ищем преступника не только для того, чтобы восстановить справедливость для семей девочек. В стране исключительная ситуация, люди напуганы до смерти, поэтому мне глубоко наплевать на твою политическую позицию, Карри, в этом деле за нами стоит все

правительство и, как я уже сказал, неограниченные ресурсы. Наша работа – не расследовать политические мотивы, а найти преступника, это понятно?

На минуту в комнате изменилось настроение. Тот, кого звали Карри, больше не говорил, только наклонил голову и перебирал пальцы. Габриэль не видел Мунка таким. И по телефону, и тут, в офисе, он был очень добрым и спокойным, уютным, как большой плюшевый мишка. Темный взгляд и мрачная речь. Габриэль начал понимать, почему именно Мунк, а не кто-либо другой, был здесь начальником.

– Как вы все уже поняли, Миа снова с нами, – продолжил Мунк снова в своем обычном настроении.

– Привет еще раз, – сказала Миа, до этого сидевшая молча. Она встала и подошла к экрану. Прозвучали разрозненные аплодисменты и свист. – Спасибо всем, я рада снова быть с вами.

Габриэль бросил быстрый взгляд на Мию, не смея смотреть слишком долго, чтобы не выглядело, будто он сидит и пялится на нее. Все это было для него уже слишком. Мертвые Паулине и Юханне на деревьях, а теперь сама Миа Крюгер стоит в нескольких метрах от него. Габриэль был не единственным, кто стал тогда ее фанатом. На фейсбуке было несколько страничек с ее фан-клубами. Может, их уже нет, он точно не знает, но тогда были. Он даже поставил «лайк» на одной из страничек, хотя как хакер он понимал, что все твои действия в интернете легко отслеживаются, до самых мелких деталей, поэтому он был очень осторожен с такими вещами. Ходили слухи о том, что Миа застрелила парня своей сестры, наркомана, газеты писали об этом деле несколько недель, пока оно не исчезло в тени новых происшествий. Конечный отчет гласил, что Миа не сделала ничего противозаконного, но, тем не менее, она исчезла из города на некоторое время.

Худая девушка с черными, цвета воронова крыла, волосами была одета в черно-белый свитер с горлом и узкие черные брюки с молниями на бедрах. Она выглядела уставшей, с тусклым взглядом и намного худее, чем на фотографиях в газетах. *Миа Лунный свет*. Кто-то так назвал ее в интернете. В честь героини комикса, к которому Габриэль не питал особенной любви, он был слишком маленьким тогда, но, кажется, он назывался «Серебряная стрела». Одним из

персонажей была очень красивая индианка, Лунный свет, в которую были тайно влюблены все маленькие мальчики в 80-х.

Он все равно не мог сдержаться и посматривал на нее. Миа Крюгер. В Норвегии не так уж много известных следователей, наверное, в этом дело. Красивая молодая голубоглазая норвежка, похожая на индианку, замешанная в громком скандале, – то что нужно для таблоидов. Ему ничего не оставалось, как немного пожалеть ее. Она выглядела действительно уставшей. Тонкие ноги в больших тяжелых мотоциклетных ботинках с цепочками, звеневшими при каждом движении. На одной руке у нее был серебряный браслет, а на другой – кожаный ремешок. В обсуждениях на фейсбуке предлагали различные варианты происхождения и того, и другого. Браслет, видимо, был подарком ее сестры, умершей от передозировки. Про ремешок ходили слухи, что она забрала его у латыша, подозреваемого в убийстве девушки, которую он привез в Норвегию работать проституткой. Это было на заре ее карьеры, и латыш заставил ее проявить жалость. Она позволила ему сидеть на допросе без наручников. Он напал на нее с ножом, спрятанном в сапоге. С залитым кровью лицом она все равно отразила атаку и срезала кожаный ремешок с его руки его же ножом. Теперь она носит его, чтобы напоминать самой себе, что не надо быть слабой. Тогда она чуть не потеряла глаз. Габриэль увидел шрам у нее около века. Сплетни и истории. Он не знал, было ли что-то из этого правдой, но это привлекало. А теперь она стоит прямо перед ним. И они будут работать вместе.

Держа одну руку на поясе, Миа говорила тихо и осторожно. Габриэлю пришлось прислушиваться, чтобы понять, что она говорит.

– Все основное вы уже знаете. Но есть пара вещей, которые я вам покажу. Мы думаем, что они важны.

Миа щелкнула по клавиатуре и появилась новая фотография.

– Когда девочек нашли, на их спинах были школьные рюкзаки. В них были учебники. На каждом из них было написано имя. На учебниках Юханне Ланге стояло имя «Юханне». А вот на учебниках Паулине Улсен было написано «Ане ЙВ».

Новое фото на экране.

– Почему так?

Миа Крюгер улыбнулась.

– Спасибо, Карри, приятно видеть тебя все таким же терпеливым.

– Дай Мии закончить, – раздраженно сказал Мунк.

– В общем, на учебниках Юханне написано «Юханне». На учебниках Паулине – «Ане ЙВ». Как вы уже знаете, в этом деле нет ничего случайного. Все выглядит продуманным до малейших деталей. Преступник знал, что он делает, знал имена девочек. Есть причины полагать, что он следил за ними долгое время до похищения. Но к этому мы еще вернемся...

Миа на секунду прервалась, покашляла и прижала руку плотнее к телу. Мунк встал и предложил ей глоток «Фарриса» из своей бутылки. Миа покачала головой и продолжила тихим голосом.

– Как вы знаете, нет сомнений, что эти два дела тесно связаны, но у нас также есть причины думать, что они связаны еще с одним делом – с делом, которое нам не удалось раскрыть несколько лет назад.

Она снова нажала на клавишу.

– В 2006 году из больницы в Хёнефоссе исчез ребенок. Несколько недель спустя шведский медбрат Йоаким Виклунд был найден повешенным в своей квартире. На полу под телом было найдено набранное на компьютере письмо, в котором он берет на себя вину за похищение. Ребенка так и не нашли. Дело закрыли.

Миа Крюгер снова остановилась. Все-таки сделала глоток «Фарриса». Она была не в форме. Теперь это было очевидно для всех. Эта обычно нестигаемая девушка дрожала. Выглядело это так, словно ей было трудно заставить голову работать.

– Мы с Холгером уверены, – продолжила она, отдышавшись, – что имя на учебниках Паулине, «Ане ЙВ», – это послание нам от преступника. Что он хотел им сказать, пока не совсем ясно, но мы думаем, что «ЙВ» – это Йоаким Виклунд, а «А не» просто-напросто означает «а не».

Все тихо забормотали. Очевидно, что все здесь глубоко уважали Мию и ее мозг.

Мунк снова взял слово.

– Это значит, что мы снова открываем дело Хёнефосса, по всему, что мы тогда выяснили, нужно пройти еще раз, все опросы, наблюдения, имена, связанные с этим делом, мы поднимем заново. Я хочу, чтобы ты взял это на себя, Людвиг, раз ты был с нами тогда на этом деле. И возьми с собой Карри, раз его тогда не было. Пара старых

глаз в сочетании с парой новых должны хорошо поработать, мне кажется.

Мужчина постарше, которого звали Людвиг, и тот, с бритой головой, Карри, который не мог удержаться от комментариев о политике, кивнули.

– Ну что же, это первое направление: Хёнефосс-2006, Людвиг и Карри. Второе направление – это платья. Анетте разбирается с откликами, пришедшими из Грэнланда, и координирует их со мной и Мией. Бывшие осужденные из регистра?

Холгер поднял глаза.

– Кюрре?

Высокий худой мужчина с черными короткими волосами и в больших очках поднял глаза от своих записей.

– Да, мы с Трондом занимаемся этим, но список небольшой. Пока что у нас есть только осужденные по делам о сексуальном насилии. Честно говоря, я не совсем понимаю, что именно мы ищем. Сталкивались ли мы раньше с чем-то подобным? Я имею в виду, серьезно? Я не сталкивался, во всяком случае. Мы прошлись по пересечениям в наших списках со списками наших друзей из Европы, особенно из Бельгии – у них есть имена всех, кто связан с Марком Дютру^[7], но еще раз повторяю, это было дело о серьезном нападении, совсем непохожее на наше. На самом деле, они качают головой и не могут ничем помочь, но мы продолжим поиски.

– Хорошо, – кивнул Мунк. – А, забыл сказать вам одну вещь. У нас новая программа для базы данных, которая будет установлена в течение сегодняшнего дня. Все, что мы добавим туда, – имена, наблюдения, что угодно, – будет моментально проверяться по остальным доступным базам данных, нашим и другим. Если у кого-то возникнут проблемы при использовании, обращайтесь к Габриэлю Мёрку, нашему новому компьютерному гению. Все познакомились с Габриэлем?

Габриэль поднял голову, услышав свое имя, и увидел, что все повернулись к нему.

– Привет, привет, Габриэль, – раздалось со всех сторон.

– Привет всем, – ответил он немного нервно.

Было ощущение, что он снова в школе, что нужно вставать с места и что-то говорить, но, к счастью, этого не потребовалось. Он

понятия не имел, о какой базе данных идет речь. Мунк посмотрел на него и едва заметно подмигнул.

– Я еще не успел рассказать тебе об этом, потом объясню, хорошо?

– Окей, – кивнул Габриэль и обрадовался, увидев, что Миа снова взяла слово.

– Я не знаю, заметил ли это кто-нибудь из вас. – Она нажала клавишу. – Мы увидели цифру на левом ногте мизинца, когда обследовали тело Паулине. Это римская цифра I. Как вы видите...

Новое фото на экране.

– У Юханне тоже была цифра, две черточки, цифра II на безымянном пальце левой руки.

– Черт подери, – внезапно прервал ее мужчина, которого звали Людвиг, пожилой человек в круглых очках.

– Да, видите? – кивнула Миа и посмотрела на него.

– Почему «черт подери»-то? – спросил Карри.

– Будут еще жертвы, – сказала девушка, которую звали Анетте.

В комнате повисла тишина.

– У нас есть все причины полагать, что Паулине и Юханне – это только две первые жертвы. И что будут еще. К сожалению.

Снова заговорил Мунк.

– Поэтому теперь мы должны быть чрезвычайно внимательны к сообщениям об исчезновениях. Шестилетние девочки, если они пропали хоть на полчаса, – мы должны тут же действовать, понятно?

Все кивнули.

– Мне надо покурить. Встретимся здесь же через десять минут.

Мунк достал пачку сигарет из кармана куртки и вышел на веранду в сопровождении Мии. Габриэль толком не понимал, что ему делать. Ему достаточно было фотографий двух убитых девочек. А теперь будут новые? Он несколько раз глубоко вдохнул, чтобы успокоить сердцебиение, и вышел за кофе.

Лукас сел на свое место в приходе, на стул чуть повыше остальных у стены, с хорошим видом как на кафедру проповедника, так и на прихожан. Пастор Симон уже занял место перед алтарем, но еще не начал свою речь. Было похоже, что он думает о чем-то важном. Лукас и остальные прихожане сидели тихо, в большом белом зале не было слышно ни звука. Все напряженно ждали, когда же пастор Симон скажет, что у него на сердце. Седой проповедник был известен тем, что всегда тратил долгое время, чтобы наладить контакт с Господом, прочертить линии между Богом, самим собой и приходом, очистить зал от всего, что может помешать диалогу с небом. Все действие был красивым, ангельским, почти медитативным, – подумал Лукас, продолжая спокойно сидеть со сложенными руками.

Лукас очень любил слушать речи пастора Симона. Первый раз он услышал его случайно, больше двенадцати лет назад, в лагере на юге Норвегии. Приемная семья отослала Лукаса на каникулы к соседям, не было то ли денег, то ли желания брать его с собой в отпуск. Он не помнил точно, куда они собиралась. Куда-то на юг. В том лагере пятнадцатилетний Лукас начал чувствовать себя крайне ненужным, ему казалось, что все вокруг очень странные. В общем-то, это был не первый раз, когда он чувствовал себя ненужным. Он переезжал из одной приемной семьи в другую с тех пор, как органы опеки забрали его из, так сказать, первоначального дома, и нигде не находил себе места. В школах было то же самое. Никаких проблем с предметами, а вот с другими учениками было тяжело. И с учителями. А может быть, в целом с людьми. Лукас восхищенно смотрел на пастора Симона, который продолжал стоять с закрытыми глазами, повернув ладони к небу. Лукас ощутил тепло. Светящееся тепло и мягкий ясный свет наполнили его тело и дали ощущение безопасности. Он вспомнил тот раз, когда впервые испытал это чувство, – в том лагере на юге Норвегии двенадцать лет назад. Он чувствовал себя не в своей тарелке, как будто у всех вокруг была тайна, в которую его не посвящали. Страх и беспокойство прочно засели внутри него, и как всегда бывает в таких случаях, голоса в голове начали просить его делать вещи, о которых нельзя говорить вслух. Но потом, как будто сам Бог осветил

для него тропинку, он забрел в маленькую палатку на окраине лагеря. К маленькой белой палатке его привела полоса света, а также *шептун*, один из негромких голосов, – *крикуны* ему не нравились, но добрый *шептун* был непохож на них, он тихо говорил на этом иностранном языке: *sequere via ad caelum*^[8] – *следуй по дороге к небу*. Через некоторое время он оказался внутри палатки, окруженный голосами, теплом и светом. Там, на подиуме в центре, стоял пастор Симон с ласковыми глазами и мощным голосом. С того момента Лукас был спасен.

Лукас взглянул на прихожан, сидящих в тишине и ждавших начала речи. Ему были знакомы все лица. Большинство пришедших были прихожанами уже много лет, но ни один не был им так долго, как Лукас. Тем летом он не вернулся домой, да никто особенно и не беспокоился. Теперь, двенадцать лет спустя, он повзрослел, достиг двадцати семи лет и стал правой рукой пастора Симона. Что-то вроде второго игрока в команде, помогавшего пастору во всех делах – и в личных, и в приходских. Работа у пастора Симона была для Лукаса смыслом жизни. Не было ничего, что он бы не сделал, если пастор попросит. Жизнь вообще-то ничто в сравнении с пастором Симоном. И если придет день, когда ему нужно будет умереть за пастора, он с радостью сделает это. Да и смерть вовсе и не смерть, для прихожан пастора Симона это всего лишь новый шаг к небу. Лукас улыбнулся, снова почувствовал прилив тепла и света в теле.

Он уже давно не слышал голосов в голове. Разве что иногда, но совсем слегка, не так тяжело и часто, как раньше, когда он был моложе. Тогда голоса, особенно *крикуны*, просили его делать вещи, которых люди делать не должны. Хотя он и пытался противостоять им, он точно знал, что *крикуны* ни за что не сдадутся. Нужно было просто делать, что они говорят. Слушаться. Надеяться на лучшее. Однажды Лукасу пришло в голову, что *шептун* и *крикуны* – это как Бог и Дьявол. Пастор Симон однажды сказал ему, что не бывает, чтобы один из них существовал без другого. Что эти два полюса вселенной и бесконечности неотделимы друг от друга. Что людям совсем не нужно бояться, ведь путь света все равно приведет их куда нужно. Если человек попадал под влияние Дьявола, это не вечный грех, а всего лишь доказательство существования Бога, а иногда голос Дьявола – это на самом деле голос Бога, проверка, испытание. Тем не менее

Лукас был рад, что голоса, во всяком случае, крикуны, больше не появляются так часто.

Deo sic per diabolum.

Путь к Богу лежит через Дьявола.

Лукас хорошо знал, что это не было официальной позицией прихода. Это не прижилось бы среди новичков. Чтобы понять это, нужно быть одним из посвященных. Но и новички тоже нужны, чтобы сидеть вот так, как сегодня, перед ним в благоговейной тишине. Важны были посвященные. Те, кто понимает, что пастор Симон действительно имеет в виду под дорогой к свету. И Лукас был одним из них.

Вечер новичков. Лукас почувствовал радость при мысли о наступающих выходных. Они снова пойдут в лес. Вместе с другими посвященными. Честно говоря, Лукас не совсем понимал, зачем пастор Симон настаивал на этих собраниях новичков, у них ведь были и задачи поважнее, но, конечно, ему и в голову не могло прийти спорить с пастором. У пастора была связь с Богом, и он точно знал, что ему нужно делать и почему. *Lux Domus*. На выходных. Лукас сжал губы, чтобы сдержать стон от тепла и света, разливающихся по телу.

Наконец пастор Симон заговорил, и сам Бог явился в зал. Прихожане сидели как пригвожденные к стульям, позволив себе наполняться блаженством. Лукас уже слышал эту речь раньше, она была написана для новичков, красивая, но простая. Как уже говорилось, он с нетерпением ждал выходных. *Lux Domus*. Еще на шаг ближе к небу. Он закрыл глаза, позволив словам пастора наполнять себя, и через некоторое время все закончилось. Пастор уже стоял у выхода. Благодарные рукопожатия, склоненные головы – паства проходила мимо него на выход, и вот они снова одни, только они двое в этом большом белом зале.

Лукас проследовал за пастором в его кабинет, помог ему снять костюм для проповедей. Отвернувшись, чтобы не видеть пастора в нижнем белье, он помог ему надеть обычную одежду. Принес чашку свежесваренного кофе. Лукас молчал, пока пастор не уселся в кресло за письменный стол и не дал знак рукой, что Бог покинул зал и можно говорить.

– У нас новое имя, – кашлянул Лукас и достал конверт, спрятанный во внутреннем кармане куртки.

– Да что ты?

Пастор взглянул на него и взял конверт. Внутри лежал простой белый листок. Лукас не знал, что там было написано, видел только имя. Он понятия не имел, что это за имя, это касается только пастора. Его задача только забрать конверт и принести его пастору. Не открывая, быть просто вестником, ангелом.

Как обычно, пастор ничего не сказал. Он прочел имя, сложил листок пополам и убрал его в сейф под столом у окна.

– Спасибо Лукас, есть что-нибудь еще?

Пастор поднял на него глаза. Лукас улыбнулся в ответ на дружеский светящийся взгляд.

– Нет, ничего. Хотя да: ваш брат здесь.

– Нильс? Здесь? Сейчас?

Лукас кивнул.

– Он пришел прямо перед проповедью. Я попросил его подождать на заднем дворике.

– Хорошо, Лукас, хорошо. Можешь попросить его войти.

Лукас поклонился и вышел позвать гостя.

– Почему так долго? Я же сказал, что это важно!

Брат Симона, Нильс, также был высокопоставленным членом общины. Первый раз Лукас встретил его тогда же в той палатке на юге Норвегии, но, хотя он и был в приходе так же долго, он не всегда был на стороне пастора. Лукас знал, что было много шума и шепота по углам, когда правой рукой пастора стал он. Многие считали, что это место Нильса, но, как обычно, никто не смел перечить пастору. Несмотря ни на что, именно Лукас получил ключ к небесам.

– Вы же знаете, что для пастора очень важно помогать новичкам. Теперь он готов принять вас.

– *Lux Domus*, – пробормотал коротко стриженный брат.

– *Lux Domus*, – улыбнулся Лукас и показал ему дорогу.

Пастор встал, когда они вошли в кабинет. Гость поклонился и подошел к старшему брату. Поцеловал его в руку и в обе щеки.

– Садись, садись, брат мой, – сказал пастор и снова опустился на кресло за столом.

Нильс бросил взгляд на Лукаса.

– Мне выйти? – немедленно спросил Лукас.

– Нет, нет, останься.

Пастор жестом велел Лукасу сесть. Лукасу нужно присутствовать, он ведь один из посвященных, нет никаких причин покидать комнату.

Лукасу показалось, что Нильс явно был раздражен действием брата, но ничего не сказал.

– Как там дела у вас наверху? – спросил пастор, когда все трое уселись.

– Все хорошо, – кивнул брат.

– А забор?

– Сделано больше половины.

– Он будет таким же высоким, как мы договаривались?

Брат кивнул.

– Почему же ты не там сейчас?

– Что ты имеешь в виду?

– Почему ты здесь, когда у тебя есть работа там?

Нильс снова бросил взгляд на Лукаса. Как будто у него было что-то на сердце, что он не решался сказать в его присутствии.

– В общине стало на одного меньше, – пробормотал он наконец, склонив голову, словно ему было стыдно.

– Что значит на одного меньше?

– Неприятность случилась с одним из молодых.

– Что значит «неприятность»?

– Просто неприятность. Ошибка. Теперь уже все в порядке.

– Кто это был?

– Ракел.

– Милая Ракел? Моя Ракел?

Брат кивнул, еще ниже склонив голову.

– Она ушла от нас на одну ночь. Но теперь вернулась.

– И все в порядке?

– Да, все хорошо.

– Тогда я снова спрашиваю тебя, почему ты здесь, когда у тебя есть работа там наверху?

Нильс посмотрел снизу вверх на пастора, своего старшего брата. Хотя Нильсу было больше пятидесяти лет, сейчас он выглядел маленьким мальчиком, только что получившим нагоняй от отца.

– Ты просил держать тебя в курсе.

– Пока все хорошо – все ведь хорошо, не правда ли?

Нильс послушно кивнул.

– Мне кажется, быть может, было бы проще, если бы у нас были телефоны, – сказал он осторожно после паузы.

Пастор откинулся в кресле и соединил кончики пальцев.

– Что еще тебе кажется? У тебя есть другие замечания? Ты недоволен тем, что тебе дал Бог?

– Нет, нет, я ничего не имел в виду, я просто...

Нильс не мог подобрать слов и покраснел. Пастор помотал головой, и в комнате воцарилась странная тишина. Не странная для Лукаса – он всегда был на стороне пастора, но странная для брата, и заслуженная: как он посмел задавать вопросы о решении пастора? Брат встал, все еще глядя в пол.

– Вы придете к нам в субботу?

– Да, мы придем в субботу.

– Хорошо, тогда увидимся, – кивнул брат и вышел из комнаты.

– *Lux Domus*, – сказал Лукас, когда они с пастором снова остались наедине. Больше всего он любил такие минуты.

Пастор улыбнулся и посмотрел на него.

– Как думаешь, мы сделали все верно?

– Совершенно верно, – кивнул Лукас.

– Иногда я бываю не совсем уверен, – сказал пастор и снова сложил пальцы.

– Я кое-что должен вам сказать, – сказал Лукас.

– Слушаю.

– Вы знаете, что мой долг – заботиться о вас.

– Правда, Лукас? Правда? – улыбнулся пастор.

Лукас чуть покраснел. Он так хорошо знал пастора. Знал его голос. Знал, что тот его похвалил.

– Я не знаю, осведомлены ли вы, но, может статься, у нас в общине проблема.

– А, среди этих?

– Да, среди новичков.

– И в чем же проблема?

– На самом деле, я не знаю, это вам решать, моя работа только сказать, что я вижу, и заботиться о вас.

– Да, Лукас, ты это уже говорил, и я очень ценю. Так в чем же дело?

Лукас прокашлялся, прежде чем продолжить.

– Один из наших старых прихожан очень неудачно связался кое с кем.

Пастор покачал головой.

– Ты говоришь загадками, Лукас. Откройся. Говори.

– Старая дама в очках, в инвалидном кресле, она обычно сидит позади.

– Хилдур?

Лукас кивнул.

– Что с ней не так?

– Она мать Холгера Мунка.

– Чья мать?

– Холгера Мунка. Полицейского.

– А, вот оно что, он полицейский, я и не знал.

Лукас немного удивился, но ничего не сказал. Он прекрасно знал, что пастор в курсе, кто такой Холгер Мунк.

– Хилдур – его мать, – повторил Лукас.

– И почему это должно представлять для нас проблему?

– Я просто хочу, чтобы вы знали об этом.

– Ты думаешь о том, что было в конверте на этот раз?

Лукас осторожно кивнул.

– Спасибо, Лукас. Но я не думаю, что нам стоит беспокоиться о Хилдур Мунк. Сейчас у нас есть более важные дела, не правда ли?

– Конечно, – сказал Лукас, поднявшись.

– *Lux Domus*, друг мой, – улыбнулся пастор.

– *Lux Domus*, – улыбнулся Лукас в ответ.

Он низко поклонился и покинул кабинет, больше не говоря ни слова.

Миа Крюгер сидела в своем кабинете и перебирала в кармане таблетки. Она пообещала себе, что не возьмет их с собой, оставит их в доме на Хитра, пока не закончит с этим делом и пока они снова ей не понадобятся. Но оставить их не вышло – она кинула в карман несколько, так, на всякий случай. Она подумала, как хорошо было бы принять сейчас одну. Тело было словно пронизано стрелами. Она уже и забыла, что такое реальность. Оставила это далеко позади. И не собиралась возвращаться в нее, пока не появился Мунк и все не испортил.

Миа не пила уже четыре дня с тех пор, как приехала в Осло. Несколько раз она хотела распотрошить мини-бар в номере отеля, но сдерживалась. Холгер предложил ей одну из корпоративных квартир, но она настояла на номере в отеле – могла заплатить и из своего кармана. Она не хотела возвращаться. И не собиралась возвращаться. Безликий номер в отеле – это то, что нужно. Место перехода. Зал ожидания. Она не хотела подходить так близко к повседневной жизни. Только это дело. А потом обратно. На Хитра. К Сигрид. Она искала новую символическую дату, ведь 18 апреля уже прошло. Следующая – это день рождения, 11 ноября. Им обоим исполнилось бы тридцать три года. Исполнится тридцать три года. Казалось, что до ноября еще очень долго. Слишком долго. Надо найти другую дату. А может быть, и не надо. Это может случиться когда угодно. Самое главное, чтобы это свершилось. Чтобы она избавилась от этого. От этих людей. Она сунула руку в карман и положила одну таблетку на язык. Передумала. Выплюнула ее и снова убрала в карман.

– У нас есть отклик по одежде.

Анетте внезапно возникла в ее кабинете.

– Что?

– Есть совпадение по кукольным платьям.

– Уже?

– Ага, – улыбнулась светловолосая девушка и помахала бумажкой в руке. – Звонила Йенни из «Ателье Йенни». Она извинилась, что не позвонила раньше, она только сейчас прочитала наше объявление в газете. Поедем вместе?

– Конечно. Где Мунк?

– Ему нужно забрать внучку из садика. Ее маме надо примерить свадебное платье.

– А, вот как, их до сих пор кто-то надевает.

– Ага, – улыбнулась Анетте. – Честно говоря, рада, что это не я. Свадьба! Не слишком ли старомодно?

– Ты спрашиваешь не того человека, – улыбнулась Миа. – Я мало что в этом понимаю.

Она встала и надела черную кожаную куртку.

– Ты за рулем или я? – спросила Анетте, помахав очками перед собой.

– Я думаю, лучше ты, – подмигнула Миа и пошла за коллегой к парковке.

– Что сказала эта женщина? – спросила Миа, когда они выбрались из центра и ехали по Драмменсвейен.

Она много раз работала с Анетте, но они не были в близких отношениях. Миа толком не знала почему – в Анетте все было хорошо. Она была умна и всегда приветлива. Адвокат по образованию, очень талантливая и отличный сотрудник специального отдела. Наверное, дело в том, что Миа вообще не относилась к своим коллегам как-то особенному. За исключением Мунка, конечно же, но с ним другое дело. Были ли у нее вообще близкие отношения с кем-нибудь? С друзьями из Осгордстранда она не говорила уже много лет. После того как не стало Сигрид, она замкнулась еще больше. Может быть, это неправильно? Может, у нее могла бы быть хорошая жизнь за пределами работы? Теперь уже не имеет никакого значения. Раскрыть это дело – и обратно на Хитра. Обратно к Сигрид. Она погладила букву С на браслете. Почувствовала себя в безопасности.

– Я с ней не говорила, мне все передал наш коллега из Грэнланда. Но я думаю, она та, кто нам нужен.

– Она знала о цифрах за воротником?

Анетте кивнула и перестроилась в другой ряд.

– Мк.10:14. «Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им». Думаешь, это что-то, связанное с религией?

– Пока рано говорить, – сказала Миа и надела темные очки.

За окном было очень светло, теплое весеннее солнце для других, но не для нее. Она чувствовала себя так, будто ее тело больше не

выдерживает никаких ощущений. Накануне вечером она попыталась посмотреть телевизор, но только заработала головную боль. Ей даже пришлось попросить Холгера выключить радио в его кабинете. Они ехали дальше в тишине. Миа заметила, что Анетте мучает любопытство, но она не подает виду. Остальные вели себя точно так же. Вежливые улыбки, скрывающие любопытные взгляды. Конечно не у тех, кто ее знал. Карри, Ким, Людвиг – хотя и они тоже. *Как ты? Как ты жила? Ты выздоровела, Миа? Мы слышали, ты сошла с ума. Побрилась налысо? Пыталась покончить жизнь самоубийством на острове где-то во фьорде?* Краем глаза она увидела, что Анетте смотрит на нее. В воздухе висела куча незадаанных вопросов, но Миа пока была не готова к ним. Она решила ответить на них как следует чуть позже. Ей нравилась Анетте. Может, им вдвоем стоит сходить выпить пива или что-то в таком духе? Или не стоит. Почему одно, почему другое?

Пойдем, Миа, пойдем.

Почему ты одна, так далеко?

Когда они повернули на Сандвика, пошел дождь. По машине забарабанили капли, но Миа не снимала солнечные очки. Она закрыла глаза и слушала звуки. Капли о ветровое стекло. Шум мотора. На мгновение ей снова стало одиннадцать, она на заднем сиденье в машине отца, суббота, и они едут домой из Хортена, с работы отца. Она снова почувствовала его запах, услышала журчащий голос, вспомнила его руку в кожаной перчатке на руле. Он свободно рулил одной рукой, когда мамы не было в машине.

Давай споем, Миа?

Давай, начинай, видишь, видишь!

Вот я еду, мы прекрасны оба видишь, видишь, нет разницы между мной и тобой, видишь, видишь!

Еще раз!

Еще раз?

Да!

Миа улыбнулась за темными очками, почувствовала в себе ту маленькую девочку, от бабочек в животе у нее пошли мурашки и покраснели щеки. Как же просто все было тогда! А теперь никого не осталось. Только она одна.

Машина остановилась, и Миа вернулась в реальность.

– Вот и приехали, – сказала Анетте, выходя.

Миа положила очки в бардачок и тоже вышла. Дождь перестал – это был всего лишь местный кратковременный ливень. Мягкое весеннее солнце вышло из-за облаков и показало им путь к маленькому желтому зданию на краю Сандвика.

На окне вывеска «Ателье Йенни». На двери – старомодная табличка «ЗАКРЫТО». Миа постучала, и к двери сразу подошла милая, но взволнованная пожилая женщина.

– Да? – сказала она, не открывая дверь.

– Миа Крюгер, отделение полиции Осло. Отдел расследования убийств, – сказала Миа и показала свое удостоверение через стекло, чтобы успокоить даму.

– Полиция? – переспросила женщина и бросила на них нервный взгляд.

– Да. Мы можем войти?

Было очевидно, что эта милая старушка была в шоке после статьи в газете, ей потребовалось некоторое время, чтобы открыть дверь. Старые трясущиеся руки никак не могли справиться с замком, но вот наконец она повернула ключ. Миа спокойно зашла внутрь и еще раз показала старушке свое удостоверение. Женщина закрыла за ними дверь и снова быстро заперла ее. Она стояла посреди маленького разноцветного зала, не вполне понимая, что ей нужно делать.

– Вы Йенни? – спросила Миа.

– Да, извините, где мои манеры. Что за день, я вся дрожу! Йенни Мидтхун, – сказала старушка и протянула свою маленькую ручку Мии.

– Это ваше ателье? – спросила Анетте и огляделась.

В витринах стояли выставочные куклы в сшитых вручную платьях. Полки были уставлены предметами ручной работы. Одна стена была завешана квилтами^[9], весь магазин был заполнен подобными вещами.

– Да, с 1972 года, – кивнула милая старушка. – Мы начинали вместе с мужем, но его больше нет с нами. Он умер в 89-ом. Это он решил назвать «Ателье Йенни», я хотела, чтобы мы назвались «Ателье Йенни и Арильда», но он настоял, так что вот...

Женщина снова немного растерялась.

– Вы сшили эти платья?

Миа вынула фотографии из кармана и положила на прилавок. Йенни надела очки, висевшие у нее на шее и, бросив взгляд на фото, подтвердила:

– Да, я сшила оба платья. Что это значит? У меня неприятности? Я сделала что-то плохое?

– Нет, совсем нет, Йенни, у нас нет причин думать, что вы сделали что-то плохое. Для кого вы сшили их?

Женщина зашла за прилавок и достала с одной из полок папку.

– Тут все есть, – сказала она, показав пальцем на папку.

– Что – все?

– Все заказы. Я их записываю. Размеры, материал, цену, дату готовности, тут все есть.

– Вы не против, если мы возьмем папку с собой? – спросила Миа.

– Нет, нет, конечно, берите все, что нужно. Ох, какой кошмар, ох, ужас, я даже не знаю... я была в таком ужасе, когда один из соседей принес мне газету...

– Кто заказал эти платья? – спросила Миа.

– Мужчина.

– У него есть имя?

– Нет, он не говорил имени. Только принес фотографии. Фотографии кукол. Сказал, что хочет сшить эти платья в детском размере.

– Он не сказал, зачем ему это?

– Нет, а я и не спрашивала. Если бы я только знала, ах, если бы я знала...

Йенни Мидтхун схватилась за голову и рухнула на стул. Анетте исчезла в задней комнате и вернулась со стаканом воды.

– Спасибо, – сказала старушка дрожащим голосом.

– Когда поступил заказ?

– Около года назад. Прошлым летом. Первый.

– Он был тут несколько раз?

– О, да, – кивнула Йенни. – Он много раз тут был. И никогда не было проблем с оплатой. Всегда наличные, всегда вовремя. Хорошо платил. Не задавал никаких вопросов о цене.

– Сколько платьев вы сшили?

– Десять штук.

Женщина потупила взгляд в пол. Анетте посмотрела на Мию, подняв брови.

Будут новые жертвы. Десять платьев.

– Когда вы видели его в последний раз?

– Не так давно. Около месяца назад. Да, где-то так. В середине марта. Тогда он забрал два последних платья.

– Вы сможете описать его внешность? Как он выглядел?

– Совершенно обычно.

– Что для вас значит «совершенно обычно»?

– Ну, он был очень хорошо одет. В красивой одежде. Костюм и шляпа. Хорошие начищенные ботинки. Не очень высокий, ниже, чем Арильд, ну, это мой муж, может быть, метр семьдесят пять, в таком духе. Не худой и не толстый, совершенно обычный.

– Говорил на диалекте?

– Что? А, нет...

– Это значит, он с востока Норвегии? Он говорит, как мы?^[10]

– А, да, он норвежец. Наверное, из Осло. Около сорока пяти лет на вид. Совершенно обычный мужчина. И очень красиво одевается. Я ведь не могла тогда знать... я имею в виду... я не знала...

– Вы нам очень помогли, Йенни, – сказала Миа, осторожно похлопав старушку по руке. – Теперь нужно, чтобы вы немножко подумали и вспомнили, было ли в нем что-нибудь, что отличает его от других? Что-то, на что вы обратили внимание?

– Нет, не знаю, что бы это могло быть... Вы имеете в виду татуировки?

Анетте посмотрела на Мию и улыбнулась.

– У него была татуировка?

Пожилая дама кивнула.

– Да, вот тут, – и показала на свою шею. – Обычно на нем был свитер с горлом, и ее не было видно, но однажды воротник неплотно прилегал, понимаете, и ее было видно.

Она немного отодвинула воротник своей блузки, чтобы продемонстрировать, как это выглядело.

– У него была большая татуировка? – спросила Анетте.

– О, да, очень большая. Она закрыла всю шею отсюда и досюда.

– Что было изображено на татуировке, вы заметили?

– Да, это был орел.

– У него была татуировка орла?

Йенни осторожно кивнула.

– Сообщи об этом немедленно, – сказала Миа.

Анетте кивнула и вышла позвонить.

– Я вам помогла?

Милая пожилая женщина посмотрела на Мию испуганными глазами.

– Меня отправят в тюрьму?

Миа погладила ее по плечу.

– Ну что вы, куда вас не отправят. Но мне нужно, чтобы вы в ближайшее время приехали к нам в отделение для дачи официальных показаний. Не прямо сейчас, но скоро, хорошо?

Старушка кивнула и проводила Мию до двери. Миа достала визитку из кармана джинсов и протянула ей.

– Если вспомните что-то еще, сразу же звоните мне, хорошо?

– Конечно. Но у меня не будет неприятностей, правда ведь?

– Абсолютно никаких, – улыбнулась Миа. – Спасибо за помощь.

Она услышала звук запирающегося замка, когда вышла на улицу. Бедняжка. Она и правда потрясена. Миа увидела, как лицо старушки мелькнуло за занавесками, и понадеялась, что той не придется провести остаток дня в одиночестве и у нее есть кто-нибудь, кому можно позвонить.

Миа повернулась как раз в тот момент, когда Анетте положила трубку.

– Удалось поговорить с Холгером?

– Нет, он не ответил. Поговорила с Кимом. Он разберется с этим.

– Хорошо, – улыбнулась Миа.

Девушки сели в машину и быстро поехали обратно в город.

Холгер Мунк сидел в пиццерии на Стортингсгата и слушал, как нужно расчесывать волосы кукле. Они только что поели, точнее, он поел, а Марион в основном пила лимонад и играла. Он, конечно же, не мог удержаться, не мог противостоять этим милым глазкам и умоляющему голосу, это было выше его сил, к отчаянию его дочери. Он заваливал Марион подарками с самого рождения: плюшевые медведи, куклы, детская иногда напоминала магазин игрушек. В конце концов Мириам заявила ему, что пора с этим заканчивать, они пытаются воспитать самостоятельную разумную девочку, а не избалованную богачку.

– О, дедушка, смотри – «Школа монстров»!

– Что еще за монстры?

– Это мультфильм такой. Они ходят в школу. Смотри, вот Джексон Джекил! Это мальчик. Видишь, какая у него классная желтая рубашка. Это потому что он монстр. Давай купим его?

– Не думаю, что мы купим что-то сегодня, Марион. Ты знаешь, что сказала мама. Нам надо подождать до твоего дня рождения.

– Но это же еще через миллион дней! И вообще, мамины правила не работают, когда я с тобой!

– Вот как, и кто же это сказал?

– Я сказала! Только что.

– Вот как, ты?

– Я могу решать сама, мне уже шесть лет, и осенью я пойду в школу Лиллеборг, и тогда никто не будет за меня решать, я все буду решать сама!

Кого же она напоминала ему? Милая и добрая, но упрямая и непоколебимая.

– О-о-о, это же ДракуЛаура, дедушка! Смотри, ДракуЛаура! И Фрэнки Штейн! Фрэнки Штейн, дедушка! Дедушка, ну давай купим кого-нибудь из них, ну пожалуйста!

Конечно, было куплено все, что захотела Марион. Две куклы. Джексон Джекил и Фрэнки Штейн. Парень и девушка из какой-то школы монстров, о которой Холгер Мунк ничего не знал. Но это не имело никакого значения. Ее улыбка и теплое мягкое тельце, повисшее

у него на шее. Кому какая разница, что там за школа монстров и будет ли сердиться мама.

– Джексон Джекил хочет быть с Фрэнки Штейн, но она не хочет, потому что она самоскрывательная девушка, гордая и знающая, что хочет в жизни.

– Ты имела в виду «самостоятельная»?

Марион посмотрела на него ярко-голубыми глазами.

– Да, я это и имела в виду.

Холгер улыбнулся в бороду. Он словно слушал свою дочку. Малышка Марион была копией Мириам, если не сказать больше. Холгер Мунк вспомнил день, когда он провожал Мириам в школу в первый раз. Как он был горд! Его маленькая девочка выросла и первый раз выходит в мир. Она была такой милой, с косичками, в новом платье и с рюкзачком за спиной. Она очень ждала этого дня, но и переживала тоже. Они стояли в школьном дворе и смотрели, как Мириам заходит в здание. Он и Марианне. Им не разрешили идти с ней, лучше, если ребенок будет один в свой первый день в школе. Мириам крепко вцепилась в его руку и не хотела отпускать. Все еще папина дочка. Как случилось, что внезапно ей стало пятнадцать, она стала ярко краситься и слушать тяжелую музыку за закрытыми дверями? Больше не папина дочка. Не говоря уже о следующем этапе – теперь ей двадцать пять, как так случилось? Та маленькая девочка, которая жалась к его ноге, боясь других детей, теперь примеряет свадебное платье и выходит замуж за новоиспеченного врача из Фредрикстада, Юханнеса, за парня, которого он почти не знает. Холгер Мунк снова подумал о внучке. Она все еще считала его лучшим дедушкой на свете, с удовольствием обнимала его и сидела на коленках.

– Теперь ты Джексон Джекил, – сказала Марион.

– Что ты сказала, милая?

– Теперь ты будешь Джексоном Джекилом, а я Фрэнки Штейн.

– Не хочешь еще пиццы?

– Фрэнки Штейн не хочет еще пиццы, ведь она худеет. Возьми свою куклу, дедушка!

Мунк нехотя вытащил куклу на стол и попытался не отвлекаться на постоянно пищаний телефон. Он решился, сделал выбор, он не хочет снова повторить эту ошибку. Когда он с Марион, он должен

уделять внимание только ей, только так – остальному миру придется подождать.

– Скажи что-нибудь, дедушка! – нетерпеливо сказала Марион и провела куклу-монстра по столу между кусочками пиццы.

– А что нужно говорить?

– Ну, дедушка, ты сам должен придумать! Давай поиграем!

– Привет, привет, – сказал Мунк, изменив голос, пытаюсь превратиться в Джексона Джекила, надеюсь, что люди за соседними столиками не услышат их.

– Привет, Джексон, что ты хочешь? – сказала Марион кукольным голосом.

– Пойдешь со мной в кино?

– Ну, может быть. А что за фильм?

– «Пеппи Длинный Чулок», – сказал Холгер Мунк.

– Но это же для детей, – вздохнула Марион. – И голос не тот, что до этого, дедушка!

– Извини, – сказал Холгер, погладив внучку по голове.

– Ничего страшного, – кивнула она. – Ты уже старый, дедушка, и не понимаешь всего того, что делает молодежь.

Она взяла обе куклы и показала ему, каким должен быть их разговор, если бы дедушка умел играть получше.

– Привет, Фрэнки! – Привет, Джексон! – Пойдешь со мной на танцы в пятницу? – Пойду, но это не свидание, мы просто друзья. – А поцелуи будут? – Нет-нет, никаких поцелуев, только объятья. – Обнимешь меня сейчас? – Хорошо.

Марион сложила кукол вместе. Холгер, воспользовавшись случаем, проверил сообщения на телефоне. Анетте звонила и прислала смс. От Кима два смс. И Курт Эриксен, их семейный адвокат, звонил несколько раз. Что ему нужно? Марион была увлечена игрой, поэтому он решил прочитать сообщения.

Мы нашли портниху, которая сшила платье. И покупателя. Человек с татуировкой орла на шее. Говорила с Кимом. Позвони мне

Так быстро? Сердце полицейского забило сильнее. Значит, можно привлекать СМИ, они нашли человека в первый же день. Он

быстро просмотрел сообщения от Кима.

Думаю, мы нашли человека с татуировкой орла.
Карри знает, кто это. Позвони.

И последнее:

Алло?

– Привет, где Марион?

Мунк резко вернулся в реальность, увидев перед собой дочь, в легком раздражении.

– Привет, Мириам, Марион? Она...

Марион не было на месте.

– Она только что была...

Он не успел договорить. Мириам уже шла забирать дочку, игравшую с новыми куклами в зале.

– Разве мы не говорили о том, что нужно покупать поменьше всего? – сказала Мириам, вернувшись к столу.

– Да, но...

– Собирай вещи, Марион, мы идем домой.

– Уже? Но мы с бабушкой хотели купить мороженое...

– В другой раз. Пошли.

Мириам начала складывать вещи Марион. Холгер вскочил помочь.

– Ну, как дела с платьем? Все в порядке?

– Не совсем то, что я хотела, – вздохнула Мириам. – Но у них там есть портные, они смогут его немного поправить – надеюсь, успеют.

– Да, двенадцатое мая уже совсем скоро.

– Именно так. Марион, нам надо бежать, папа неправильно припарковался на улице. Попрошайся с бабушкой.

– Пока, бабушка, – улыбнулась малышка и крепко обняла его. – Потренируйся к следующей игре, ладно?

– Обещаю, – улыбнулся Холгер.

– Ты один придешь? – спросила Мириам.

– Куда?

– На свадьбу. Придешь один или с кем-то?

Прийти на свадьбу с кем-то? Он даже не думал об этом. Непонятно, почему, но внезапно ему представилась Карен. Из дома

престарелых. Та, которая радовалась его визитам. Первое свидание на свадьбе? Нет, это было бы глупо.

– Я приду один, – сказал Холгер.

– Не хочешь взять с собой Мию? Она же вернулась? Я очень хочу, чтобы она пришла. Я звонила ей несколько раз, но, кажется, ее телефон выключен.

Взять с собой Мию – ему и в голову не пришло. Он знал, что Миа и Мириам нравились друг другу.

– У нее новый номер, – сказал он. – Но я спрошу ее, это хорошая идея.

– Отлично, внесу ее в список, – и слегка улыбнулась перед тем, как вернуться к своему обычному серьезному тону. – Ах да, еще кое-что. Думаю, мы с Юханнесом поедem в Фредрикстад на следующие выходные. Ты сможешь присмотреть за Марион?

– Конечно.

– Ты вернулся в старую квартиру? Сдал ту в Хёнефоссе?

– Да, я вернулся туда. Она может пожить у меня все выходные, это будет здорово.

– Хорошо, я позвоню тебе.

Мириам повела дочку к выходу.

– Пока, дедушка!

– Пока, Марион!

Мунк махал им, пока дверь за ними не закрылась, и пошел оплатить счет.

Выйдя на улицу, он поторопился сделать необходимые звонки. Отдых от внешнего мира подзатянулся. Они нашли человека по платьям. Ким сразу же взял трубку.

– Да, алло?

– Что у нас там? – быстро сказал Мунк.

– Анетте и Миа нашли портниху, сшившую платья. Ателье в Сандвика.

– И?

– Заказчик, мужчина около сорока пяти лет, татуировка орла на шее, десять платьев.

– Десять платьев?

– Да.

Твою мать.

– И мы знаем, кто это?

– Карри думает, что знает. Не на сто процентов, конечно, но сколько сорокапятилетних мужчин ходят с татуировкой орла? И данные совпадают. Рогер Баккен. У нас ничего нет на него в архиве, но Карри столкнулся с ним однажды, когда работал с наркоманами.

– Что это за парень?

– Работает курьером. Забирает и доставляет посылки, знаешь.

– Ты думаешь, он подходит?

– Думаю, да.

– У нас есть его адрес?

– Последний известный адрес – это хоспис в Грэнланде. Если это тот же Рогер Баккен.

– Кто-нибудь поехал туда?

– Миа и Анетте сейчас там.

– Буду там через пять минут, – сказал Мунк и отключился.

Миа придержала дверь за Анетте и прошла вслед за ней в темную приемную. Миа видела не один хоспис за время своей работы, и этот ничем не отличался от остальных: сдавливающее ощущение безысходности. Последняя остановка перед конечной. Здесь застревают люди, больше никому не нужные.

– Добрый день! – крикнула Анетте в сторону ресепшена в тускло освещенном фойе, но там никого не было.

– Может, нам просто пройти внутрь?

Миа подошла к двери, – похоже, она вела на другие этажи. Подергала ручку, но дверь оказалась заперта.

– Думаю, нам надо кричать громче, – сказала Анетте и заглянула за стойку. – Разве не так принято в этих местах? Следить за теми, кто приходит и уходит?

Миа Крюгер осмотрелась. Фойе было скромно обставлено. Маленький стол. Два венских стула. Высохшая пальма в углу.

– Ау? – снова прокричала Анетте.

– Мы из полиции. Тут кто-нибудь есть?

Наконец дверь за стойкой открылась, и оттуда высунул голову худой пожилой мужчина.

– Что вы хотите?

– Полиция. Отдел расследований убийств, – сказала Миа и положила свое удостоверение на стойку.

Пожилой мужчина окинул их скептическим взглядом. Посмотрел на фотографию Мии в документе, пока доедал последний кусок своего бутерброда.

– И что же? – сказал он, ковыряясь пальцем в зубах.

– Мы ищем человека по имени Рогер Баккен, – сказала Анетте.

– Баккен, ммм... – протянул мужчина и немного полистал книгу перед собой.

– Рогер Баккен, – сказала Миа нетерпеливо. – Около сорока пяти лет, большая татуировка орла на шее.

– А, этот, – сказал он, продолжая ковыряться в зубах. – Тогда вы опоздали.

– Что вы имеете в виду?

Худой слегка ухмыльнулся. Казалось, ему нравится вставлять им палки в колеса. Не очень-то он дружит с полицией.

– Отбросил коньки месяц назад.

– Коньки?

– Смерть. Капут. Самоубийство, – сказал худой мужчина и уселся на стул за стойкой.

– Вы шутите? – раздраженно сказала Миа. – У вас тут все законно, кстати говоря? Ни у кого нет ничего запрещенного в комнатах, а? Здесь же запрещены наркотики?

Старик снова встал и уже намного более вежливо и услужливо ответил:

– Нет, это правда. Он совершил самоубийство, спрыгнул с крыши прямо на асфальт. Если мы говорим об одном и том же человеке.

– Рогер Баккен. Около сорока пяти лет. Татуировка на шее.

– Да, это наш Рогер, – кивнул мужчина. – Трагическая история, но, к сожалению, такое не в первый раз здесь случается. Такова жизнь. Для этих парней, по крайней мере.

– Как это случилось? – спросила Анетте.

– Выпрыгнул с балкона общей комнаты на десятом этаже.

– Там у вас есть балкон? Как это возможно?

Он пожал плечами.

– А что мы можем сделать? Заколотить окна? У людей есть право решать, что делать со своей жизнью, пусть это и идет вразрез с желаниями общества, вам так не кажется?

Миа притворилась, что не заметила сарказма.

– Мы можем осмотреть его комнату?

– Извините, но там уже занято. Люди в очереди стоят, чтобы попасть сюда, у нас листы ожидания на много месяцев вперед.

– У него была семья? Кто-то забирал его вещи?

– Неа. Мы обратились в полицию, и кто-то пришел и забрал его тело. Мало у кого тут есть семьи. А если и есть, то знать их не хотят.

– У вас до сих пор хранятся его вещи?

– В коробке в подвале, насколько я знаю.

– Спасибо, – сказала Миа нетерпеливо.

– Всегда пожалуйста, – сказал старик.

Миа постучала пальцами по стойке. Она уже и забыла, каково это – работать полицейским в столице. Быть человеком во внешнем мире.

Она скучала по своему дому. По острову. По виду на море.

Пойдем, Миа, пойдем.

– Это было спасибо авансом, – сказал она наконец.

– Чего?

– За то, что вы сейчас пойдете и принесете нам его вещи, чтобы нам не тратить на это весь день.

Худой злобно кивнул и потрусил к себе в заднюю комнату.

– Жалкий мерзавец, – пробормотала Миа.

– Ты немного не в форме? – спросила Анетте.

– Что ты имеешь в виду?

– Переживать из-за таких людишек – это на тебя не похоже.

– Плохо спала ночью.

В этот момент дверь открылась, и вошел Мунк.

– Что у нас тут? – выдохнул он, подойдя к стойке.

– Плохие новости.

– Что?

– Рогер Баккен совершил самоубийство месяц назад, – вздохнула Анетте.

– До исчезновения Паулине?

Миа кивнула.

– Черт бы его побрал, – выругался Холгер.

У него зазвонил телефон. Он несколько секунд смотрел на дисплей, прежде чем решил ответить. Худой старик снова вынырнул из задней комнаты, держа в руках коробку.

– Вот, это все что у него было.

Он поставил коробку перед ними на стойку.

– Там внутри есть телефон? Или компьютер?

Худой пожал плечами.

– Я не смотрел.

Миа вынула визитку из кармана и положила перед ним.

– Мы забираем это с собой. Позвоните мне, если у вас будут вопросы.

– Но какого черта?!

Анетте и Миа развернулись одновременно, удивленные внезапным выкриком Мунка по телефону. Он положил трубку и вернулся к ним с окаменевшим лицом.

– У вас тут все? – спросил он и кивнул в сторону стойки.

- Ага.
- Мы забираем это с собой.
- С кем ты говорил? – полюбопытствовала Миа.
- С семейным адвокатом.
- Что-то случилось?
- Мне надо отъехать, встретимся в офисе.

Холгер Мунк убрал телефон в карман и открыл дверь перед коллегами.

Лукас сидел на велосипеде, вдыхая прекрасный весенний воздух. Сегодня он в замечательном настроении, встал рано, выполнил свои обязанности – утренняя молитва и домашние дела. Он был ответственен за чистоту прихода и очень ценил эту работу. Называть молитву обязанностью, конечно же, ошибочно. Утренняя молитва – это радость. Иногда он начинал ее сразу после пробуждения, еще лежа в постели, хотя и знал, что нужно сначала сделать утренние процедуры и приготовить завтрак. Он просто не мог ждать. Чувствовал, что так и должно быть. Говорить с Богом. Что это должно быть первым, что он сделает, когда откроет глаза. Все молитвы он всегда начинал с благодарностей. Он благодарил Бога за заботу о близких. О пасторе Симоне. Обо всех, кто живет в лесу. Иногда он думал, что надо бы включить в благодарность и свою старую семью, но, честно говоря, не мог вспомнить их лица. Родная семья от него отказалась, а приемная особенно не волновалась о нем, но он не держал зла ни на кого из них. Почему он должен злиться? *Прости их, Отец, они не ведают, что творят.* Это всегда было предельно понятно Лукасу. Если бы он не рос так, как рос, он бы не оказался в том летнем лагере и не получил бы возможность обрести полное счастье вместе с Богом и пастором Симоном. Лукас улыбнулся и налег на педали. Почему он должен быть чем-то недоволен? На то нет никаких причин. Жизнь совершенна. Идеальна. Он немного посмеялся про себя и пробормотал небольшую молитву. Спасибо, Господи, за птиц на деревьях и за эту красивую дорогу. Спасибо, Господи, за весну и за другие времена года. Спасибо, Господи, что ты дал мне важную роль, что ты послал мне пастора Симона. Каждый день я просыпаюсь с радостью и засыпаю с радостью. Последнюю фразу он сказал громко, снова ощутив тепло и свет, разливающиеся по телу. Какая-то машина проехала мимо него по Маридалсвейен, очень близко, – один из этих нечестивых несчастных людей, не имеющих направления в жизни и всегда опаздывающих. Лукас чуть не упал с велосипеда, но даже не обратил на это внимания. Давно уже он не тратил сил на безбожников. На людей нижней касты. Не было никакого смысла. Вначале он жалел их, ведь у них не было такого счастья, но потом перестал. Каждый сам выбирает свою жизнь.

Ключ к счастью лежит в твоих руках, нужно только разглядеть его, – говорил обычно пастор Симон. Это одна из любимых цитат Лукаса – он никогда не мог наслушаться проповедей пастора. *Никто не причинит тебе зла, если ты не позволишь этого. Ты всегда должен делать то, что, по-твоему, ты сделать не в силах. Горе – это цветок, не живущий без воды. Ты сам решаешь, умрет он или нет.* Лукас снова улыбнулся про себя. У пастора было много таких изречений. У него есть прямая связь с Богом, это не шутка, Лукас видел это своими глазами. Много раз. Очень часто. Он видел Бога в комнате. Спасибо, Господи, за очищение. Спасибо, Господи, за прекрасные дикие цветы на окраине дороги. Спасибо, Господи, за шептунов. Спасибо, Господи, за крикунов. Спасибо, Господи, что делаешь мою жизнь совершенной.

Лукас слез с велосипеда, поставил его на подножку и присел на камень. Обычно они встречались в разных местах, и этот маленький съезд был одним из таких мест. Не то чтобы они встречались так часто, это, наверное, был, м-м-м, да, восьмой раз. Женщина в машине. Последний раз она приезжала несколько недель назад. Обычно она просто приезжала, опускала стекло и передавала ему конверт, почти ничего не говоря. В последний раз было немного иначе: она вышла из машины, закурила и немного поговорила с Лукасом, не о чем-то серьезном – о погоде и все такое. Он не знал, сколько ей лет, наверное, около тридцати пяти, она всегда была красиво одета, в сапожках, пальто или красивых куртках, очень ярко красила губы и очень мило улыбалась. У нее были длинные темные волосы, прямой нос и всегда солнечные очки, в независимости от того, было ли солнечно. Женщина была вовсе не из посвященных, это Лукас понял сразу. Достаточно посмотреть на ее одежду. Помада, и сапожки, и солнечные очки, и даже сигареты – в Библии она была бы шлюхой, но, как говорит пастор Симон, *иногда путь к свету лежит через кромешную тьму.* В какой-то степени они даже сочетались, Лукас и эта женщина. Оба курьеры. Посланные вместе Богом, Богу. Он встал, потянулся, пнул камень в кусты. Что-то напевал про себя. Он начал напевать недавно, негромко, только тихие мелодии, словно небольшая мелодичная месса. М-м-м-м-м-м. Он посмотрел на выглянувшее солнце. Увидел, как белка перепрыгнула с одного дерева на другое. Спасибо, Господи, за белок и всех других животных, которыми ты нас благословил. Осенью Лукасу исполнится двадцать семь, но он чувствовал себя намного младше. Как

будто времени не существует. У него нет возраста. У Бога нет возраста. У времени нет ни начала, ни конца. Это для новичков. Для тех, кто пользуется часами и телефонами и спешит, чтобы успеть. *Вечность уже началась.* Он хорошо помнил, как пастор Симон сказал это впервые, это было на третьей встрече в палатке в том лагере, после того как Лукас освободился и нашел Бога. *Вечность уже началась.* Он снова тихонько запел и посмотрел на деревья. Наверху кричала сойка. Из глубины леса был слышен стук дятла. В субботу он видел сову, она сидела на крыше дома. *Lux Domus.* Многие не любят сов, относятся к ним как к предвестникам неприятностей, но Лукас знал лучше. Выходные оказались такими же замечательными, как он и ожидал, даже еще лучше. Нильс хорошо сделал свою работу наверху, в лесу. Там теперь настоящий рай.

Автомобиль съехал с дороги и остановился в нескольких метрах от него. Она приехала на другой машине, но он сразу узнал ее через лобовое стекло. Длинные темные волосы, собранные в конский хвост, помада, но в этот раз без солнечных очков. Было похоже, что сегодня она не думала выходить из машины, только помахала ему, опустила стекло и протянула конверт. Она огляделась немного нервно, словно чего-то боялась. Словно она была очень занята и хотела закончить с этим как можно быстрее. Лукас протянул руку за конвертом, и в этот момент она повернулась к нему, бросила на него короткий взгляд и снова отвернулась.

Сердце в груди у Лукаса подпрыгнуло. *У нее были глаза разного цвета. Один карий. Другой голубой.* Лукас никогда не видел ничего подобного. Оставшись стоять с конвертом в руке, он не мог вымолвить ни слова, и в первый раз за долгое-долгое время он почувствовал, как страх закрадывается в тело, будто темные капли в светлую кровь. Женщина с глазами разного цвета подняла стекло, аккуратно выехала на Маридалсвейен и уехала так же стремительно, как и появилась.

Миа Крюгер затащила большую коробку к себе в кабинет и закрыла за собой дверь. В обычно шумном офисе было тихо и пусто, она потеряла Анетте по пути – той нужно было помочь с чем-то дочери, и она сказала, что придет позже. Миа ответила, что не обязательно возвращаться, она сама просмотрит содержимое коробки. Анетте мучилась угрызениями совести, как и все, кто мечется между работой и семьей, но Миа уверила ее, что все в порядке. Она позвонит, если найдет что-то важное. На самом деле Миа просто любила работать одна. Так проще думать. Задумываться глубже. Находить связи. Она не имела ничего лично против Анетте или других коллег, все отлично работали, но, как уже было сказано, иногда вокруг нее собиралось слишком много людей, чтобы ее мозги работали как полагается.

Миа принесла коробку в переговорную и поставила перед собой на стол. Она сидела и смотрела на стену. Людвиг как обычно повесил туда фотографии, заметки и записки, имена и вопросы из обоих дел. Паулине и Юханне. *Платья? Кто?* На это они во всяком случае уже ответили, хоть и не зашли дальше, чем коробка вещей умершего человека с татуировкой орла. Она открыла замок и начала сортировать содержимое, раскладывая его на столе. В коробке было не много. Несколько фотографий. На одной из них собака. Золотистый ретривер. Какой-то парень на рыбалке, лица не видно, его закрывает большая рыба в руках. Машина. Кто может хранить фото своей машины, подумала Миа и запустила руку на дно коробки. Под пачкой счетов она нашла то, что искала. Ноутбук и айфон. Попыталась включить айфон, но у него села батарейка. Она еще порылась в коробке, но не нашла зарядки или проводов ни к айфону, ни к компьютеру. Попробовала включить ноутбук, но он тоже оказался не заряжен.

Зайдя в кабинет взять свои зарядные устройства, Миа услышала звуки откуда-то с другой стороны коридора. Все-таки не все еще ушли домой. Это же тот новый кодер, как его там звали? Габриэль? Да, точно Габриэль. Миа разозлилась, что голова не работает так как надо. Алкогольно-таблеточная диета не прошла бесследно. Тошнота, головокружение, отсутствие аппетита, и мысли никак не собирались

вместе. Она спустилась к кабинету Габриэля и решила снова начать тренироваться. Раньше она была в отличной форме. Но это было уже давно. Интересно, Чен еще в городе? Вероятно. Но он был зол на нее. Или она на него? Она не помнила. Надо вспомнить. Позвонить Чену. Возобновить тренировки. Пусть кровь потечет по мышцам, а мозги заработают.

– Привет, ты все еще тут?

Миа заглянула, не постучавшись. Молодой человек со светлыми волосами вздрогнул.

– Ой, я не слышал, как вы вошли, – сказал он извиняющимся тоном.

Мии показалось, что он даже немного покраснел.

– Извини, это я виновата, – улыбнулась она. – Я только хотела узнать, не сможешь ли ты мне кое с чем.

– Конечно, – кивнул Габриэль. – Только закончу тут с установками, хорошо?

Он показал на какие-то кабели на полу.

– Не торопись, – сказала Миа.

– Я думал, в полиции работают специалисты, – улыбнулся Габриэль и полез под стол с кабелями в руках. – Те, кто устанавливал эти провода, явно понятия не имели, что делают.

– Не спрашивай меня, я ничего в этом не понимаю. Я буду в комнате Хёнефосс.

– Окей, скоро приду.

На обратном пути Миа зашла в свой кабинет и взяла зарядки к ноутбуку и айфону. Кто может хранить у себя фотографии собаки и машины? У Мии не было фотографий в кабинете. Она сдала все свои вещи на склад когда переехала на остров. Заплатила за три года вперед. Не хотела думать о своих вещах. Все эти фотографии – мамы с папой, Сигрид. Она отбросила эти мысли и продолжила работать. Поставила компьютер и телефон Рогера Баккена на зарядку и вышла на веранду Мунка подышать свежим воздухом. Темнота начала опускаться над городом, похолодало. Миа плотнее закуталась в куртку и пожалела, что не взяла шапку. Почему она стала такой? Как ноющий ребенок! Внезапно начала себя жалеть. Она, которая не жаловалась ни разу в своей жизни! Вдруг ей захотелось покурить. Она никогда не курила, но здесь это казалось очень естественным. Курить, чтобы думать – вот

как делал Холгер. Куда он подевался, кстати говоря? Она посмотрела на часы – прошло уже два часа, с тех пор как он пошел к адвокату. Она понадеялась, что ничего серьезного на этот раз не случилось, у них и так было о чем подумать.

– Э-э-э, Миа?

В переговорной появился Габриэль. Миа снова зашла. Она почувствовала внезапный укол совести из-за нового мальчика, ведь это его первая работа, он совсем новичок в полиции. Кто-нибудь ему вообще помог обустроиться? Ввел его в курс дел?

– Как твои дела, Габриэль? – спросила она, сев на стол.

Юный хакер отвел взгляд немного в сторону и в пол, и вот на щеках снова появился румянец. У него очень хрупкая душа, подумала Миа, достав пастилку от боли в горле из кармана.

– Все хорошо, – сказал Габриэль.

– Устроился на новом месте? У тебя есть все необходимое?

– Да, только что закончил устанавливать последнее. Выглядит неплохо. Завтра пойду на встречу в Грэнланд. Обучение. Кто-то по имени Мёллер?

– Ага, Фимпен. Он молодец.

– Хорошо, – кивнул Габриэль. – Я еще не видел эти базы данных, классно будет посмотреть, как они работают.

Миа улыбнулась.

– Ты хакер и еще не был в наших базах? В это сложно поверить. И даже в Интерпол не залезал? Ну же, должен же ты был хоть разок?

Габриэль снова покраснел, не зная, что ответить.

– Ну, я не знаю...

– Не переживай, я просто шучу. Мне это абсолютно неважно. Разве по мне не видно?

Миа подмигнула ему и предложила пастилку. Он взял одну и сел на стул. Мии такие мальчишки нравятся. Добрый и умный. Вежливый и скромный. Хорошо быть в окружении таких людей. Она даже почувствовала себя немного лучше. Способность думать постепенно возвращалась.

– С чем вам нужна была помощь?

– Вот с ними, – Миа показала на ноутбук и айфон на зарядке.

– Чьи это?

– Рогера Баккена. Это он заказывал платья, в которых нашли девочек.

– Тот с татуировкой?

– Ага, ты в курсе?

Габриэль улыбнулся.

– У меня телефоны, сообщения и разговоры всех сотрудников. Все проходит через мой компьютер.

Миа взяла еще пастилку.

– А, вот как? Есть что-нибудь новое?

Габриэль странно посмотрел на нее.

– Вы меня спрашиваете? Меня тут не было до сегодняшнего дня, – он улыбнулся.

– Да и меня тоже долгое время тут не было, – подмигнула она. – Но ты это серьезно? Все разговоры и сообщения?

– Ага. Еще на всех телефонах стоит трекер, я могу видеть местоположение всех. Безопасность – это суперкоммуникации.

– Да уж, и правда, удобно.

– Очень, – кивнул парень.

– Значит, когда Карри звонит ночью в секс по телефону для геев, мы можем послушать разговор на следующий день?

Габриэль снова странно посмотрел на нее.

– Теоретически можем, – сказал он, краснея.

– Да я шучу.

Она встала и похлопала его по плечу. Габриэль сел на пол перед компьютером и айфоном и включил их. Подождал, пока они медленно загрузятся. Первым включился айфон и потребовал ПИН-код. Сразу за ним проснулся компьютер, также запрашивая пароль.

– Зайти на них будет несложно или как?

– Да, несложно.

– Ты сможешь?

– Сейчас?

– Да, было бы отлично.

– Хорошо.

Габриэль вышел и вернулся из своего кабинета с флешкой. Миа смотрела, как юный хакер взламывает компьютер.

– У меня тут программа «Ophcrack», – сказал Габриэль и вставил флешку в ноутбук.

Он удерживал нажатой кнопку на компьютере, пока тот не выключился. Потом снова включил.

– Все, что мне нужно сделать, – это поменять местами последовательность – чтобы он сначала начал считывать с флешки и только потом с жесткого диска, понимаете?

Миа кивнула. Она была не лучшей в мире в технике, но такую формулировку она поняла. Габриэль выключил и включил компьютер.

– Вот, теперь он считывает флешку и загружает программу «Ophcrack».

Миа продолжала сидеть, пока Габриэль работал.

– Вот, видите, на этой машине два пользователя – Рогер и Ранди.

– Кто такая Ранди?

Он пожал плечами.

– Может, у него была девушка?

– Напомни мне, чтобы мы проверили ее. Ранди.

– Хорошо. Какой пароль мне взломать?

– Давай сначала Рогера.

– Окей, – сказал Габриэль и показал на монитор. – Видите? Колонки, в одной написано *LM Pwd 1*, в другой *LM Pwd 2*. Если пароль длиннее семи символов, как, например, здесь, первые семь символов видны в этой колонке, а остальные – в этой. Теперь мне осталось выбрать пользователя.

Габриэль кликнул на пользователя «Рогер» и нажал на кнопку *Crack* в программе.

– И дальше программа взламывает пароль.

Миа напряженно ждала несколько секунд, пока программа заканчивала работу. И вот пароль появился на мониторе.

«FordMustang67».

Машина на фотографии. Если бы ей не помог юный гений, она бы сама рано или поздно догадалась. Конечно, не за несколько секунд, но все же.

– И это любой может сделать? – любопытно спросила Миа.

– «Ophcrack» бесплатный, лежит в сети в свободном доступе. Так что если знать, что искать, то да, любой может.

Окно ввода пароля появилось на мониторе, и Габриэль собрался набрать его, когда у Мии зазвонил телефон. Это был Мунк. Она вышла на веранду.

- Миа.
- Привет Миа, это Холгер.
- Ты где?
- В машине. Мне надо с тобой кое о чем поговорить.
- Говори.
- Не по телефону. Пойдем выпьем пива?
- Ты будешь пить пиво?
- Нет, я не буду пить, но мне нужно поговорить с тобой. Это личное. Не по работе. Ты возьмешь пива, а я «Фаррис».
- Ладно. Где встретимся?
- Ты на работе?
- Да.
- Давай в «Юстисене» через пару минут.
- Без проблем, Холгер, увидимся там.
- Хорошо, – сказал Мунк и положил трубку.

Странно, подумала Миа. Для Холгера никогда раньше не было проблемой поговорить по телефону. И тут до нее дошло то, что только что рассказал Габриэль. Их телефоны прослушивались для их же собственного блага, вот почему. Она надеялась, что ничего серьезного не случилось.

– К сожалению, мне надо отойти, – сказала Миа Габриэлю, войдя в комнату.

– Окей, – кивнул хакер. – Я включил ноутбук. Разобраться еще и с айфоном?

– Было бы супер, – улыбнулась Миа. – Ты останешься допоздна?

– Поработаю еще, да. Я больше люблю работать ночью, а тут многое нужно наладить.

– Если выяснится что-то потрясающее, позвони мне, хорошо? А если нет, то разберемся с этим завтра.

– Отлично, – сказал Габриэль.

– Спасибо за помощь.

Она спустилась по лестнице, застегнула куртку и вышла на Мёллергата.

Холгер Мунк сидел на заднем дворике под одной из обогревающих ламп. Он только что зажег сигарету и набирал сообщение. Когда подошла Миа, он отложил телефон.

– Привет, Миа.

– Привет, Холгер.

– Ничего, что мы посидим снаружи? Я уже заказал.

– Конечно, – сказала Миа и придвинула стул.

Вечер в Осло в конце апреля, все еще прохладно для пива на улице, но тепло от лампы спасало ситуацию. Тем более что Миа знала: сидеть с Мунком внутри кафе бесполезно, он будет выходить курить каждую секунду, так что лучше сразу устроиться снаружи. Она накрыла пледом ноги.

– Что ты заказал?

– Только «Фаррис» и сэндвич себе и пиво тебе. Я не знал, захочешь ли ты еще что-нибудь.

– Нет, спасибо, пива хватит, – улыбнулась Миа.

Мунк оглядел очаровательный дворик в деревенском стиле.

– Давно я тут не был.

– И я тоже, – улыбнулась Миа.

Они оба знали, когда были здесь последний раз, но никто будто не хотел об этом говорить. Достаточно было взгляда и кивка. Они сидели здесь же, за этим же столиком несколько лет назад, когда началось дело об ошибке при исполнении. Миа была очень подавлена, и Холгер был единственным человеком, с кем она могла поговорить. Каким-то образом фотограф из «Дагбладе» нашел их, стал фотографировать, не хотел оставить их в покое. Мунк вежливо, но настойчиво выпроводил фотографа из кафе. Миа улыбнулась, подумав об этом. Очень по-рыцарски на самом деле. Тогда он был очень нужен Мии. А теперь он попросил ее прийти.

– Я не хотел драматизировать, но просто не мог обсуждать это по телефону. Это не так серьезно – я имею в виду, не так серьезно, как наше дело, но, тем не менее, я хотел попросить у тебя совета, – сказал Холгер.

Официантка подошла к ним с заказом. «Фаррис» и сэндвич с креветками для Мунка и пиво для Мии.

– Приятного аппетита, если вам понадобится что-то еще, позовите меня, – улыбнувшись, девушка снова исчезла.

– Ну и кроме того, мы так и не отпраздновали наше возвращение, – улыбнулся Холгер и поднял бокал. – Твое здоровье!

– Твое здоровье! – улыбнулась Миа и сделала глоток.

Ей не хотелось это признавать, но вкус был отменный. Точно как должно быть. Ей надо было немного следить за собой, это она понимала, но все же. Она заслужила немножко расслабиться. Холгер ел свой сэндвич почти молча. Закончив, оставил тарелку и снова закурил.

– Нашла что-нибудь в вещах Баккена?

– Ноутбук и айфон.

– Хорошо. Там есть что-нибудь интересное?

– Пока не знаю. Габриэль сейчас ими занимается.

– Что думаешь о нем?

Миа пожала плечами и сделала еще глоток пива.

– Я не много с ним общалась, но, кажется, он хороший парень. Свежий ум, но это необязательно что-то должно значить.

– Мне он нравится, – сказал Холгер, выпустив дым вверх. – Хорошо взять на работу кого-то с другой стороны. Новый взгляд на вещи, не испорченный полицией. Мы стали немного однобоки, тебе так не кажется?

– Возможно, – кивнула Миа. – Во всяком случае, видно, что он хорошо разбирается в своем деле.

Холгер улыбнулся.

– Хе-хе, да, способностями он не обделен, это точно. Я получил его имя от МИ-6 в Лондоне, он взломал код, ту задачу – помнишь, она лежала в интернете в прошлом году?

Миа пожала плечами.

– Нет, точно, тебя же не было в этом мире какое-то время. А ты знаешь, кто сейчас премьер-министр?

Миа пожала плечами.

– Это имеет значение?

Холгер Мунк посмеялся и позвал официантку.

– Что-нибудь еще? – спросила улыбчивая девушка.

– Думаю, я съем яблочный пирог с мороженым. Тебе еще одно пиво?

Миа кивнула.

– Яблочный пирог и пиво, – повторила девушка и снова исчезла.

– Так что он справляется со всем, что в его компетенции. Вопрос только в том, сможет ли он быть полицейским?

– А кто из нас смог? – спросила Миа.

– Да уж, это точно. Но я действительно очень рад вернуться, и тому, что ты здесь, Миа. Сегодня говорил с Миккельсоном. От этого дела все с ума посходили. Национальная безопасность, слухи о полиции, и знаешь, я думаю, там идет давление сверху, чтобы избавиться от всего этого. Видимо, там каждый день звонят из министерства, чтобы узнать новости.

– Хорошо, что они расшевелились.

Она допила пол-литровую кружку и нащупала пастилку в кармане. Официантка принесла пирог и новое пиво. Миа решила не пить, пока Холгер не поест немного пирога. Не хотелось выглядеть алкоголичкой. В конце концов, она сюда не напиваться пришла, а говорить с Холгером.

– Так что же, семейный адвокат, что он сказал?

– Да блин. Даже не знаю, с чего и начать. Как я уже сказал, ничего особо серьезного, просто много всего навалилось в последнее время... Мириам выходит замуж, ну и...

– Ой, как здорово, я и не знала.

Миа внезапно почувствовала радость. Ей очень нравилась Мириам. Они сошлись характерами сразу же. Она знала, что отношения Мириам с отцом были не самыми лучшими, но всегда думала, что они наладятся, должно только пройти немного времени.

– Да-да, это супер, – сказал Мунк.

– Все еще Юханнес, полагаю? Он уже закончил учиться на врача?

Холгер кивнул.

– Ординатура. Год в больнице Уллевол.

– О, как повезло. Я думала, большинство застревает в провинции.

– Да, парню повезло, – Холгер криво улыбнулся. – Нет, все хорошо. Хороший парень. Будем надеяться, что его удача перепадет и Мириам.

– То есть?

– Да не знаю. Сначала она учила английский, потом решила, что это не ее. Потом литература, но тоже не пошло.

– Разве она не пошла в высшую школу журналистики?

Холгер кивнул и съел еще кусочек пирога.

– Почти закончила ее, но сейчас решила сделать паузу. Не знаю, чем она там занимается.

– Ты не думаешь, что надо быть к ней снисходительным? – сказала Миа, отпив глоток. – Вы с Марианне развелись, когда ей было пятнадцать. Она стала мамой в девятнадцать. Что ты ожидаешь от девочки? Дай ей время.

– Наверное, ты права, – вздохнул Мунк и зажег новую сигарету.

– У нее что-то случилось или у кого?

– Что? Нет, с чего ты взяла?

– Ну, я не знаю, это игра в угадайку что ли? – улыбнулась Миа.

– Что ты имеешь в виду?

– Мне нужно догадаться, о чем ты хочешь поговорить?

Холгер тихо рассмеялся.

– Ты ни капли не изменилась. Всегда все напрямую в лицо. Без обиняков. Помнишь, что я твой шеф, а? Что вообще-то ты должна молчать и делать то, что я говорю?

– Давай говори уже, – улыбнулась Миа.

– Это довольно скользкая тема. Я даже не знаю, как сказать об этом. Дико меня раздражает.

– Давай уже!

– Ладно, – Холгер снова затянулся. – Ты помнишь мою мать?

– Да, что с ней?

– Ты знаешь, что я перевез ее в дом престарелых несколько лет назад?

– Ага, и как она там? Что-то со здоровьем??

– Нет-нет все в порядке. Ноги немного ослабли, поэтому теперь ее надо иногда катать в коляске, но дело не в этом.

– Ей там не нравится?

– Вначале не нравилось, но она быстро привыкла. Поняла, что там все похоже на нее, завела подруг, такой клуб больных, так что нет, не в этом дело. Она вдруг решила, что стала христианкой.

– В смысле? Верующей христианкой? Внезапно поверила в Бога?

Холгер кивнул.

– Вот как. Я думала, вас растили атеистами.

– Да, именно это и странно, я ни разу не слышал, чтобы она говорила о религии или о чем-то таком, но внезапно она изменилась. Стала ходить на встречи в приход каждую неделю вместе со своими подругами из клуба больных.

– Может, это возраст? – предположила Миа. – Что мы знаем об этом? Она, конечно, крепкая и все такое, но все-таки очевидно, что ей осталось меньше лет, чем она прожила. Может так и нужно. Во что-то верить.

– Да, в общем так. Я смотрел на это как на безобидное развлечение, боже мой, ей ведь почти восемьдесят лет и она сама может решать, но...

Холгер немного замялся.

– Но что?

– Нет, все намного серьезней, чем я думал. Поэтому мне и позвонил Курт.

– Курт – это адвокат?

Холгер кивнул.

– И в чем же дело?

Холгер затушил окурок и зажег новую сигарету.

– Она решила завещать все свое имущество этой своей общине.

– Дерьмо.

– Да уж.

– Теперь понимаешь?

– Там много?

– Черт возьми, нет, там не весь мир конечно, но все равно. Квартира на Майорстуен. Дача в Ларвике. И у нее есть деньги на счету, она не тратила их после смерти отца. Понимаешь, дело не в самих деньгах, просто я всегда думал, что это перейдет дальше, к Марион, чтобы ей было на что опереться. Семейное наследство и все такое.

Миа кивнула. Холгер трепетно и до самопожертвования любил свою внучку. Миа была уверена, что если кто-нибудь попросит его отрезать себе руку ради ее блага, Холгер сделает это, не задумываясь. Без сомнений. Вот, пожалуйста, моя рука, вторая нужна?

– Черт, вот дерьмо.

– Да, и что тут делать?

– Черт, это непросто.

– Я понимаю, что это просто деньги, и у нас сейчас есть дела поважнее. Две девочки шести лет мертвы, и еще восемь платьев. Настоящий кошмар, я не осмеливаюсь даже думать об этом. Только хожу кругами, не могу уснуть, жду, когда снова позвонят с сообщением, что пропала еще одна девочка. Понимаешь?

Миа кивнула. Она чувствовала то же самое.

– Поэтому я не хотел обсуждать это по телефону. Это просто малая часть всего. Я не хочу тратить на это время, вместо того чтобы ловить эту сволочь.

– Если там только одна сволочь.

– Думаешь, может быть несколько?

– Я не знаю, но мы должны быть к этому готовы, правда?

– Да, конечно.

Холгер на секунду замолчал, обдумывая ее слова.

– Ты не можешь просто поговорить с ней?

– Что?

– С матерью. Сказать ей все, что сказал мне сейчас. Про Марион и тому подобное.

– Боже мой, ты права, – вздохнул Мунк. – Но она такая упрямая. Иногда мне кажется, что она мстит за то, что ей не дали самой решить насчет переезда в дом престарелых.

– Она чуть не сожгла всю улицу, Холгер, это нужно было сделать.

– Да, я знаю, но все же...

Мии стало немного жаль его. Окруженного сильными женщинами разного возраста и слишком доброго. Он сам этого не видел, но все еще мучился угрызениями совести после развода. Миа много раз пыталась сказать, что это не его ошибка, что это выбор Марианне, но он не хотел и слушать.

– Думаешь, их несколько?

– Стоит за убийствами?

Холгер кивнул.

– Вообще не думаю.

– И я. Но нам нужно быть готовыми.

– Я немного... – начала было Миа и тут же оборвала саму себя.

– Немного – что?

– Не знаю, не совсем *вижу* это. Не вижу всю картину, за ней что-то есть, я знаю, это ясно как день, но я не *вижу* этого, если ты

понимаешь, о чем я.

– Все придет, – сказал Мунк успокаивающе. – Тебя просто долго не было.

– Вероятно, – медленно кивнула Миа. – Надеюсь на это. Честно говоря, чувствую себя немного никчемной сейчас. Жалею себя. Перемещаюсь в детство. Не похоже на меня. Я сама себе такой не нравлюсь. Если у меня не выйдет включиться в дело, отстрани меня, обещаешь?

– Ты нужна мне, Миа, – сказал Холгер. – Поэтому я и вытащил тебя обратно.

– Чтобы помогать тебе в твоих семейных проблемах?

– Пошла ты к черту, Миа.

– Сам иди к черту, Холгер. Мне там нравилось.

Коллеги улыбнулись и обменялись взглядами, не требующими никаких пояснений.

Холгер закурил новую сигарету, а Миа, сделав еще глоток, плотнее закуталась в плед.

– Хёнефосс был в 2006-м, да?

– В сентябре, – кивнул Мунк. – А что?

– Если бы она осталась в живых, она пошла бы в школу в этом году, ты думал об этом?

– Да, я думал об этом. Габриэль сказал кое-что, что заставило меня задуматься.

– Что же?

– Что-то об учителе. Что это может быть учитель, что-то в таком духе.

– Неглупая мысль, может, он все-таки полицейский в глубине души.

– Думаешь, ее нет в живых?

– В смысле?

– Ну, ты сказала, *«если бы она осталась в живых»*. Ребенок исчез. Мы так и не нашли ее. Вполне может быть, что она жива.

– Нет, – сказала Миа.

– Ты уверена?

– Она мертва.

– Нет, ну я тоже не думаю, что она жива, но ведь нельзя исключать такую возможность.

– Она мертва, – повторила Миа.

– Что думаешь о версии с учителем?

– Она недурна, будем держать ее в голове.

Холгер кивнул и посмотрел на свой телефон.

– Мне надо бежать, надо успеть разобрать кое-какие бумаги перед сном. Миккельсон ругается.

– Я думала, Анетте разберется со всем этим.

– Она делает все что может.

Холгер встал и достал бумажник из куртки.

– Я заплачу, – настояла Миа.

– Уверена?

– Конечно. Твоя семья скоро обнищает, это самое меньшее, что я могу сделать.

– Ха-ха, – подмигнул Холгер.

– Завтра утром брифинг?

– Не планировал. Посмотрим, что мы добудем из айфона и ноутбука.

– Буду держать тебя в курсе.

– Замечательно. Увидимся.

Миа осталась сидеть перед пустым бокалом после ухода Мунка. Она хотела выпить еще, но не была уверена, что сто́ит. Лучше всего было пойти в отель – рано лечь спать на чистую простыню. Постукивая пальцами по столу, она проходила по делу, пытаясь разбудить свой мозг.

– Что-нибудь еще?

Официантка вернулась, по-прежнему улыбаясь.

– Да, еще одно пиво. И стакан «Рацепуца»^[11].

– Сейчас будет, – сказал девушка и убежала.

– Миа?

В сигаретном дыму показалось знакомое и одновременно незнакомое лицо. Девушка ее возраста подошла к Мии.

– Ты меня не узнаешь? Сюзанне. Из Осгордстранда.

Девушка наклонилась и крепко обняла Мию. Боже, ну конечно. Сюзанне Вал. Через несколько домов по улице. На год младше них с Сигрид. Тогда, давно они дружили все втроем.

– Привет, Сюзанне. Извини, вся в работе.

– Понимаю. Надеюсь, я не помешаю? Можно я присяду?

– Конечно.

– Ну ничего себе однако, – рассмеялась Сюзанне. – Сколько лет мы не виделись?

– Слишком много.

Старая подруга сидела и смотрела на Мию, широко улыбаясь.

– Я не видела тебя с... Да, с того раза, когда про тебя писали в газете. Можно об этом говорить или?..

– Все в порядке, – улыбнулась Миа.

– Чем все закончилось в итоге? С тем делом и всем таким?

– Я получила небольшой отпуск.

– Я тебе точно не мешаю?

– Нет же, ты что, все отлично, – Миа указала ей на стул, который только что оставил Мунк.

Она много раз думала о Сюзанне за все эти годы, особенно после смерти Сигрид. Они виделись на похоронах, но с тех пор Миа с ней не встречалась и не связывалась, было столько дел. Хорошо было снова увидеть старую подругу.

Официантка вернулась с пивом и шнапсом.

– Вам что-нибудь принести?

Сюзанне помотала головой.

– Спасибо, у меня есть пиво в зале, внутри кафе. Я там с коллегами.

Последнее она сказала Мию, с некоторой гордостью в голосе.

– Так ты переехала в город? – спросила Миа.

– Да, четыре года назад.

– Здорово! Где работаешь?

– В Национальном театре, – улыбнулась Сюзанне.

– Вау, поздравляю.

Миа с трудом вспомнила театральную группу новичков в Хортене. Сюзанне очень хотелось затащить и ее, но Мию, к счастью, удалось избежать этого. Стоять на сцене – абсолютно не для Мию, она содрогалась от одной мысли об этом.

– Я всего лишь ассистент режиссера, но все равно – очень весело. Скоро у нас премьера «Гамлета». Режиссер – Стейн Винге. Думаю, будет отличный спектакль. Ты должна прийти. У меня есть два лишних билета на премьеру. Хочешь?

Миа улыбнулась. Вот теперь она узнала Сюзанне. Энергичная и яркая девочка, которая всем нравилась. Этим добрым глазам всегда так сложно отказать.

– Может быть, – сказала Миа. – Очень много работы, но посмотрим, может быть, выкрою время.

– Боже, как же здорово тебя снова увидеть! – рассмеялась Сюзанне. – Слушай, я пойду принесу сюда свое пиво, ладно? Эти актеры зациклены на себе, они и не заметят, если я исчезну.

– Конечно, – улыбнулась Миа.

– Подожди тут, не убегай.

Сюзанне быстро затушила сигарету и побежала внутрь за своим бокалом.

Тобиас Иверсен поставил будильник на шесть утра и проснулся по первому звонку. Перегнулся через ночной столик и выключил – он не хотел, чтобы резкий звук разбудил кого-то еще в доме. Брата, Торбена, не было дома. Он ночевал у одноклассника. Тобиас выполз из кровати и оделся так тихо, как только мог. У него уже давно все было готово, он планировал этот поход несколько дней. Маленький рюкзак стоял собранный у изножья кровати. Он не знал, на сколько дней идет, но на всякий случай сложил туда чуть больше. Он взял маленькую палатку на двоих, спальный мешок, газовую плитку, немного еды, нож, сменную пару носков, лишний свитер, если будет холодно, компас и старую карту, которую нашел в кладовке. Он был в походном настроении и очень радовался выходу из дома.

В первые дни после того, как они с братом нашли висящую на дереве девочку, дома стало немного лучше. К маме с отчимом все время приходили люди, в основном из полиции, они задавали вопросы, и мама с отчимом были очень приветливыми, даже помыли дом, теперь гостиная выглядела совсем по-другому, и почти всегда хорошо пахло. Полицейские – очень приятные люди. Они относились к нему почти как к герою, говорили, какой он молодец и как все правильно сделал. Тобиас даже смутился, он не привык к таким похвалам. Полицейские были тут несколько дней. Не по ночам, а целые дни с раннего утра до позднего вечера. Они обтянули территорию красно-белой лентой с надписью «Полиция», чтобы не подпускать любопытных. А любопытных было много, и из деревни, и из других мест. Подальше, внизу стояли машины с разных каналов ТВ, в воздухе летали вертолеты, а вокруг было множество журналистов и фотографов, и многие из них хотели поговорить с Тобиасом. В дни после обнаружения телефон звонил постоянно, и он слышал, как мама говорила с кем-то о деньгах, что они получают большое вознаграждение, если мальчики согласятся на интервью, но полиция категорически запретила, а Тобиас был этому только рад. На переменах в школе к нему стали по-другому относиться. Большинство одноклассников, особенно девочки, считали, что это круто, он стал звездой. Но это было не очень хорошо, потому что несколько мальчиков, особенно те

двое из города, стали завидовать и говорить о нем гадости за спиной. Тобиас просил маму освободить его на пару дней от школы, ведь журналисты приходили и туда тоже и фотографировали его, пока он играл в футбол, и звали его подойти к забору. Конечно же, он этого не делал, ведь полиция сказала ему ни с кем не разговаривать о том, что он увидел, а он хотел слушаться полицейских. Надев белые полиэтиленовые костюмы, они обследовали весь лес. Тобиас сидел на стуле во дворе и следил за ними. Никому другому это не разрешалось. Даже люди из NRK и TV2 стояли внизу за кордоном и только кричали, когда кто-то проезжал мимо. Но нашел ее именно он, и он знал каждый пенек в округе, а теперь он еще и знаком с полицейскими. Одного из них звали Ким, другого Карри, и девушка Анетте, а еще был шеф – у него была борода и звали его Холгер. Шеф был тут всего один раз, но именно он допрашивал Тобиаса, и он решил, что никому нельзя говорить о том, что они видели. В основном Тобиас говорил с полицейским Кимом и еще с Карри. Тобиасу очень понравились они оба. Они обращались с ним не как с мальчиком, а почти как со взрослым. Часто кто-то из них выходил из рожи и спрашивал о чем-нибудь. О том, много ли народу бывает тут в окрестностях. О том, он ли построил маленький домик там в лесу. Немного о том, кем были их соседи. О том, видел ли он что-нибудь подозрительное в последнее время. В первый вечер там еще был психолог. Тобиас немного поговорил с ней, все прошло хорошо, с ним ничего не случилось оттого, что он нашел девочку, он осознал это только спустя несколько дней. Тогда это наконец-то дошло до него. Он сидел на лестнице и понял это. Внезапно. Что все было по-настоящему. Что у девочки, висевшей на дереве, были мама и папа, сестра, тети и дяди, дедушки и бабушки, подружки, соседи, и что да, теперь ее больше нет, и они никогда ее не увидят. И что кто-то сделал с ней это намеренно, прямо перед его домом. Тобиаса затрясло при мысли, что на ее месте мог оказаться он. Или братик. Внутри что-то резко разболелось, и ему пришлось пойти и лечь в постель. В ту ночь ему снились ужасные кошмары. Будто кто-то поймал его за шею скакалкой и повесил, а потом стрелял в него ивовыми стрелами с острым кончиком. И что он слышал, как Торбен звал на помощь, но Тобиас не мог освободиться, он висел прибитый и, хватаясь за горло, задыхался. Тобиас проснулся весь в поту с прилипшими к подушке волосами.

Полицейские были у них несколько дней, а потом, видимо, закончили и уехали. Ограждения убрали, и кто-то из журналистов звонил к ним в дверь, но мама не открывала. Тобиас был уверен, что она хотела это сделать, ведь они бы заплатили довольно много, но главный полицейский, Холгер, толстяк с бородой и добрыми глазами, был очень строг.

Как уже было сказано, Тобиас давно планировал этот поход и выбрал идеальное время. Свободен от школы, и брата не было дома по счастливой случайности. Он оделся так тихо, как только мог, взял рюкзак и выскользнул через заднюю дверь, не издав ни звука.

Он уже бывал около Литьённы и знал дорогу. Карту и компас он взял с собой на всякий случай. Вдруг не там повернет – всякое бывает. Не забыл спички? Он снял рюкзак и пошарил в кармане. Да, спички на месте. Без костра ночью будет очень холодно. Не то чтобы он думал пробыть в лесу всю ночь, но все могло случиться. Может, он просто останется в лесу и никогда не вернется в свой грустный дом. Что-то в этом есть. Просто исчезнуть. Это было бы неплохо. Дурацкая мысль – братик ведь вернется завтра. Тобиас любил проводить время с братом, но неплохо и отдохнуть от него немного.

Тобиас надел рюкзак на спину и тихо закрыл за собой дверь. Ему в лицо подул свежий весенний ветер. Он быстро пересек участок и скрылся в лесу. Тобиас пошел другой тропой, чем обычно, не той, что вела мимо их домика, где они нашли девочку, сейчас он не хотел думать об этом происшествии, не хотел снова бояться, он должен быть смелым, он был свободен и собирался в экспедицию, нет времени на переживания. Тобиас шел по тропе вниз вдоль горки, пока не вышел на коровью тропу, по которой можно было идти довольно долго в глубь леса. Где-то спустя час ходьбы он снял рюкзак и съел завтрак. Нужно было немного подкрепиться, а дома на кухне он шуметь не хотел. В лесу было сухо и хорошо, дождя давно не было. Он присел на пенек и, наслаждаясь видом, съел два бутерброда, запив их апельсиновым соком из бутылки. Тобиас обожал весну. Смотреть, как уходит зима, – да, это давало новые возможности, новый шанс, что произойдет что-то новое и все изменится. Он часто думал, что Новый год должен быть весной, а не среди зимы, ведь первое января ничем не отличается от тридцать первого декабря. А весной все иначе. Свежие листочки на деревьях сочного зеленого цвета, цветы и растения на земле и пение

вернувшихся птиц, летающих между деревьев. Тобиас закончил завтрак и пошел дальше, напевая себе под нос. Он пообещал себе, что разузнает больше о христианских девочках, что больше не будет врать о них, а разведает, что же там на самом деле происходит. И вот он на пути туда. Он пожалел, что не взял с собой книгу, было бы неплохо почитать у костра, если придется ночевать в лесу. Он уже начал следующую книгу по списку Эмилие, закончив «Повелителя мух», проглотив ее быстро, страницу за страницей. Он не знал, все ли в ней понял, но это не играет никакой роли. Было здорово. Книга порадовала его. Новую книгу было непросто начинать, «Пролетая над гнездом кукушки», она написана немного взрослым языком. И Эмилие сказала, что если будет слишком сложно, можно просто поменять ее, но он решил попытаться прочесть ее до конца. Это книжка про индейца «Вождь» Бромдена, которого положили в больницу и не выпускали оттуда. Начальница больницы была чрезвычайно строгой дамой, настоящей ведьмой. «Вождь» Бромден притворялся глухонемым, будто не слышит и не говорит, правда, Тобиасу было не совсем ясно, как он это делает, но книга была захватывающей. Надо было взять ее с собой. Вот же глупость.

Когда Тобиас поднялся по тропинке, ему открылась окружающая местность. Озеро Литьённа было едва различимо вдали. Может быть, час или два пути, и он на месте. Тобиас почувствовал радость, но одновременно и волнение. Все так много говорят об этих христианах, но никто же ничего о них не знает. Что, если они опасны? Ну, может, не опасны, но вдруг они не любят гостей? С другой стороны, что, если они очень милые? Может, они примут его с распростертыми объятиями и угостят курицей и лимонадом, он найдет там много новых друзей, может быть, можно будет у них поселиться и взять с собой Торбена, и все наладится как по взмаху волшебной палочки?

Лучше всего не заходить к ним сразу. Никогда не знаешь, чего ждать. Может, сначала разбить лагерь на отдаленном месте с хорошим обзором? Лечь и наблюдать за ними, может быть, немного замаскироваться. И ждать подходящего момента.

Он улыбнулся про себя. Хорошая идея. Разбить наблюдательный лагерь. Немного пошпионить. Надо было взять с собой книгу, но уже слишком поздно возвращаться. Вместо этого он сам побудет индейцем. «Вождь» Тобиас Бромден на секретном задании.

Потеплело, солнце выглянуло из-за облаков, осветив почти всю дорогу перед ним. Хороший знак. Тобиас снял куртку, убрал ее в рюкзак и продолжил путь в лес.

Он не видел забора, пока не оказался всего в паре сантиметров от него. Был погружен в свои мысли. Маскировка и лагерь – вот о чем он думал. Он уже был тут и знал хорошее место, откуда удобно шпионить. Коммуна продала это старое хозяйство и территорию вокруг него, вот как они были связаны. Раньше тут было место для наркоманов, куда они приезжали заняться сельским хозяйством и побыть в лесу, ну и все такое, это должно было им помочь. Но потом у коммуны стало мало денег, или они просто потратили их на что-то другое, Тобиас точно не знал, но в любом случае дом для наркоманов закрыли. Некоторое время тут ничего не было. А потом его купили какие-то христиане. Тобиас был там два раза до этого – в первый раз там жили наркоманы, а во второй было пусто. Они были там с Юном-Мариусом, его прежним лучшим другом, который, к сожалению, переехал с мамой в Швецию посреди шестого класса. Как бы то ни было, они нашли отличный наблюдательный пункт, не так далеко от хозяйства, но с хорошим видом на все происходящее.

Но этого забора Тобиас не помнил и чуть не уперся в него. Сетчатый забор, такой, на который вешают колючую проволоку. Тобиас быстро отбежал назад и спрятался в тени деревьев, с любопытством рассматривая внезапное препятствие. Колючей проволоки на заборе не было, но он был высокий. Намного выше самого Тобиаса, больше чем в два раза выше него. Сетка выглядела совсем новой. Как будто ее только что поставили. Тобиас посмотрел на верхушку забора и начал размышлять. Он мог бы перелезть через него, но тогда его заметят. Отсюда были видны постройки, далеко в глубине, но это было уже не старое хозяйство – они все построили заново. Теперь это уже не было похоже на поселение, скорее на небольшую церковь. На ней был шпиль, а что это рядом, теплицы? Он заслонил глаза от солнца ладонью, но не смог различить, что там вдалеке. Площадки между забором и постройками были достаточно открытыми, там немного где можно спрятаться. Место, которое он присмотрел для шпионства, было на другой стороне. Чтобы дойти туда, нужно обойти весь забор вокруг. Перелезть и пройти напрямую было бы много быстрее, но, оценив ситуацию, он решил, что лучше не

рисковать. Не то чтобы он думал, что те люди за забором недобрые, но все-таки. Что он скажет, если его заметят? И, кроме того он нашел девочку в платье, висящую на дереве с лентой вокруг шеи, не так далеко отсюда, так что лучше выбрать безопасный путь.

Можно было просто вернуться домой. Он уже кое-что посмотрел. Они построили новые дома и поставили забор. Какой-то христианский лагерь. Будет что рассказать. На мгновение Тобиас подумал повернуть назад, но любопытство взяло верх над страхом. Было бы классно узнать еще что-нибудь, чтобы потом рассказывать всем. Может, ему удастся увидеть кого-нибудь из местных жителей? Тобиас отошел немного назад в лес. Достаточно, чтобы скрыться за деревьями, но не терять из виду забор. Видимо, быстрее будет обойти забор слева, он мог различить его вдаль, а правая часть исчезала и неизвестно, на сколько вперед она растянется. Тобиас надел капюшон и задумался. Ему нравилось прятаться под капюшоном. Это делало все вокруг еще более захватывающим. Он агент на секретном задании. С ножом и фонариком в рюкзаке, решающий загадку. Тобиас перемещался настолько тихо, насколько это было возможно. Наклонившись вперед, он пробежал по лесу несколько сотен метров и бросился вниз на землю. Никого впереди. Кто-то вырыл яму за забором. Теперь вдалеке был виден припаркованный трактор. Тобиас повторил маневр. Склонился, пробежал, нашел подходящее место и упал на землю. На этот раз обзор был еще лучше. Да, это и правда были теплицы, два больших стеклянных парника. Тобиас знал, что дети, живущие там, не ходят в школу. Может, они и в магазине никогда не были? Может, они всю еду выращивают здесь, чтобы никуда не ходить? Он посмотрел в бинокль. Теперь парники были отчетливо видны. И трактор. Старый зеленый «Месси Фергюсон».

Тобиас почувствовал, как участился пульс, когда в бинокле показалась человеческая фигура. Мужчина. Нет, женщина. В сером платье, с чем-то белым на голове. Идет в парник. Исчезла. Он оглядел окрестность в бинокль, пытаясь найти еще кого-нибудь, но никого, пусто. Он опустил бинокль, повесив его на шею на время, и поднялся. Решил пройти сразу подольше, уже не мог дожидаться, когда попадет на место обзора, страх исчез, любопытство окончательно победило. Он снова припал к земле и поднял бинокль: дверь парника открылась, и оттуда вышли две фигуры. Та же женщина и?.. Он немного покрутил

колесико на бинокле. И мужчина. Женщина и мужчина. Мужчина тоже одет в серое, но без головного убора. Может быть, только женщины должны носить что-то на голове? Отличная история выйдет, правда? У всех женщин на голове что-то белое, а у мужчин – ничего. Нет, вряд ли. Что это может значить? Надо подобраться поближе. Этого мало.

Тобиас уже был готов к следующему этапу, когда заметил за забором девочку. Он так удивился, что забыл лечь на землю и продолжил стоять прямо перед ней, не в состоянии пошевелиться. Она была примерно его возраста, возможно, чуть младше. Одета она точь-в-точь как та женщина из парника, толстое серое шерстяное платье и что-то белое на голове. Она села на колени перед грядкой. Похоже, пропалывала. Морковку или салат, что-то в таком духе, трудно разглядеть. Тобиас присел на корточки, так он стал менее заметен. Девочка села и провела рукой по спине. Немного почесала коленку. Она выглядела уставшей. Она была недалеко от него, наверное, около десяти метров. Тобиас задержал дыхание, пока девочка снова не села на грядку и не начала полоть. Она держалась за горло и вытирала пот со лба. Тобиас напрочь забыл, что он шпион и что надо следить за собой. Девочка устала и мучилась от жажды. Ведь не страшно будет спросить у нее, не хочет ли она попить чего-нибудь? У него же в рюкзаке большая бутылка воды.

Тобиас кашлянул. Девочка продолжала полоть, не замечая. Тобиас огляделся и нашел пару старых шишек около себя. Одну он бросил осторожно, но она не долетела даже до забора. Привстав с земли, он запустил вторую и на этот раз попал. Прямо по забору, с громким звуком. Тобиас тут же пожалел о сделанном и бросился на землю.

Подняв глаза, он увидел, что девочка стоит прямо у забора. Она услышала звук и теперь смотрела на него. Он видел ее глаза. Они смотрели прямо на него. Тобиас приложил палец к губам: *Т-с-с-с*. Девочка выглядела очень удивленной, но послушалась его и ничего не сказала. Она огляделась. Сначала в одну, потом в другую сторону. И осторожно кивнула. Тобиас тоже осмотрелся и осторожно подошел вплотную к забору. Открыл рюкзак, достал бутылку с водой, просунул ее под забором и быстро отступил назад в лес. Она быстро встала, подбежала, схватила бутылку, спрятала ее под платьем и побежала обратно к грядке. Тобиас видел, как она открутила крышку и начала пить. Она выпила почти всю бутылку. Наверное, совсем замучила

жажда. Девочка в белом головном уборе все время оглядывалась. Выглядела взволнованной. Боялась, что кто-нибудь придет. Тобиас осмелел и снова подошел к забору. Девочка тоже подошла с другой стороны, медленно, постоянно оглядываясь через плечо. Теперь он отчетливей разглядел ее лицо. Голубые глаза и много веснушек. В этом странном платке и в толстом сером платье она была похожа на пожилую даму, но это было не так. Будь она одета в обычную одежду, она была бы как все остальные девочки из его класса. Девочка протянула бутылку, как бы спрашивая, хочет ли он забрать ее. Тобиас помотал головой. Девочка присела на колени и достала что-то из кармана своего платья. Блок листочков и маленький карандаш. Быстро что-то написала на бумажке и сложила ее пополам. Вдруг она резко встала, подбежала к забору и просунула бумажку. Нервно оглядевшись, быстро побежала обратно на грядку и продолжила прополку. Тобиас нагнулся к забору и взял бумажку. Отполз обратно и открыл ее. Там было написано СПАСИБО. Он бросил взгляд на девочку и улыбнулся. Попытался сказать ПОЖАЛУЙСТА, не произнося ни звука, но это оказалось непросто. Девочка оглянулась через плечо и написала еще что-то. Снова подошла к забору, но не стала складывать этот листочек, а оставила его вместе со всем блоком и с карандашом. Тобиас подошел к забору, забрал блок и карандаш и отбежал назад. МЕНЯ ЗОВУТ РАКЕЛ. МНЕ НЕЛЬЗЯ РАЗГОВАРИВАТЬ. А КАК ТЕБЯ ЗОВУТ? Тобиас посмотрел на девочку. Нельзя разговаривать? Что это за правила такие? И почему она так долго не пила? И почему сидит тут совсем одна? Тобиас подумал и написал ответ. МЕНЯ ЗОВУТ ТОБИАС. ТЫ ТУТ ЖИВЕШЬ? ПОЧЕМУ ТЕБЕ НЕЛЬЗЯ РАЗГОВАРИВАТЬ? Он пробрался к забору, положил туда блок листочков и опять отошел. «Ты тут живешь», – наверное, это было глупо спрашивать, понятное дело, что она тут живет, но он не знал толком, что писать. Девочка улыбнулась и быстро написала ответ. Она была все так же осторожна. Каждый раз перед передачей записки оглядывалась через плечо несколько раз. Я ТУТ ЖИВУ. LUX DOMUS. НЕ МОГУ РАССКАЗАТЬ ПОЧЕМУ (НЕ РАЗГОВАРИВАТЬ). Она попыталась объяснить что-то жестами, когда он прочел записку, но у нее не вышло. Тобиас улыбнулся ей и написал в ответ: Я ЖИВУ НЕДАЛЕКО ОТСЮДА В ЛЕСУ. МЫ СОСЕДИ. Он поставил смайлик. И продолжил: ЧТО

ЗНАЧИТ LUX DOMUS? Девочка прочла и снова улыбнулась. Еще раз убедившись, что ее никто не видит, она быстро написала и передала: LUX DOMUS – ДОМ СВЕТА. ТЫ ОЧЕНЬ ДОБРЫЙ И ПОМОГАЕШЬ МНЕ. СПАСИБО. Тобиас слегка удивился последнему. Он же ничем особенно не помог? Просто дал ей немного воды. Он подумал, что написать в ответ. Слова казались такими важными теперь, когда нельзя произнести их вслух. Ему действительно пришлось задуматься. Он немного покусал карандаш, пока не придумал. ТЕБЕ НУЖНА ЕЩЕ ПОМОЩЬ? – написал он и просунул блок обратно.

Вдруг около дома вдалеке что-то произошло. Девочка встревоженно посмотрела через плечо и написала быстрый ответ. На этот раз она оторвала листочек и сложила его вдвое, как с первой запиской. Из дома вышли люди, довольно много людей, как будто они только что закончили что-то в церкви. Девочка вскочила и бросила записку ему через забор. Тобиас услышал голоса. Кто-то звал:

– Раке!л!

Девочка в сером платье медленно поднялась и расправила платье. Он больше не видел ее глаз, она склонила голову вперед. Она подняла мотыгу и пошла в сторону, откуда доносились голоса. Тобиас лежал тихо, не осмеливаясь пошевелиться, пока толпа людей не исчезла. Девочка подошла к ним, и все вместе они зашли в один из парников. Снова наступила тишина. Тобиас выполз из своего укрытия и поднял бумажку. Засунул ее в карман и не доставал, пока не зашел в лес поглубже. Он чувствовал, как дрожали пальцы, когда он развернул ее. Прочитав, он немного испугался:

ДА. ПОМОГИ МНЕ, ПОЖАЛУЙСТА.

Он пробрался обратно к забору. Там было по-прежнему тихо. Тобиас не знал, что ему делать. Он дал себе тайное задание, но на самом деле это было всего лишь дурацкое задание у него в голове.

Здесь было по-другому.

Здесь было по-настоящему.

Девочка в сером платье существовала. Ее мучила жажда и ей нельзя разговаривать. И она попросила его о помощи.

Тобиас забросил рюкзак на спину и спокойно пошел в сторону наблюдательного пункта.

Миа Крюгер проснулась с чувством, что в ее номере кто-то есть. Она толком не смогла открыть глаза, все было как в тумане, в полусне. Она приподняла веки и увидела, что одна в комнате. Никого нет, только она. Угнетающая мысль, такова ее жизнь теперь. Номер в гостинице и дело. Так должно быть. Все это временно.

Пойдем, Миа, пойдем.

Скоро она все равно исчезнет. Зачем переживать? Зачем думать? Почему одно? Почему другое?

У Мии почему-то болела голова. После всего того количества таблеток, которое она съела за шесть месяцев, она думала, что такие детские болезни ее уже не берут. Вчера они засиделись с Сюзанне дольше запланированного, ведь встреча была неожиданной, в любом случае, они перепили. Она закрыла глаза и попыталась вернуться в сон. Ей снился Рогер Баккен. Он голый стоял на крыше того хосписа. Татуировка орла была не только на шее, она покрывала почти все его тело. Он пытался ей что-то сказать, звал ее, но она не слышала, движение внизу на дороге было оживленным и шумным, и кто-то говорил ей прямо на ухо. Она пыталась повернуться, чтобы посмотреть, кто это шепчет странные непонятные слова, но там никого не было. Рогер Баккен махал руками, хотел, чтобы она поняла его, но она ничего не слышала. Она кричала: Иди сюда! Спускайся! И Рогер Баккен прыгнул. Медленно через воздух к ней. Татуировка разрослась – она была уже в воздухе вокруг него. Руки превратились в крылья. На голове появился клюв. За секунду до столкновения с ней Баккен расправил перья и улетел. Она не поняла, что он сказал. Смена декораций: кладбище. Могила Сигрид. Кто-то опять шептал ей на ухо, невидимый голос. Где-то вдалеке били церковные колокола. На острове. На Хитра. Металлические звуки вечности, из мобильного в кармане штанов около постели. Она сонно потянулась к источнику звука, нажала на дисплей и начала говорить еще до того, как проснулась:

– Миа, слушаю.

– Извините, я вас разбудил?

Это был Габриэль Мёрк. Новенький. Краснеющий милашка. Хакер.

– Нет, – сказала Миа, сев в кровати. – Который час?

– Девять.

– С ума сойти, и ты уже на работе!

Теперь Миа проснулась. Сон исчез, вернулся номер в гостинице.

– Я не был дома.

– Боже, ты переехал в офис что ли?

Габриэль рассмеялся.

– Нет, ну разве что чуть-чуть. Много дел, обустройстваюсь. Чувствую ответственность.

– Понимаю, – сказала Миа.

Она встала с кровати и раздвинула занавески.

Новый весенний день в центре Осло. Дети в Спикерсуппа. Пенсионеры на Карла Юхана. Король во дворце. Политики в Стортинге. Все были заняты своими обычными делами, и она отвечает за то, чтобы так и было. Она отлично понимала, о чем говорит юный хакер.

– Тебе надо немного поспать.

– Все в порядке, – сказал Габриэль. – Я привык работать по ночам. Я подумал, может, вам будет интересно, что я выяснил?

– Конечно, – сказала Миа, снова задвинув шторы.

Она еще не была готова начать новый день. Хотела вернуться в сон. Что же Рогер Баккен хотел ей сказать?

– Я вообще не полицейский, – сказал Габриэль извиняющимся тоном, – поэтому я не знаю толком, что важно, а что нет.

– Все в порядке, – зевнула Миа. – Рассказывай.

– Хорошо, – продолжил он. – Помните, что в ноутбуке два пользователя?

– Рогер и Ранди.

– Да, Рогер и Ранди. И вот тут есть странность.

– Что же?

– Сначала возьмем Рогера. Ничего необычного на самом деле. Не особо пользовался компьютером. Не компьютерный гик.

– Компьютерный кто?

– Ну, понимаете, он пользовался компьютером так же, как и обычные люди.

– Это как, например?

– Ну, почта. Какие-то машины и мотоциклы. Как и ожидалось, в общем-то.

– Кому отправлял письма? Есть что-то интересное?

– Не очень. Это были не очень-то личные письма, в основном заказы всяких деталей для мотоцикла, счета, фактуры, реклама. Довольно скучная жизнь, если судить по почтовому ящику, по крайней мере.

– Не все живут в интернете, Габриэль, – сказала Миа.

– Да, это правда, но все же. Странно, что там ничего не было. Ну неважно, это не самое интересное.

– Подождешь две секунды?

– Окей.

Миа поставила звонок в режим удержания и потянулась через ночной столик к гостиничному телефону. Заказала себе завтрак в номер. Вчера она попробовала поесть внизу в буфете, но там слишком много народу.

– Я тут.

– Хорошо. Я проверю еще раз аккаунт Рогера, но пока расскажу вам, что я нашел во втором аккаунте.

– Ранди?

– Да.

– Кто это?

– Вот тут-то и странность.

– Какая же?

Габриэль на секунду замолчал.

– Думаю, вам нужно взглянуть на это, но я почти уверен, что это один и тот же человек.

– В каком смысле?

– Рогер и Ранди. Это один человек.

– У Рогера Баккена раздвоение личности?

– Да или нет. Или да. Ему нравилось быть женщиной.

– Ты шутишь?

– Нет, это правда.

– Откуда ты знаешь это?

– В аккаунте Рогера он мужчина. Там фотографии машин и мотоциклов. Он ездит на рыбалку и пьет алкоголь. В аккаунте Ранди

все иначе. Он – женщина. В браузере закладки на блоги о вязании и дизайне интерьера. Фотографии самого себя в женской одежде. Похоже, что у него было две жизни.

– И ты в этом уверен?

Она услышала, как Габриэль вздохнул на том конце.

– Я знаю, что у меня нет опыта в полиции, но ведь я могу определить, когда мужчина одет в женскую одежду.

– Извини, – сказала Миа. – Просто это звучит очень странно.

– Согласен. Но это он, на сто процентов. Вы сами увидите, когда придете сюда.

– Скоро буду. Что с телефоном?

– И там странности.

– Какие же?

– Почти все сообщения удалены, и ни одного номера в записной книжке. Не знаю, чем этот парень занимался, но он делал все возможное, чтобы замести за собой следы.

– Кроме фото себя в роли женщины.

– Да, кроме них, но они в компьютере.

– Ты сказал, почти все сообщения удалены. Значит, что-то осталось?

– Осталось несколько. Загадочные, но тем не менее.

– Читай.

– Сейчас?

– Да, сейчас.

Миа улыбнулась про себя.

– Окей.

Габриэль кашлянул и прочел то, что у него было.

– Всего три сообщения. Все от двадцатого марта.

– День его смерти.

– Правда?

– Да. Читай.

В дверь постучали. Миа надела гостиничный халат и забрала завтрак, пока Габриэль искал сообщения.

– Вот, первое короткое.

– От кого?

– Анонимный отправитель.

– Как это возможно? Можно скрыть свой номер, когда отправляешь СМС?

– Да, это несложно.

– Может, я уже совсем древняя, но как это делается? – спросила Миа, глотнув кофе.

Кофе – дрянь. Она выплюнула его обратно и тихо выругалась. Неужели так сложно научиться делать нормальный кофе? Омлет с беконом на тарелке тоже не выглядели воодушевляюще.

– Отправляете через интернет. Сайт txtmenow.com. С таких сайтов. Их много, и там не надо регистрироваться. Просто набираешь номер получателя и сообщение, и оно отправляется, обычно с рекламой, так их финансируют.

– И что в этом сообщении?

– Здесь три штуки.

– Давай все.

– *Глупо летать слишком близко к солнцу.*

– Что ты сказал?

Миа так и не смогла ничего съесть и отставила поднос на подоконник.

– *Глупо летать слишком близко к солнцу.* Это первое сообщение.

– И что он ответил?

– Он ничего не ответил. Нельзя ответить на сообщение, у которого нет отправителя.

Миа села в кровати и прислонилась головой к стене. Головная боль прошла. Летать слишком близко к солнцу. Татуировка орла. Крылья. Икар с крыльями. Он летал слишком близко к солнцу, и крылья расплавились. Высокомерие. Гордость. Рогер Баккен сделал что-то, чего не должен был делать.

– Вы еще тут?

– А, да, извини, Габриэль, я задумалась.

– Читать следующее или?..

– Давай.

– *Who's there?* [\[12\]](#).

– Это и есть СМС? По-английски?

– Да. Читать последнее?

– Да.

– *Bye, bye, birdie.* [\[13\]](#).

Миа закрыла глаза, но ничего не прояснилось. *Who's there? Bye, bye, birdie.* Сейчас в этом не было никакого смысла. Она встала с кровати и пошла в ванную. Посмотрела на себя в зеркале – ей не понравилось то, что она увидела. Она выглядела уставшей. Почти безжизненной. Как привидение. Она наклонилась к крану и начала наполнять ванную.

– Миа? Вы тут?

– Да, извини, Габриэль, я просто пыталась понять, есть ли смысл в последних двух.

– И?

– Пока нет. Я скоро подойду, ладно?

– Хорошо, я буду тут.

– Отличная работа, Габриэль.

Она отключилась и вернулась в комнату. Попыталась съесть маленький кусочек завтрака, но проглотить не получалось. Ну и ладно. Возьмет кофе и лепешку в «Кафебреннери»^[14].

Who's there? Bye, bye, birdie.

Миа разделась и легла в ванну. Горячая вода окутала ее тело и успокоила ее. Здорово они вчера посидели с Сюзанне. Действительно очень приятно. Они вроде бы договорились встретиться еще? Миа точно не помнила, к концу она уже опьянела.

Она откинула голову и закрыла глаза.

Who's there? Bye, bye, birdie.

Немного, но хотя бы что-то.

Сесилие Мюкле спала так крепко, что просыпаться было почти больно. Она машинально потянулась к будильнику, но почему он не прозвенел? Сесилие попыталась открыть глаза, но ничего не получилось. Тело было таким тяжелым и теплым, будто она лежала на мягком облаке, прикрытая другим красивым облаком сверху. Она плотнее закуталась в одеяло и перевернулась на живот. Зарылась лицом в подушку. Попробовала послушаться свое тело. *Спи, спи дальше, спи дальше. Забудь, что говорит совесть. Тебе нужно спать. Спи, Сесилие.* Поэтому врач и прописал ей эти таблетки. Сесилие была против, она ни разу в жизни не принимала снотворное. Не любила таблетки. Ей нравилось быть в ясном уме. Не любила, когда что-то брало верх над телом. Для Сесилие было очень важно контролировать. Она снова рефлекторно высунула руку из-под одеяла и протянула ее к будильнику: пятнадцать минут седьмого, но он все еще не звонил. Какая-то часть в ее голове интересовалась, почему так, но ее быстро подчинила себе остальная часть, которой было наплевать, ею все еще управляло снотворное, и она опять завернулась в одеяло и откинула голову на подушку.

– Это не предложение, а предписание, – сказал ей врач. – Вы будете принимать эти таблетки, потому что сейчас вам необходим сон. Необходим. Мне повторить еще раз, чтобы вы выпили таблетку?

Лучший врач в мире. Он знал, что ей нужно и был с ней немного строг. Заботьтесь о себе. В этом Сесилие не имела особенных успехов. *Ты должна заботиться о себе,* – говорили все вокруг, но для Сесилие это было не так просто. Она выросла с мамой, которая никогда не заботилась о себе и всегда ставила нужды других выше своих. Сложно теперь отдалиться от этого образа.

Переживания, сплошные переживания. Поэтому она не могла уснуть. Она уже не помнила, когда последний раз спала целую ночь. Ее ночи были в основном беспокойными: чуть-чуть отдыха, немного хождения, какие-то поздние программы по телевизору, чашка чая, ну и иногда под утро она забывалась на несколько минут перед будильником в 6:15. Всегда было столько переживаний, и Сесилие была из тех, кто переживал за все больше других.

– Ты напрасно переживаешь, – обычно говорил ее муж, как в тот раз, когда они купили тот таунхаус в Скюллеруде.

– Он не слишком дорогой?

– Справимся, – сказал ее муж и был прав. У них все получалось, особенно после того как он начал работать в Северном море.

Шесть недель там, шесть недель дома. Конечно, она скучала по мужу, когда его не было дома, но он очень хорошо зарабатывал. А когда он возвращался, то проводил с ней все время. Сесилие Мюкле любила своего мужа. Он был идеален, она не смогла бы найти себе любовника и друга лучше него. Он был не такой, как большинство его товарищей, работавших с ним в Северном море, которые приезжали домой с полными денег карманами и уходили просаживать их в город. Шесть недель работы, шесть недель в запое. Нет, он совсем не такой. Когда ее муж был дома, он был дома.

Сесилие Мюкле протянула руки к потолку и наконец смогла открыть глаза. Она лежала, приходя в себя. Она была слаба, но тем не менее чувствовала себя прекрасно, проспав всю ночь: теплая кожа, мягкое и спокойное тело. Никаких снов, не то что в последнее время, когда она видела чудовищные кошмары, почти как в лихорадке. Ничего подобного. Только полный покой.

Проснувшись, она внезапно пришла в себя в темной комнате и внутренне забеспокоилась. Сколько сейчас времени? Она потянулась к ночнику. Он никак не включался. Почему так темно вокруг? И холодно? Электричество отключили? Сесилие нажала на кнопочку маленького будильника и пришла в шок, увидев сколько времени. Без четверти десять? Боже мой, она давно должна была встать! Каролине уже давно нужно быть в детском саду. Сесилие спустила ноги с кровати и села, схватившись за голову руками. Голова была свинцовая. Глаза не открывались. Она выбралась из кровати и пошла к выключателю у двери. Попыталась включить свет, но ничего не вышло. В доме было холодно и подозрительно тихо. Сесилие подошла к окну и отодвинула шторы. Весенний свет ворвался в комнату, его было достаточно, чтобы различать предметы. Пошатываясь, Сесилие вышла в коридор. Ей надо разбудить Каролине. Тяжелые ноги с трудом несли ее через темный коридор. Пол был холодным, а она забыла надеть носки. Сесилие подошла к комнате Каролине:

– Каролине?

Ее голос прозвучал тонко и слабо, тоже не хотел просыпаться.

– Каролине, ты проснулась?

Из комнаты девочки не было ответа. Без пятнадцати десять? Каролине никогда так долго не спала. Обычно она вставала в семь – или, во всяком случае, просыпалась. Обычно она приходила в постель к родителям, обнимая своего плюшевого мишку. Лучшее время дня. Тихо лежать в кровати утром вместе с Каролине и ее мишкой.

– Каролине?

Сесилие пробралась дальше, глаза начали потихоньку привыкать к темноте. Вдруг она почувствовала что-то мокрое и липкое на полу. Что за черт! Она остановилась и подняла ногу. Осторожно потрогала ступню. На полу было что-то мерзкое. Она же только что вымыла его! Сесилие пошла дальше по мокрому и липкому полу и вошла в комнату Каролине. Потянулась к выключателю, но свет и тут не включался.

– Каролине?

Она быстро пересекла комнату и раздвинула шторы. Свет заполнил комнату, и Сесилие начала волноваться по-настоящему.

– Каролине?

Она не верила своим глазам. Каролины не было в кровати. На полу была кровь. Она не могла проснуться. Она наступила в кровь. Она все еще спала. Это все сон. Не надо было принимать это снотворное, это все врач настоял. Сесилие стояла посреди детской и ждала, когда проснется. Этот сон ей не нравился. Каролине не было в кровати. Без пятнадцати десять. На полу была кровь. Электричество отключилось. В доме темнота. Руки под свитером покрылись мурашками. Она хотела скорее проснуться. *Скоро прозвонит будильник*, – подумала она и укусила себя за губу.

Это просто сон.

Сесилие Мюкле была в шоке. Она даже не слышала, как где-то вдалеке зазвонил телефон.

Миа Крюгер сидела у окна в кофейне «Кафебрэннери» на Стургате и пила уже второй кортадо за день. Она съела лепешку и выпила апельсиновый сок – у нее было жуткое похмелье, но она почувствовала, как тело медленно, но верно начало просыпаться после вчерашнего вечера с Сюзанне. Обычно она не читала газет, но сегодня почему-то решила сделать это, хотя заголовки убеждали ее воздержаться. *Детоубийства*, – так они решили называть это. Миа ненавидела, когда СМИ так делали, придумали названия и логотипы для дел об убийстве или исчезновении, для беспорядков и войн и для чего угодно. Они что, не понимают, что делают с читателями? Не понимают, что они сеют страх среди обычных людей? Гореть им всем в аду. Почему против этого нет законов? Наказаний? И кроме того, неужели эти идиоты не понимают, что тем самым они дают преступнику то, что он хочет, – внимание! До них не доходит, что такие люди хотят одного – внимания? На страницах всех газет. *Детоубийства*. Иногда ей было интересно, как они все это придумывают, эти журналюги. Интервью с детьми, их подружками и сотрудниками детских садов. *Полиция в растерянности*. Ей было интересно, откуда у них все это. Фотографии Паулине на пляже и на своем дне рождения с семьей. Фотографии Юханне на коньках и в бассейне с дедушкой. Миа покачала головой, но не смогла отложить газету. *Подозреваемых нет. Страна в трауре*. Фотографии с похорон. Фотографии цветов и свечей с мест, где их нашли. Письма девочкам. Плачущие дети. Плачущие взрослые.

Она отложила газету и допила свой кортадо. Зазвонил телефон?

– Миа, слушаю.

– Это Холгер. Ты где?

– В «Кафебрэннери» на Стургате, что такое?

– У нас новое исчезновение.

Миа почувствовала, как волосы на руках встали дыбом. Она надела куртку и через несколько секунд уже была у выхода.

– Ты в офисе?

– Выезжаю отсюда.

– Захвати меня около «Севен-Элевен» на Плёнсгате.

– Хорошо.

Миа положила трубку и побежала к Янгсторге. Черт возьми. Номер три. Три черточки на среднем пальце левой руки. Нет, не в этот раз. Они рано спохватились. Новое исчезновение, и они уже ищут. Больше никаких черточек. Миа не знала, кем была новая девочка, но, пробираясь через толпу на пути к Торргате, она решила: *эту девочку они найдут, прежде чем станет слишком поздно.*

Она завернула за угол Янгсторге в тот момент, как черное «ауди» Холгера заехало на Плёенсгате. Миа забралась на переднее сиденье и быстро захлопнула дверь.

– Куда едем? – спросила она, запыхавшись.

– Дисен, – коротко ответил Мунк. – Дисенвейен. Сообщили десять минут назад. Андреа Люнг. Шесть лет. Пропала из своей постели. Обнаружил проснувшийся отец.

Мунк установил на крышу мигалку и нажал педаль газа.

– Он только сейчас проснулся?

Она посмотрела на время в своем телефоне.

– Очевидно, – пробормотал Мунк.

– Кто уже там?

– Ким и Анетте. Карри в пути.

Мунк раздраженно посигналил трамваю и паре пешеходов, которые зазевались на переходе.

– Тупые идиоты.

– Она пропала из дома?

Мунк кивнул.

– Странно. Две другие пропали из детского сада.

– Ну, давайте уже. Боже мой.

Мунк еще посигналил, наконец-то выбрался из потока и поехал в сторону Синсен.

– Дома только отец? Где мать?

– Понятия не имею, – пробормотал Мунк.

Зазвонил телефон, и он взял трубку. Он был краток. Не лучший день в его жизни.

– Да? Твою мать. Да, огради территорию. И быстро вызывай криминалистов. Что? Нет, на это мне плевать, это приоритет, и это место преступления. Мы будем через пять минут.

Он снова положил трубку и потряс головой.

- Анетте?
- Ким.
- Что нашли?
- Кровь.
- Кровь?

Он яростно кивнул.

– Возможно, это не наш преступник, – предположила Миа. – Почерк совершенно другой.

- Думаешь?

Последнее он произнес, не глядя на нее. Шестилетняя девочка исчезла из своей спальни в Синсен. Миа достала пастилку из кармана куртки. Можно было надеяться, что эти дела не связаны между собой. *Три черточки на среднем пальце левой руки. Черт, не в этот раз. Они должны справиться.*

Мунк опять посигналил, чуть не переехал парочку панков, которые и не думали прибавить ходу на «зебре», увидев перед собой полицейскую машину с мигалкой.

- Кровь девочки? – спросила Миа.
- Слишком рано говорить, криминалисты в пути.
- Ты знаешь последние новости о Баккене?
- Татуировка орла, да. Рогер и Ранди? Что-то слышал.

Трансвестит?

- Похоже на то.
- Сейчас нам это не нужно. Не время.

Последнюю фразу он сказал не ей. Мунк пробормотал ее про себя со стиснутыми зубами, и выехал на Тронхеймсвейен к Дисен. Дисенвейен. Маленькие красные таунхаусы, проснувшиеся сегодня в ужасе.

- Что у нас тут? – спросил Мунк, выйдя из машины.
- Андрея Люнг. Шесть лет. Исчезла из своей комнаты. Кровавые следы по всей лестнице вверх и к ее комнате. Кровь в постели.

Ким почесал затылок, выглядел он серьезно.

- Где отец?
- В гостиной, – показал Ким. – Он совсем не в себе.
- Врач здесь?

Ким кивнул и показал на входную дверь. Не успели они зайти дальше гравийной дорожки, ведущей к дому, как показалась Анетте.

Она держала в руке телефон и выглядела взволнованной.

– У нас еще одна.

– Что? – переспросил Мунк. – Еще исчезновение?

Анетте кивнула.

– Только что сообщили. Каролине Мюкле. Шесть лет. Пропала из своей комнаты в Скюллеруд.

– Твою мать, – сказал Мунк.

– Кровь? – спросила Миа.

Анетте кивнула.

– Ладно, – сказал Мунк. – Вы двое едете в Скюллеруд. Ким и я остаемся тут. Пошлите туда еще одну группу криминалистов.

– Они уже едут, – кивнула Анетте.

Мунк быстро взглянул на Мию. Он ничего не сказал, но она знала, о чем он думал.

Две в один день?

Две одновременно?

– Возьмем мою машину, – сказала Анетте и побежала вперед Мии к красному «пежо», припаркованному у тротуара.

Журналист из газеты «Афтенпостен» Миккель Волд только что получил одну из своих статей по интернету и был относительно доволен результатом. Все прошло так быстро, он почти не успел просмотреть корректуру перед отправкой. Он несколько раз пролистал статью в готовом виде: ошибок нет, все выглядело хорошо, к счастью. *Последнее прощание с Паулине*. Он был на похоронах днем ранее вместе с двумя коллегами. Им нужно было сделать большой заголовок на обложке, но его работа заключалась в другом. Обычно они работали раздельно, для бумажной газеты и для интернет-издания, но не в этом деле: *все делают все, опережая других* – это стало новым девизом, и он заметил, что конкуренты делают то же самое.

Церковь Шёен была полна посторонних людей. По желанию семьи всех журналистов попросили подождать снаружи, но не все послушали. Миккель Волд видел многих своих коллег из других газет, шныряющих между родственников, друзей и соседей погибшей. Они, конечно, работают в жесткой сфере, но это уже слишком. У «Афтенпостен» над делом работала хорошая команда. Молодцы. Талантливые журналисты. У них было молчаливое согласие держать информацию при себе. Не раздувать дело. Быть внимательнее. Не совать любопытные грязные носы в глубокие раны. Так, как делали некоторые их конкуренты.

Миккелю Волду несколько месяцев назад предложили новую работу. Ему уже скоро сорок, и он проработал в «Афтенпостен» уже почти двенадцать лет. Понятно, что здорово получить приглашение на новую работу, неизвестно, будет ли еще такой шанс, но сейчас он был рад, что отказался. *Последнее прощание с Паулине*. Он брал интервью у подружки Паулине из детского сада и у родителей. Немного на грани дозволенного, но он решил, что все в порядке. Что это допустимо. Скорбим о вашей потере. Они получили фото плачущей маленькой девочки с букетом цветов в руках и с рисунком, который она нарисовала для Паулине. Красиво и цепляет. Хорошо подойдет для плаката «Будь осторожен». Или не подойдет? Миккель Волд вздохнул и потянулся. Он мало спал с тех пор, как нашли девочек. Не потерял ли он чутье? Написал бы он это десять лет назад? Пять лет назад? Он

отогнал от себя эту мысль и пошел на кухню за кофе. В здании кто-то шумел. Давно у них не было такого дела, да и было ли вообще что-то подобное? Серийный маньяк, одевающий девочек в кукольные платья и вешающий их тела на деревья со школьными рюкзаками на спинах? Он помотал головой и сделал глоток кофе. Все это было каким-то нереальным. Что-то из американских новостей или из телевизора, но не тут, дома. Миккель Волд еле выдержал, когда из церкви вывалилась толпа. Маленький белый гробик, лица в отчаянии. Скорбь. *Последнее прощание с Паулине*. Он надеялся, что удалось держаться достойно. Да, удалось. Получилась хорошая статья.

– Они снова выехали.

Силье просунула голову в комнату для перерывов.

– Куда?

Миккель поставил чашку на стол и вслед за молодой журналисткой зашел в комнату рядом. Сейчас они слушали полицейское радио круглыми сутками. Не хотели ничего пропустить.

– Скюллеруд.

– Новая девочка?

– Не могу сказать, – сказала Силье и прибавила громкости.

– Что у нас там?

Грунг вошел в комнату, небритый и как всегда с красным лицом. По редактору было заметно, что он тоже мало спал в последнее время.

– Несколько отрядов на пути в Скюллеруд.

– Скюллеруд? Разве не Дисенвейен?

– И туда, и туда.

– Дисен? – переспросил Миккель.

– Несколько минут назад, – ответит Грунг. – Эрик и Туве сейчас там.

Он снова повернулся к Силье.

– У нас есть адрес в Скюллеруд?

– Велдинг Улсенсвей. Недалеко от школы Скюллеруд.

– Я поеду, – сказал Миккель.

– Хорошо, – кивнул Грунг. – Держи в курсе, ладно?

Миккель Волд побежал к своему рабочему месту захватить оборудование.

– У нас есть фотограф?

Грунг прокричал на весь офис.

– Думаю, Эспен свободен.
– Нет, он поехал на Дисен.
– Позвоните Нине, – сказал Миккель и пулей полетел к входной двери. – Пусть ждет меня там.

На лифте он спустился на первый этаж, выбежал на стоянку и нашел такси. Набрал номер Эрика Рённинга, коллеги, уехавшего на Дисен.

– Эрик, слушаю.
– Что там происходит?
– Они тут все огородили. Небольшой хаос. Кажется, никто не знает, что тут происходит.

– Там только мы?
– Ну, размечтался.
Коллега хмыкнул.
– Нет, все труженики здесь. О, Миа! Миа!
Коллега на секунду исчез и снова вернулся к трубке.
– Что там происходит? – спросил Миккель.
– Мунк и Крюгер только что приехали. Похоже, мы в правильном месте. Миа! Миа!

Коллега снова пропал, в этот раз насовсем. Миккель Волд посмотрел на шофера и попросил его прибавить газу. Он надеялся, что будет среди первых прибывших, что остальная часть команды не услышала последний вызов на полицейском радио. Миккель попробовал позвонить коллеге, но там был автоответчик. Холгер Мунк и Миа Крюгер на месте. Значит, там что-то большое.

Миккель Волд приехал на Велдинг-Улсенсвей в Скюллеруд и увидел, что полиция уже все огородила. Он заплатил таксисту, выскочил из машины и пробрался через небольшую толпу людей, уже успевшую скопиться. Сразу оградили? В последнее время они так все время делают. Хотя они и слушают радио, все равно всегда немного опаздывают на место. *Мы слишком медленные для этого?* Слухи, что полиция перешла на что-то новое, на другие линии коммуникации, но пока что никто ничего конкретного об этом так и не выяснил.

Миккель пробрался прямо к ограждениям и нашел коллегу из «Верденс Ганг».

– Что тут происходит?
– Пока не знаю.

Журналист из «Верденс Ганг» закурил и показал на улицу.

– Думаю это третий или пятый дом. Один из тех желтых таунхаусов. Никого из тяжелой артиллерии пока тут нет, только пехота. Не знаю, что тут происходит.

Миккель Волд оглянулся. Постепенно приходило больше и больше народу. Он заметил NRK и TV2. Кивнул журналисту из Дагсависен в тот момент, когда зазвонил телефон.

– Миккель.

– Это Грунг. Что там у нас?

– Пока ничего, но все уже тут.

– Черт, почему мы такие тормоза? – сказал Грунг раздраженно.

– Я знаю. Мы должны кого-то посадить следить в следующий раз.

На том конце повисла тишина. Редактор не любил, когда ему говорили, что ему надо сделать.

– Мунк и Крюгер в Дисен, – сказал Миккель, чтобы сменить тему.

Он не хотел переходить Грунгу дорогу, он видел, как люди делали это раньше, и ничего хорошего не выходило. Он не горел желанием быть пониженным и писать про выставки кошек в Сандвика.

– Крюгер только что уехала оттуда, – сказал Грунг. – Думаю, она на пути к вам.

– Вы нашли Нину?

– Да, она едет. У меня на второй линии Эрик, я тебе перезвоню.

Миккель снова подошел к ограждению и попробовал оценить ситуацию. Полиция оцепила всю улицу, а не только один дом. Мунк и Крюгер были в Дисен, и Крюгер, возможно, едет сюда. Это должно быть что-то из ряда вон выходящее. Должно быть, новые жертвы. Две в один день? Это будет на обложке завтра. Точно. Он огляделся в поисках места, куда можно прошмыгнуть. Должна же сюда вести другая дорога. Журналист подошел к тому месту, где его высадили из такси. Постоять тут или попытаться обойти? Его мысли снова прервал телефонный звонок, на этот раз с анонимного номера.

– Миккель, слушаю.

Тишина в ответ.

– Это Миккель Волд, кто говорит?

Он прижал второй рукой ухо, чтобы лучше слышать. Народу становилось все больше, вокруг скапливались машины и любопытные прохожие.

– Разве это справедливо?

Странный голос. Скрипучий, искаженный, Миккель не мог разобрать, кто это.

– Кто это говорит? – переспросил он.

– Разве это справедливо? – снова повторил тот.

Волд прошел сквозь толпу, пересек улицу и нашел место поспокойнее.

– Что несправедливо? – спросил он.

Снова тишина на том конце.

– Алло?

Волд начал раздражаться.

– Алло? Кто бы вы ни были, у меня нет времени на это.

– Разве это справедливо? – снова повторил странный голос.

– Что несправедливо? Кто вы?

– Очень несправедливо, что ты должен стоять так далеко.

В ту же секунду подъехало красное «пежо». Мелькнула Миа Крюгер и одна из ее коллег. Они подъехали к ограждению и проехали за него мимо одного из дежурных полицейских.

– Черт, – сказал Миккель.

Где же фотограф? Это надо было сфотографировать.

– Звоните и доставьте кого-нибудь другого, – огрызнулся он. – Я очень занят.

Он уже собирался положить трубку, когда странный голос вернулся.

– Это номер три.

– Чего?

– Это номер три, – повторил голос. – Ее зовут Каролине. Все еще хочешь положить трубку?

Миккель Волд насторожился.

– Кто вы?

– Дональд Дак. А ты думал, кто я? – сказал голос.

– Нет, я имею в виду...

Голос рассмеялся.

– Ну что, мне позвонить кому-то еще? Тённингу из «Дагбладе»? Рууду из «Верденс Ганг»? Кому-то из них вместо тебя?

– Нет-нет-нет, – сказал Миккель Волд. – Я тут.

Он еще дальше отошел от толпы.

– Замечательно, – сказал голос.

Миккель вытащил из кармана записную книжку.

– Хочешь дружить со мной? – спросил скрипучий голос.

– Возможно, – ответил журналист.

– Возможно?

– Да, я очень хочу дружить с вами. Кто такая Каролине?

– А ты как думаешь?

– Ну... номер три.

– Нет, Каролине это номер четыре. Андреа была третьим номером.

Ты что, не следишь за новостями? Не был на Дисенвейен?

Опять что-то произошло около ограждений. Новая машина – криминалисты.

– Как я могу знать, что...

– Как ты можешь знать что? – спросил голос.

– Нет, ну что...

Миккель не смог закончить фразу. У него горел лоб и вспотели руки.

– Разве они не милые, когда спят? – спросил голос.

– Кто они?

– Малышки.

– Откуда мне знать, что вы не разыгрываете меня?

– Хочешь получить палец посылкой?

У Миккеля мурашки побежали по спине. Он старался сохранять спокойствие, но было все сложнее.

– Нет, совсем нет, – заикаясь, пробормотал он.

Голос снова тихо засмеялся.

– Вы должны задавать правильные вопросы.

– В смысле?

– На пресс-конференциях, почему вы не задаете правильные вопросы?

– Что такое правильные вопросы?

– Почему свинья так растеклась по полу?

– Почему что? Что вы сказали?..

Миккель отчаянно пытался снова достать блокнот, не уронив телефон.

– Тик-так, – сказал скрежещущий голос и отключился.

Холгер Мунк снял с себя одну из резиновых перчаток и вышел покурить на веранду. Черт их всех побери, ну и начало дня. Он плохо спал, всю ночь вертелся на кровати. Так и не успел поговорить с матерью насчет наследства. Во рту чувствовался неприятный привкус, не дававший заснуть. У них были дела посерьезней, чем это наследство. *Две жертвы в один день?* Он зажег сигарету и выглянул в окно. Криминалисты собирались уезжать, а отца девочки уже увезли в участок в Грэнланд. Они все еще не нашли мать, отец был в глубоком шоке и с трудом говорил. Очевидно, они были в разводе и не жили вместе, у матери была свободная неделя, она проводила ее за городом с подругами, там не было связи. Стекло в двери на веранду было разбито. Кровавые следы по всей лестнице и в комнате маленькой девочки, Андреа. Кто-то забрал ее из комнаты. Мунк глубоко затаился, пытаясь побороть надвигающуюся головную боль. Набрал номер Мии. Прошло несколько секунд, прежде чем она ответила.

– Что у вас там? – спросил Мунк.

– Каролине Мюкле, шесть лет, исчезла из своей комнаты.

– Есть признаки взлома?

– Нет, ключ под ковриком.

Господи. Мунк вздохнул. Под ковриком. Как это возможно.

– Кровь?

– Вся лестница в кровавых следах, и в комнате девочки тоже.

– Родители?

– Сесилие и Юн-Эрик Мюкле. У нас ничего на них нет. Он работает в Северном море, сейчас связываемся с ним. Она учитель.

– Учитель?

– Да, но она ни при чем. В полнейшем шоке. Мы отправили ее в больницу Уллевол. Она даже не могла назвать свое имя. Считала, что у нее нет времени с нами разговаривать, нужно забрать Каролине из садика.

– Вот как...

– Сейчас пойдем опрашивать соседей, вдруг кто-то что-то видел.

– Да, здесь тоже.

– Приоритет «Альфа-один» или как?

Мунк кивнул.

– Холгер?

– Что? Да, я хочу, чтобы задействовали всех. Чтобы опросили всех. И под всеми я имею в виду всех! Всех, кто проходил мимо. По каждой тропинке. Понятно?

– Да, – сказала Миа и положила трубку.

Мунк опять сделал глубокую затяжку. Головная боль неумолимо подступала. Воды. Ему надо попить. И что-нибудь съесть. Снова зазвонил телефон.

– Мунк, слушаю.

– Это Габриэль Мёрк, я не вовремя?

– Смотря насчет чего.

– Помните ту штуку, что вы мне дали? Личную.

Мунк прижал ладонь ко лбу.

– Ту задачку, – продолжал Габриэль.

Мунк собрался с мыслями и вспомнил. Математическую задачку, которую он не смог решить. Та, что послала ему по интернету та шведская девушка.

– Ты решил ее?

Мунк вернулся в дом и зажег новую сигарету. Они переместили ограждения дальше по улице. Держать дистанцию от журналистов. Пока есть ограждение. Две смерти. Подозреваемые отсутствуют. Мунку стало страшно при мысли, что надо докладывать Миккельсону. А теперь еще две девочки исчезли. В Грэнланде будет настоящий ад, когда они узнают.

– Я думаю, это Гронфельд, – сказал Габриэль.

– Что?

– Шифр Гронфельда. Это разновидность шифра Виженера, но тут используются цифры вместо букв. Мне нужно еще кое-что. Вы получили что-нибудь еще?

Мунк никак не мог собраться с мыслями.

– Нет, не думаю. А что еще должно быть?

– Буквы и цифры. Гронфельд работает так, что обе стороны, отправитель и получатель, используют одну и ту же комбинацию. Букв и цифр. Другие не смогут ее прочитать.

– Ничего не припомню, – сказал Мунк, увидев Кима у ворот. – Поговорим об этом позже.

– Окей, – сказал Габриэль и положил трубку.

– Есть что-нибудь?

Ким помотал головой.

– Большинство сейчас на работе, нам придется сделать еще круг вечером.

– Ничего? Твою мать, должен же был хоть кто-нибудь что-нибудь увидеть!

– Пока ничего.

– Пройдите еще круг, – сказал Мунк.

– Но мы же только что...

– Я сказал, еще круг.

Молодой полицейский кивнул и опять исчез.

Мунк только собрался обратно в дом, когда позвонила Миа.

– Да?

Он услышал по ее голосу – они что-то нашли.

– Это женщина, – коротко сообщила она.

– У нас есть свидетель?

– Пенсионер через дорогу. Страдает бессонницей. Выглянул в окно, думает, это было около четырех. Увидел, что кто-то роется в почтовом ящике. Вышел проверить.

– Отважный пенсионер.

– Это точно.

– Что он сказал?

– Он позвал ее. Она убежала.

– И он уверен, что это была женщина?

– На сто процентов уверен. Видел ее на расстоянии пары метров.

– Дьявол.

– Я говорила тебе, правда? – воодушевленно сказала Миа. – Я знала.

– Ты была права. Пенсионер все еще там, с вами?

– Да, мы возем его в участок.

– Увидимся в офисе через десять минут?

– Хорошо, – сказала Миа и отключилась.

Мунк почти побежал. *Женщина*. Он сел за руль и переехал ограждения. Когда он проехал толпу журналистов и репортеров, засверкали вспышки. Хоть какая-то добыча для первых полос.

Женщина.

Мунк установил мигалку на крышу и лихо повернул назад в сторону центра.

Норвежский ветеран афганской войны Том-Эрик Сёрли сидел у окна своей гостиной, когда две полицейские машины остановились у его дома и начали расставлять ограждения. Он взял бинокль со стола и направил окуляры на полицейских. Он весь день как обычно слушал полицейское радио и знал: что-то произошло. Убиты две маленькие девочки, еще две, видимо, исчезли, и полиция решила контролировать всех выезжающих из города. Он еще раз подкрутил линзы. Вооруженная полиция в шлемах и с пистолетами-пулеметами, MP5, он узнал оружие – сам много раз его использовал. «Heckler & Koch MP5». Вооруженные полицейские установили ворота и начали останавливать машины. К счастью для автомобилистов, было утро. Пробка выстраивалась в центр города, а не из центра.

Он отложил бинокль и прибавил звук новостей. У него всегда были включены телевизор, компьютер и полицейское радио. Он любил следить за всем. Быть в курсе всего. Таким образом он чувствовал, что живет теперь, когда уже сам не мог участвовать в событиях.

Лекс, его пес, проснулся в своей корзинке и потрусил к нему. Уселся у ног, положил голову на колени и высунул язык. Лекс хочет гулять. Том-Эрик Сёрли погладил щенка по голове, пытаясь следить за экранами. TV2. Репортаж с микрофоном перед камерой. Жилой микрорайон Скюллеруда на заднем плане. Полицейские ограждения. Первая девочка исчезла оттуда. Он слышал это час назад. Он встал и взял Лекса за ошейник. Провел его к лестнице в сад и там привязал. Сейчас он был не в силах идти на прогулку. Болела голова.

Когда полиция убрала ограждения, на улице уже стемнело. Весь день. Значит кто-то в министерстве все-таки раскошелился. Он ел свой ужин перед телевизором. На экране появился рисунок. Женщина. Свидетель видел ее в Скюллеруд. *Удачи*, подумал Томас-Эрик Сёрли. Она похожа на кого угодно. Отрывок пресс-конференции. Полицейский адвокат – женщина. Девочек все еще не нашли, никаких следов. Два следователя по делам об убийствах в пути. Мужчина с бородой в бежевом пальто. Девушка с длинными черными волосами. Оба с острым взглядом. Мужчина в пальто машет рукой журналистам. Никаких комментариев.

Он убавил звук телевизора и пошел долить себе кофе. Снаружи слышались какие-то звуки. Кто-то в саду? Он надел ботинки и вышел во двор. Овчарки не было на месте.

– Лекс?

Он обошел дом по кругу к заднему двору и пришел в ужас, увидев яблоню.

Кто-то убил его собаку и повесил за горло на скакалке.

Миа Крюгер перешла дорогу и пошла по Тейенгата. Достала пастилку из кармана. Пыталась избегать газетных заголовков по пути. Прошла мимо еще одного киоска, выставившего ее жизнь на всеобщее обозрение. *Все еще никаких следов мистической женщины.* Фоторобот на главной странице. Женщины, которую видел пенсионер. Фоторобот был хороший. С показаниями свидетеля тоже было все нормально. Проблема в том, что это может быть кто угодно. Тысяча девятьсот телефонных звонков только в первый день. Люди думали, что это их соседка, коллега, племянница, или что они видели ее в очереди на паром позавчера. Телефоны в участке обрывали, и им пришлось сделать паузу и прекратить прием звонков. Пошли слухи, что время ожидания разговора с полицией растянулось до двух часов. *Кто-нибудь видел Каролине и Андреа?* Новые заголовки, большие фотографии девочек, словно в насмешку над ней. *Ты не умеешь работать. Это твоя ответственность. Если девочки умрут, виновата будешь ты.*

Откуда взялась эта кровь? Миа Крюгер не могла понять. Это не сочеталось. Не сочеталось со всем остальным. Они проверили кровь, она не принадлежала ни одной из девочек. Это даже не человеческая кровь. Это кровь свиньи. Преступница дразнила их, вот что она делала. Или он. Миа все еще не была до конца уверена. Что-то не совпадало. С той женщиной в Скюллеруде. С фотороботом. У нее было чувство, что все это просто игра. *Смотрите, как у меня все просто получается. Я могу делать все что захочу.*

Я выиграю. Вы проиграете.

Миа плотней укуталась в куртку и еще раз перешла улицу. Они ничего не нашли по белому «ситроену». Ничего по списку ранее осужденных. Людвиг и Карри отлично поработали с делом Хёнефосса, один из кабинетов на Марибуэсгате был от пола и до потолка завален фотографиями и заметками, но они так пока ничего и не нашли. Ведь речь шла о 860 сотрудниках больницы. На минуту, почти девятьсот человек. Не говоря уже обо всех остальных, кто имел доступ – пациенты, посетители, родственники. Тысячи людей все вместе. Наблюдение тоже ничего не дало. В то время в родильном отделении

не было камер, только у выхода. Миа помнила, как сама часами смотрела записи, безрезультатно. Часами допросы и показания. Врачи, медсестры, пациенты, физиотерапевты, психологи, родственники, сотрудники ресепшена, уборщицы. Она лично говорила с сотней людей. Все были в одинаковом отчаянии. Как это могло произойти? Кто-то зашел в родильное отделение и вышел с маленьким ребенком на руках, оставшись незамеченным? Миа помнила, как высшие чины полиции обрадовались, когда тот швед повесился и «признался». Дело быстро закрыли. Замели под коврик. Позор всему отделу. Нужно было продолжать.

Миа пересекла еще одну улицу и зашла в задний дворик. Она давно тут не была, но все было по-прежнему. Зеленая дверь без вывески, запрятанная в незаметном уголке города. Она постучалась и стала ждать, пока кто-нибудь откроет. Они решили объявить о вознаграждении. Семьи и те, кто их поддерживает. Мунк был против этого, это бы только увеличило число несерьезных звонков, заняло бы линии людям, у которых есть важная информация, но они все равно так решили, вместе с адвокатами. Будь как будет. Может, это как-нибудь и поможет. Может быть, правильная сумма денег поможет вывести преступника из тени.

В двери открылось маленькое окошечко и показалось лицо мужчины.

– Да?

– Это Миа Крюгер. Чарли здесь?

Окошечко снова закрылось. Через пару минут мужчина вернулся. Открыл дверь и впустил ее. Это был новый охранник, раньше она его тут не видела. Типичный выбор Чарли: бодибилдер, большое мускулистое тело, татуированные бицепсы шире, чем ее бедра.

– Он внутри, – кивнул мужчина и показал на комнату.

Чарли Брун стоял за барной стойкой и широко улыбнулся, увидев ее. Он был все тем же. Может, немного постарел, взгляд стал усталым, но все такой же яркий, как обычно. Ярко накрашен, в ярко-зеленом платье с блестками и боа на шее.

– Миа Лунный Свет, – рассмеялся Чарли и обошел стойку, чтобы обнять ее. – Сколько лет сколько зим, как твои дела, *girl*^[15]?

– Хорошо, – кивнула Миа, присев.

В зале было мало народу. Всего шесть-семь человек, все в женской одежде. Леопардовые штаны и высокие каблуки. Белые платья и длинные шелковые перчатки. У Чарли можно выглядеть как тебе угодно, никому нет до этого дела. Свет был приглушен. Голоса тихие. Музыкальный автомат в углу играл Эдит Пиаф.

– Ты выглядишь жутко уставшей. Хочешь пива?

– Ты получил лицензию на угощения выпивкой?

– Ну, *girl*. Какие страшные слова ты произносишь, – подмигнул Чарли и налил ей пива. – Тебе маленькое или какое?

– Что значит «маленькое» у вас тут нынче? – улыбнулась Миа, отпив глоток.

– Это может значить то, что ты хочешь, – подмигнул он и протер стойку перед ней.

– Да уж, – продолжил он. – Тут теперь не так классно, как раньше. Мы стареем, знаешь ли; во всяком случае, Чарли стареет.

Он обернул зеленое боа вокруг шеи и потянулся за бутылкой на полке.

– Может, по «Егеру»?

Миа кивнула, снимая шапку и кожаную куртку. Хорошо зайти в теплое помещение. Спрятаться от мира на мгновение. Она часто зависала у Чарли, когда ее дело попало в СМИ. Миа зашла сюда однажды случайно и сразу же почувствовала себя как дома. Никаких любопытных глаз. Полный покой и безопасность, почти как в маленькой семье. Казалось, это было так давно, как будто в прошлой жизни. Теперь она не узнала никого из мужчин в женской одежде, сидящих вдоль красной стены.

Чарли нашел два стакана и налил «Егермейстер» в оба.

– За тебя, дорогая. Рад снова видеть.

– Взаимно, – улыбнулась Миа.

– Ты, конечно же, не постарела, – сказал Чарли.

Он поднял ее за подборок и стал разглядывать лицо.

– Какие скулы, *girl*. Тебе надо было не в полицию идти, а в модели. Seriously! Чуть более здоровый образ жизни, для твоей кожи. И немного макияжа иногда можно, хоть ты и девочка. Вот я и сказал это. Мама Чарли всегда честен, знаешь ли.

– Спасибо, – сказала Миа, опустошив стакан.

По горлу разлилось тепло.

– Чарли, можно нам сюда бутылочку шампанского?

– Линда, что я говорил о выкриках?

Чарли повернулся к одному из мужчин за столиком. На том было коротенькое розовое платье, сапожки, перчатки и жемчужное ожерелье на шее. Ему было слегка за сорок, но двигался он как пятнадцатилетняя девочка.

– Ну ладно тебе, Чарли. Подыграй нам.

– Это приличное заведение, а не бордель в Амстере. Вам сменить бокалы?

– Нет, у нас еще есть, – ухмыльнулся мужчина, звавшийся Линдой.

– No class^[16], – вздохнул Чарли и закатил глаза.

Он достал бутылку шампанского и принес ее к их столику. Открыл ее с хлопком на радость сидящим. Они заплодировали и засмеялись.

– Ну вот, – сказал Чарли, вернувшись к Мии. – Я думал, мы тебя потеряли.

– Слухи о моей смерти сильно преувеличены, – подмигнула Миа.

– Немного красного и прикосновение, я и соглашусь, – ухмыльнулся Чарли. – О нет, это было так нагло. Нет, я такая нахалка.

Чарли Брун перегнулся через барную стойку и крепко ее обнял. Миа довольно улыбнулась про себя. Давно ее не обнимал большой плюшевый медведь в женской одежде. Это было приятно.

– Это было нагло с моей стороны? Ты прекрасно выглядишь, кстати. На миллион крон.

– Ладно тебе, – засмеялась Миа.

– На два миллиона.

– Ну хватит уже, Чарли.

– Десять миллионов. Еще по «Егеру»?

Миа кивнула.

– Рассказывай, – сказал Чарли, когда они оба осушили стаканы.

– Мне нужна твоя помощь, – сказала Миа, достав из внутреннего кармана куртки фотографию.

Она толкнула ее через барную стойку к Чарли. Он надел очки и поднес фото под свет свечи.

– А, Ранди, – кивнул он. – Понятия не имел, что ты имеешь к этому какое-то отношение. Трагическая история.

– Он часто тут бывал? То есть она, извини.

Чарли снял очки и передал фото обратно.

– Да, случалось, – ответил он. – Периодически. Периодами она приходила часто, а потом пропадала на несколько месяцев. Рогеру было, как бы это сказать, не совсем комфортно с самим собой. Думаю, он изо всех сил пытался не превращаться в Ранди, но ты знаешь как это бывает, у него не получалось. Ему нужно было много выпить, чтобы раскрыть себя. Иногда мы были вынуждены просить ее уйти, другие гости смущались, знаешь.

– Есть идеи почему?

– Почему он прыгнул с крыши?

Миа кивнула. Чарли пожал плечами.

– Понятия не имею. Там снаружи нелегкий мир, вот все, что я могу сказать. Недостаточно быть нормальным. Трудно, когда общество требует, чтобы ты был одним человеком, а тело говорит совсем другое.

– Нет никого нормальнее тебя, – сказала Миа и подняла пиво со стойки.

Чарли ухмыльнулся.

– Я? Боже, я определилась с этим уже тридцать лет назад. Но не все такие, как я, понимаешь. Чувство вины, стыд и угрызения совести. У нас есть интернет в телефонах, мы отправляем космические корабли на Марс, но в душе и эмоционально мы все еще живем в средних веках. Но ты и сама все об этом знаешь.

– Знаю?

– Да, ты умная, поэтому так нравишься мне. И красивая, это, конечно, тоже важно, но главное – умная, тебе не надо ничего объяснять. Ты не хочешь стать премьер-министром, Миа? Научишь эту страну паре вещей?

– Думаю, ничего бы не вышло.

– Да, наверно. Ты слишком добрая.

Чарли посмеялся и налил им еще по стакану.

– Она всегда приходила сюда одна?

– Кто? Ранди?

Миа кивнула.

– В основном. Пару раз приходила с подружкой, но я с ней не говорила.

– С женщиной?

– Нет, с женщиной.

– Как она выглядела?

– Строгая. Статная. Темные волосы собраны в тугий хвост. Немного странный взгляд.

– Что значит странный взгляд?

– У нее были глаза разного цвета.

– Вот как.

Чарли кивнул.

– Голубой и карий. Очень странная. Холодная. Серьезная. Я немного обрадовался, когда он перестал приводить ее. У меня мурашки от нее были.

– Когда это было?

– Ммм, точно не припомню.

Чарли взял тряпку и опять стал протирать барную стойку.

– Через пару месяцев после того, как ты перестала сюда приходить, наверно. Кстати, а где ты была?

– Отрешилась от мира на некоторое время.

– Хорошо, что ты вернулась. Я скучал по тебе.

Чарли подмигнул и поднял стакан.

– Давай я выкину гостей? И мы напьемся, как в прежние времена?

– В другой раз, Чарли.

Миа надела куртку.

– Сейчас у меня очень много дел.

Она взяла ручку и написала свой номер на салфетке.

– Позвони мне, если вспомнишь еще что-нибудь, хорошо?

Чарли перегнулся через стойку и поцеловал ее в обе щеки на прощание.

– *Don't be a stranger.* [\[17\]](#)

– Обещаю, – улыбнулась Миа.

Она надела шапку и вышла в дождливый вечер в Осло. Поискала такси, но ни одного не было поблизости. Ну и ладно. У нее было время. Никто ведь не ждал ее в гостиничном номере. Она надела капюшон и пошла пешком. Зазвонил телефон – Габриэль Мёрк.

– Привет, – сказала Миа.

– Привет, это Габриэль. У вас есть минутка?

– Конечно. Ты все еще в офисе?

– Да.

– Тебе необязательно быть там круглыми сутками, разве Холгер тебе не сказал об этом?

– Да-да, я понимаю, но мне много надо сделать.

У Габриэля был уставший голос.

– Есть что-нибудь новое?

– Вообще есть. Мне пришло в голову, что можно восстановить удаленные сообщения, и я позвонил приятелю, «эплл»-гику.

– И?

– Не волнуйтесь. Я восстановил их.

– Все, что было в его телефоне?

– Ага.

– С ума сойти, как здорово. Что у нас там?

– И хорошие и плохие новости. Я нашел удаленные сообщения, но их немного. Телефон был довольно новым. Не могу прочитать их вслух, сможете посмотреть их завтра?

– Конечно. Они тоже анонимные или как?

– Нет, там есть отправитель.

– Кто он?

– Это не очевидно. Поэтому я и звоню. Мне надо взломать несколько баз данных, чтобы узнать, чей это номер.

– О чем идет речь?

На секунду на том конца повисла тишина.

– Нужно очень много.

– И?

– Эм, это запрещено. Мы должны запрашивать доступ. Что вы думаете об этом?

– Ты говорил Холгеру?

– Он не берет трубку.

– Мы не можем ждать, – сказала Миа. – Взламывай.

– Вы уверены?

– Да.

– Окей, – сказал Габриэль.

– Сразу же начнешь?

– Думал немножко поспать.

– Как хочешь, успеем сделать это и завтра утром.

– А могу и сейчас начать.

– Хорошо. Я не сплю.

– Отлично.

Миа положила трубку и пошла дальше. На улицах было пусто. В окнах было видно людей в свете от экранов телевизоров. Вдруг гостиничный номер показался ей еще менее заманчивым, чем раньше. Нет причин туда идти. Все равно она не уснет. Лучше пойти выпить еще пива. Попробовать собраться с мыслями.

В «Юстисене», к счастью, было мало народу. Миа заказала пиво и нашла столик в тихом уголке. Достала ручку с бумагой и посмотрела на чистый лист перед собой. Четыре девочки. Скоро исполнится шесть лет. Паулине. Юханне. Каролине. Андреа. Она написала имена наверху листа. Паулине. Исчезла из садика. Нашли в Маридален. Юханне. Исчезла из садика. Нашли у Хаделандсвейен. Каролине и Андреа. Похищены из дома. Где их найдут? Миа не видела связи. Ответ лежит где-то в другом месте. Рогер Баккен/Ранди. Сообщения. Глупо летать слишком близко к солнцу. *Who's there? Bye, bye, birdie.*

Первое сообщение. Икар. Он сделал что-то, чего не должен был делать. Второе сообщение. *Who's there?* Разве не целый ряд шуток так начинается? *Knock, Knock. Who's there? Doris. Doris, who? Doris locked, that's why I'm knocking.* [18]. Никакого смысла. *Bye, bye, birdie.* Любимый мюзикл у голубых. Татуировка орла. *Пока, птичка.*

Миа почувствовал мерзкий привкус во рту и заказала еще «Егера», чтобы смыть его. От алкоголя ей стало лучше. Она начала пьянеть, думать стало проще. Она взяла еще лист бумаги и положила его рядом с первым. Школьные рюкзаки. Книги. Бумага. Имена на первой странице. Кукольные платья. Я путешествую одна. *Это одно и то же*, – быстро написала она. *Это совпадает.* Кровь свиньи. *Who's there. Это не совпадает*, подписала она снизу. Две из детского сада. Две из дома. Десять платьев. Одна женщина. Миа заказала еще пива. Мысли начали приходить в порядок. Голова прояснилась. Трансвестит. Женщина. Пол. Игра с полом? Неуверен в поле? Стыд. Вина. Я путешествую один. Первые символы дают ясную картинку интеллигенции. Рюкзак. Лента. Кукольные платья. Они не сочетались с остальным, просто какая-то глупость. Кровь свиньи? *Who's there?* Она взяла еще лист и положила его рядом с двумя другими. Осушила бокал и заказала еще один. Тут что-то есть. Она уже подбиралась к этому. Она написала *женщина* наверху третьей страницы. Хёнефосс. Родильное отделение. Мыть и ухаживать за девочками. Наркоз.

Сочувствие. *Медсестра?* Фоторобот. Похожа на всех остальных. *Незаметная?* Где можно спрятаться абсолютно в открытую? Она оставила на листе пустое место и написала что-то снизу. Холодная. Серьезная. Глаза разного цвета. *Шизофрения?* Одна в Маридален. Одна у Хаделандсвейен. Лес. Спрятана. Надо искать. Надо работать. Надо охотиться. На виду, но спрятана. Хочет показать, что она сделала, но не так открыто, чтобы не нужно было искать. Кровь свиньи? *Who's there?* Почему так чисто вначале? Seriously? Почему так грязно потом? Несерьезно? Миа заказала еще, взяла новый лист. Мысли потекли, тут что-то было. Она чувствовал привкус этого, но не видела полностью. Гордость. Смотрите на меня. Смотрите, что я сделала. А-не ЙВ. Вы ничего не можете, и я докажу это. Я против вас. Игра. Почему так чисто вначале и так грязно потом? Кровь? Свиная кровь? Как в кино. Театрально. Не по-настоящему. Не смотрите на это. Все прояснилось. Поток мыслей не останавливался. *Вот оно. Настоящее. Не смотрите на это.* Миа записывала быстрее и быстрее, почти забывая пить. Не смотрите на это. Не все имеет значение. Не то, что как в кино. Не театральное. Это нечестное. Настоящее. Не подходит. Смотрите только на то, что подходит. То, что правда. Какие символы на что указывают? К чему мы относимся, а к чему нет? Вот в чем эта игра?

Вот в чем игра.

Миа ухмыльнулась самой себе, даже не заметив этого. Она была далеко отсюда. Очень далеко. Города нет. «Юстисена» нет. Столика нет. Пива нет. Скакалка, да. Школьные рюкзаки, да. Кукольные платья, да. Я путешествую одна, да. Наркоз, да. Свиная кровь, нет, настоящее. Bye, bye, birdie – нет, неважно. Летать слишком близко к солнцу – нет, неважно. Who's there?

– Миа?

Миа подскочила на стуле. В замешательстве огляделась, не понимая где она.

– Извини, я тебя отвлекаю?

Реальность медленно возвращалась к Мии. Пиво вернулось. Комната вернулась. У ее столика стояла Сюзанне, с мягкими волосами, в насквозь промокшей куртке и с грустными глазами.

– Привет, что-то случилось?

– Я могу присесть? Вижу, ты работаешь. Я не отвлекаю тебя?

Миа не успела ответить. Сюзанне сняла куртку и опустилась на стул, как мокрая кошка.

– Садись, – сказала Миа. – Я только за. Там сильный дождь?

– И снаружи, и внутри, – вздохнула Сюзанне, подперев подбородок руками. – Не знала, куда пойти, и пришла сюда, думала, вдруг найду тебя здесь.

– Я тут и оказалась. Хочешь пива?

Сюзанне молча кивнула. Миа встала и пошла к бару. Принесла два пива и два стакана «Егера».

– Ты книгу пишешь? – спросила Сюзанне и улыбнулась из-под челки.

– Нет, это по работе, – сказал Миа.

– Хорошо, потому что вот это уже занято, – она показала на одну из фраз на листочке.

Who's there?

– Занято? Что ты имеешь в виду? Откуда это?

– Это вступительная реплика в «Гамлете».

Сюзанне убрала волосы за уши и сделала глоток пива.

– Уверена?

Сюзанне посмеялась.

– Ну, конечно, уверена. Я же все-таки ассистент режиссера. Должна знать текст.

– Нет-нет, я ничего такого не имела в виду. Но ты серьезно?

Сюзанне прокашлялась и внезапно превратилась в ту театральную Сюзанне из Осгордстранда.

– *Who's there? Nay, answer me, stand and unfold yourself. Long live the king!*^[19]

Она сделала еще глоток пива и вдруг засмушалась.

– Это ненастоящее. На это не нужно смотреть, – тихо сказала Миа.

– Что?

– Нет, ничего. Что случилось? Почему ты такая грустная?

Сюзанне опять вздохнула. Снова выпустила волосы из-за ушей и спрятала за ними лицо.

– Да, та же старая история. Я дура.

Теперь Миа видела, что подруга уже порядочно напилась. Она гундосила и с трудом доносила стакан до рта.

– Актеры. Как вообще можно полагаться на актеров? – продолжила она. – Они говорят, что любят тебя, на следующий день уже не любят, а еще через день снова любят, а когда ты снова им веришь, они ложатся в постель с молоденькими девочками из бригады осветителей. Разве это люди?

– Двумичие, – сказала Миа. – Непросто узнать, где правда.

Двумичие?

Игра с полом?

Актер?

– Лживые подлецы, – громко сказала Сюзанне.

Ее голос разлился по всему бару, и некоторые оглянулись на них.

– Это уже слишком, тебе не кажется? – сказала Миа и взяла подругу за руку.

– Всегда слишком. Все повторяется. Вечный танец по кругу, как в «Пер Гюнте» Ибсена. Снова и снова, и вдруг жизнь заканчивается, а любовь так и не пришла.

– Ты пьяна, – сказала Миа, погладив ее по руке. – Болтаешь чепуху. Пойдем, уложим тебя спать?

Миа и сама сильно опьянела. Она осушила стакан с пивом и смотрела на Сюзанне, пытающуюся отпить из своего.

– Я всегда должна ехать домой одна, – сказала Сюзанне, вытерев слезу.

У Мии зазвонил телефон. Снова Габриэль Мёрк. Миа посмотрела на Сюзанне.

– Ответь, – сказала Сюзанне. – Господи, не все так плохо, я просто ною.

– Точно?

– Боже, ну конечно.

– Я сейчас вернусь.

Миа взяла трубку и вышла во двор.

– Да?

– Это Габриэль.

– Что у нас?

– Еще один тупик.

– Ты ничего не нашел?

– Нашел. Номер принадлежит Веронике Бах.

– Превосходно, Габриэль. Кто она?

– Вопрос скорее, кем она *была*? Веронике Бах было девяносто четыре года. Она умерла в 2010 году.

– Как это возможно?

– Она была старая.

– Да я понимаю, но как возможно, что ее телефон использовался два месяца назад, если она умерла в 2010?

– Не представляю, Миа. Уже плохо соображаю. Не спал уже тридцать часов.

– Иди, поспи немного. Поговорим завтра.

Она положила трубку и снова вошла в бар. Сюзанне уже не сидела за столиком, а, покачиваясь, стояла у барной стойки. Пыталась убедить бармена, что она достаточно трезва, чтобы заказать еще одно, но он не уступал. Миа сложила свои листочки, надела кожаную куртку и вывела ее из бара.

– Я не пьяная, – прогундосила Сюзанне.

– Думаю, тебе лучше поспать у меня сегодня, – сказала Миа.

Она обняла подругу за плечи и аккуратно повела по мокрым улицам в гостиницу.

Женщина с голубым и карим глазами стояла перед зеркалом в ванной. Открыла шкаф и достала линзы. Сегодня голубые. На работу – голубые глаза. На работе – не разного цвета. Она не была самой собой на работе. *На работе никто не знает, кто я.* И это ведь не настоящая работа? Только внешняя. Только для других. Она собрала волосы в тугий хвост и наклонилась к зеркалу. Аккуратно вставила линзы и поморгала. Надела искусственную улыбку и начала изучать себя. Здравствуйте, я Малин. Малин Штольц. Я работаю здесь. Вы думаете, что знаете меня, но вы понятия не имеете. Смотрите, как я хорошо вру. Как улыбаюсь. Как притворяюсь, что мне есть дело до того, что вы говорите. О, какой ужас, ваша собака заболела? Надеюсь, ей уже лучше. Сейчас принесу вам стакан сока, фру Улсен. А еще поменяю вам постельное белье, ведь чистые простыни – это лучше всего на свете. Женщина с разными глазами вышла из ванной и прошла в спальню. Открыла шкаф и достала рабочую одежду. Белая одежда – хорошее правило. В одинаковой одежде все мы незаметны. Если глаза не разноцветные. А они не разноцветные. Они голубые. Тёмно-голубые. Норвежские глаза. Хорошие глаза. Нормальные глаза. Бутерброды в столовой. Боже, я совершенно согласна с этим. Ей нужно выметаться отсюда, я не голосовала за нее, она же не умеет танцевать. Мертвые лица. Пустота. Пустота. Пустые слова. Движение рта под безжизненным взглядом. Он и правда это сказал? Это твой бывший муж? Боже мой. Да, ясное дело, я есть на фейсбуке. Кофе. Восемь часов. Иногда вечерние смены. Парковать машины в гараже. Но это же ненастоящая работа, правда? Не реальность? Нет, реальность совсем иная.

Женщина с голубым и карим глазами вышла в прихожую, взяла сумку и куртку и пошла вниз к машине. Завела двигатель и включила радио. Они исчезли, но ведь никто их не найдет? Не все могут иметь детей. Кто это решает? Кто решает, кто может иметь детей, а кто нет? Кто-то теряет ребенка. Кто это решает? Кто решает, кто потеряет ребенка? Это ненастоящая работа. Не эта работа. Никто не знает, что такое настоящая работа. Кое-кто знает, но они не говорят об этом.

Женщина переключила радиостанцию. Везде крутили одно и то же. Девочки исчезли, и никто не знает, где они. Где эти девочки? Они все еще живы? Кто-то запер их где-то? Сколько девочек нужно людям? Две, три – разве не это обычное число? Обычное? Человек необычен, если у него нет детей? Если он не может иметь детей? Женщина с разными глазами медленно выехала из центра. Важно ехать медленно, если хочешь быть невидимым. Если кто-то остановит машину, они могут узнать, что она не твоя. Что тебя зовут не Малин Штольц. Что тебя зовут совсем иначе. Это нехорошо. Медленно – лучше всего. Иногда можно спрятаться, будучи полностью на виду, как на работе. Некоторые считают, чтобы получить работу, нужно образование. Но это не так. Нужны только бумаги. Бумаги нетрудно подделать. Нужны только рекомендации. Рекомендации нетрудно подделать. Женщина с голубым и карим глазами съехала с Драмменсвейен и подъехала к зданию с белыми стенами. Припарковалась и подошла ко входу. Без десяти восемь. Если приходить заранее и делать свою работу, никто ничего не спрашивает.

Она прошла в гардероб для персонала. Повесила сумку и куртку в шкаф и снова взглянула в зеркало. У меня два голубых глаза. Это неправда. Это просто чушь. Настоящая работа – нечто совсем другое. Пока никто ничего не говорит, все идет хорошо. Иногда можно спрятаться, будучи на виду. Она поправила хвост на голове и вышла к дежурным.

– Привет, Малин.

– Привет, Эва.

– Как дела?

– Все отлично, а у тебя?

– Долгая ночь. Хелен Улсен снова было плохо, пришлось вызывать «неотложку».

– Уф-ф, надеюсь ей уже лучше.

– Да, ей уже лучше, сегодня вернется.

– Хорошо. Как твоя собака?

– Поправляется. Все не так серьезно, как мы думали.

Я не больна. Ты больна.

– Кто сегодня дежурит?

– Ты, Биргитте и Карен.

Ты больна. Не я.

– Что это?

Женщина с разными глазами увидела вывеску над кафе.

Дом престарелых Хёвиквейен отмечает 10-летие!

– О, будет здорово. Большой праздник в пятницу.

– Боже, как мило!

– Ты придешь?

– Конечно, конечно, приду.

Вы все больны. Это не настоящая реальность.

– Кто-то из девочек говорил про разминку перед банкетом.

Хочешь поучаствовать?

– Конечно же, хочу, это так мило. Взять что-то с собой?

– Поговори с Биргитте, это она организует.

– Хорошо, поговорю.

– Жду не дождусь праздника!

– Я тоже.

– Хорошей смены, Малин.

– Спасибо, а тебе хорошей дороги домой. Передавай привет мужу.

– Спасибо, передам.

Женщина с голубым и карим глазами налила себе кофе и села притворяться, что читает газету.

Миа Крюгер сидела в солнечных очках на верхнем этаже отеля, где подавали завтрак. Дико болела голова, и она почти не помнила конец вчерашнего вечера. Она вела Сюзанне домой, но, видимо, их занесло в еще один бар по пути. Где они были? Миа осушила стакан апельсинового сока и заставила себя съесть пару кусочков бекона. Ее по-детски затошнило, и она поняла, что жалеет о вчерашнем. Она звонила Холгеру пьяной? Как будто кто-то спрятавшийся глубоко внутри подсказал ей, что надо непременно рассказать ему, что она заметила и что это не может ждать. Как-то так. Сюзанне выползла из туалета. Протрезвев, она выглядела хуже Мии.

– Пора нам заканчивать с этим, – вздохнула она, словно прочитав мысли Мии.

Она плюхнулась на стул и схватилась за голову.

– Совершенно верно, – кивнула Миа. – Плохая компания.

– Я – плохая компания? – спросила Сюзанне.

– Нет, нет, я не это имела в виду. Мы окружаем себя плохой компанией, это не наша вина, – улыбнулась Миа.

– Актеры. Чертовы самовлюбленные макаки. Вообще кому какое дело? Мерзкие насекомые, спят друг с другом, рассказывают друг о друге все подряд и думают, что всем интересно, кто какую роль получил и что он думает о том, что она думает о том, что режиссер спит с другой вместо нее.

– Давай, выговорись, – хохотнула Миа из-под очков.

– Да, блин, сволочи. Посмотри на меня, посмотри, посмотри – я все еще как школьница.

Миа была так близка к разгадке вчера, почти решила ее. Сейчас она очень хотела запереться в своем номере и снова зарыться в материалах по делу. Вот чего ей хотелось. Углубиться в дело. Вот где ее дом. Это хорошее место.

– Черт, у нас в двенадцать сегодня костюмы и грим, я напрочь забыла, – выругалась Сюзанне.

– Костюмы и грим?

– Первая репетиция с костюмами, всем реквизитом, ну и все такое.

Миа кивнула, посмотрев на часы.

– Ты успеешь, сейчас только половина одиннадцатого.

– Почему ты вчера написала вступительную реплику Гамлета на своем листочке?

– По работе. Не могу рассказывать.

– Понимаю, – кивнула Сюзанне. – Просто подумала, это немного странно.

– Может быть.

– Это про пропавших девочек?

– Я не могу говорить об этом, Сюзанне.

– Я сказала кое-кому в театре, что знаю тебя, это было глупо с моей стороны?

– Нет, ничего страшного, а что?

– У нас в ансамбле есть девушка, Пернилле Люнг, играет Офелию. Она тетя одной из пропавших девочек. Совершенно разбита.

– Вот как.

– Андреа. Ты знаешь?

– Я не могу об этом говорить, Сюзанне.

– Нет, конечно. Просто подумала, что это странно.

– Что странно?

– Ну, что она исчезла прямо перед премьерой, и что на твоём листочке эта вступительная реплика. Подумала, вдруг тут есть связь.

Миа улыбнулась и положила ладонь на руку подруги.

– Мы больше не будем говорить об этом, у вас там в театре и так достаточно драмы, правда? Это просто случайное совпадение, хорошо?

– Хорошо, – кивнула Сюзанне. – Чертов алкоголь, только жалеешь потом о нём.

– Согласна, – улыбнулась Миа. – Я больше никогда не буду пить.

– Да-да, я всегда так говорю на следующий день, – посмеялась Сюзанне. – Но как только я снова прихожу в себя, я как будто забываю о своём обещании. Разве это не странно?

– Да, очень странно, – улыбнулась Миа.

– Мне пора бежать, – сказала Сюзанне, поднявшись. – Надо заскочить домой, переодеться перед репетицией. А то будет слишком много скользких взглядов, если я приду в той же одежде, что и вчера.

Все тут же начинают переглядываться и обсуждать, кто сегодня ночевал не дома, понимаешь?

– Понимаю, – кивнула Миа.

Она встала и обняла Сюзанне.

– Спасибо за помощь, – сказала Сюзанне. – Увидимся как-нибудь в ближайшее время?

– С удовольствием. Но никакого пива. На чай или что-нибудь такое.

– Окей, – улыбнулась Сюзанне.

Светловолосая девушка взяла сумку и вылетела из главного входа отеля, изо всех сил стараясь казаться трезвой.

Холгер Мунк сидел у кабинета Миккельсона в Грэнланде в легком раздражении. Он жалел, что согласился на прослушку телефонов, теперь все должны ходить на эти личные встречи, лицом к лицу. У него не было на это времени. Девочки еще живы, но скоро умрут. Так и будет. Если это тот же преступник. А это был он же. Чуть-чуть другой метод, отклонение от схемы, но это он же. Женщина. Но у них ничего на нее нет. Тысячи звонков, но ни один ни к чему не привел. Абсолютно ни к чему. Если наблюдения свидетеля верны, конечно. Он внушал доверие. Пенсионер. Женщина. Между тридцатью и тридцатью пятью годами. Примерно метр семьдесят роста. Волосы собраны в тугий хвост под капюшоном. Прямой нос. Это может быть кто угодно. Где она держала их в заключении? Мертвы ли они уже?

Мунк достал из кармана жвачку и забарабанил пальцами по стулу. Он договорился с Мией забежать в дом престарелых, быстро переговорить с матерью, наконец сделать это, но уже подумывал все отменить. У него просто не было времени. Во всяком случае, если надо тратить полдня на ненужные встречи, как сейчас. Быстро забежать в дом престарелых, сказать, что он думает, и бежать дальше. Как-то так. Он должен сказать ей, пока не слишком поздно. Пока все наследство не получил какой-нибудь шарлатан, пообещавший ей вечную жизнь на небе. Он кинул взгляд на часы в телефоне, чувствуя все большее раздражение.

Андреа и Каролине нет. Они исчезли из-под его присмотра, уже после того, как он взялся за дело. Скоро их усыпят. Помоют. Оденут в кукольные платья. Повесят с рюкзаками на спине. Если он не найдет их первым. Холгер почувствовал себя затерявшимся в тумане. Он не знал, куда идти. Что должно быть следующим шагом? Женщина, которую никто не знает, – это единственное, что у них есть. Трансвестит Рогер Баккен. Этот след для них почти оборвался. Миа звонила ему посреди ночи, хотела рассказать что-то срочное, но бормотала так невнятно. Ему пришлось попросить ее лечь спать. Прослушка телефонов. Нет, это никуда не годится. Надо поговорить с Габриэлем. Можно же, наверное, удалять личные разговоры. Не вносить их в отчеты. Как вчерашний разговор с Мией.

– Холгер, входи.

Миккельсон выглядел обеспокоенным, Мунк мог сосчитать складки на его лбу.

– Как наше положение? – спросил он, когда Мунк сел.

– Так же, как вчера. Никаких новостей о женщине с фоторобота, мы продолжаем проверять, но, судя по всему,дохлый номер, к сожалению.

– «Альфа-один» – и никаких следов девочек, как это возможно?

Вдруг Мунк почувствовал себя снова на школьной скамье. У ректора в кабинете, слушая выговор. Ему это очень не нравилось, но сейчас он ничего не мог поделать.

– Я сам не понимаю как. Все выглядит очень хорошо спланированным, вот что я могу сказать. Если бы это было случайно, мы бы давно поймали ее.

– Этого недостаточно, просто недостаточно, – зарычал Миккельсон.

– Ты меня за этим сюда позвал? Взбучку я мог и по телефону получить.

– Нет, извини.

Миккельсон снял очки и потер глаза. Плохой знак. Сейчас что-то будет.

– На меня надавили сверху, – продолжил он, надев очки обратно на нос.

– Кто? Министерство юстиции?

– Да, почти.

– Мы делаем все что можем.

– Да, это я объяснил, но дело не в этом.

– В чем проблема? – спросил Мунк.

Он уже начал терять терпение. У него полно дел поважнее.

– Это касается Мии, – сказал Миккельсон, посмотрев на Мунка.

– Что с Мией?

– Ну... – Миккельсон снова снял очки. – Они считают, она представляет риск. Меня попросили отстранить ее от дела.

– Отстранить ее от дела? Ты что, полный идиот? Мы только что привезли ее сюда. Она не хотела, ты это понимаешь? Она не хотела, а мы ее уговорили. Потому что мы чертовы эгоисты. А теперь снова убрать ее? У меня просто нет слов.

– Ну, полно, Мунк. Я не это имел в виду.

– А что ты имел в виду?!

– Я имел в виду... – он снова снял очки. Морщины на лбу будто стали глубже. – То есть... ну... она вполне... здорова?

– У меня нет на это времени, – выдохнул Мунк, поднявшись. – Две девочки в плену где-то там, а министерство юстиции умудряется делать вот эти высеры? У нас нет что ли других вещей, о которых надо думать?

– Следи за языком, Мунк, ты на работе.

– Ох, заткнись, Миккельсон. Кадры? Ты серьезно? Слухи о кадрах? Мы об этом должны беспокоиться сейчас? Об этом думает министерство? А что оно думает о тех случаях, когда мы выглядели отлично благодаря Мии? Тот русский дипломат, любивший убивать шлюх? Кто позаботился о том, чтобы все выглядело хорошо? Это был ты, Миккельсон? Ты там был? Те двое пенсионеров, которых ограбили и убили в собственном доме в Кульсос? Ты пекся о том, чтобы все разрешить, Миккельсон? Что тогда подумали в министерстве?

Мунк встал и пошел к двери.

– Я полностью отдаю себе отчет в том, что Миа сделала для нас, – сказал Миккельсон. – Страна благодарна ей, ты это хочешь услышать? Спасибо-спасибо. Норвегия благодарит ее. Но пришли другие времена. Бьёрн Дэли и Вегард Улванг. Потрясающие лыжники. Куча золотых медалей. Но ведь больше нет? Мы не можем отталкиваться от этого сегодня, ты понимаешь, о чем я?

– Господи, – вздохнул Мунк. – Нет, я совершенно не понимаю, о чем ты говоришь. Какого хрена ты приплетаешь сюда каких-то лыжников? Ты совсем потерял нюх? Мы говорим о смерти, Миккельсон, а не о взрослых людях в трико, пытающихся прийти к финишу первыми. Смерть, Миккельсон. Две девочки шести лет. Понимаешь?

Мунк взялся за дверную ручку. Он был в ярости.

– Ладно, ладно, – сказал Миккельсон. – Я не хотел, чтобы так вышло. Она может продолжать работать пока что, но после закрытия этого дела ей придется закончить. Пойми, Мунк. Ей нужно будет уйти, в любом случае. Я ничего не могу тут поделать. И еще...

Он открыл ящик и достал оттуда визитку.

– ... она должна сходить к нему.

– Психиатр?

Миккельсон кивнул.

– Это требование министерства.

– Черт тебя подери, Миккельсон. Почему ты не сказал об этом, прежде чем я вытащил ее с острова?

Миккельсон развел руками.

– Политика.

– В жопу твою политику.

Он положил визитку обратно на стол к Миккельсону.

– Она не пойдет ни к каким психологам.

– К психиатру.

– Ох, да заткнись ты уже. Один черт. У нее много работы. Я несу ответственность за это, я уже сказал.

– Это не тебе решать.

Начальник полиции открыл свой ноутбук и запустила аудиофайл. Мунк сразу узнал голоса. Это был его телефонный разговор с Мией прошлой ночью.

– Мунк, слушаю.

– Холгер, Холгер, дорогой Холгер...

– Миа, это ты? Сколько времени?

– Это не настоящее. Это просто игра. У Рогера Баккена был один глаз голубой, а другой карий. Сюсанне, мы заходим сюда. Да, ложись. Я помогу тебе раздеться. Ты слышишь, что я говорю, Холгер?

Гнусавый голос Мии. Мунк вздохнул, когда Миккельсон выключил запись.

– Есть необходимость слушать дальше? – спросил он.

– Она просто напилась, и что теперь?

– Как бы это выглядело, если бы дошло до газет, как думаешь?

Мунк сел обратно на стул.

– Ладно, – сказал он. – Она сходит к этому психиатру, хорошо?

Мы закончили на этом?

– Теперь закончили, – ответил Миккельсон.

Мунк взял визитку со стола и вышел из кабинета, не сказав больше ни слова.

Миа стояла на тротуаре и ругала себя за то, что согласилась поехать с Мунком в дом престарелых. После завтрака с Сюзанне она сразу же вернулась в постель. Конечно, не без угрызений совести, но она так устала, и самолечение на острове все еще давало о себе знать. И ведь она все время работала, голова не отдыхала, лежала ли она под одеялом, сидела ли в машине или в офисе, она была постоянно на работе. От мыслей не было покоя. На секунду она перенеслась на остров. К восходу на море. Ей нужно много спать. Уже слишком поздно. Разговор с матерью – он же должен сам справиться? Она достала из кармана пастилку, думая, позвонить ли ему, извинившись, и найти предлог не ходить, но было уже поздно. Она тихо выругалась на саму себя и села в «ауди», подъехавшую к тротуару.

Холгер Мунк выглядел не очень приветливо, но Миа была не в силах расспрашивать его.

– Тебе надо завести второй номер, – сказал он.

– Что? Зачем? – спросила Миа, достав еще одну пастилку.

– Ты звонила мне ночью.

– Ох, черт, я так и думала.

– Ты напилась?

– Ну, старая подруга из Осгордстранда...

– Понятно, – кивнул Мунк. – Ты знаешь, что нас прослушивают?

Миа не ответила. Она пыталась вспомнить, что сказала ему ночью, но ничего не вышло.

– Так что ты выяснила?

– У Рогера Баккена была подруга. Одна из тех, с кем он зависал, когда был Ранди.

– Мы знаем ее?

Миа покачала головой.

– Нет, но у нее глаза разного цвета.

– В смысле? – с любопытством спросил Мунк. – Такое бывает?

– Да, голубой и карий. Это, видимо, такое врожденное отклонение.

– Нам это поможет?

– Надо попробовать все, тебе так не кажется?

– Да, определенно.

Мунк опустил стеклоподъемник и закурил. Миа была не в состоянии дышать дымом в машине, особенно сегодня, но она ничего не сказала. Мунк выглядел уставшим. Очень.

– Что-то еще?

– Да, – сказала Миа. – Габриэлю удалось достать номер отправителя сообщений в телефоне Баккена.

– Слышал. Вероника Бах, умерла в две тысячи десятом.

– Вы нашли что-то еще на нее?

– Пока не очень много. Последний известный адрес проживания в Вика, жила со своим правнуком, Бенджамином Бахом, актером. Ты знаешь, кто это?

– Нет.

– Национальный театр. Из разряда «Слушайте и внимайте». Типа знаменитость.

Миа чуть задумалась. Сегодня шло туго. Как будто сироп в мозгах. Она еще раз решила для себя больше не пить. Пока не закончит дело. Если оно когда-нибудь закончится. Она отметила, что очень устала. На мгновение разозлилась на себя за то, что согласилась провести время с Сюзанне вчера. Лучше бы она глубже закопалась в материалы. Она же была уже на пути. Там было что-то, до чего она не успела добраться.

– Кто-то пользовался ее телефоном два года. Платил по каждому счету, чтобы номер не заблокировали, должно быть так, правда?

– Да, это единственно возможный вариант, – кивнул Мунк.

– Ну, что думаешь? Правнук с доступом к счетам? Тот актер?

– Вполне возможно. Я пытался связаться с ним сегодня, но он собирался на какую-то репетицию. Мы должны поговорить с ним как можно скорее.

– Как дела с раком легких? – спросила Миа, опустив окно.

– Даже не пытайся, – прорычал Мунк. – Я не пью, я не...

– Не пьешь кофе, имеешь право хотя бы на сигарету, знаю-знаю, – продолжила за него Миа.

– По какому поводу такое хорошее настроение?

– Да просто так. Мне кажется, я до чего-то додумалась. Возможно.

– И до чего же?

Мунк свернул с Драмменсвейен и выехал на Хёвиквейен.

– Знаешь, вся эта символика... – сказала Миа.

– Да?

– Тебе не кажется, что она немного не согласуется?

– Может быть. Это твоя область.

– Нет, правда, Холгер, я так думаю.

– Я понимаю, но не могу следовать за всеми поворотами твоих рассуждений. Меня начнет мутить.

Последнюю фразу он пробормотал, паркуя машину около дома престарелых Хёвиквейен.

– Вот и приехали, – вздохнул он, выключив зажигание.

Миа была уверена, что если бы Холгер был верующим, он бы сейчас перекрестился. Он явно не радовался предстоящему разговору.

– Все нормально, – сказала Миа. – Расслабься.

– Закурю последнюю, – сказал он, выходя из машины.

Миа последовала за ним, сняв очки. Самочувствие немного улучшилось. И тут, в Хёвике, было неплохо. Она все-таки не пожалела, что поехала с Мунком.

– Давай потренируемся, – сказал Мунк, зажигая сигарету.

– Сейчас?

– Да, почему нет? Хочу заглянуть в твою голову.

– Ладно, – сказала Миа, присев на капот. – Какой был первый знак от преступника?

– Разве мы не женщину ищем?

– Да наплевать, какой был первый знак?

Мунк пожал плечами.

– Платья?

– Нет.

– Рюкзаки?

– Нет.

– Мк.10:14. Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им?

– Нет.

– Тогда что?

Мунк вздохнул и затаился.

– Ане ЙВ, – сказала Миа.

– И почему же это первый знак?

– Потому что он не согласуется. Все остальное согласуется, а это – нет. Это часть целостного профиля, но нам не нужно сюда смотреть. Нам нужно смотреть снаружи.

– И что же? – спросил Мунк, явно заинтересовавшись.

– Что было первым, что не согласуется?

– Имя на учебнике?

– Именно. Очевидный сигнал, не правда ли?

– Сигнал чего?

– Осознания, Холгер, боже мой, ну соберись уже.

– Осознания?.. Все, я сдаюсь. – Холгер еще раз затянулся и выпустил дым вверх к весеннему солнцу. – Ладно, осознание. Остальные знаки – это аффект. Обмывание тел. Платья. Школьные вещи. «Ане ЙВ» написал человек, осознающий это? Это сделано с целью? Проснувшимся человеком?

– Молодец, Холгер, – Миа с иронией похлопала в ладоши.

– Да-да, я еще не совсем из ума выжил.

– И что значит «Ане ЙВ»?

– Хёнефосс.

– Именно. А что было вторым знаком?

– Кровь свиньи?

– Нет, это третий.

– А что было вторым?

– Помнишь три входящих сообщения Рогеру Баккену?

– Да?

– Какое из них выбивается?

– А какие-то из них не выбиваются?

– Боже, Холгер, да, ну давай же, соберись. Икар летал слишком близко к солнцу. Крылья орла. Bye, bye, birdie – это мюзикл для геев. Баккен был геем с татуировкой птицы. Все подходит, кроме Who's there? Эта фраза не подходит к остальным.

– Это и есть знак номер два? Who's there?

Миа кивнула.

– И что это означает?

– Я пока не уверена, но вчера я узнала, что это вступительная реплика Гамлета.

Мунк зажег еще одну сигарету, нервно бросив взгляд на входную дверь. Миа чуть не засмеялась. Взрослый мужчина, начальник отдела,

и боится разговора с собственной матерью.

– И скоро в Национальном театре премьера «Гамлета»? Телефон Вероники Бах? Правнук? Тут нужно искать?

– Я не уверена, – сказала Миа, подумав. – Я узнала, что нам нужно искать, но не узнала, зачем. Дальше я пока не дошла.

– А кровь свиньи – это номер три?

Миа кивнула.

– И что это значит?

– Я же сказала, что пока не дошла до этого, – сказала Миа, достав пастилку из кармана. – Мы зайдем уже внутрь или будем стоять тут весь день? Если нам станет скучно, можем пойти на поле для гольфа Баллерюд.

Миа показала на вывеску на другой стороне дороги.

– Что ты имеешь в виду?

– Отличное название, тебе не кажется? Поле для гольфа Баллерюд.

Мунк покачал головой, не понимая, почему она в таком хорошем настроении. Он не понял ее шутки, ведь то, что ему сейчас предстоит, совсем не повод шутить. Он затушил только что зажженную сигарету и первым вошел по лестнице в дом престарелых.

Дом престарелых Хёвиквейен – для обеспеченных людей, в этом нет никаких сомнений. Типичное для западного побережья место, подумала Миа, когда они вошли в светлое открытое фойе. На первый взгляд там было ни пятнышка. Чисто и красиво, новая мебель, современное освещение, оригинальные картины на стенах. Миа узнала нескольких художников. Ее мать, Ева, очень интересовалась искусством и водила девочек на выставки, как только появлялась возможность. Также на стенах висели различные фотографии. Отдельный шкаф был полон кубков. Поездки и по стране, и за границу. Турниры в бридж. Боулинг. Хотя это место и было чем-то вроде последнего места отдыха, ничто не указывало на это. В доме престарелых Хёвиквейен жизнь для человека не заканчивалась, пока он не искупается в Мертвом море или не получит премию за выращенную тыкву.

– Пожелай мне удачи, – вздохнул Мунк и исчез в одном из коридоров.

В одноместную комнату, догадалась Миа. С собственной ванной, телевизором, радио и обслуживанием круглые сутки. Здесь старикам не нужно сидеть днями в своих подгузниках без еды и воды. Миа села в кресло и взяла газету. «Нам за 60». Журнал твоего лучшего возраста. *Тренировки препятствуют слабоумию. Топпен Бех^[20] нашла помаду, подходящую к цвету машины.* Миа представила, что бы ее бабушка сказала про такое место и такие журналы и улыбнулась. Отложив газету, она хотела взять следующую, но тут ее взгляд упал на один из дипломов на стене. *Рождественский турнир по канасте^[21] в доме престарелых Хёвиквейен, 2009 год. Победитель: Вероника Бах.* Миа быстро встала и посмотрела на него внимательнее. Ну да, Вероника Бах. Это, должно быть, она же. Она подошла к стеклянной стойке и позвонила в колокольчик. Через несколько секунд появилась одна из медсестер.

– Здравствуйте, чем могу помочь?

Медсестра подходила ко всему остальному в доме престарелых. Приветливая, красивая и розовощекая. Может, они нанимают только тех, кто хорошо вписывается в интерьер, подумала Миа. Никакие

старики не гнули спины за углами здесь, в Хёвиквейен. Девушка была примерно ее возраста. Высокая и прекрасная, с ярко-голубыми глазами и черными волосами, собранными в тугий конский хвост.

– Меня зовут Миа Крюгер.

Она было хотела предъявить удостоверение, но передумала.

– Меня зовут Малин, – сказала девушка. – К кому вы пришли?

– Я здесь с другом, с Холгером Мунком. Он навещает мать.

– А, Хилдур, – улыбнулась голубоглазая девушка. – Чудесная дама.

– Совершенно чудесная, – кивнула Миа. – Мне просто стало любопытно, я увидела, что ее подруга Вероника Бах выиграла турнир по канасте. На одном из дипломов.

– Все верно, – улыбнулась девушка. – У нас проходит турнир каждое Рождество, и Вероника выигрывала три раза подряд до своей смерти.

– Никогда не играла в канасту, – сказала Миа.

– Я тоже, – подмигнула девушка. – Но пожилые люди любят эту игру.

– Ну, это самое главное, – улыбнулась Миа. – Знаете, мне пришлось в голову – извините, что спрашиваю об этом. Я не знаю, можно ли вам отвечать на такие вопросы, и все-таки... Бах – она не была его родственницей, ну, того милого актера?

– Бенджамина Баха?

– Да-да, его.

Девушка с голубыми глазами посмотрела на нее.

– М-м-м, вообще мне запрещено говорить о таких вещах, – улыбнулась она.

– Понимаю, – кивнула Миа. – Он часто ее навещал? Вы видели его? Он такой же милый в жизни?

Девушка улыбнулась.

– Он нечасто тут бывал, всего пару раз в год. И между нами говоря, по телевизору он выглядит намного лучше.

Она засмеялась.

– Понятно, – подмигнула Миа.

– Хотите чашечку кофе, пока ждете? Я как раз иду разносить ланч и могу сделать вам чашку, если хотите.

– Нет, большое спасибо, – сказала Миа и пошла обратно к своему креслу.

Голубоглазая девушка еще раз улыбнулась и исчезла в задней комнате. В углу стоял маленький телевизор. Миа поискала пульт и нашла его около экрана.

Сегодня в двенадцать часов опять состоялась пресс-конференция. Миа Крюгер была очень рада, что это прошло мимо нее. СМИ. У нее были напряженные отношения с журналистами, она никогда не чувствовала себя естественно в их присутствии. Приходилось как будто иметь два лица. Никогда не говорить, что ты действительно думаешь, а только то, что разумно. Ей это совсем не подходило. Ей нравилось, когда можно быть честным. Это почти как со всем этим театром. Кому-то нравится быть в центре внимания, а другому хочется этого избежать. Она чуть-чуть прибавила звук и переключила на NRK. *Детобийства*. Заголовок тут располагался не так безвкусно, как во всех других местах, но все-таки был на экране. Миа помотала головой и еще прибавила громкости. Двое телеведущих в студии, репортер перед лестницей в Грэнланде. Пресс-конференцию, видимо, отложили. Миа выключила телевизор, спустилась по лестнице и набрала номер Габриэля.

– Алло?

– Почему все отложили? Что-то случилось?

– Нет, скоро начинаем.

– Понятно. Сегодня Анетте проведет?

– Думаю да, вместе с той женщиной, полицейским адвокатом.

Той, с короткой стрижкой.

– Хильде.

– Наверно.

– Выяснил что-нибудь еще о Веронике Бах?

– А надо было?

– Нет, но у меня есть кое-что тут. Сможешь проверить?

Габриэль тихо вздохнул.

– Конечно.

– Что случилось?

– Что?

– Нет, просто у меня... много дел... много... И...

– Что?

– Нет, ничего. Моя девушка беременна.
– Ничего себе, поздравляю!
– Эм, да, спасибо...эм... Что я должен посмотреть для вас?
– Я не до конца уверена, это скорее предчувствие. Мне очень нужен доступ к этой штуке в доме престарелых Хёвиквейен, как она называется...
– Лист ожидания? Вам нужно место?
– Ну ты даешь, какое предположение! У тебя все хорошо?
– Извините. Сегодня немного расстроен.
– Не отыгрывайся на мне за свою беременную девушку, – ухмыльнулась Миа. – С этим ты сам должен справиться.
– Да, знаю. Это нормально, когда вдруг чего-то хочется посреди ночи?
– Например?
– Например, мороженого.
– Я слышала, что беременным женщинам часто хочется странных штук, – сказала Миа.
– Знаете, как это непросто – достать мороженое посреди ночи?
Миа рассмеялась.
– Да, ха-ха, – сказал Габриэль.
Парень явно был не в настроении.
– В общем, меня интересуют сотрудники и все такое. Гости и все такое.
– Гости?
– Как называется, когда живешь в доме престарелых? Житель? Неработающий?
– Я понял, что вы имеете в виду. Сотрудники и пользователи, так мы называем это.
– Хорошо, мы можем достать список?
– Законно?
– Нет.
– Я рассчитываю, что вы прикроете меня, если на меня будут давить из-за этого?
– Смотрю, ты уже прослушал курс у Фимпена.
– Ага.
– Конечно же, я беру ответственность на себя, – сказала Миа. – Дом престарелых Хёвиквейен. Тебе нужен адрес или что-то такое?

– Нет, я найду. Мы ищем что-то особенное или как?

– Понятия не имею, это просто интуиция. Мать Мунка и Вероника Бах в одном доме – стоит проверить.

– Мать Мунка?

– Я что, сказала это вслух?

– Черт, и что, теперь мне врать Мунку? Ему ведь не нужно знать о том, что я делаю это.

– Умный мальчик, – сказала Миа. – Мне надо бежать. Во сколько у нас сегодня бриф?

– В три.

– Отлично, до встречи.

Миа положила трубку в тот момент, когда Мунк спустился в фойе. Она собиралась подойти к нему, но остановилась, увидев, что он не один. Медсестра в такой же белой униформе, как и голубоглазая девушка, стояла рядом с ним. Красивая и худая, с длинными золотисто-рыжими волосами. Она громко засмеялась и коснулась Мунка, который был похож на четырнадцатилетнего подростка, с красными щеками, руки в карманах. Миа положила в рот пастилку и подошла поближе к ним. Мунк и рыжая медсестра обменялись еще парой слов, она снова прикоснулась к нему и с улыбкой исчезла за дверь.

– Как все прошло? – спросила Миа, когда Мунк подошел к машине.

– Не спрашивай, – сказал он, закурив.

– Кто это такая?

– Где?

– А ты как думаешь?

Мунк сел в машину, не выпуская сигарету изо рта.

– А, она. Это Карен, вроде так ее зовут. Она ухаживает за моей матерью. Мне надо было просто...

Мунк завел машину и выехал на Хёвиквейен.

– Да? Что просто?

– У нас есть что-нибудь новое? – Мунк сменил тему.

– Сейчас идет пресс-конференция.

Мунк включил радио. Миа услышала голос Анетте. *Ничего нового, мы по-прежнему ищем. Нам очень нужна ваша помощь. У них не было новостей для прессы. Но они все равно назначали пресс-*

конференции. Миа посмотрела на Мунка: тот сидел глубоко в своих мыслях. Она подумала, стоит ли ему рассказывать, что Вероника Бах была в одном доме с его матерью, но решила, что пока не нужно. Габриэль пока занимается этим, а Мунк выглядел так, словно его голова сейчас взорвется.

– Тебе надо пойти к психологу, – вдруг сказал Мунк, когда они выехали обратно на Драмменсвейен.

– В смысле?

Мунк вынул визитку из кармана куртки и протянул ей.

– Тебе надо к психологу.

– Это кто сказал?

– Миккельсон.

– Но какого черта?

– Не смотри так на меня. Они слышали наш ночной разговор. Думают, ты не совсем в себе.

– Пусть забудут об этом, – прорычала Миа.

– Я сказал то же самое.

– Значит, в этом мы единомышленны.

Миа открыла бардачок и кинула туда визитку, даже не посмотрев на нее.

– Какая наглость.

– А ты чего ожидала?

– Чуть-чуть хренова уважения.

– Ну-ну, удачи с этим, – вздохнул Мунк. – Заедем съесть по бургеру по пути?

– Я с удовольствием.

Мунк нашел съезд и свернул на заправку, как раз когда начался дождь.

Дождь лил на дорогу около здания «Афтенпостен». Они собрались в кабинете Грунга, чтобы следить за пресс-конференцией, назначенной на полдень, но начавшейся на десять минут позже. На месте были Миккель Волд, Силье Улсен, Эрик Рённинг и главный редактор Грунг. И хотя ему самому не нравилось так думать, но Миккель Волд получил лучшее место в кожаном кресле рядом с Грунгом. Что-то произошло с того телефонного разговора в Скюллеруде. Он возрос в цене. Вдруг оказался в центре всего. Грунг убавил звук телевизора и заговорил.

Они сохранили в тайне то, что преступник выходил с ними на связь. Пока ничего не делали. Пока. Это они и обсуждали. Надо ли им использовать это? И если да, то каким образом?

– Я считаю, нам надо подождать, – сказала Силье, откусив кусочек яблока.

– Потому что?.. – сказал Грунг.

– Потому что мы не знаем, не исчезнет ли она или он, если мы пустим это в ход.

– Я думаю, пора уже, черт с ним, – сказал Эрик.

Двадцатилетний очень талантливый журналист был любимчиком Грунга с самого своего назначения и всегда сидел в кожаном кресле около него. Если даже парень и ревновал или завидовал, он хорошо это скрывал. Он спокойно сидел, расставив ноги и сжимая антистрессовый мяч.

– Кто сказал, что она не позвонит в VG «Верденс ганг» завтра? Или в «Дагбладе» сегодня вечером? – продолжил он. – У нас есть шанс получить сенсационную новость, и этот шанс надо использовать сейчас.

Миккель слабо улыбнулся. Эрик начал употреблять слово «сенсационная новость» довольно часто, после того как выиграл «сенсационный» приз за серию статей про бомжей в Осло.

– Почему тогда она не позвонила другим раньше? – парировала Силье.

Силье и Эрик были как день и ночь. Она, лет двадцати с чем-то, шумная, с пирсингом в губе и явными левыми либеральными

тенденциями, во всяком случае в отношении «Афтенпостен». Он, спокойный, сдержанный, чаще всего в костюме, причесанный – мечта тещи, с милой улыбкой и приветливостью во взгляде. Когда у них в офисе были споры, эти двое всегда занимали противоположные позиции.

Миккель Волд был скорее журналистом старой закалки. Блокнот и ручка, он всегда следил за своими делами. Раньше он не писал о чем-то, чего не видел или о чем не имел представления. Это сейчас начинают писать после краткого телефонного звонка, а то и без него. Что касается стиля одежды, он не разделял ни позицию Силье, ни Эрика. Был где-то серединка на половинку. Был ли он скучным человеком? Он часто думал об этом. И, наверное, надо бы собраться с мыслями и пойти купить себе что-то из одежды, как в журналах, которые читает его сестра, *выразить свою индивидуальность*. Но он так ни разу и не сделал этого. Одежда в его шкафу висела уже около десяти лет. Какая-то черта – он не знал до конца, как ее сформулировать, что-то вроде самовлюбленности, и неважно, какой это стиль, – не вязалась с этой серьезной профессией. Наверное, так и было. Ведь преступник позвонил ему. А не кому-то другому.

– Вот, – сказал Эрик. – Нам надо использовать шанс.

– О, ну давай, Эрик, пассивно-агрессивная аргументация осуждается нами, женщинами, не так ли?

– Я был пассивно-агрессивен?

– О боже, да ну тебя, – засмеялась Силье.

– Что думаешь, Миккель? – спросил Грунг и повернулся к нему.

Двое других тоже замолчали. Все хотели знать, что он думает. Как уже говорилось, ему это не нравилось, но с какой-то стороны этот мистический звонивший оказал ему услугу.

– Я не совсем уверен, – кашлянул Миккель. – С одной стороны, мы могли бы сделать из этого материал, это точно.

– Эксклюзивный, – вставил Эрик, запустив мячик перед собой на столе. – Только наш. Больше ничей. Я говорю – давайте.

– Но с другой стороны, – продолжил Миккель, – было бы глупо просто раздуть из этого пару страниц и потом потерять контакт. Ведь может случиться, что мы поможем.

Все снова затихли.

– Поможем? – спросила Силье. – Ты имеешь в виду ищейкам?

– Полиции. Это ведь не классовая борьба. Мы работаем в «Афтенпостен».

– И что, поэтому мы не можем называть их ищейками?

– Что нам это даст? – спросил Эрик. – Во-первых, у нас ничего нет. Ничего конкретного. Ничего, что они могли бы использовать, но *мы* можем. Вы не согласны?

– Странно слышать это от самой себя, но на самом деле я согласна с Эриком. Я не имею в виду, что мы не пойдём к ищейкам, – сказала Силье.

– В полицию.

– Но у нас и правда нет ничего, что они могли бы использовать. Пока нет.

– Именно, – кивнул Эрик.

– Но это не значит, что нам тут же надо раздувать из этого. Если мы сообщим сейчас, узнаем ли мы, что потеряли? И потом что? Помните три дня назад? Это уже не ново.

– О нет, – прервал Эрик. – Это чертовски свежо.

– Тише, начинается, – сказал Грунг, прибавив звук телевизора.

Пресс-конференцию вела Анетте Голи и полицейский адвокат Хайди Симонсен.

– Голи и Симонсен, – вздохнул Эрик, снова сжав шар. – Когда они уже пришлют Мунка или Крюгер? Я хочу еще раз написать про Крюгер.

– Ха, – насмешливо сказала Силье. – Все мы знаем, что ты хочешь сделать с Крюгер. Написать? Don't think so. ^[22]

– Т-с-с-с, – зашикал Грунг и еще немного прибавил звук.

Только Анетте Голи успела поприветствовать всех на пресс-конференции, когда у Миккеля зазвонил телефон. В переговорной наступила тишина.

Анонимный номер.

– Пусть позвонит дважды!

– Отвечай!

Силье и Эрик говорили наперебой. Грунг выключил звук на телевизоре и пробормотал Миккелю *поставь на громкую связь*. Миккель устроился на стуле, прочистил горло и ответил:

– Да, Миккель Волд, «Афтенпостен», слушаю.

Скрежет на другом конце. Никого не слышно.

– Волд, «Афтенпостен», слушаю вас, – повторил Миккель уже несколько нервно.

По-прежнему молчание. Только скрежет.

– Кто-нибудь есть? – сказал Эрик в нетерпении.

Грунг и Силье закатили глаза.

– Заткнись, – прошептал Грунг.

Прошло несколько секунд, и появился скрипучий металлический голос.

– Вот как, мы тут не одни?

Тут замолчал даже Эрик, он перестал перебирать в руках свой мячик, только сидел, выпучив глаза и открыв рот. Почему-то они думали, что все это просто ерунда. Преступник звонит, здесь и сейчас. Мечта всех журналистов, а тут Миккелю Волду оказали такую честь? Нет сомнений. Все по-настоящему. Силье выплюнула кусочек яблока и осторожно положила его на стол.

– Да. Мы на громкой связи.

– Ничего себе, какая честь, – сказал металлический голос. – «Афтенпостен» слушает своих читателей. Но тем лучше, будет больше людей, кто возьмет на себя ответственность.

– За что? – кашлянул Миккель.

– Мы дойдем до этого. Кстати, я думал, ты будешь на пресс-конференции. Разве у тебя не было вопросов?

– Почему свинью бросили на пол? – нервно спросил Миккель.

– Хороший мальчик, помнишь это.

– Я знаю свою работу. И не задаю вопросов, к которым не пришел сам и за которые не отвечаю, – сказал Волд.

Он взглянул на Грунга, яростно мотавшего головой. Они должны играть *вместе* с ним, а не против него, об этом они договорились заранее. На том конце тишина.

– Журналистская целостность, – засмеялся голос после долгой паузы.

– Да, – сказал Миккель.

– Ты очень милый, – язвительно сказал голос. – Все знают, что нет никакой целостности у журналистов. Это только вы в нее верите. Вы знаете, что журналисты оказались на последнем месте в рейтинге профессий за прошлый год? На какие профессии мы полагаемся? Вас

опередили адвокаты, рекламщики и продавцы машин. Вы что, пропустили это?

Металлический голос снова рассмеялся, в этот раз почти душевно. Эрик Рённинг замотал головой и показал средний палец телефону, лежащему на столе.

– Но мы здесь совсем не поэтому, – холодно продолжил голос.

– Почему же мы здесь?

– Боже, да ты сегодня молодец. Сам додумался до этого вопроса?

– Хватит уже ломаться! – вдруг сказал Эрик. – Откуда нам знать, что ты не какой-нибудь идиот, решивший поиграть?

Грунг побагровел. Он не мог сдержаться и пнул Эрика под столом. Все снова затихли, но голос не пропал.

– Хороший вопрос, – продолжил он сухо. – С кем имею честь говорить?

– Эрик Рённинг, – сказал Эрик.

– Бог мой, сам Эрик Рённинг. Победитель «сенсационного» турнира в 2011. Поздравляю.

– Спасибо, – сказал Эрик.

– Каково это, писать о бомжах, а потом ехать домой и пить «шардоне» в джакузи у себя во Фрогнере? Журналистская целостность, говоришь?

Эрик хотел что-то сказать, но осекся.

– Но конечно, Рённинг, ты абсолютно прав. Откуда ты можешь знать, что я тот, за кого себя выдаю? Давай сыграем в небольшую игру?

– Какую еще игру? – кашлянул Эрик.

– Я назвал ее *быть в новостях*, вы со мной?

За столом воцарилась тишина. Никто не смел ничего говорить.

– Давайте я сначала объясню правила перед вашим ответом? – продолжил металлический голос. – Вы ведь передаете новости, я подумал, что для вас это немного скучно. Почему бы не *быть в новостях* сразу же? Не будет ли это здорово?

– Что это означает? – спросил Миккель.

– Это вы решаете.

– Что мы решаем?

– Кто останется жить, а кто умрет.

Четверо журналистов переглянулись.

– Что ты имеешь в виду?

Голос посмеялся.

– А вы как думаете? Я еще не определился. Каролине или Андреа. Вы можете решить. Разве это не приятно? Позволить вам поучаствовать.

– Т-ты не можешь говорить это серьезно, – сказала Силье.

– О, и девушки тут, замечательно. Кто это говорит?

– С-С-Силье Улсен, – заикаясь, сказала Силье.

Она явно не на шутку испугалась.

– И что же ты думаешь обо всем этом, Силье Улсен?

– О чем обо всем?

Голос снова засмеялся.

– Что я женщина. Ты веришь в это?

– Да, – осторожно сказала Силье.

Снова смех.

– Вы такие наивные. Это все так просто. Слишком просто. Вообще мне скучно. На самом деле. Это скучно, я ожидал большего сопротивления. Ну, давай, Миккель, ты тоже в это верил?

– Да, – сказал Миккель, подумав секунду.

– Ох, ну ладно вам, неужели я лучше других? Женщина. Пенсионер заметил женщину. А что, если это транс? Кому-нибудь пришло это в голову? Или бомж? Эрик, ты же разбираешься в этом? Как думаешь, что готов сделать бомж за две тысячи крон? Надеть куртку с капюшоном и показаться в Скюллеруде посреди ночи, пройти туда-сюда по улице? Ты бы согласился, Эрик, если бы был бомжом?

– Ты хочешь сказать, что ты не женщина? – тихо спросил Эрик.

– Господи, да вы еще глупее, чем я думал, – холодно произнес голос. – Я ведь немного верил в вас. Ну да ладно. Поступим следующим образом. У вас есть одна минута, чтобы назвать имя. Андреа или Каролине. Та, имя которой вы назовете, умрет сегодня вечером. Другая будет жить. Она вернется домой в течение суток. Если вы не назовете имя, умрут обе, мне абсолютно все равно. Одна умрет. Одна останется жить. Решать вам. Правила ясны?

– Но ты же не можешь просто так... – прервал Грунг.

– Я перезвоню через минуту. Удачи.

– Н-н-неет, – сказала Силье.

– Тик-так, – сказал голос и положил трубку.

Лукас был на небе. По крайней мере, так он себя чувствовал. Он много дней ждал этого третьего похода к дому в лесу. *Lux Domus*, Дом Света, или, как сам пастор любил его называть, *Porta Caeli*, небесные врата. Может ли что-то быть таким красивым? *Porta Caeli*? Небесные врата? Весь день его тело было онемевшим, и теперь, когда они наконец пришли, так близко к небу, он не мог сидеть спокойно, пришлось заставлять себя. Спокойно сидеть на стуле у окна, пока пастор читал детям.

Пастор сам получил сообщение от Бога. О том, что надо построить это место. Новый ковчег. В этот раз не для животных, а для избранных. Для особенных. Дом Света. Небесные врата. Когда придет судный день, они поедут. Никто кроме них. Только они. Сорок человек, не больше. В мире есть и другие, об этом Бог рассказал пастору, но им нельзя знать, где находятся остальные. Достаточно того, что они есть. Все они встретятся на небе. На небе. В царстве Божьем. Где синезеленая вода течет по чистым рекам, все построено из золота на белом как мел ковче из облаков. Вечность. Избранные. Навсегда.

Лукас закрыл глаза, позволив голосу пастора наполнить свое тело. Голос Бога – вот что это было. Дети – самое важное, так сказал Бог, чистые дети, готовые, открытые, какими они были в животе матери, не запачканные годами жизни на земле, нет-нет, чистые, их нужно очищать. Хотя для этого и нужно пламя. Адское пламя. Пастор говорил мягким и спокойным голосом, уверенно, как правая рука Господа, твердая снаружи и мягкая внутри. В голове Лукаса потекла вода. Чистые реки через зеленые леса и белые поля к золотым домам.

– Дети мои, я призываю вас вести людей из тьмы к свету, – спокойно говорил пастор. – Я открою вам реальность ада, чтобы освободить вас и отвлечь от злых путей, пока еще не слишком поздно. Я, Господь Иисус Христос, выну ваши души из тел и пошлю их в ад. Я также покажу вам небесные прозрения и открытия.

На мгновение пастор замолчал и оглядел присутствующих. Ему нравилось так делать. Смотреть всем в глаза. Это важно. Чтобы все увидели, что за его глазами лежат глаза Бога. Лукас открыл свои глаза и улыбнулся. Его дом должен быть рядом с пастором, так сказал сам

Господь. Там не так много детей, всего восемь человек. Пастор лично выбрал их, всех восьмерых. Пять девочек и три мальчика, все почти чисты, несколько проповедей пастора, и они будут готовы.

Пастор искал глазами особенную девочку, ту, что звали Раquel. Дети очень похожи, в этом и есть смысл, *мы все равны перед Богом*, но он нашел ее. Голубые глаза и куча веснушек. С ней были некоторые проблемы. Лукас не понимал, почему пастор поднимал столько шума из-за этой девочки. Что делает ее такой особенной? Хочет она сбежать из Дома Света и провести жизнь в аду – да и пожалуйста! Зачем тратить на нее время? В приходе и так было достаточно хороших кандидатов.

Конечно же, он не говорил этого вслух. Пастор всегда знает, что делает. Почему вообще ему в голову пришла эта мысль? Лукас помотал головой, прогоняя собственную глупость, и закрыл глаза. Голос пастора снова разлился по телу. Как обычно Лукас сжал губы, чтобы не испустить стон.

– Однажды вечером во время молитвы меня посетил Господь Иисус Христос, – продолжал пастор. – Я молился уже несколько дней и внезапно ощутил, что Бог во мне. Его мощь и великолепие заполнили весь дом. Яркий луч осветил комнату вокруг меня, понимание и ощущение всеохватности вошло в меня. Свет разливался волнами, волны поднимались и опускались. Это было удивительное зрелище. И вот Господь заговорил со мной. Он сказал: Я Иисус Христос, твой Господь, и я хочу подарить тебе откровение, чтобы подготовить святых к моему воскрешению и восстановить справедливость. Мощь темноты настоящая, и мои суды правдивы. Сын мой, я возьму тебя с собой в ад с моим Духом, я покажу тебе многие вещи, о которых должен узнать мир. Я приду к тебе еще много раз, заберу твой дух из тела и перенесу тебя в ад. Господь мой, закричал я, что я должен сделать? Все мое существо желало прокричать Иисусу о моей благодарности за то, что он явился мне. Это была самая прекрасная, смиренная, радостная, мощная любовь, какую я когда-либо испытывал. Хвалы Богу потекли из моих уст. Я сразу же пожелал отдать ему всю свою жизнь, чтобы он мог спасти других людей с моей помощью. Я знал, что это настоящий Иисус, Сын Божий, находился тогда со мной в комнате. Смотри, сын мой, говорил Иисус, я возьму тебя с собой в ад, чтобы ты смог описывать его и вести

потерянных из темноты к свету Евангелия. Тут же душа моя вырвалась из тела. И я полетел вместе с Иисусом наверх, к небу.

Пастор поднялся, и дети сделали то же самое. Они встали в круг посреди зала. Пастор кивнул Лукасу, чтобы тот встал вместе с ними. Лукас поднялся и взял двоих детей за руки.

– Помолимся, – сказала пастор, склонив голову.

И вот вся комната наполнилась бормочущими молитвы голосами.

– Отец наш, тот, что на небе! Пусть имя твое остается свято. Пусть царство придет к тебе. Пусть воля твоя царит на земле, как на небе. Дай нам наш хлеб. Прости нам наши долги, как мы прощаем наших должников. Не искушай нас, а освободи нас от зла. Во имя твоего царства, мощи и чести навеки. Аминь.

– Аминь – повторил Лукас еще раз, просто не смог сдержаться.

Porta Caeli, небесные врата. И они здесь. Теперь осталось только подготовиться к дню, который скоро настанет.

Пастор открыл дверь и выпустил всех детей. Кроме Раquel. Он всегда говорил с Раquel сверх нормы. Может быть, это овца, выбившаяся из стада? Конечно же. Овца из стада. Лукас почувствовал еще один укол совести за то, что усомнился в действиях пастора.

– Я думаю, Раquel нужно немного времени наедине с Богом и со мной, – сказал пастор, подав Лукасу знак оставить их.

Лукас с улыбкой кивнул и вышел.

– Проследи, чтобы никто не зашел и не отвлек нас, хорошо, Лукас?

– Конечно, – сказал Лукас, поклонившись.

Он аккуратно закрыл дверь за собой. На улице стемнело, на небе появились звезды. Он широко улыбнулся самому себе и почувствовал тепло, разливающееся по телу. Вот куда они отправятся. На небо. Он уже не мог дождаться. Он так ждал этого, да, сложно объяснить, насколько сильно он ждал. Постоянное покалывающее ощущение радости снова и снова овладевало им, от кончиков волос до кончиков пальцев и вниз в пятки. Сине-зеленые реки и дома из золота. Возможно ли это на самом деле? Может ли он быть так счастлив? Лукас скрестил руки на груди, улыбнулся от уха до уха и начал напевать один из только что выученных псалмов.

Без сомнений, это была самая долгая минута в жизни Миккеля Волда. И самая короткая. Кратчайшая и длиннейшая минута. Как будто время остановилось. И одновременно утекало сквозь пальцы. Время обрело новое значение. Во времени не было никакого смысла. Первые пять секунд они просто смотрели друг на друга. Миккель смотрел на Силье, сидевшую с открытым ртом и выпученными глазами, словно она только что увидела инопланетян. Силье в отчаянии смотрела на Грунга, как молодой член стада, ищущий утешения у старших, но от Грунга не было никакой помощи. Обычно находчивый редактор переводил взгляд с телефона на столе на Миккеля и обратно, а тот уставился на Эрика Рённинга.

Эрик застыл. Он больше не существовал. В его лице ни движения, ни выражения. Его мячик застыл в одной руке. Рот был полуоткрыт, остроумный и язвительный журналист покинул его тело. Все четверо. Затихли как мышцы. Заморожены. В полном шоке. Так прошли первые пять секунд.

Следующие пятнадцать секунд были прямо противоположны. Вдруг все одновременно начали говорить, перебивая друг друга. Как четверо детей в туннеле, только что заметивших товарный поезд, идущий на них, а они уже не могут сойти с рельсов, бежать можно было только в одном направлении. Они знали, что бежать туда нельзя, но бежали инстинктивно. Безудержный поток слов в случайном порядке.

- Боже мой.
- Нам нужно выбрать одну.
- Что, если он не блефует?
- Меня сейчас вырвет.
- Но какого черта, разве нельзя просто?..
- Что, если мы не выберем одну?
- Боже мой.
- Мы должны выбрать одну.
- Но мы же не можем выбрать одну.
- Это невозможно.
- Грунг?

- Миккель?
- Что нам делать?
- Мы не можем убить человека.
- Меня сейчас вырвет. Мне плохо.
- Мы можем спасти человека.
- Эрик?
- Силье?
- Что будет, если мы не выберем?
- Обе умрут.
- Мы не можем убить маленькую девочку.
- Боже мой.
- Мы можем спасти маленькую девочку.
- Боже мой.
- Что будем делать?
- Боже мой.

Прошло двадцать секунд. На часах в офисе не было секундных стрелок. На них все еще было 12:16. Часы не шли. На них не было секунд. Это единственное, что им сейчас нужно – не часы, не минуты, а секунды. Следующие десять секунд они потратили на попытки понять, сколько времени уже прошло. Паника всерьез овладела ими.

- Сколько уже времени прошло?

Силье побелела.

- Сколько времени у нас осталось?

Грунг встал и оперся руками на стол.

- Сколько времени прошло?

Миккель Волд взглянул на часы в телефоне и на часы на стене, те что были без секундной стрелки и потому совершенно непригодны. С таким же успехом на них могли быть просто цифры. Четверо детей в туннеле чувствовали вибрацию все быстрее приближающегося поезда.

– Мы не можем тратить время, пытаюсь понять, сколько времени уже прошло!

Эрик встал и ударил кулаком по столу. Один раз. Два раза. Три раза.

– Мы не можем тратить время, пытаюсь понять, сколько времени уже прошло!

Грунг схватился за голову.

- Сколько времени уже прошло?

Эта часть заняла еще десять секунд. Всего уже прошло тридцать.

– Мы должны думать, – закричал Эрик. – Кричать, перебивая друг друга, не поможет.

– Мы не должны пытаться перекричать друг друга! – заорала Силье.

– Мы должны принять решение! – заорал Миккель.

– Что нам делать? – прокричал Грунг, все еще держась за голову.

– Успокойтесь все! – заорал Эрик.

– Все успокоились! – кричала Силье.

Уже прошло сорок секунд. Последние двадцать секунд длились как отдельная минута. Или час. Или целый год. Стрелки остановились и безудержно бежали одновременно. Первым что-то разумное сказал Эрик.

– Голосуем.

– Что?

– Ничего не говори. Голосуем. Поднимите руки те, кто считает, что нам нужно что-то сделать.

Эрик поднял руку. Грунг поднял руку. Миккель Волд поднял руку, не зная почему, просто рефлекторно. Силье оставила руки лежать на столе.

– Три против одного.

– Но... – начала Силье, но Эрик не слушал ее.

– Поднимите руки все, кто считает, что нужно спасти Каролине.

– Ты имеешь в виду убить Андреа? – вырвалось у Силье.

– Поднимайте руки! – заорал Эрик.

Прошло пятьдесят три секунды.

– Поднимите руки, если вы считаете, что надо спасти Каролине, – опять прокричал Эрик, уже в отчаянии, в сантиметрах от поезда, это был единственный способ остановить его или повернуться.

Он поднял руку и уставился на Грунга. Грунг повторил за ним и посмотрел на Силье.

– Нет, – зарыдала Силье, – нет, нет, нет...

Прошло пятьдесят семь секунд.

Грунг и Эрик стояли с поднятыми руками и смотрели теперь на Миккеля.

– Да или нет? – проорал Эрик.

Миккель попытался поднять руку, но она не слушалась. Она была такая тяжелая. Его рука никогда не была такой тяжелой раньше. Она не слушалась его. Или как раз слушалась. Его голова не знала.

Пятьдесят девять секунд.

– Давай же, – завыл Эрик. – Мы спасем Каролине или не спасем?

– Мы убьем Андреа, – хныкала Силье, – мы не можем.

– Вверх или вниз? – завопил Грунг.

В поднятой руке у него были клочки волос. Миккель еще раз попытался поднять руку, но она по-прежнему не поднималась.

На столе зазвонил телефон.

В комнате повисла тишина. Минута прошла. Телефон опять звонит. Миккель Волд молча уставился на него. Он не понимал, где находится. Не видел. Это могла быть другая комната. На луне. Он не знал, что делать. В конце концов Эрик Рённинг наклонился и нажал кнопку ответа на вызов.

– Привет еще раз, – сказал металлический голос.

За столом тишина.

– Я весь в напряжении – что же вы решили?

Все по-прежнему молчали.

– Вы тут? – переспросил голос.

Силье посмотрела на Грунга, Грунг посмотрел на Эрика, Эрик посмотрел на Миккеля, а Миккель посмотрел на свои пальцы.

Металлический голос холодно засмеялся.

– Вы что, дар речи потеряли? Мне нужен ответ. Время идет. Тик-так.

Эрик Рённинг кашлянул.

– Мы...

– Андреа? Или Каролине? Кто из них поедет домой? Одна девочка умирает, другая остается в живых. Неужели это так сложно?

– Обе остаются жить, – вдруг хныкнула Силье.

Металлический голос снова засмеялся.

– Нет уж, фрекен Улсен. Этого в правилах нет. Одна живет, одна умирает. Вы решаете, кто живет, а кто умрет. Разве это не приятно? Решать, кто умрет, а кто будет жить? Разве вы не становитесь на мгновение Богом? Разве не прекрасно быть Богом, Рённинг?

В комнате снова повисла тишина. Секунды бежали. Мозг Миккеля Волда перестал думать. Силье ушла в себя. Грунг стоял, подняв обе

руки. Эрик Рённинг открыл рот и как раз собирался что-то сказать...

– Ну что же, – холодно произнес голос. – Тогда умрут обе. Жаль, конечно, но если вы этого хотите, не буду мешать вам. Было приятно поиграть с вами.

– Нееет! – заорала Силье, схватив телефон обеими руками в последней отчаянной попытке пробудить человеческий разум в ледяном металлическом существе, но было слишком поздно.

Голос уже пропал.

Миа Крюгер сидела на курительной веранде и наблюдала, как Мунк травит свои легкие. Они только что закончили сегодняшний брифинг, и Мунк был в особенно дрянном настроении.

– Как это возможно? – повторял он снова и снова и тер глаза.

Никто из команды почти не спал за последнюю неделю, но Мунк выглядел так, будто спал меньше всех. Миа ждала подходящего момента, чтобы сказать то, что думала. Она мешкала. Не была уверена. Это было просто предчувствие. Оно росло все больше в течение дня.

– Как это возможно? – повторил Мунк, закурив новую сигарету сразу за предыдущей.

– О чем ты думаешь? – сказала Миа, достав из кармана пастилку.

Он очнулся, увидел, кто с ним говорит, и взгляд его смягчился.

– Обо всем, – сказал он и снова потер глаза. – Кто-то же должен был их видеть? Две шестилетние девочки не могут же просто исчезнуть так бесследно?

– Ничего по вознаграждению?

– Ни хрена. Пятьсот тысяч крон. Думаю, кто-то бы все же объявился с какой-нибудь информацией?

– Они поднимут до миллиона?

Мунк кивнул.

– Завтра опубликуют. Так что остается только надеяться.

– На то, что не все маньяки мира заблокируют наши линии.

– Мы должны воспользоваться шансом, – сказал Мунк, сделав длинную затяжку. – Ты связалась с Бенджамином Бахом?

Миа кивнула.

– Встречаюсь с ним в полпятого в театре. У него есть всего полчаса. Видимо, играет еще в «Кариусе и Бактериусе» помимо Гамлета. Хочешь со мной?

Мунк покачал головой.

– Нет, иди ты. Он живет в квартире прабабки? Получает ли счета туда? Узнай.

– No problem. [\[23\]](#)

– Черт возьми. Кто-то же должен был что-то видеть? Как садились в машину и выходили из нее? В дом и из дома? В подвал и из подвала?

Девочкам же нужно есть? Кто-то, кто покупал очень много еды? Кто-то, кто...

Мунк сидел, уставившись на свой окурок.

– Если все хорошо спланировано, то нам должно повезти, ты же знаешь, – сказала Миа.

– Выглядит чертовски хорошо спланированным, разве нет? – вздохнул Мунк.

– К сожалению, да. Самым спланированным за много лет.

– И мы знаем, что это означает, – сказал Мунк. – Девочки не выживут, если мы не найдем их в ближайшее время.

Миа промолчала. Сидела и смотрела вниз на улицу. Иногда она завидовала тем людям. Обычные люди. Управляли своим киоском или покупали обувь детям. Их не касались подобные вещи. Она съела еще пастилку.

– Я должна тебе кое-что сказать, – сказала она Мунку.

– Выкладывай.

На мгновение Миа задумалась, подбирая правильные слова.

– Что? – с любопытством спросил Мунк.

– Я думаю, ты вовлечен в это.

– Что значит вовлечен?

– Думаю, ты – часть их плана.

– Твою мать, о чем ты говоришь, Миа?

Их прервал волнующийся Габриэль Мёрк, просунувший голову в дверь.

– Извините, что прерываю, но...

– Что тебе надо? – прорычал Мунк.

– Нет, ничего, Миа, я нашел то, что вы просили вчера. Что мне с этим делать?

– Передай все имена Киму и Людвигу, пусть сопоставят с делом Хёнефосса. У меня предчувствие, что здесь может что-то быть.

– Сделаем, – сказал парень, быстро закрыв дверь, не глядя на Мунка.

– Что ты имеешь в виду – я вовлечен в план?

– Я так думаю, – сказала Миа, – что ты в центре плана.

– Я?

Их снова прервали, на этот раз нетерпеливая Анетте Голи, которой даже в голову не пришло постучаться.

– Пойдем, – сказала она Мунку.

– Что там?

– У нас прорыв. Мне только что звонил адвокат...

Она посмотрела на бумажку, которую держала в руке.

– ...Ливолд. Он представляет «Афтенпостен». Они связывались с преступником.

– Твою мать, – сказал Мунк.

Он встал и затушил сигарету.

– Когда?

– Видимо, несколько раз. Несколько дней назад. Последний раз сегодня утром.

– И они сообщили нам только сейчас? – взвился Мунк. – Сейчас? Сраные идиоты!

– Видимо, они потратили время на совещания с одним или двумя адвокатами.

– Чертовы сволочи, где они?

– Здание почты. Они ждут нас. Внизу машина.

Мунк повернулся к Мии.

– Ты с нами?

Она покачала головой.

– У меня встреча с Бенджамином Бахом.

– Да, точно.

Он странно посмотрел на нее.

– Поговорим об этом позже. Не понимаю, о чем ты.

– Встретимся в «Юстисене» после, – сказала Миа.

– Хорошо, – сказал Мунк и побежал за Анетте.

Когда Миа подошла, Бенджамин Бах сидел на ступеньках Национального театра. Он выглядел взволнованным, смотрел на часы, набирал что-то в телефоне, закуривал, стучал пальцами по ноге, оглядывался, словно боялся, что его заметят. Не лучшее место, чтобы остаться незамеченным, подумала Миа, на секунду остановившись за статуей Генрика Ибсена немного понаблюдать за Бенджамином.

Миа где-то видела его раньше, но не сразу вспомнила, где. Не в «Смотри и слушай»^[24], такие газеты она не читала, даже у зубного не пролистывала. Не то что бы у нее было что-то против них, просто ей было неинтересно то, что в них пишут. Пару раз журналисты оттуда крутились вокруг нее, но она, конечно же, отказалась. *Правдивая история о Мии Крюгер*. Звонивший ей журналист назвал это как-то так. Был ли это вообще журналист? Как это у них считается? Ты журналист, если пишешь про чужие сиськи или куда люди ездили отдыхать на Пасху? Должны же быть какие-то правила в этом. Как бы то ни было, она вежливо отказала им, хотя они предлагали ей *чудесную поездку на юг на двоих, вы встречаетесь с кем-то сейчас?* Миа посмеялась сама над собой, откусив кусочек яблока, купленного в киоске Нарвесен. Поездка на юг. Лучше они ничего не могли придумать? Это должно быть соблазнительно? Она должна была раскрыть им свою личную жизнь? За поездку на юг?

Бенджамин Бах, с сигаретой в зубах и закрыв один глаз, набирал смс. Он убрал телефон в карман, покрутил сигарету между пальцев, снова постучал себя по бедру, и только потом снова достал телефон. Вдруг до нее дошло. Тот самый кинофестиваль. Вот откуда она его помнит. Она видела его в фильме. Он играл следователя. Он как бы играл ее, ну или не совсем ее, например, Кима или Карри, мужчина-следователь, не начальник, но в штабе. Ему было некомфортно в этой роли. Миа доела яблоко, выбросила огрызок в урну и пошла к лестнице.

Увидев ее, Бенджамин Бах поднялся и широко улыбнулся.

– Добрый день, Миа, очень приятно, – сказал он, крепко пожав ей руку.

– И вам добрый, – сказала Миа, немного удивившись, что он вел себя, как будто знает ее.

Наверное, так делают в его кругах. *Мы, те, кто в газетах и по телевизору, в одной лодке, у нас много общего и мы держимся вместе.* Совсем не по душе Мии, но она притворилась, что ничего не заметила.

– Я забронировал нам столик в театральном кафе, вы не против? – спросил Бенджамин, потушив сигарету.

– Ну... Не думаю, что это займет много времени.

– Тогда ради меня, – подмигнул Бенджамин, чуть коснувшись ее руки. – Мне надо пообедать. Репетировал все утро, потом у меня детское представление, а вечером опять репетиции.

– А, вот как. Хорошо, я сыта, но могу посмотреть, как вы едите.

– Звучит отлично, – улыбнулся Бенджамин, подав ей знак следовать за ним через улицу.

Он, конечно же, знал официантку и болтал с ней всю дорогу до зарезервированного столика в театральном кафе. Он даже Мию ей представил. Девушка явно смущалась знакомиться с Мией, жать ей руку и говорить свое имя. Мии стало смешно – называйте меня по имени, по имени... Властная техника, но она пока не могла понять, достаточно ли он смышлен, чтобы понимать это, или нет. Может он просто такой человек. В своей области. Все очень лично, мило, мы знакомы, мы равны, выбери меня на роль, это моя работа.

Он был настоящим Казановой, это было видно. Миа надеялась, что Сюзанне не настолько глупа, чтобы связаться с этим типом. Что не из-за него она ревела тогда. Нет, вряд ли. Сюзанне нравились другие мужчины, постарше. Которые могли бы присматривать за ней. Не такие молодые. Миа была уверена, что Бенджамин Бах может играть роль сильного и заботливого, если потребуется. Сейчас он был скорее в роли такого, как бы точнее выразиться, невинного мальчика.

– Должен сказать, я удивился, когда вы позвонили, – сказал Бенджамин, сделав заказ. – О чем идет речь?

Миа подавила улыбку, в фильме у него была почти та же самая реплика.

– Это чистая рутина, – сказала Миа, сделав глоток воды.

– Слушаю вас, – сказал Бенджамин.

Он провел рукой по волосам и подмигнул ей. Она напомнила себе, что в следующий раз надо предупредить Сюзанне, чтобы держалась

подальше от него.

– Это касается вашей прабабушки, Вероники Бах.

– Вот как? – сказал Бенджамин, подняв брови.

– Это же ваша прабабушка, не так ли? Вероника Бах, Ханстеенсгате 20, умерла два года назад?

– Все верно.

– Она жила там до смерти?

– Нет-нет, она много лет жила в доме престарелых.

– Хёвиквейен?

– Да-да. Почему вы спрашиваете?

– А кто жил на Ханстеенсгате 20?

– Это моя квартира. Я там живу уже семь лет.

– С тех пор как ваша прабабушка переехала в дом престарелых?

– Да.

– Вы унаследовали ее? Она записана на ваше имя?

– Нет, она записана на моего отца. Что вообще-то случилось?

Почему вы меня об этом спрашиваете, Миа?

Опять называет по имени. Она чуть не сказала то, что думала. Действительно хорошая техника, надо запомнить.

– Как я уже сказала, это всего лишь рутина. – Миа сделала еще глоток воды. – В каком спектакле вы играете?

– Что? А, «Гамлет». Ну, мы репетируем. Еще я играю в детском спектакле и пробую себя в новом невероятном проекте молодого норвежского драматурга, ей всего двадцать два, очень талантлива, а мы собрались, чтобы помочь ей, ну, на общественных началах, если вы понимаете, о чем я, сыро, из недр, прямо с улицы...

– Понимаю, – кивнула Миа. – Куда приходила ее почта?

– Чья?

– Вероники Бах.

– Ее почта? Что вы имеете в виду?

– Я имею в виду, ее почта приходила домой или в дом престарелых?

Бенджамин Бах был в замешательстве.

– Э-э-э, бóльшая часть приходила домой. Какую почту вы имеете в виду? Что-то приходило ко мне, и я пересылал ей или привозил с собой, когда навещал ее. О какой почте идет речь?

Миа достала из куртки листочек и передала через стол Бенджамину.

– Это ее номер мобильного?

Он взглянул на листочек и еще больше удивился.

– Не понимаю, что вы имеете в виду.

– Этот номер. Он принадлежал ей?

– У прабабушки не было мобильного, – сказал он. – Она ненавидела их. И зачем он ей, там же у всех выделенные линии.

Миа убрала листочек обратно в карман.

– Спасибо, – сказала она, поднявшись. – Это все что мне нужно было знать. Хорошо, что вы нашли время.

– И это все? – спросил Бенджамин, чуть ли не разочарованно.

– А, нет, еще кое-что. – Миа села обратно. – Кто унаследовал все за вашей прабабушкой?

– Мой отец.

– Не было ли речи о том, как бы это сказать, что она хотела завещать все свое имущество какой-то общине?

Бенджамин Бах притих. Поковырялся зубочисткой во рту и посмотрел в окно.

– Я обязан отвечать на это? – наконец произнес он.

– Нет, конечно, не обязаны, – сказала Миа, хлопнув его по руке. – Просто я занимаюсь большим делом, всплыло ее имя, и я не должна этого говорить, Бенджамин, но...

Она наклонилась ближе к нему.

– Мы так близки к разгадке, и если бы вы помогли мне, я, наверное, раскрыла бы его уже сегодня вечером.

– Большое дело?

Бенджамин тоже склонился ближе к ней и заговорил шепотом.

Миа кивнула и приложила палец к губам. Бенджамин кивнул в ответ. Отклонился назад и по-актерски притворился, что ничего не было.

– Это останется между нами? – сказал он, оглядевшись.

– Конечно, – прошептала Миа.

Бенджамин кашлянул.

– Мой отец очень гордый человек, если кто-то узнает об этом...

– Это останется между нами, – подмигнула Миа.

– Мы заключили сделку, – быстро сказал он.

- Какую сделку?
- Она изменила завещание прямо перед смертью.
- Сколько должно было отойти общине?
- Все, – кашлянул Бенджамин.
- Но вам удалось остановить ее?

Он кивнул.

– Отец нашел общину. Угрожал судебным иском. Предложил сумму. Так все и закончилось.

- Насколько большую сумму?
- Достаточно большую.

Миа изучающе посмотрела на молодого актера. Он выглядел искренне и невинно, но как бы то ни было, он был актером. У него был доступ к телефону Вероники Бах, и он только что сказал, что репетирует «Гамлета».

Who's there?

На мгновение она подумала, не забрать ли его в участок для дальнейшего допроса, но решила, что лучше будет установить за ним слежку. Они быстро выяснят, является ли Бенджамин Бах тем, за кого себя выдает.

– Большое спасибо, – сказала Миа и снова дотронулась до его руки. – Вы очень помогли нам.

Она поднялась и застегнула молнию на куртке.

- И это все? Вы не хотите ничего перекусить?
- Нет, спасибо. Увидимся, Бенджамин.
- Увидимся, Миа. Увидимся.

Миа надела шапку и вышла из кафе с улыбкой на лице.

Тобиас Иверсен свернулся в комочек так, чтобы проползти под забором к своему пункту наблюдения. Отсюда открывался хороший вид прямо на постройки в лесу. Он разбил палатку за деревьями, где никто не мог его увидеть, и заночевал там. Вообще он подумывал вернуться домой, но после встречи с девочкой в сером платье он просто *должен* был остаться тут. Ракед. Так ее звали. Она написала ему записку, попросила о помощи. Сейчас важнее остаться здесь, в лесу, чем идти обратно, в мрачный дом, где никто не улыбается. Тобиасу было всего тринадцать, но чувствовал он себя намного старше. Ему приходилось быть старше уже долгое время. Он переживал такие вещи, о которых не нужно знать детям, но теперь это уже неважно. Здесь, в лесу, он сам себе господин.

Тобиас наклонился к самому краю и поднял бинокль. Внизу во дворе все было тихо. Он не знал, сколько сейчас времени, но вряд ли много, ведь еще не до конца рассвело. Теперь он подробнее разглядел то, что заметил прошлым вечером. Без сомнений, они тут строили много всего. Повсюду лежали материалы, доски разного размера, мешки, наверное, с цементом, потому что рядом стояла бетономешалка, маленький трактор и еще маленький экскаватор. Всего там было семь домов, все белые. Главный корпус, маленькая церковь с крестом на верхушке, два стеклянных дома – скорее всего, парники, три домика поменьше и маленький сарай. Накануне вечером Тобиас лежал на том же месте, пока не стало слишком темно для бинокля. Он составил небольшую карту окрестностей, со всеми домами, с полем, с песчаными холмами, с самыми большими кучами досок и с воротами. Высокий забор, через который они просовывали записки, окружал всю территорию, судя по всему, вход был только один. Ворота. Он не видел, заперты ли они, но видел, что закрыты. Вчера он видел, как их открывал какой-то мужчина. Прямо перед тем, как стемнело, приехала большая черная машина, может, «лендровер» или «хонда CR». Тобиас немного разбирался в машинах. Он не очень ими интересовался, больше любил мотоциклы и мопеды и все, что может ездить по пересеченной местности, но все-таки кое-что понимал и в них.

В автомобиле сидели двое, их принимали так, словно это король, или премьер-министр, или кто-то подобный. Молодой человек с короткими светлыми волосами, слуга или охранник, выпрыгнул из машины первым и побежал открывать дверь второму человеку, мужчине постарше с кучей седых волос и посохом, прямо как у Гэндалфа из «Властелина колец».

Все вышли из домов, кивая и кланяясь новоприбывшим, некоторые лично поприветствовали седого мужчину, а потом они все вместе зашли в главный корпус с крестом наверху. Потом стемнело, и он уже больше ничего не видел. В окнах домов горел свет, но они были покрыты чем-то вроде стекла, или не совсем стекла – в общем, через него ничего не видно. Тобиас не знал, как оно называется. После этого он съел свои бутерброды и подогрел немного супа на газовой горелке. Он был очень осторожен, ведь вообще-то нельзя пользоваться горелкой внутри палатки, но он не хотел светиться снаружи, его же могли заметить. А еще он видел по телевизору, что все полярники так делали. Берге Оусланд, например, зажигал горелку внутри палатки, потому что снаружи было слишком холодно, или боялся медведей, или еще по какой-то причине. Во всяком случае, он так делал.

Вначале Тобиас не мог уснуть. Думал о девочке. Она так не похожа на девочек в его классе. Сейчас очень непросто быть девочкой – так говорит Эмилие, их учительница норвежского. Однажды они говорили об этом в классе, потому что девочки были очень легко одеты. Она говорила об этом целое занятие, без норвежского и учебников, о том, что девочки слишком ярко красятся, слишком оголяют животы и носят слишком короткие юбки. Эмилие говорила, что важно помнить: им всего тринадцать, и она понимает их, ведь все, кого показывают по телевизору, часто одеты в один бюстгальтер и трусы с чулками в своих клипах. После этого они установили несколько правил: что можно, а что нельзя, и стало лучше. Но тем не менее их одежда все еще сильно отличалась от одежды РакеЛ.

ПОМОГИ МНЕ. ПОЖАЛУЙСТА.

Она выглядела напуганной. По-настоящему. Не так, как они с братом пугались, когда играли в индейцев и стреляли в буйволов. Буйволов не было, и они не были никакими индейцами. А тут все по-настоящему. Он – Тобиас, а она – РакеЛ. Она испугана не на шутку, и он здесь, чтобы помочь ей. Тобиас взял веточку и стал жевать ее, пока

рассматривал в бинокль все вокруг, проверяя, не упустил ли он что-нибудь на карте, которую нарисовал вчера.

Тобиас перевел бинокль на ворота и подкрутил его на максимальную резкость. Ворота были из того же материала, что и весь забор – стальная проволока, или как это называется, и на них была дверь, открывающаяся внутрь. Похоже, что посередине была цепь и, вероятно, замок. Тобиас положил бинокль на землю и открыл свою коробочку с едой. Там осталось два бутерброда, он сберег их со вчерашнего вечера, один с коричневым сыром, другой с колбасой. Он съел тот, что с сыром, и запил его водой из бутылки. Он наполнил ее в ручье по пути сюда. Ему надо составить план, это важно. Сначала ему надо сделать обзор окрестностей, это он тоже видел в каком-то фильме, там они собирались ограбить банк, или нет, казино в Лас-Вегасе. У них было много карт и планов и встреч, где они все обсуждали. У него есть карта. Осталось придумать план.

Тобиас как раз собирался съесть бутерброд с колбасой, когда вдруг внизу что-то произошло. Тобиас схватил бинокль. Внезапно открылась одна из дверей, и из дома показалась тень. Девочка в сером платье. Сердце Тобиаса подпрыгнуло. *Это Ракел.* Она изо всех сил бежала к тому месту у забора, где они вчера разговаривали. Она бежала, путаясь в платье, спотыкаясь, падая, снова вставала на ноги. Подняла юбку повыше, чтобы было проще бежать, но все равно получалось с трудом. Вслед за ней, из той же двери вышли четверо, нет, пятеро мужчин и побежали за ней. Сердце Тобиаса стучало все сильнее, он с трудом удерживал бинокль в руках. Ракел повернулась, посмотрела назад и опять упала. Мужчины приближались, уже почти подошли к ней, он увидел, что они машут руками и что-то кричат. Ракел приближалась к забору и вдруг сделала прыжок. Она начала карабкаться, но было не так просто. Дырки в нем маленькие, а тяжелое платье очень мешало. Мужчины приближались огромными шагами, и вдруг один из них схватил ее за ногу, и они стянули ее вниз. Она брыкалась и вопила, пока они несли ее обратно в дом. И вот все снова затихло.

Тобиас вдруг почувствовал, что его охватил холод. Не снаружи, а под кожей. Мысли стремительно проносились в его голове, дыхание участилось. *Что за чертовщина? Что вообще тут творится?* Он мигом встал на ноги. Нет времени придумывать план. Нет времени

собирать вещи. Он побежал к палатке, взял нож и свою карту и начал пробираться по тропинке вниз к постройкам.

Миа уселась в «Юстисене» и хотела было взять пиво, но решила ограничиться «Фаррисом». Через несколько минут пришел запыхавшийся Холгер и упал в кресло напротив нее.

– Что там? – спросила Миа.

– Преступник связывался с «Афтенпостен» несколько дней назад. Позвонил журналисту по имени Миккель Волд. Исказил голос. Дал информацию о Каролине.

– Почему они не пришли к нам?

– Потому что они – кучка эгоистичных идиотов, занятых только продажей газет.

Мунк был явно раздражен.

– И что нам с этим делать?

– Пока не уверен, – пробормотал он. – Адвокат ясно дал понять, что они не сделали ничего противозаконного и нам не за что их брать.

– Но нам нужно взять их, черт возьми!

– Миккельсон сказал, что подумает об этом, но он считает, что достаточно было того допроса, который я только что провел.

– Это возможно?

– Политики хреновы, – прорычал Мунк. – Заняты только защитой самих себя и своей собственной карьерой.

Он заказал сэндвич с креветками и колу и снял куртку.

– И что ты получил от них?

– Устный реферат. Завтра пришлют письменный.

– Ничего полезного?

– Ничего, что могло бы что-нибудь прояснить, – сказал Мунк, помотав головой. – Что сказал Бах?

– Мишень.

– Что?

– Я думаю, ты вовлечен в это.

Мунк посмотрел на нее с любопытством.

– Ты уже говорила это, что ты имеешь в виду?

– Я думаю, это связано с тобой.

Мунку принесли еду, и он отхлебнул колы.

– Это несколько сложно объяснить, как я уже сказала, у меня просто предчувствие.

– Попробуй уж.

– Ладно. Убийца указывает на дело в Хёнефоссе и на исчезнувшего ребенка. Кто был ответственным за это дело?

– Я, – сказал Мунк.

– Правильно.

– «Гамлет», – сказала Миа. – О чем «Гамлет»?

– О настоящей любви?

– Это «Ромео и Джульетта», ты совсем что ли, Холгер? «Гамлет»!

– Это ты у нас изучала литературу, Миа.

– Три лекции за два семестра и ни одного сданного экзамена не считаются изучением, – пробормотала Миа.

– Я не особенно знаю Шекспира, – вздохнул Мунк.

– Ладно, неважно. Месть. «Гамлет» – о мести. Конечно, и о многом другом, но это главная тема.

– Ладно. Ребенок пропал. На мне ответственность. Швед повесился. Мы закрыли дело. Ребенка нет. Вероятно, мертв. Убийца рассказывает нам, что это был не швед.

– Ане ЙВ.

– Да, и отсылает к «Гамлету». Это акт мести?

– В таком духе.

– Ну и что? Окей, давай по порядку. Ребенка нет, понятно. Моя ответственность, понятно. «Гамлет», месь, понятно. Но зачем убивать десять девочек? Как это связано со мной? Тебе не кажется, что это немного не увязывается?

Миа сделала глоток «Фарриса» и задумалась.

– Прабабушка Бенджамина Баха.

– Вероника Бах, что с ней?

– Она жила в том же доме престарелых, что и твоя мать. Что ты думаешь по этому поводу?

Мунк прикрыл глаза рукой.

– Серьезно? Откуда ты знаешь?

– Я узнала об этом сегодня. Людвиг проверяет всех сотрудников, всех обитателей и все имена, связанные с домом престарелых, со списками по делу Хёнефосс. Я не думаю, что Бенджамин Бах – тот, кого мы ищем, но мы все еще должны отталкиваться от того, что

сообщения были отправлены со старого номера Вероники Бах. Кем-то в доме престарелых? Или нас обманывают с самого начала? Должна сказать, пока не знаю. Я попросила Людвига поискать и там.

– И что?

– Пока ничего. И да, дом престарелых – не единственное, что связывает тебя и Веронику Бах.

– Что еще?

– Община.

– Бах тоже была членом?

– Не только. Она собиралась завещать общине все свое имущество.

– Что?

– Ты понимаешь? Понимаешь, о чем я?

– Хорошая работа, Миа, – пробормотал Мунк. – Это хорошо.

Он ушел в свои мысли. Пытался переварить то, что она сказала.

– Почему? – спросила Миа.

– Что почему?

– Вот и я не знаю, не слишком ли много тут случайностей? Какой здесь общий знаменатель, Мунк?

– Община?

– Именно.

– Но... – удивился Мунк.

– Я знаю, я и сама не понимаю тут все до конца. Много неразберихи. Думаю, смысл в том, чтобы мы заблудились. Миллион тупиков. Знаю, что звучит глупо, но сработано хорошо. Преступником. Я бы сделала точно так же.

Мунк косо посмотрел на нее.

– Ты знаешь, что я имею в виду. Если бы я была на другой стороне. Повсюду символы, изменение почерка преступника, мы бегаем кругами в тумане, и нас посылают то туда, то обратно, как в теннисе, правда?

– В теннисе?

– Тот, кто подает, всегда имеет преимущество в теннисе. Пока ты прессируешь противника так сильно, что он успевает только отбивать мячи, ты главный. Если ты не ошибешься, то выиграешь.

– Значит, убийца подает?

– Да.

– Не знаю, понимаю ли я сравнение. Теннис с убийством, – вздохнул Мунк.

– Да все ты понимаешь. Просто не хочешь признавать мой результат. Хочешь, чтобы все идеи принадлежали тебе.

– Да, есть такое...

Мунк подмигнул, доел сэндвич и вытер майонез с бороды салфеткой.

– Мне надо покурить.

– Кажется, мне скоро придется начать курить, – сказала Миа. – Это и правда скучно, все время бегать за твоей никотиновой зависимостью.

– Ну извини, – сказал Мунк и пошел во дворик вперед нее.

– Я знаю, что много болтаю и ищу дорогу в темноте, – сказала Миа, когда они сели под лампу обогрева. – Но черт, что-то же мы должны делать.

– Можно немного поиграть в мяч, – подмигнул Холгер.

– Ох, заткнись уже, – усмехнулась Миа. – Ладно, больше никаких аналогий со спортом, но ты понял, что я имею в виду.

– Хаос.

– Верно.

– Хаос – это более удачное сравнение, чем теннис.

– Ну как же, как же. Ладно, назовем это хаосом.

– Между хаосом и теннисом большая разница. Теннис – это точная игра.

– А эта – нет?

Мунк закурил.

– Пока что да.

– Видишь, я все-таки была права?

– Хаос лучше.

– Боже, ты ведешь себя как ребенок.

– Как ограбить банк, не привлекая внимания?

– Взорвать здание с другой стороны улицы, я знаю, – сказала Миа.

– Извини, – Мунк потер глаза. – Долгая неделя выдалась. Я так разозлился на этого адвоката вчера. Черт меня побери, люди никогда не берут ответственность за свои поступки. И что же нам дальше со всем этим делать?

– Об этом я и хотела тебя спросить.

- Община?
- Само собой разумеется.
- Едем туда завтра утром?
- Естественно.
- Габриэль в офисе?
- Думаю, да.

– Пошли ему сообщение. Пусть проверит эту банду, чтобы у нас было с чем к ним ехать. Не помню, как они называют себя, но сидят они где-то на Богерудвейен в Белер.

– Хорошо, – сказала Миа, доставая телефон.

– Кстати, – Мунк прикурил новую сигарету от старой, – что ты только что говорила?

- Теннис?
- Да, если ты на подаче, то выиграешь.
- Если не ошибешься.

Они замолчали и переглянулись.

– Хорошая мысль, правда? – спросил Мунк.

– Очень хорошая.

– Надавить на них.

– Я постараюсь что-нибудь придумать.

– Займись этим. А я достану обзор этих хреновых маньяков, которые хотят забрать мои деньги.

Мунк встал.

– Уже уходишь?

– Вечером сижу с Марион. Все эта свадьба. У них много дел.

– Конечно, – кивнула Миа. – Привет Марион.

– Передам.

Мунк затушил сигарету и вышел. Миа снова подумала заказать пива, но попросила «Фаррис». Она достала ручку и свои листочки и разложила их перед собой так, как обычно делала, чтобы привести мысли в порядок. Раньше она все видела ясно, а в самых сложных случаях просто закрывала глаза, и картина тут же прояснялась. Но так продолжалось недолго. Происшествие в Трюванн, месяцы на Хитра. Как будто пелена перед глазами. Туман вокруг мозговых клеток. Ей сказали, что надо отдыхать. Отдыхать долго и много. Не подвергать себя никакому давлению со стороны. Она ответила залечиванием себя. Почти до смерти. И теперь пришла пора платить. Она начала делать

заметки на своих листочках. Попыталась заставить ручку делать работу. Создать какую-то систему в этом сумасшествии. Думать было чуть ли не больно. Две девочки мертвы. Две пропали. Это ее ответственность. Мунк. Это точно как-то связано с Мунком. Она уверена. Уверена? То, что было так просто для нее несколько лет назад, вдруг оказалось невозможным. Не надо было соглашаться покинуть остров. Надо было следовать плану.

Пойдем, Миа, пойдем.

Она еще раз написала имена наверху страницы. Паулине. Юханне. Каролине. Андреа. Шесть лет. Пойдут в первый класс осенью. Марк 10:14. Пустите детей приходиться ко Мне и не препятствуйте им. Я путешествую одна. Скакалка. Деревья. Лес. Чистая одежда. Вымытые тела. Шекспир. Гамлет. Школьные рюкзаки. Учебники. Пошло дело. Ане ЙВ. Хёнефосс. Малышку так и не нашли. Я путешествую одна.

Пойдем, Паулине, пойдем.

Пойдем, Юханне, пойдем.

Пойдем, Каролине, пойдем.

Пойдем, Андреа, пойдем.

Мию разбудила возникшая из ниоткуда официантка. *Черт.* Она уже была близка. Ей нужно было туда. Туда, где она давно не была.

– Хотите что-нибудь еще?

– Да, пиво, пожалуйста, – раздраженно пробормотала Миа. – И «Рацепуц». Два «Рацепуца».

Ей нужна была помощь. Чтобы вернуться туда, куда сейчас необходимо.

Пьяная Миа Крюгер не могла уснуть. Она выпила слишком много. Она выпила слишком мало. Номер казался еще холоднее и безличнее, чем обычно. Чистое постельное белье, бывшее другом, стало врагом. Она выбрала этот номер, потому что он не напоминал ей ни о ком, кого она знала, и вот теперь она скучает по дому. Дом. Что-то привычное. Что-то надежное. Может, ей нужен уход. Может, Миккельсон и прав. Может, ей надо сходить к психологу. Может, ей надо лечь в больницу. Она уже долго балансирует на краю, сначала храбрилась, была позитивной, чувствовала себя сильной, но сейчас опять начался спад по спирали.

Она металась по большой кровати. Нужно держаться. Не надо было пить. Ясное дело, не надо. Вообще-то никому не надо пить. Но она ведь почти добралась до сути? Была там, где обычно. Внутри всего внешнего. Ее специальность. Видеть вещи, которых не видят другие. Не дави на себя. Просто отдыхай. Поезжай куда-нибудь. Спрячься на острове. Отключись от мира. Ты уже сделала свою работу. Но нет. Реальность должна была постучаться. Зло должно было ее потревожить. Машины вместо чаек. Уличные запахи и неоновый свет заняли место звезд. Она стала чувствительной. Кожа почти прозрачная. Она, прежде такая смелая. Не надо было ей пить. Не надо было. Никому не надо пить.

Босая, Миа встала с кровати и нашла свои брюки на стуле. Таблетки все еще в кармане. Она взяла одну и запила ее глотком воды. Она сидела и смотрела на огни машин, пока не перестала различать цвета. Забралась обратно в холодную кровать и положила голову на подушку.

Она только успела заснуть, когда зазвонил телефон. Она изо всех сил старалась игнорировать его. Отдыхать. Притвориться, что ничего нет. Что никому она не нужна. Телефон опять зазвонил. И опять перестал. Ее тело свинцом лежало на белой простыне. После третьего звонка она больше не могла притворяться.

– Миа?

Это был Мунк.

– Сколько времени? – пробормотала она.

- Пять.
- Что случилось?
- Они нашли девочек.
- Что?
- Я заберу тебя около отеля. Сможешь быть готова через десять минут? У нас впереди долгая дорога.
- Твою мать, – услышала Миа свой голос. – Я собираюсь.

Тобиас Иверсен лежал за деревом и ждал, когда стемнеет. Он уже давно съел последний бутерброд и начинал чувствовать голод, но сейчас нельзя идти домой, есть дела поважнее. По плану он хотел сначала попробовать проникнуть через ворота, но это, судя по всему, было невозможно. Они были заперты на цепь и располагались слишком на виду. Группа мужчин отнесла Радел в один из маленьких домов, и с тех пор все было довольно тихо. Пару раз кто-то выходил из церкви и заходил в парник, но больше Тобиас никого не видел. Местность выглядела едва ли не пустынной. Почти как на кладбище. Ветер дул на деревья над Тобиасом. Он плотнее укутался в куртку и снова достал бинокль. Может, ему все же вернуться домой? Сообщить в полицию? Он же видел, как они схватили девочку. Это ведь незаконно? Или законно? Они же не причинили ей боль, только отнесли в дом. Просто непослушный ребенок. У полиции должен быть ордер на обыск для таких вещей? В американских фильмах так было. Если нет ордера, им нельзя заходить в дома к людям и обыскивать их. Тобиас точно не знал, как это делается в Норвегии, но, наверное, так же. Вдруг он перестал чувствовать себя таким храбрым. Все началось как игра. Он собирался сюда, только чтобы посмотреть. В маленькую экспедицию. Он и не думал, что увидит кого-то, кому понадобится помощь. Он подумал о братике, который уже наверняка вернулся домой и спрашивал, где Тобиас. У мамы и отчима, которые не знали, что ответить. Ему не нравилась мысль о том, что брат был дома один без него. Он даже подумал вернуться домой сейчас же. Он же не знает эту девочку. Может, она просто непослушная. Может, она была как Элин, девочка, которая училась в его классе год назад. Она пробралась в кабинет директора и украла деньги, а еще укусила одного из учителей за руку, когда он поймал ее курящей в школьном дворе. Она тоже казалась очень милой, во всяком случае, с Тобиасом, но ее выгнали, и с тех пор никто ее больше не видел. Здесь могло быть что-то похожее. Может быть, он преувеличивает. Мама часто говорит, что он должен перестать фантазировать. Это плохо. Забываться. Это плохо. Похолодало. Он пожалел, что не взял с собой все свои вещи. Палатка, спальник и рюкзак остались наверху. Он даже фонарик не взял. Вот

дурак. Ты голову не забыл? – часто говорила мама. *Есть что-нибудь в голове?* Ему стало стыдно. Вот дурак. Скоро станет слишком темно, чтобы возвращаться за вещами. Слишком темно, чтобы найти дорогу назад через лес. Если он выйдет сейчас, то успеет. Дорогу домой он всегда найдет, пока у него с собой фонарик. Да, это лучше всего. Забрать вещи. Вернуться домой. К братишке. Тобиас поднялся на ноги и огляделся как раз в тот момент, когда одна из дверей открылась и внизу что-то случилось. Он поднял бинокль. Двое мужчин вышли, между ними была маленькая фигура. *Раке*л. Это она. У нее было что-то на голове. Она надела ей на голову капюшон. Мужчины вели ее за руки с обеих сторон, прошли церковь и снова показались чуть дальше. Тобиас почувствовал, как сердце ушло в пятки. Он глазам своим не верил. Все было как в кино. Они поймали ее. Связали ей руки и надели на нее капюшон. Они продолжили путь в сторону забора, мимо трактора и к маленькому сараю через поле. Что они там делают? Тобиас пробрался еще ближе к забору. Мужчины остановились. Один из них наклонился к земле и что-то сделал. Тобиас не видел, что. И вдруг ее больше там не было. Она исчезла. Мужчины одни пошли обратно к дому.

Тобиас мигом принял решение. Сначала он думал подождать темноты, но больше нельзя было терять время. Он подкрался прямо к забору и начал карабкаться. Нельзя делать такое с другими, что бы они ни сделали, никому из взрослых такое не позволено. Настрой вернулся. Он был зол. Он хватался за решетку, просовывая пальцы в отверстия, цепляясь носками ботинок, пока наконец не оказался на другой стороне забора. Он сел и перевел дыхание, осматриваясь вокруг себя. Все снова было тихо. Земля под ним была холодной и сырой. Куда она делась? Они привели ее куда-то на центр площадки, и она исчезла. Тобиасу следовало бы испугаться, но он уже ничего не боялся. Он злился. Злился на всех взрослых, поднимающих руку на своих детей. Дети должны быть свободными. Играть. Быть в безопасности. А не стоять, склонив голову, на кухне. Неприятно слышать, что люди такие глупые. Неприятно, когда не можешь ничего ответить, потому что не знаешь, что станет с братом, если ты это сделаешь. Тобиас согнулся и пополз к площадке. Мужчина наклонился где-то через сто метров. И она исчезла. Зачем взрослые заводят детей, если не собираются хорошо с ними обращаться? Однажды после урока

Эмилие спросила Тобиаса, откуда у него синяки на шее. На руках. *Мне ты можешь сказать*, говорила она. Она была очень добра, погладила его по плечу, *скажи мне, это не страшно*. Но он ничего не сказал. Это не ее вина. Она просто хотела помочь. Но знала ли она, как? Будет ли она там, когда он придет домой? Когда они узнают, что он пожаловался? О нет, будет еще хуже. Только хуже. Он хорошо знал, как это будет. Так что лучше потерпеть. Выдержать. Проследить, чтобы с братишкой не делали того же самого. Принимать выговоры. *У тебя там есть что-нибудь в голове? Или ты совсем тупой?..*

Тобиас зарылся в мокрую траву и сделался таким маленьким, как это только было возможно. Коленки промокли, но это не имело никакого значения. Он мог выдержать. Он смелый. Надо только молчать. Не перечить, а то будет только хуже. Кивать. Склонять голову. Соглашаться. Он не боялся. Больше не боялся. Они надели на нее капюшон. Так делать нельзя. Взрослым нельзя такое делать с детьми. Осторожно он полз вперед, время от времени замирая и проверяя, все ли тихо вокруг, не открылись ли двери и не заметил ли его кто-нибудь. Всего через пять лет ему исполнится восемнадцать. Когда тебе восемнадцать, ты можешь решать все сам. Ты можешь переехать, может быть, найти работу, может, и брата забрать с собой, хоть ему и будет всего двенадцать. *У тебя все хорошо дома, Тобиас? Можешь сказать маме, чтобы она пришла на родительское собрание? Я очень хочу с ней поговорить. Ее давно не было на собраниях, очень важно, чтобы она пришла. Ты поранил руку? Что с твоим ухом? Я могу тебе чем-то помочь, Тобиас? Ты можешь на меня положиться.*

Тобиас добрался до места, где исчезла Раquel. Стемнело. Церковь врезалась своим шпилем в луну и облака. Почти как в старом фильме ужасов. «Франкенштейн» или «Дракула», какой-то из них. Вообще ему стоило бы испугаться, но он не испугался. Он злился. Он видел ее глаза под белым чепчиком. Они взрослые, а она – ребенок. Нельзя плохо обращаться с детьми. Тобиас еще раз пожалел, что не взял с собой фонарик. Он почти ничего не видел перед собой, немного светила луна, но постоянно исчезала. Он не дурак. Она не могла просто исчезнуть. Должна быть какая-то яма в земле. Люк. Что-то такое. Что за взрослые могут посадить ребенка в яму?

Тобиас склонился еще ниже и стал ощупывать землю вокруг себя. Вдруг в церкви зажегся свет. Тобиас отреагировал инстинктивно,

бросившись ничком на мокрую землю. Он почувствовал запах травы и земли. Он пролежал так довольно долго, но никто не выходил. Он решил воспользоваться этим и встал на коленки: свет из церкви освещал ему дорогу. Люк в земле. Вот что он искал. Никто не исчезает просто так.

Очень быстро он нашел дверцу. Она была свежая и новая, сколочена из свежих досок, наверное, метр в ширину, люк прямо в земле. Он был заперт на навесной замок золотистого цвета. На такой же замок учитель физкультуры запирает шкаф с мячами, чтобы никто не брал их без спросу. Он еще раз огляделся. Никого. Из церкви раздавались голоса, там кто-то пел. Они были заняты другими делами. Пением. О Боге или как они его там называют. Они не знают, что он здесь. Что здесь есть кто-то, кто хочет помочь ей. Взломать замок. Выпустить ее на свободу. Тобиас едва сдержал улыбку. Учитель физкультуры никогда не понимал, куда девались мячи. Тобиас делал это много раз. Почти все мальчики в классе умели вскрывать замки. Это еще проще, чем мухлевать на контрольных. На уроках труда они мастерили отмычки, пока учитель выходил покурить. Все что нужно – это кусочек металла, очень хорошо подходят пилочки для ногтей, которыми пользуются девочки. Нужно всего лишь срезать у нее кончик ножницами и поточить, пока она не станет достаточно тонкой, чтобы пролезть в замок. Конечно, над ней нужно немного поколдовать, но если ты сделал это один раз, дальше получится без проблем. Тобиас достал связку ключей из кармана и нашел там отмычку. Держать замок нужно с правой стороны. Он вставил отмычку и крепко прижал ее, пока она не прижалась к металлу. Потянуть замок на себя, немного надавить и повернуть отмычку вправо. Тобиас услышал звук открывшегося замка. Лестница. Длинная лестница вниз. Он осторожно просунул голову в яму и прошептал:

– Раquel? Ты здесь?

Когда Миа вышла, Мунк уже ждал ее перед отелем. Она села в черную «ауди», пытаясь разбудить свой организм. Таблетка, которую она приняла, все еще действовала, делая ее вялой и сонной. Мунк тоже не выглядел особенно выспавшимся. Он был одет так же, как накануне вечером. Коричневая вельветовая куртка с кожаными вставками на локтях и рубашка в горошек. Под глазами мешки, на лбу морщины. Мии стало его немного жаль. Ему и правда кто-то нужен. Женщина. Чтобы кто-то заботился о нем так же, как он заботится обо всех вокруг.

– Что у нас?

– Форт Исенгран.

– Где это?

– Фредрикстад.

Миа опешила. Обе предыдущие девочки были найдены в окрестностях Осло. В лесу. Преступник снова сменил тактику.

– Кто нашел их?

– Двое выпускников. Территория там закрыта, но они каким-то образом пробрались делать какие-то шуры-муры или хрен знает что.

– Кто из наших там сейчас?

– Местная полиция. Карри и Анетте едут, скоро будут на месте.

Миа взглянула на часы на приборной панели. 5:15. Все еще темно.

– И что известно на данный момент?

– Обе девочки лежали на земле. С разных сторон от столба.

– Столба?

Мунк кивнул.

– Что за столб?

– Деревянный. С головой свиньи на верхушке.

– В смысле?

– Я уже все сказал. Девочки лежали на земле с двух сторон столба, на верхушке которого свиная голова.

– Настоящая голова?

Мунк кивнул.

– Господи.

– Как думаешь, что это значит?

Мунк включил посильнее печку в машине и заехал в туннель у ратуши в сторону области.

– Свиная голова на столбе?

– Да.

– Нелегко сказать, – сказала Миа.

От тепла в машине ее разморило. Ей очень хотелось выпить утренний кофе, но она не хотела просить Мунка остановиться.

– Что-то же должно это значить?

– «Повелитель мух», – тихо сказала Миа.

– Что?

– Это из книги. «Повелитель мух». Несколько детей остаются на острове одни без взрослых. Они думают, что там живет монстр. И насаживают свиную голову на столб в качестве жертвоприношения.

– Боже, – протянул Мунк. – Получается, что монстр – это мы?

– Очень может быть.

– Там в бардачке есть пачка пастилок для горла, – сказал Мунк.

– И?

– Тебе надо съесть одну, – сказал он, выехав на Драмменсвейен.

Миа почувствовала секундное раздражение, но оно тут же ушло. Она открыла бардачок и достала пачку пастилок. Взяла две и убрала пачку в карман куртки.

– Но какого черта Фредрикстад? – бубнил Мунк. – Это совсем не вяжется. И так открыто?

– Мы слишком медленные, – сказала Миа, достав телефон.

– В смысле?

– Преступник хочет показать нам, что мы плохо делаем нашу работу.

– Боже мой.

Миа нашла Габриэля в записной книжке.

– Габриэль, слушаю.

– Привет, это Миа, ты на работе?

– Ага, – вздохнул Габриэль на другом конце.

– Можешь поискать в базах форт Исенгран в Фредрикстаде?

– Сейчас?

– Да. Мы с Мунком сейчас едем туда. Девочек нашли.

– Да, я слышал.

На том конце затихло. Миа слышала, как он стучит по клавиатуре.

- Нашел что-нибудь?
- А что нужно искать?
- Что угодно.

– Посмотрим, – сказала он, сдерживая зевок. – Форт Исенгран. Крепость на маленьком острове в Фредрикстаде. Делит исток Гломма на две части. Построен в тринадцатом веке Ярле Боргсусселем, для тех, кто в курсе, кто это. Построен из дерева и камня. Разрушен в 1287-м каким-то королем. Новая крепость построена в семнадцатом веке. Петер Вессел Торденскиолд пользовался крепостью как базой во время Северной войны. Название Исенгран означает, да, что они учили там военное дело, но еще может быть от французского *Ile Grand*, большой остров. Что-нибудь из этого вам пригодились?

– Вообще не особо, – сказала Миа. – Есть что-нибудь еще? Современное? Для чего он используется сейчас?

– Подождите секунду.

Миа зажала трубку плечом и взяла еще пастилку. Во рту по-прежнему был вкус алкоголя.

– Тут не так уж много. Свадебные фотографии, сделанные в форте. Пикник пенсионеров.

– Это все?

– Да. Хотя нет, погодите...

Снова тишина.

– Не знаю, пригодится ли это, но в 2013 году там поставят памятник. Не в самом форте, а на берегу реки.

– Что за памятник?

– Он называется «Матери Мунка». Бронзовые статуи матери и тети Эдварда Мунка.

– Ну конечно, – пробормотала Миа.

– Я чем-нибудь помог?

– Конечно, Габриэль, большое тебе спасибо.

Она собиралась положить трубку, но Габриэль остановил ее.

– Вы там с Мунком?

– Да.

– Как у него настроение?

– Вроде ничего, а что?

– Можно мне с ним поговорить?

– Хорошо.

Миа передала телефон Мунку.

Матери Мунка. Значит, она все-таки была права.

– Да, я понимаю, – говорил Мунк по телефону. – Но не парься так над этим, это личное, у нас сейчас есть вещи поважнее. Что? Да, от этого можно сойти с ума. Что? Да, я получил это от одной подруги в интернете. Она называет себя margrete_08. Но не заморачивайся. Да, да, понимаю. Поговорим позже.

Мунк, посмеявшись, передал телефон Мии обратно.

– Что там?

– Ничего особенно, кое-что личное.

– Он хорош, – сказала Миа.

– Кто? Габриэль? Да, бесспорно. Мне он нравится. Рад, что мы нашли его сейчас.

Миа съела еще одну пастилку и немного опустила окно.

– Ты что-нибудь узнала от него? Про форт Исенгран?

– О да.

Она рассказала Мунку то, что только что сообщил Габриэль.

– Черт подери, – пробормотал Мунк. – Значит, все дело во мне? Это я виноват, что эти девочки умирают?

Мунк зажмурился и сжал руку в кулак.

– Мы пока точно не знаем, – сказала Миа. – Сколько нам еще ехать?

– Полтора часа.

– Думаю, я немного посплю, – сказала Миа.

– Правильно. И за меня поспи.

Солнце уже почти встало, когда они подъехали к полицейскому заграждению. Мунк показал удостоверение, и их пропустили к молодому полицейскому с взъерошенными волосами. Выглядел он так, будто только что проснулся. Они припарковались около маленького красного домика, кафе «Галэйен». Карри встретил их и показал дорогу дальше вдоль старой каменной стены. Миа различила набережную реки на другой стороне, где собирались возводить бронзовые статуи. Мать и сестру Эдварда Мунка. Лауре Катрине Мунк и Карен Бьелстад. Миа много знала о Мунке. Большинство живущих в Осгордстранде много знали о нем. Они всегда гордились, что Мунк жил в их маленьком местечке. Несмотря на то, что в его времена благородные дамы с отвращением закрывались зонтиками от уродливого художника. Разве это не типично? – подумала Миа, открыв молнию на белой полиэтиленовой палатке, которую поставили криминалисты. Тогда его ненавидели, но теперь все забыли об этом. Было ли так со всеми художниками в этой стране? Они должны умереть, чтобы мы оценили их? Она отметила, что это не ее мысль. Это мысль ее мамы. Искусство и литература всегда занимали почетное место в их доме. Часто Миа сидела за кухонным столом и слушала мамины рассказы, почти как на школьном уроке. Они с Сигрид как ученицы, каждая со своей тарелкой каши, слушали маму Эву, ревностного учителя.

Карри казался поразительно бодрым и болтал всю дорогу до палатки. Опытный полицейский мог вначале показаться холодным и жестким, со своей бритой головой и худощавым телом, но Миа знала его лучше. Карри был очень талантлив, и с большим добрым сердцем, хоть и выглядел и часто вел себя, как бульдог.

– Два выпускника. Парочка. Из школы в Глеммене. Они были немного не в себе, и мы отправили их домой.

– Не имеют к этому отношения? – спросил Мунк.

– Нет-нет, они еле говорили. В жизни не видел таких трезвых выпускников. Думаю, из-за увиденного алкоголь мигом испарился из их организмов.

– Какие-то наблюдения от соседей? – спросила Миа.

– Пока нет. Отделение полиции Фредрикстада сейчас ходит по домам. Но сомневаюсь, что мы что-нибудь найдем.

– Почему? – спросила Миа.

– Серьезно?

Карри криво улыбнулся.

– Тут не совсем новичок орудует, правда?

Они вошли в палатку, а навстречу им вышел пожилой мужчина в специальном пластиковом костюме. Миа удивилась, увидев знакомое лицо. Она много раз работала с криминалистом-патологоанатомом Эрнстом Хьюго Виком, но думала, что он уже давно ушел на пенсию.

– Мунк. Миа.

Вик кивнул им.

– Привет, Эрнст, – сказала Миа. – Вы проехали весь путь из Осло ради этого?

– Нет, – вздохнул Вик. – Я спрятался на даче неподалеку, чтобы побыть в покое, но это не помогло, как видишь.

– Что у нас тут? – спросила Миа.

Вик снял с себя пластиковый шлем и перчатки. Он зажег сигарету и стряхнул землю с сапога.

– Они лежали тут недолго. Думаю, максимум час до того как их нашли.

– А время смерти?

– Примерно то же.

– Их убили здесь?

– Похоже на то, – сказал старик. – Но точно не скажу, пока не сделаем вскрытие. Что это такое, Мунк? Должен сказать, это одно из самых странных убийств, которые я видел. Сурово.

– Что вы хотите этим сказать? – спросила Миа.

– Ну, – он сделал еще затяжку, – что я могу сказать. Для ритуального убийства оно слишком чистое. Девочки ухожены и вымыты. Наряжены. Школьные ранцы. И эта свиная голова? Нет, черт его знает, что это такое. Посмотрите сами, мне надо перевести дух.

Он сложил перчатки в карман и побрел к парковке. Мунк и Миа надели белые костюмы и вошли в палатку.

Каролине Мюкле лежала на земле со сложенными на груди руками. Она была одета в желтое кукольное платье. Рюкзак лежал у ее ног. Андреа лежала в нескольких метрах от нее, руки тоже на груди, а

рюкзак около ее белых туфельек. У обеих девочек были одинаковые ленты вокруг шеи. *Я путешествую одна.* Почти религиозная сцена, с гротескной свиной головой, лежащей посередине между ними. Миа Крюгер надела перчатки и наклонилась к Андреа. Подняла маленькую белую ручку и посмотрела на ногти.

– Три, – кивнула она.

Аккуратно положив ручку обратно на траву, она подошла к Каролине.

– Четыре.

В ту же секунду у Мунка зазвонил телефон. Он посмотрел на дисплей и отклонил вызов. Телефон зазвонил снова.

– Твою мать... – выругался он, снова нажав на красную кнопку.

– Следи за языком, – сказала Миа, показав на девочек.

– Извини, – сказал Мунк.

Телефон зазвонил в третий раз.

Он снова отклонил вызов, и тут же начал звонить телефон Мии. Она увидела имя Габриэля на дисплее.

– Габриэль? – тихо сказал Мунк.

Миа кивнула и отклонила звонок.

– Это он тебе сейчас звонил?

Мунк кивнул. Телефон Мии опять зазвонил. Она вышла из палатки поговорить.

– Это должно быть очень важно, – прорычала она.

По голосу Габриэль был перепуган и запыхался.

– Я должен поговорить с Мунком, – выдохнул он.

– Он занят, что там?

– Я расшифровал сообщение, – запинаясь, сказал Габриэль.

– Что за сообщение?

– Ему пришло письмо. Задача. Закодированное сообщение. Margrete_08. Я решил его. Шифр Гронфельда. Я расшифровал его.

– Это не может подождать?

– Нет, абсолютно нет.

Юный хакер почти орал в трубку.

– Скажите ему. Сейчас же.

– Что надо сказать? Что было в сообщении?

Габриэль замолчал на секунду, как будто не осмеливался говорить то, что выяснил.

- Габриэль? – поторопила его Миа.
- «Тик-так, малышка Марион – номер 5»!
- Что?
- «Тик-так, малышка Марион – номер 5»!
- О, господи, – закричала Миа и побежала в палатку за Мунком.

Мириам Мунк сидела на заднем сиденьи отцовской машины и пыталась взять себя в руки. Она надвинула шапку на лоб и надела солнечные очки по указанию отца. Марион лежала на сиденьи около нее, полностью забравшись под плед. Мириам немного поняла, когда папа разбудил ее несколько дней назад и попросил запереть все двери. Никому не открывать. Не водить Марион в детский сад.

Что значит – не водить в детский сад?

Ради бога, Мириам, сделай, как я сказал!

Конечно, эта мысль пришла ей в голову. Мириам Мунк не была глупа. Совсем наоборот. Она всегда была одной из самых сообразительных в классе. С самого маленького возраста для нее было совершенно очевидным то, что у других вызывало проблемы. Реки Азии. Столицы Южной Америки. Дробь. Алгебра. Английский. Норвежский. Она рано научилась молчать обо всем, что понимала, не быть лучшей на всех контрольных, не поднимать руку слишком часто. Социальная интеллигентность. Она ведь очень хотела иметь друзей. А не быть отвергнутой, потому что ты лучше всех.

Конечно, она догадалась. Марион ведь пойдет в первый класс осенью. А ее отец – главный следователь по этому делу. Она не была глупа. Но была упряма. Ни за что она не позволит себе испугаться. Никакой маньяк не разрушит ее жизнь. Конечно, она предприняла кое-что для предотвращения, все что-то сделали. Она сама провожала дочку и забирала ее. Она уже запретила Марион идти на два дня рождения, к отчаянию малышки. Мириам проявила инициативу и устроила встречу персонала и родителей в детском саду. Некоторые из родителей взяли отпуска на работе, боясь водить детей в сад, некоторые считали, что сад нужно закрыть, кто-то хотел быть со своими детьми. На некоторое время всеми овладела паника, но Мириам всех успокоила. Объяснила, что нужно стараться жить настолько в обычном режиме, насколько это возможно. Особенно ради девочек. Но где-то над ухом она все время слышала тихий мерзкий голос: *ты самая уязвимая из них. Тебе страшно больше всех.*

Мириам плотнее укутала в плед крепко спящую дочку. На улице было темно, и черная «ауди» тихо скользила по почти пустым улицам.

Мириам Мунк не боялась, но была взволнована. Ей было тоскливо. Она была подавлена. И раздражена. И в ярости.

– Сзади все в порядке?

Миа Крюгер повернулась и посмотрела на нее. Они все еще не рассказали ей, почему перевозят ее вот так, уже третий раз за два дня, но она, естественно, все понимала.

– Все отлично, – кивнула Мириам. – Куда мы поедем на этот раз?

– У нас есть одна квартира, – сказал отец, посмотрев на нее в зеркало заднего вида.

– Не пора ли мне узнать, что происходит?

Она попыталась сделать вопрос угрожающим, но была слишком уставшей. Почти не спала в последние дни.

– Это для твоего же блага, – сказал отец, снова посмотрев на нее в зеркало.

– Преступник угрожал ей? Вы делаете это только из соображений безопасности? Я имею право знать, что все это означает.

– Вы в безопасности, пока делаете то, что я говорю, – отрезал отец, проехав перекресток на красный свет.

Она знала, что раз отец решил не говорить, он не скажет, и перестала спрашивать. Вдруг она снова почувствовала себя четырнадцатилетней. Тогда она была очень жесткой, но за прошедшие годы стала помягче. Тогда с ним невозможно было разговаривать. *Нет, Мириам, ты не наденешь это в школу, эта юбка слишком короткая. Нет, Мириам, ты должна быть дома в десять. Нет, Мириам, мне не нравится, что ты встречаешься с этим Робертом, он тебе не подходит.* Доскональный контроль жизни подростка папой-полицейским с паранойей. Но в этом всегда были и свои плюсы. Те, у кого тяжелые отношения дома, всегда пользуются популярностью в школе. Ну и потом всегда были способы обмануть родителей, хоть они и работали в полиции. К концу она уже почти не бывала дома, поэтому это не было проблемой. И мама все время стала пропадать. Боже, неужели взрослые, родители, не осознают, что дети понимают все, что происходит вокруг? Мириам все поняла про Рольфа задолго до того, как все открылось. Мама, которая всегда была такой пунктуальной, что можно было определять по ней время, внезапно должна «встретиться с подругой»? И вдруг ей стали звонить с кучи неизвестных номеров? Увольте.

– Она спит?

Миа снова повернулась и посмотрела на Марион, свернувшуюся под пледом.

Мириам кивнула. Ей нравилась Миа. Ей всегда она нравилась. В ней было что-то особенное. Какая-то харизма. От нее исходило красивое сияние. Может быть, она была немного рассеянной и странноватой, но не по отношению к Мириам. Миа слегка напоминала Мириам ее саму – наверное, поэтому она ей так нравилась. Умная, сильная, но при этом и довольно ранимая.

– Твоему отцу пришло зашифрованное сообщение по интернету, – сказала Миа.

– Миа! – прохрипел Мунк, но Миа продолжила.

– Этот человек выдавал себя за шведского математика по имени Маргрете. Когда мы расшифровали код, то выяснили, что там прямая угроза Марион.

Мириам видела, как лицо отца все сильнее краснело.

– Серьезно? – спросила Мириам.

Она удивилась, что ей стало скорее любопытно, чем страшно.

– И долго ты с ней общался? В интернете, я имею в виду.

Отец не ответил. Его рот был сжат, а кулаки на руле побелели.

– Почти два года, – сказала Миа.

– Два года? Два года?!

Мириам не верила своим ушам.

– Ты общался с этим человеком два года? Папа? Это правда? Ты два года переписывался с убийцей, не зная об этом?

Отец по-прежнему не отвечал. Лицо побагровело, и он ожесточенно давил на газ.

– Он не мог знать об этом, – сказала Миа. – Там все общаются анонимно. Это мог быть кто угодно.

– Все, Миа, хватит, – захрипел Мунк.

– Что? – сказала Миа. – Может, она что-нибудь знает? Если преступник общался с тобой несколько лет, может быть он и с ней связывался? Мы же должны знать об этом!

Вдруг отец вдавил педаль тормоза и съехал на обочину.

– Оставайся здесь, – строго сказал он Мириам в зеркало. – А ты, на выход.

– Но Холгер... – сказала Миа.

– Выходи из машины.

Миа отстегнула ремень безопасности и неохотно вышла из «ауди». Мунк открыл свою дверь и пошел за ней по тротуару. Мириам не слышала, о чем они говорили, но было видно, что он очень зол. Он махал руками с пеной у рта. Миа пыталась что-то сказать, но отец не давал ей. Он грозил ей пальцем прямо в лицо, и на секунду Мириам даже показалось, что он ее ударит. Отец произносил длинную тираду, и к концу Миа уже не пыталась что-то вставить. Только кивала. Двое полицейских вернулись в машину. Они медленно поехали дальше, но разговоры были окончены. Настроение в машине стало подавленным. Миа решила, что лучше всего будет тоже молчать. Два года? Отец общался с убийцей так долго? Неудивительно, что он раздражен. Кто-то обманул его. А теперь четыре девочки мертвы. Была ли Марион номером пять? Об этом было то сообщение? Вот почему они вдруг забрали ее? Мириам поправила дочке плед и погладила ее по волосам. Черная «ауди» скользила сквозь темноту к тайному укрытию, она даже не имела представления, где оно находится.

Миа стояла на тротуаре в сером жилом районе на западе города с чувством, что кто-то на нее смотрит. Она ощущала это уже не в первый раз, с тех пор как она приехала в город, ей все время кажется, что за ней следят. Она определила это как паранойю. Обычное дело для человека в ее состоянии. Надо было только не давать ей овладеть тобой. Она не была нервной, но все-таки. Она огляделась, но никого не увидела. На улицах была полная тишина.

Они перевезли девочек в белую квартиру во Фрогнере. Белую – в смысле, незарегистрированную. Не в официальных архивах. Вчера они спрятали их в другой квартире на самом востоке, но Мунк решил, что там небезопасно, и перевез их. Эта квартира предназначалась для политиков и других высоких чинов, кому нужно было убежище, но Мунк потянул за нужные ниточки, особо не распространяясь о своих целях. Вовлекать как можно меньше людей. Вот у него действительно началась паранойя. И Миа хорошо его понимала.

Миа съела пастилку и посмотрела в обе стороны улицы. Никого. Даже ни одной машины. Ни почтальона. Она была абсолютно одна и вполне уверена, что никто не видел, как девочки входили в квартиру.

Через несколько минут спустился Мунк. Зажег сигарету и провел рукой по волосам.

– Извини, – сказала Миа.

– Не надо, черт, это я виноват. Я просто... ну, ты знаешь.

– Не переживай, – кивнула Миа.

– Мы одни?

– Думаю да. Никого не видела. У них там все нормально?

Мунк сделал долгую затяжку и посмотрел вверх, на окна четвертого этажа.

– Все нормально. Мириам обижается на меня, но я ее понимаю. Надеюсь, она понимает, что я просто хочу помочь.

– Конечно, понимает, – кивнула Миа. – Просто будь с ней поаккуратнее сейчас. Когда все закончится, она тебя еще отблагодарит.

– Ну, даже не знаю. Мне пришлось сказать ей, что она не может сейчас выйти замуж.

– Отменить свадьбу?

– Конечно.

– Слишком опасно?

– Сотня людей в одной церкви? И все как-то связаны со мной? Мы не можем допустить этого.

Это же игра, не правда ли. Он играет с нами. Она играет с нами. Как ограбить банк? Взорвать здание с другой стороны улицы. Преступник точно знал, что делает. Что она делает. Это было сложнее, чем четыре девочки. Чем десять девочек. Кто-то следил за Мунком несколько лет. И точно знал, на что надавить побольше. Как вызвать наибольшее замешательство. Хаос. Страх. Миа спала около четырех часов за три дня, и ей начало становиться дурно, она почувствовала это. Не могла мыслить ясно.

– Кто сейчас в офисе? – спросил Мунк, когда они сели в машину.

– Людвиг, Габриэль, Карри.

– Миккельсон хочет снять меня с дела, – сказал Мунк, закурив новую сигарету и даже не открыв окно.

– Откуда ты знаешь? Что ты сделал?

Он посмотрел на нее пустыми глазами.

– Отстранить тебя?

– Конечно, – ответил Мунк, продолжая путь к Марибуэсгате.

– А сам ты что думаешь?

– В смысле?!

– Нет, ну это законный вопрос. У нас невероятно тяжелое дело. Преступник идет за тобой лично. Можешь ли ты быть объективным? Держать чувства в себе? Не думаю.

– Ты вообще на чьей стороне? – фыркнул Мунк.

– Естественно, я на твоей стороне, – сказала Миа. – Но я понимаю, откуда возник этот вопрос.

– Это уже личное, – прищурился Мунк. – Никто не будет охотиться на мою семью, не заплатив за это.

– Вот-вот.

– Что?

– Подобный комментарий перед Миккельсоном – и пожалуйста.

Миа провела пальцем по горлу для наглядности.

– Ха-ха. Кого же они назначат вместо меня?

– Веннгорда.

– Да, именно.

– Клоккерволда.

– Какого черта, Миа? Ты на чьей стороне?

– Я просто говорю, Холгер. Есть и другие. Успокойся.

Мунк немного подумал перед ответом.

– Что бы ты сделала? Если бы угрожали твоим родным?

– Ты прекрасно знаешь, что.

– Вот именно. Так что не будем больше говорить об этом.

– Может, тебе надо немного поспать?

– Надо, но нет времени, – вздохнул Мунк, наконец опустив стекло. – Сделай всем рассылку. В офисе через час. Те, кто не придет, могут искать себе другую работу. Все начнем заново. Будем исследовать каждый камешек, пока не найдем этого таракана, пусть даже это будет последним, что я сделаю в этой жизни.

Миа кивнула и достала телефон.

– Итак, что мы имеем? – спросил Мунк, когда все собрались в переговорной. – И не говорите, что у вас нет ничего, потому что это невозможно. Кто-то должен был что-то видеть. Я знаю, что вы работали сутки напролет, но теперь мы будем работать в два раза больше. Кто начнет? Людвиг?

Миа оглядела комнату. Ряды усталых лиц уставились на нее, на них больно было смотреть, все проработали огромное количество часов на этой неделе, но по-прежнему ничего не нашли. У Карри выросла борода. Габриэль был очень бледный и с большими мешками под глазами.

– Мы проверили и сравнили все имена из дома престарелых Хёвиквейен с делом в Хёнефоссе. Пока ничего, но продолжаем искать.

– Продолжайте, там может что-нибудь обнаружиться, – сказал Мунк. – Другие?

– Я проверил ту общину, о которой вы говорили, – сказал Габриэль.

Мунк кинул взгляд на Мию, она пожала плечами и кивнула в ответ. Они очень плохо поработали с этой общиной. Слишком поздно спохватились. Они были на пути в общину, но тут обнаружили девочек в форте Исенгран, и сразу же после этого они узнали об угрозе Марион.

– Что ты выяснил?

– Довольно странно, на самом деле. Они называют себя церковью Мафусаила, но я не нашел ни одной фирмы или религиозной организации, зарегистрированной под этим названием. У них нет интернет-сайта или чего-то подобного, вообще похоже на то, что они еще не вступили в информационный век, или осознанно не позволяют это делать, не знаю.

– Это все?

– Нет, есть еще человек, зарегистрированный по тому же адресу.

Габриэль посмотрел свои записи.

– Какой-то Лукас Валнер. Я проверил его мельком, но могу сказать, что в других местах он не возникал.

– Хорошо, – сказал Мунк, почесав бороду. – Я и сам был там несколько раз и могу сказать следующее. Там два человека? Пожилой мужчина с седыми волосами и молодой парень со светлыми волосами, лет двадцати пяти. Мы должны углубиться в это как можно быстрее. Убийца наступает нам на пятки, и мы должны напасть на верный след. Моя мать ходит на их встречи, я спрошу ее, ладно?

– Займись этим сразу же после брифа, – кивнул Габриэль.

– Хорошо. – Мунк оглядел собравшихся. – Что еще?

– За Бенджамином Бахом установили слежку, но пока что ничего не указывает на то, что он как-то замешан, – сказал Кюрре.

– Хорошо, – сказал Мунк. – У нас достаточно ресурсов, так что продолжайте за ним следить, пока мы не будем точно уверены.

– Я проверил пользователя margrete_08, – сказал Габриэль. – Этот адрес был создан на сервере hotmail... – Парень посмотрел в айпед перед собой. – ...2 марта 2010 года. За несколько дней до того, как вы получили первое сообщение, правильно?

Габриэль взглянул на Мунка. Тот выглядел так, словно ему стыдно. В деле замешана не только его мать, но и он сам. Преступник выходил на связь с ним лично. И Мунк дал себя обмануть. Миа хорошо его знала и видела, что происходит в его голове под морщинистым лбом. Она видела, что он старается взять себя в руки. Чтобы не производить на остальных впечатления, будто он принимает это на свой счет.

– Правильно, – сказал Мунк.

– Аккаунт не использовался ни для чего другого, кроме как чтобы посылать вам сообщения. С трех различных IP-адресов.

– Говори нормальным языком, пожалуйста.

– IP-адреса. Адреса протоколов в интернете. Каждый компьютер, подключенный к интернету, имеет свой адрес. Адрес может рассказать вам о том, где он находится. Страна, город, поставщики услуг широкополосного доступа.

– Точная позиция?

– Да, – кивнул Габриэль и снова посмотрел в свои записи. – Как я уже говорил, у этого аккаунта было три IP-адреса, все это – фаст-фуды «Бургер Кинг». На Карл-Юхансгате, на Уллевол-стадион и на центральном вокзале. Ноутбук. Найти его невозможно, честно говоря. Я пинговал его, но не получил ответа, значит, скорее всего, он больше

не используется. Скорее всего, пользователь выбросил его. Я бы так сделал на его месте.

– В «Бургер Кинге» есть интернет? – спросил Карри.

– К нам поступило почти две тысячи сообщений, – сказала Анетте, проигнорировав своего уставшего коллегу. – Большинство из них – по фотороботу женщины из Скюллеруд. Сожалею, но вынуждена сообщить, что это все еще не дало никаких результатов. Фоторобот слишком невыразителен, напоминает очень многих. К тому же, вы знаете, как действует вознаграждение. Невероятное количество людей, у которых есть подозрительный сосед, хотят получить миллион крон.

Мунк погладил бороду.

– Список ранее осужденных?

Кюрре только покачал головой.

– Черт, ребята, ну давайте же! Что-то же должно быть! Что-то вы должны были видеть или слышать!

Миа бросила на Мунка строгий взгляд. *Успокойся.* Она знала, что, хотя у них и была очень крепкая команда, всегда найдется кто-то, кто захочет пойти выше. Миккельсон выделял из них несколько человек.

Покашляв, Миа встала. Подошла к доске, чтобы отвести внимание от Мунка.

– Я не знаю, все ли из вас получили всю информацию, поэтому я хочу прогнать все еще раз с начала. Не все из этого – конкретные вещи, кое-что я просто предполагаю, чувствую, и я хочу, чтобы вы помогли мне с этим – сказали, что вы думаете, считаете, чувствуете. Ничего не будет глупо, нам может помочь все что угодно. Хорошо?

Миа оглядела комнату. Все затихли и смотрели на нее.

– Вот как я вижу эту историю. В 2006-м кто-то украл ребенка из больницы в Хёнефоссе. Существует две основные причины украсть ребенка. Первая – это шантаж и требование выкупа, но никто не получал никаких требований, так что этот вариант мы отменяем. Вторая причина – что кто-то хочет себе ребенка. Все это время я думала, или даже чувствовала, что преступник – женщина. Женщина хочет ребенка. Давайте попробуем продолжить историю. У этой женщины есть доступ к родильным палатам. Как мы уже видели, украсть ребенка намного проще, чем нам кажется. Особенно того, у кого нет родителей. Так вот, эта женщина крадет ребенка. Естественно, начинается переполох, все ищут, мы, СМИ, все. Никто не хочет так

много мороки. Женщина находит козла отпущения, Йоакима Виклунда. Он вешается очень кстати. Кстати для всех. Что показывает отчет о вскрытии? Правильно. Не было никакого вскрытия. Он повесился. Он признался. Дело закрыто. Можно жить дальше.

Она перевела дыхание и выпила немного «Фарриса». Она не планировала речь и говорила сейчас скорее сама с собой, чем с остальными.

– Сейчас мне пришло в голову, что если бы мы сделали вскрытие, вполне возможно, что мы нашли бы нечто интересное, например, иглу в шее шведа. Очень подходящий и умный способ, правда? Передозировку наркоза в шею, прямо под веревку, очень сложно обнаружить, если нет подозрений об убийстве. Ну что же, это одна теория. И вот, у нас есть женщина. С ребенком. Которая умеет делать уколы. У которой есть доступ к наркозу.

– Медсестра? – предположил Людвиг.

– Очень возможно, – кивнула Миа. – Но мы не нашли ни одного подозреваемого среди медсестер Хёнефосса. У нас есть женщина, укравшая ребенка. И все хорошо. СМИ больше не пишут об этом, мы сдались. Но вот, что-то пошло не так. Может быть, ребенок умирает. Ребенок умер, и она решает преследовать нас. Мы виноваты в смерти ребенка. Мы должны были найти ее. Мы должны были спасти ребенка. И Мунк несет ответственность за это. И она начинает охоту на Мунка.

Миа покашляла и сделала глоток «Фарриса». В комнате стояла абсолютная тишина. Все знали, что Миа умела. Никто не прерывал ее теперь, когда она начала говорить.

– Эта женщина невероятно умна, – продолжила Миа. – Может быть, у нее легкая шизофрения. Она считает, что украсть ребенка – это правильно, и не имеет ничего против убийства. Для нее это морально верно, значит, она должна была пережить что-то... что-то...

Она не нашла подходящих слов.

– Даже не знаю, что это могло быть, но как бы то ни было. У нее ясное сознание и одновременно *не* ясное. Во всяком случае, она видит мир не так, как мы с вами. Она безумно любила ребенка, который умер. Наверное. Ребенок пошел бы в школу этой осенью. А теперь он мертв. Думаю, она так это видит. Я путешествую одна. Лента. Марк 10:14. Пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им. Девочки отправляются в путешествие на небо.

Миа все больше и больше говорила сама себе. Все начало проясняться. Узлы распутывались. Все, что было скрыто в облаках в ее голове.

– Эта женщина невероятно заботлива. Она обожает детей. Хочет защищать их. Моет и украшает их. Нельзя делать им больно. Так что, две вещи.

Миа закашлялась. Она очень устала, но продолжила.

– Две вещи. Именно они показались мне странными. Весь хаос, все знаки, я сначала не понимала их, слишком много ловушек и препятствий, и да, я не осознавала этого вначале, но теперь я думаю, что есть две вещи. Первая – это девочки. Ребенок не должен быть один. О да, да, да. Это ее вина, что он умер. Причина в ней. Она хочет все исправить. Найти ребенку подруг. Но это наша ошибка. Мы должны были остановить ее. Черт, я потеряла нить...

– Две вещи, – дружелюбно сказал Карри.

– Да, спасибо. Две вещи. Первая: она убивает девочек, чтобы ребенок, которому сейчас было бы шесть лет, не был бы один на небесах. Вторая – она хочет достать Мунка. Извини, но это очевидно. Вот почему все было так перемешано. Мы все смешали. Мы должны смотреть на эти вещи по отдельности, хотя она и смешивает их, чтобы нас запутать. Первое: она убивает девочек, чтобы украденная ею девочка не была на небе одна. Второе: она хочет любой ценой достать полицию. Отомстить за себя. Добраться до Мунка. Она каким-то образом убила ребенка, но винит в этом Мунка. Я думаю...

Миа была выжата как лимон и с трудом говорила.

– Что ты думаешь, Миа? – переспросил Мунк, поддерживая ее.

– Она хочет, чтобы ее поймали, – сказала Анетте.

– Что ты имеешь в виду? – спросил Мунк.

– Она хочет, чтобы мы поймали ее, – продолжила Анетте. – Она показывает нам, что делает. Ане ЙВ. Девочки в крепости. Звонок журналистам. Она хочет, чтобы ее нашли, правда, Миа?

Миа кивнула.

– Согласна. Она хочет, чтобы ее поймали. Она даже беспокоится. Все больше и больше показывается нам. Она тоже собирается наверх. В небо. Она снова будет вместе с ребенком. Она будет...

Миа больше не могла. Обессилев, она присела на стол перевести дыхание. Мунк подошел и положил руку ей на плечо.

– Все нормально?

Миа молча кивнула.

– Черт, это мне что-то напоминает, – сказал Мунк, повернувшись к собравшимся. – Чертовски хорошо. Женщина. Я верю в это. Все сходится. Так какие дамы у нас в списке?

– Женщина с глазами разного цвета, – сказал Людвиг.

– Кто-то из общины? – предположил Карри.

– Сотрудницы дома престарелых, – сказал Габриэль.

Миа посмотрела на Людвиг Гренли.

– Есть что-то? Какая-то связь? Телефон Вероники Бах?

– Нет, к сожалению, пока ничего, все еще работаю над этим, – сказал Гренли.

– Твою мать, какой же я тормоз, – вдруг сказала Миа.

– Что такое?

– Чарли. Чарли Брун.

– Кто? – спросил Мунк.

– Приятель. Он работает в клубе трансвеститов в Тейен. Это же он рассказал мне о ней. О той с глазами разного цвета. Он видел ее несколько раз. Черт, какой же я тормоз.

– Задействуй его, – сказал Мунк. – Мы должны найти ее. Кто знает, вдруг это та женщина с фоторобота, которую видел свидетель в Скюллеруде. Почему бы не попробовать. Нужно, чтобы этот Чарли встретился со всеми из списка, со всеми, кто мог иметь доступ к оплате телефонных счетов Вероники Бах после ее смерти, со всеми сотрудниками дома престарелых, со всеми, кто связан с этой общиной. И если он найдет ее, попросим пенсионера опознать, эту ли женщину он видел.

На выходе Мию остановила Анетте.

– Ты уверена в этом? – тихо просила она.

– В чем? – переспросила Миа.

– Во всем? Не слишком ли Мунк напряжен для всего этого? Внучке угрожают, мать замешана. Не сделать ли ему небольшой перерыв? Кто-нибудь другой взял бы руководство.

– Холгер знает, что делает, – коротко ответила Миа.

– Надеюсь, – сказала Анетте.

– Что думаешь? – спросил Чарли, покрутившись перед Мией.

Он выбрал старое платье в цветочек, блестящие серебристые сапоги до колена, белые перчатки, подходящие к сапогам, и зеленое боа.

– А у тебя нет обычного свитера и обычных джинсов? – вздохнула Миа.

– Боже, Миа, ты разрушаешь мою свободу самовыражения. Я художник, ходячее творение искусства, понимаешь?

Чарли стал перебирать вещи в шкафу с выражением лица, говорившем о том, как это сложно.

– Да, да, Чарли, я тебя вижу.

– Теперь я это знаю!

Чарли повернулся, широко улыбнувшись.

– Мистер Фрейд?

– Мистер кто?

Чарли захлопал в ладоши и запрыгал на месте, как маленькая девочка.

– Мистер Фрейд. Давно его не видно. Про него писали в одном свингерском журнале в 2004 году. Ты знаешь, что у свингерских клубов и сообществ трансвеститов было несколько...

– Хватит, – сказала Миа. – Мне совсем необязательно знать все это. Договори про мистера Фрейда, только если это быстро.

Чарли взял из шкафа большой чехол с одеждой и исчез в ванной. Он вернулся одетым как настоящий Казанова, в черном костюме, розовом галстуке и лакированных ботинках. Выглядел он как нечто среднее между Джеймсом Бондом и Эгоном Улсеном.

– Что думаешь?

Чарли улыбнулся и покрутился перед ней.

– Отлично, – сказала Миа.

– Я выгляжу мужественно?

– Очень мужественно. Все дамы в доме престарелых будут у твоих ног.

– Думаешь? – закудахтал Чарли.

– Уверена, – улыбнулась Миа. – Пошли.

Чарли прошел за ней к ждавшей их внизу машине. По пути в Хёвик Миа думала о том, стоит ли ей объяснить Чарли, что ему вообще-то не надо особенно выступать там, ему нужно будет только посмотреть фотографии архивов, но решила ничего не говорить. Они позвонили в дом престарелых заранее, у них, к счастью, были фотографии всех. Новые правила безопасности требовали от всех сотрудников иметь удостоверение с фото, это облегчило работу.

Холгер Мунк стоял у дома престарелых и ждал их.

Чарли поклонился и жеманно поздоровался.

– Приятно познакомиться с вами, – улыбнулся Мунк. – Классный костюм.

– Спасибо, – сказал Чарли, еще раз поклонившись.

– Миа объяснила, что мы сейчас будем делать?

– Я работаю под прикрытием, не так ли? – подмигнул Чарли.

– Именно. Нам нужно, чтобы вы посмотрели фотографии на компьютере и сказали нам, узнаете ли вы подругу Рогера Баккена.

– Это я смогу, – ухмыльнулся Чарли.

– У нее были глаза разного цвета, да?

– Ага, – кивнул Чарли. – Карий и голубой. Я знал, что с ней связано что-то таинственное.

– Нет, мы такого не говорили, – сказал Мунк. – Мы только хотим найти ее и поговорить с ней. Вот и все, что нам нужно.

– Понял, – опять подмигнул Чарли. – Очень секретные полицейские штуки.

В этот момент дверь открылась и вышла девушка, с которой Холгер говорил на лестнице в прошлый раз.

– Это Карен Нюлунд, – сказал Холгер.

Ей было за тридцать пять, худенькая, с длинными золотисторыжими волосами и милой улыбкой. Чарли поклонился и пожал ей руку.

– Это Чарли, он поможет нам сегодня. А это Миа, моя коллега.

Миа пожала руку Карен.

– Очень приятно, – улыбнулась Карен. – Я пыталась связаться с Карианне, но она не отвечает на телефон, она довольно строга в этом плане, выходной – значит выходной.

Миа не стала спрашивать, полагая, что Карианне – это управляющая домом.

– Но ничего страшного, если мы взглянем?

– Конечно, мне только приятно будет вам помочь, – улыбнулась Карен.

Миа все еще молчала. Она немного переживала за бумажную волокиту, ведь им нужно было разрешение, а это всегда занимало определенное время, но она рассчитывала, что Холгер все уладит, ведь тут все его знают.

– Хорошо, – сказал Холгер. – Пойдем?

Они прошли за Карен в здание и в один из кабинетов. Чарли, как павлин, отвешивал поклоны направо и налево.

– Вот мы и пришли, – сказала Карен, показав на компьютер на одном из столов.

Вдруг она засомневалась.

– Это общий компьютер для всех сотрудников, и ни у одного из пользователей нет доступа к этой базе, но ведь ничего страшного, что вы взглянете на нее? Вы ведь из полиции...

Карен бросила взгляд на Холгера – он успокаивающе кивнул. Миа сдержала улыбку.

– Все в порядке, Карен, – сказал он, осторожно похлопав ее по плечу. – Я беру ответственность на себя, вам не нужно ни о чем беспокоиться.

– Хорошо, – улыбнулась Карен. – Просто наш начальник, Карианне, она иногда бывает строгой, но вообще она очень милая.

Последнее она произнесла очень быстро, как будто не хотела, чтобы кто-то услышал, что она плохо отзывалась о ком-то.

– Повторюсь, я возьму всю ответственность на себя, – улыбнулся Мунк, пододвинув еще один стул к монитору, чтобы Чарли мог сесть.

– Хотите, чтобы я осталась тут, или как будет лучше? – спросила Карен.

– Да, если у вас есть возможность, было бы хорошо. Если у нас появятся вопросы.

– Без проблем. Скоро мы будем подавать ланч, но пока еще есть время.

– Прекрасно, – сказал Мунк, сев на стул рядом с Чарли.

Он взял мышку и кликнул на файл, который предоставила им Карен.

– Просто прокручивать вниз?

– Просто пользуйтесь стрелочками, – улыбнулась Карен, показав на клавиатуру.

Холгер нажал на стрелочку, и на мониторе появилась первая фотография. Подпись: Биргитте Лундамо.

– Нет, – сказал Чарли со строгим взглядом, чтобы показать, что он серьезно отнесся к этой работе.

Холгер нажал еще. Фотография и имя – Гуро Улсен.

– Нет, – снова сказал Чарли.

– Сколько здесь сотрудников? – спросила Миа.

– Жителей пятьдесят восемь, и всего двадцать два, нет, двадцать три сотрудника. Кто-то на полной ставке, кто-то на полставки, и еще у нас есть список сотрудников по вызову, кому мы звоним в случае болезни и т. п.

– И все есть в архиве?

– Да, у нас есть список всех.

– Нет, – сказал Чарли.

Холгер нажал на следующую. Малин Штольд.

– Это она, – кивнул Чарли.

– Ты уверен? – спросила Миа.

– Абсолютно.

– Но у нее же глаза разного цвета?

– Это она, – твердо сказал Чарли.

Миа тихо выругалась. Она видела эту девушку. Это та с угольно-черными волосами, с кем она говорила, пока ждала Холгера в тот раз.

– Вы знаете ее, Карен?

– Да, конечно, – сказала Карен, в первый раз испугавшись. – Что она сделала?

– Пока рано говорить, – сказал Холгер, переписав адрес с монитора.

– Насколько хорошо вы ее знаете? – спросила Миа.

– Очень хорошо. Ну, или по работе. Она большая молодец. Все жители ее любят.

– Вы были у нее дома?

– Нет, не была. Можете мне сказать, почему вы ищете ее? Мне немного, да, немного страшно...

Девушка посмотрела на Мунка. Он встал, чтобы успокоить ее.

– Она просто свидетель, Карен.

– Уф-ф-ф, – выдохнула Карен, помотав головой.

– Просто свидетель.

– Ты записал адрес? – спросила Миа.

Мунк кивнул и передал ей листочек. Сделал знак Мии подняться по лестнице и позвонить оттуда, чтобы не нервировать Карен.

Чарли сидел на стуле и выглядел немного недовольным.

– И это все?

– Это все, – кивнул Мунк. – Очень хорошо, Чарли.

– Хорошая работа, Чарли, – похвалила Миа и побежала наверх звонить Карри.

– Да?

– У нас есть имя и адрес, – сказала Миа.

Она почти не скрывала своего нетерпения.

– Малин Штольц. Год рождения 1977. Длинные черные волосы. Рост около 170, вес около 65.

Она продиктовала ему адрес с листочка.

– Это *она*? – спросил Карри.

– Да, он сразу же опознал ее.

Она услышала, как Карри раздает приказы. Он вернулся к телефону:

– Мы выезжаем. Встретимся там.

Миа положила трубку и достала пастилку из кармана. Она говорила с ней. Была совсем рядом. И не поняла. У нее были голубые глаза. Скорее всего, линзы. Черт, как можно было оказаться такой тупой?

Чарли спустился в сопровождении Мунка и Карен. Карен все еще выглядела довольно напуганной.

– Я позвоню вам, – сказал Мунк, пожав Карен руку.

– Спасибо за помощь, Карен, – еще раз сказала Миа.

– Всегда пожалуйста, – сказала рыжеволосая девушка и попыталась улыбнуться, без особого успеха.

– Это все? – опять спросил Чарли, явно недовольный.

– Молодец, Чарли, – сказала Миа.

Мунк еще раз попрощался с медсестрой и побежал к машине.

– Ты едешь со мной, Миа?

– Да, – кивнула она и пошла за ним.

– А как же я? – спросил Чарли, всплеснув руками.

– Он отвезет тебя домой, – Миа указала на полицейского, который привез их сюда.

– И мы даже не выпьем по чашке кофе?

– В следующий раз, – прокричала Миа, запрыгивая в машину.

Мунк вдавил педаль газа и поехал по Хёвиквейен так быстро, что покрышки завизжали по асфальту.

Малин Штольц спала плохо. Ей снились такие странные сны. Что пришел ангел и забрал ее. Что все закончилось. Во сне она думала, что ей не нужно больше делать этого. Она была в замешательстве от различия между собой во сне и собой в реальности. Во всяком случае, ангел пришел. Прекрасная белая девочка-ангел. Ангел протянула ей руку и сказала следовать за ней. Что теперь она может покинуть землю. Что больше не нужно этого делать. И Малин Штольц так обрадовалась. Так обрадовалась, что проснулась и с тех пор не может уснуть. Сегодня у нее глаза двух разных цветов. Карий и голубой. Такой она и была. Настоящая. В детстве ее дразнили за это. Они называли ее грязной и странной. Только у кошек бывают глаза разного цвета. Глупая кошка. Даже не милая кошка, а какая-то из подворотни. Как те, у которых мех выпадает от болезней. Хотя врач сказал, что это совершенно обычно. Гетерохромия. Нет, не обычно. Это необычно, но не так необычно, как многие думают. Врач объяснил ей, что это ошибка в генах. Нет, не ошибка. Если гены менялись в состоянии зачатия, могла возникнуть мутация. Например, ген, кодирующий голубой цвет, мог проникнуть в организм, который должен иметь два карих глаза. Мутация. Мутант. Врач сказал, что она мутант. Что она мутант с двумя разными глазами, и поэтому ей не нужно быть самой собой. Нужно быть кем-то другим. Так сказал врач. Или она где-то прочитала это? Врач ничего не говорил. Она прочитала это в интернете. И в «Науке в иллюстрациях». У врача в кабинете лежала «Наука в иллюстрациях». Когда она проверяла, может ли иметь детей. Врач сказал, что она не может иметь детей, потому что она мутант. Что ей не нужно быть самой собой, а лучше кем-нибудь другим. Хотя у многих знаменитостей глаза разного цвета. Дэн Экرويد. Дэвид Боуи. Джейн Сеймур. Кристофер Уокен. Никому из них не нужно быть кем-то другим, хотя некоторые из них и поменяли имена. Малин Штольц снилось, что ее забрал ангел и ей не нужно больше этого делать, и она так обрадовалась этому, что проснулась. После этого она уже не спала. Она несколько часов стояла в ванной перед зеркалом. Врач дал ей таблетки. Сказал, что она ненормальная. Что она мутант и должна есть таблетки. Малин не нравились таблетки. Она принимала их редко,

только когда слышала голоса в голове. Но это было недостаточно часто, чтобы стать нормальной.

Малин Штольц стояла перед плитой. Она проголодалась. Она давно не ела и плохо спала. Она забыла купить яйца, несмотря на то, что записала их в список. Малин хорошо умела притворяться. Хорошо умела быть кем-то другим, а не самой собой. Пока она притворялась кем-то другим, все было хорошо. Найти работу было нетрудно. Пока она притворялась кем-то другим. Она снова зашла в ванную, но забыла, зачем пришла, пошла обратно на кухню и открыла холодильник. На часах у окна было восемь. Сегодня ей не надо на работу, это хорошо, потому что она очень плохо спала.

Малин Штольц решила одеться и пойти в магазин. Пойти в магазин – легко, если найти свою одежду. Магазин открывался рано. Легко купить яйца, если не забыть положить их в корзину, заплатить за них и переложить в пакет. Малин зашла в спальню, чтобы найти одежду, но, открыв дверь, она увидела, что шкаф для одежды полон молочных продуктов. Молоко, масло, сливки. Она снова закрыла дверь и обнаружила, что находится в магазине. Пахло чем-то кислым. Было очень рано, и все плохо спали, поэтому так пахло. Малин Штольц снилось, что ее забрал ангел, сказав, что ей больше не нужно быть на земле, но теперь она в магазине и должна купить яиц, потому что хочется есть. Не все дни одинаково плохи. Можно было делать разные вещи, чтобы все становилось лучше. Быть кем-то другим, тогда все намного лучше. Быть самой собой – не так хорошо, но сегодня пришлось, потому что сегодня выходной и хочется есть. У нее давно не было выходных. Она молодец, много работала, была вежливой и нормальной Малин Штольц с глазами одинакового цвета. Скоро она перестанет быть Малин Штольц и станет кем-нибудь другим, и она очень ждала этого.

Она закрыла дверь холодильника с молочными продуктами и нашла, где лежат яйца. Положила четыре упаковки яиц в корзину. Корзина была голубой, это она видела. Если закрыть карий глаз. Если закрыть голубой глаз, корзина становилась коричневой. Это было не так, но все возможно, когда притворяешься. Четыре упаковки по двенадцать яиц – это сорок восемь яиц. Она попыталась вспомнить, что еще было в списке, но ничего не вышло. Ах да, хлеб. Она подошла к прилавку с хлебом и выбрала пшеничный. В магазине все еще пахло

кислым, ей пришлось зажать нос. Корзинку с яйцами тяжело нести одной рукой. От мальчика, стоявшего за ней в очереди на кассу, тоже пахло кислым. Она плохо спала, вот почему так пахло. У нее были деньги на карточке. На терминале оплаты высветилось «Одобрено». В магазине начало по-настоящему вонять. Она с трудом смогла положить яйца в пакет и выбежала на свежий воздух, пока весь магазин не сгнил за ней. На секунду она присела на лестницу, пока не наполнила легкие чистым воздухом. Взяла пакет в правую руку и пошла по направлению к дому.

Мунк как раз припарковался недалеко от двора, с видом на входную дверь, когда у Мии зазвонил телефон.

– Алло?

– Это Карри.

– Она дома?

– Нет, никто не открывает, мы подождем вас, вы нас видите?

Миа посмотрела на улицу и увидела черная «ауди».

– Да.

– Что мы делаем?

Миа посмотрела на Мунка.

– Мы заходим?

Мунк покачал головой.

– Мы должны помнить, что мы не знаем, сделала ли эта женщина что-нибудь. Все, что мы знаем, – это то, что она знала Рогера Баккена и, возможно, имела доступ к телефону Вероники Бах. Я не хочу рисковать.

– Нет, мы немного подождем, – сказала Миа в трубку. – Патруль стоит на всех улицах?

– Да.

– Пришли Кима, – тихо сказал Мунк.

– Пришли Кима, – сказала Миа в трубку. – Посмотри, встретит ли он по пути кого-нибудь из соседей.

– Хорошо, – сказал Карри.

Тут же открылась задняя дверь «ауди», и Ким двинулся к входной двери. Он нажал кнопку вызова, дверь открылась, и Ким исчез внутри.

– Он внутри, – сказал Карри.

– Я видела, – сказала Миа.

Они делали это много раз раньше. И на тренировке, и в жизни. Один или два человека внутри, остальные снаружи – в машине и пешком. В окно Мии постучались. Она опустила стекло. Кюрре просунул ей маленькую сумку и снова исчез. Миа открыла сумку и дала второй наушник Мунку.

– Связь есть, – сказала она, положив трубку. – Ким, ты тут?

– Я тут.

- Что там внутри?
- Дверь в подвал. Лифт. Лестница.
- Поднимись по лестнице на третий, – сказал Мунк.
- Окей.

Они напряженно ждали, пока Ким снова заговорит.

- Я на месте.
- Та дверь?
- М. Штольц, – ответил Ким.
- Позвони в звонок.

Они подождали еще пару секунд.

- Никто не отвечает, я захожу?

Миа и Мунк переглянулись.

- Да, – сказал Мунк.

Миа заметила, что думает о словах Анетте. Что, возможно, Мунк слишком напряжен. В состоянии ли он принимать верные решения?

- Я внутри, – сказал Ким.

- Что там?

На секунду все затихло.

- О, господи, – сказал Ким.
- Что там? – сказал Мунк, на этот раз громче.
- Тут просто... Вы сами должны посмотреть.
- Что там?! – закричал Мунк, но Ким уже не ответил.

Вдруг Малин Штольц пришла в себя и заметила, что в руке у нее пакет. Она была в магазине. Она даже не помнила, как выходила из него. Она огляделась. Она на улице. Последнее что она помнила – это странный сон. Ангел забрал ее. Ей больше не нужно быть здесь, так, как она и планировала, но после этого она мало что помнила. Открыла пакет и посмотрела, что внутри. Четыре упаковки яиц и хлеб. Боже мой.

Такое случалось уже не впервые, но она пугалась каждый раз. Однажды она проснулась в трамвае. А в другой раз шла в бассейн Тейен. Она сделала глубокий вдох и присела на лавку. Наверное, ей снова надо сходить к врачу. Она ненавидела ходить к врачу, но, наверное, пришло время. Провалы в памяти случались чаще в последнее время, особенно в те дни, когда она не работала, – когда она была на работе, все было в порядке. Быть самой собой. Вот что было так сложно. Она радовалась, что скоро все закончится. Осталось недолго. Скоро она сможет отдохнуть. Скоро ей больше не нужно будет быть Малин Штольц. Или Майкен Стурвик. Или Марит Столтенберг. Она попыталась сосредоточиться на дороге домой, но картинки сменяли одна другую в ее голове. Тогда она сконцентрировалась на пакете. Потрогала пластик. Он настоящий, да? Да, на ощупь как настоящий. Она посмотрела на свою одежду. Два одинаковых ботинка. Очень хорошо. Брюки. Отлично. Футболка и легкий свитер сверху. Она хорошо справилась. Не вышла на улицу голой. Одедась прилично. Единственное, она немного замерзла, но, по крайней мере, на ней была одежда. Она слегка потерла руки чтобы согреться, и снова попыталась представить, как она встанет с лавки и пойдет домой. Она снова посмотрела на пакет. «Рема»^[25]. Она была в «Реме». А из «Ремы» ей нужно идти через пиццерию. Она обернулась и увидела неоновую вывеску на углу. Пиццерия «Милано». Отсюда она знает дорогу. Приблизительно. Она резко встала с лавки и перешла дорогу. Очень замерзла. Надо идти домой как можно быстрее. Не хочется простужаться. Если она простудится, не сможет ходить на работу. Там очень строго с этим. Пожилые люди очень слабы. Нельзя позволять бациллам попасть в дом престарелых. Она дошла до

пиццерии и остановилась подумать, куда дальше. Одностороннее движение. Идти в обратную сторону. Зайти туда, где красный знак с белой полоской. Она нашла знак, подошла к нему, но вдруг остановилась.

Что-то здесь не то. Что-то здесь неправильно. Обычно все шло не так. Не по утрам. В парке не было людей. В машинах не сидели и не оглядывались люди в ожидании чего-то. Сначала это медленно приходило ей в голову. Очень медленно. И вдруг до нее дошло.

Она уронила пакет из «Ремы» на асфальт, развернулась на каблуках и побежала прочь.

Сара Киесе стояла около огороженного здания на Марибуэсгате и ждала девушку по имени Анетте. Она пыталась дозвониться в течение нескольких дней, но всегда было занято.

Вы попали в полицию Осло. Сейчас все наши линии заняты. Пожалуйста, дождитесь ответа оператора.

Наконец она дозвонилась. После трех дней попыток, в последний раз она ждала более сорока минут, не сдаваясь, терпеливо, и наконец она дозвонилась. Она ожидала услышать приятный голос в трубке, но все было не так. Голос женщины звучал раздраженно. Чуть ли не *что вам нужно?* Сара Киесе почти почувствовала, что сделала что-то не так. Что женщина думала, что она звонит из-за денег, но это было не так. Ей наплевать на деньги. *Миллион крон вознаграждения тому, кто предоставит информацию, которая способствует раскрытию этого дела.* Она прочитала в газете об этом вознаграждении, и вот тогда-то до нее дошло.

Ее муж умер почти месяц назад. Он выпал из окна с пятидесятиметровой высоты во время строительных работ. Сара Киесе была рада его смерти. Он был ужасным человеком. Он практически сломал ей жизнь. Она не хотела иметь с ним ничего общего. Даже не пошла на похороны. Запахи других женщин. Деньги, пропадавшие из ее кошелька и из кувшина в холодильнике, те, что она откладывала на оплату счетов. Разочарование во взгляде дочки в те редкие разы, когда он приходил домой и не хотел играть или разговаривать с ней. Флешка, которую ей дал адвокат, содержащая дребезжащее видео о чем-то, что он построил. Комната под землей. Она и забыла об этом. Отодвинула от себя. Теперь у нее своя жизнь. Она купила новую квартиру. Она обрадовалась в первый раз за долгое-долгое время. Но вот он опять ее достал. Видео на флешке. То, что она удалила. Объявили вознаграждение в один миллион крон. Может, она и соврала злой женщине по телефону. Может, из-за этого она и звонила. Во всяком случае, именно это разбудило ее. Муж выглядел очень испуганным. А ведь он всегда был таким смелым. У него дрожал голос. Он сказал, чтобы она шла в полицию, если с ним что-нибудь случится. Он построил землянку в каком-то пустынном месте. С лифтом для еды и

вентилятором. Она удалила видео. Она не хотела иметь с ним ничего общего. Ее начинало трясти, когда она о нем думала. Хотелось блевать. Его больше не существовало в ее голове, в ее теле, поэтому она удалила видео, и его не стало. До того момента, когда она прочла в газете неделю назад. Миллион крон вознаграждения тому, кто поможет следствию в раскрытии преступления. Паулине, Юханне, Андреа и Каролине. И вдруг до нее дошло.

Ее муж построил комнату, где держали девочек.

Сара Киесе достала из сумки жвачку и огляделась. Ей сказали просто ждать тут, на улице. Вообще она думала, что отделение полиции находится в Грэнланде, но, видимо, это не так. Или оно может быть в нескольких местах. Вдруг дверь открылась, и оттуда вышла высокая блондинка с кучей веснушек.

– Вы Сара Киесе?

– Да.

– Здравствуйте, я Анетте, – сказала она, показав удостоверение.

– Извините, что не позвонила раньше, – извиняющимся тоном сказала Сара. – Все линии были заняты, и мы с мужем, м-м-м, не очень-то ладили.

– Вам не нужно думать об этом. Хорошо, что вы пришли. У вас с собой компьютер, о котором мы говорили?

– Да, – кивнула Сара, показав на свою сумку.

– Хорошо. Следуйте за мной.

Сотрудница полиции, назвавшаяся Анетте, показала дорогу ко входу и открыла дверь желтого здания карточкой.

В лифте они ехали молча. Анетте было много приятнее той женщины по телефону. Сара была рада этому. Она представляла себе, что, возможно, получит нагоняй. Потому что она сообщила слишком поздно. Она так часто получала нагоняи в своей жизни. Она больше не могла.

– Нам сюда, – улыбнулась Анетте, пройдя вперед по коридору.

Они прошли к еще одной запертой двери, и Анетте снова открыла ее своей карточкой. Они прошли в большой светлый современный офис. Работа здесь кипела, люди сновали туда-сюда, и все время звонили телефоны.

– Сюда, – улыбнулась веснушчатая женщина и провела Сару в кабинет за стеклянной перегородкой.

Молодой парень с короткими взъерошенными волосами сидел к ним спиной перед кучей компьютеров. Все это выглядело как в кино: мониторы, коробки, провода, мигающие лампочки и куча современных устройств повсюду.

– Это Габриэль Мёрк, – сказала Анетте. – Габриэль, это Сара Киесе.

Парень встал и пожал ей руку.

– Здравствуйте, Сара.

– Здравствуйте.

– Присаживайтесь, пожалуйста, – сказала Анетте, сев на один из стульев. – Можете кратко рассказать нам, о чем идет речь?

– Могу, – кашлянула Сара.

Она коротко рассказала все, что произошло. Смерть мужа. Адвокат. Флешка. Видео. Комната, которую он построил. Что ему было страшно. Что она думает, что, возможно, это как-то связано с девочками.

– И вы удалили видео с компьютера? – спросил парень.

Она кивнула.

– Я глупо поступила?

– Ну, было бы лучше, если бы вы этого не делали, но мы попробуем достать видео. У вас компьютер с собой?

Сара Киесе вынула компьютер из сумки и отдала его парню.

– И, конечно же, у вас нет флешки?

– Нет, я выбросила ее в мусор.

– Хе-хе, ее я, к сожалению, уже не смогу восстановить, – сказал он, подмигнув.

Сара улыбнулась. Все здесь такие милые. Какое облегчение. Она боялась, что они будут строгими и будут кричать на нее, как та женщина по телефону.

– Будет очень хорошо, если мы запишем письменные показания. Вы сможете? – спросила Анетте.

– Да, – кивнула Сара.

– Хотите чашечку кофе?

– Да, с удовольствием, спасибо.

Анетте улыбнулась и вышла из кабинета.

После утренней молитвы пастор Симон подошел к Лукасу и сказал, что этот день они проведут вдвоем. Лукас не верил ушам своим. Вместе? Только они вдвоем? Его бросило в жар. Лукас ведь всегда был рядом с пастором, но пастор всегда был чем-то занят, в основном разговорами с Богом, или провозглашал Слово Божье отступникам, а Лукаса обычно отсылал на другие важные задания, постирать одежду, или почистить золото, или поменять пастору постельное белье. Однажды вечером, несколько дней назад, пастор Симон сказал, что смотрит на Лукаса как на своего близкого, как на свою правую руку, и с тех пор Лукас будто вырос на десять сантиметров, держал спину прямо и с поднятой головой стоял на стороне пастора. Но одной вещи ему не хватало, – не то что бы он хотел пожаловаться на пастора, о нет, такое бы и в голову ему не пришло, но если бы можно было что-нибудь добавить, это было бы то, что он хотел быть на стороне пастора и в священных вопросах.

И сегодня пастор Симон это и имел в виду. Лукас увидел это по его глазам. *Сегодня мы будем вместе, Лукас, только ты и я.* Это он и имел в виду. Сегодня его посвятят. Сегодня он узнает тайны и услышит речь Бога. Он был уверен в этом. Они уехали из *Porta Caeli* после утренней молитвы и завтрака. Женщины здесь готовили очень хорошо. Лукас гордился пастором Симоном, ведь тот выбрал таких прекрасных женщин. Пятнадцать женщин, послушных Богу, которые хорошо готовили, убирали дом и стирали одежду – таких женщин непросто найти. Такие женщины им понадобятся, когда они отойдут на небо. Не те эгоистичные женщины, все время лежащие перед телевизором, красящиеся, как шлюхи, и требующие, чтобы мужчины делали за них всю работу.

Лукас завел машину и выехал за ворота. Бог послал им замечательную погоду, солнце поднималось выше и выше, и он все больше уверялся в том, что это случится сегодня. Сегодня его посвятят. Он точно знал это. Пастор упоминал об этом, и еще он слышал отрывки разговора пастора с Богом. Лукаса немного мучила совесть за то, что он слышал, но он просто не мог удержаться. Пастор часто говорил с Богом в своей комнате. Лукас всегда следил за тем,

чтобы приурочить мытье пола к этим разговорам пастора. Так он мог лежать и отскребать пол и одновременно наполняться словами Бога, ведь в этом нет ничего противозаконного. Это пастор оплатил Лукасу обучение на права. Так же, как он заплатил за все, что было у Лукаса. Черные костюм для особых случаев. Белый костюм для молитв. Три пары ботинок. И велосипед. Ну и, конечно, за еду и комнату в подвале прихода. Пастор богат. Бог дал ему денег. Пастор Симон был не из тех, кто не верил в деньги. Многие говорили о том, что тот, кто верит в Бога, не нуждается в деньгах, но пастор, конечно же, знал лучше. *В нашем следующем мире деньги нам не понадобятся, о нас позаботятся, но в этом мире другие правила.* Лукас не читал газет и не смотрел телевизор, но хорошо знал, что этот мир построен на деньгах. Кто-то был беден, а кто-то богат. Бедные – это чаще всего люди, наказанные Богом. Этому наказанию может быть много причин. Они могут быть геями или наркоманами, или шлюхами, или плохо говорить о Боге, Иисусе или своих родителях. Иногда Бог наказывал целые страны или континенты. Чаще всего наводнением или засухой, или другим бедствием, но чаще всего так, чтобы у них оставалось очень мало денег. Не все богатые *получают* деньги от Бога, это Лукас хорошо знал. Некоторые из них *крадут* деньги у Бога. Это нетрудно понять. Все деньги принадлежат Богу, и если у кого-то было слишком много денег, не полученных от Бога, как было у пастора Симона, значит, они получили их обманным путем и должны быть наказаны за это.

Лукас поехал по указанию пастора. Они не поедут вниз к приходу, нет, сегодня они поедут вверх, в глубь леса, к маленькому лесному озеру. Лукас припарковал машину и пошел за пастором к лавке на берегу озера. Он исподтишка взглянул на пастора. Его белые пышные волосы были похожи на антенну, Лукасу часто приходило это в голову. Подобие антенны ангела, через которую пастор напрямую связывался с Богом. Солнце стояло высоко в небе и светило в затылок пастору. По коже Лукаса бегали мурашки. Пальцы покалывало. Лукас не мог усидеть на месте. Улыбка освещала его лицо.

– Видишь дьявола в воде? – спросил пастор, показав рукой.

Лукас заглянул в озеро, но ничего не увидел. Вода была темна и спокойна, ни одной волны на поверхности. Он слышал пение птиц в лесу вокруг. Нигде никаких признаков дьявола.

– Где? – спросил Лукас, присмотревшись еще внимательнее.

Он не хотел говорить, что не видит, это было бы глупо. Может быть, это испытание. Чтобы посмотреть, готов ли он к посвящению.

– Там, – сказал пастор, снова показав на воду.

Лукас по-прежнему ничего не видел. Он не хотел ни признаваться в этом, ни обманывать пастора, поэтому продолжал смотреть. Он вглядывался в надежде, что дьявол вдруг возникнет из воды, но ничего не произошло.

– Ты не видишь его, не правда ли? – наконец сказал пастор.

– Нет, – пристыженно признался Лукас, склонив голову.

– Хочешь увидеть его?

Лукас ожидал получить нагоняй за то, что не смог разглядеть его. Пастор иногда бывал жестоким с теми, кто был далек от Бога, но он не поднял голоса. Продолжил дальше спокойным тоном.

– Я верю в тебя, Лукас, – сказал пастор мягким теплым голосом. – Но мы не можем взять с собой того, кто не видит дьявола. Если ты не видишь дьявола, ты не увидишь и Бога.

Лукас склонил голову еще ниже и молча кивнул.

– Ты хочешь пойти с нами на небо, не правда ли?

– Конечно, – пролепетал Лукас.

– Хочешь, я покажу тебе? – улыбнулся пастор.

– Покажете мне?

– Дьявола.

Лукас обрадовался и немного испугался одновременно. Скоро он уже стоял голым перед пастором. Белое худенькое тело дрожало на прохладном воздухе. Пастор долго смотрел на него, ничего не говоря. Разглядывал его с головы до пят. Лукас почувствовал желание прикрыться, ему было очень неловко, но понял, что это часть посвящения. Он должен пройти через это, чтобы подняться на уровень выше, поэтому нужно просто терпеть то, что не совсем приятно.

– Теперь спускайся в воду, – сказал пастор.

Лукас кивнул и подошел к краю воды. Опустил один палец ноги в воду, но тут же вынул его. Вода была ледяная. Большая птица взлетела с дерева и отправилась к небу. Лукас обнял свое тело руками, желая так же улететь. Тогда он сможет сразу попасть к Богу и остаться там навсегда. Не то что бы он не хотел пойти с Ковчегом. Он очень хотел пойти с Ковчегом, ведь это были избранные Богом на земле, но если

бы он умел летать, ему бы не нужно было делать такие вещи, чтобы пойти со всеми. Он взглянул на пастора, словно окаменевшего на лавке. Лукас быстро решил и зашел в ледяную воду. Было больно. Словно он стоял среди кусочков льда. Он хотел спросить пастора, как далеко нужно зайти, но пастор молчал. Он встал с лавки и подошел к воде, все еще с нимбом, освященным солнцем.

– Ты видишь дьявола? – опять спросил пастор.

– Н-н-нее-е-т, – сказал Лукас.

Он заставил себя пойти дальше, почувствовав ледяную воду на той части тела, о которой нельзя говорить, прошел еще пару шагов, и вода покрыла его до пояса.

– А теперь видишь?

Голос был уже не таким мягким, как до этого, он был холоднее, как лед, как вода. Лукас почти не чувствовал своего тела, как будто его вдруг не стало. Лукас склонил голову и покачал ей. Он почувствовал себя таким ничемным. Он не увидел дьявола. Он ничего не увидел. Может быть, он все же не заслужил пойти на небо? Может быть, он должен остаться здесь, в этом мире, вместе с ворами, шлюхами, и медленно сгореть, чтобы мясо отделилось от костей, в то время как другие направятся в вечное царство Божье?

Вдруг пастор большими шагами зашел в воду, и Лукас почувствовал твердую холодную руку на шее. Он пытался сопротивляться, но пастор был слишком силен. Пастор надавил на его шею, и вдруг Лукас оказался под водой. Голова была под водой, и он не мог дышать. Лукас запаниковал и замахал руками. Ему нужен воздух. Но пастор не отпускал. Он опускал Лукаса еще ниже.

– Видишь дьявола? – кричал он сверху.

Лукас открыл глаза, и его тело ослабло. Сейчас он умрет. Так он чувствовал. Вот зачем пастор привел его сюда в лес. Не для посвящения, а для смерти. Лукас в последний раз попытался освободиться от руки пастора, но шансов не было. Его рука была словно не человеческой, а железной лапой. Перед глазами начало мелькать. Он окружен водой. Его лишили возможности решать что-то в своей жизни. Двигаться. Дышать. Вода больше не казалась холодной. Она стала теплой. Тело стало теплым. Он видел, как шевелятся его пальцы где-то вдалеке. Пастор все время кричал, но Лукас уже не слышал, что он говорил. Он не знал, сколько уже пробыл под водой,

потому что времени больше не существовало, это была вечность. Сейчас он умрет, пришло время умереть. Нет смысла сопротивляться.

Вдруг, словно из ничего, его голова поднялась из воды в холодный весенний воздух. Лукас кашлял и отхаркивался, изо рта вышли остатки завтрака, а легкие как будто были готовы разорваться. Пастор за шею вытащил его на землю. Лукас лег, хватая ртом воздух. Он не чувствовал своего тела.

Пастор присел на колени около него и погладил по мокрым волосам. Лукас посмотрел на него выпученными от шока глазами.

– Ты увидел дьявола? – улыбнулся пастор.

Лукас кивнул. Кивок ощущался так, словно шея сейчас сломается.

– Хорошо, – усмехнулся пастор, медленно погладив Лукаса по щеке. – Теперь ты готов.

Миа Крюгер стояла в квартире Малин Штольц и поняла, почему Ким так отреагировал.

– В жизни не видел столько зеркал, – сказал Ким, все еще изумленный.

Миа кивнула. Квартира Малин Штольц была похожа на комнату кривых зеркал в луна-парке. Зеркала были повсюду. Каждый сантиметр квартиры был покрыт зеркалом. С пола до потолка во всех комнатах.

Они ждали снаружи в течение часа, но никто не объявился. Мунк принял решение войти. Миа была не совсем согласна с ним, но ничего не сказала. Она бы лучше посидела в машине и еще подождала. Это было бы лучше всего. Теперь они разоблачены. Мунк попросил полную бригаду для осмотра квартиры. Теперь полиция была повсюду, и она никогда сюда не вернется. Миа знала это, и Мунк знал это. И все же он принял такое решение. Может быть, Анетте все-таки права? Может быть, Мунк слишком близок к этому делу? Спрятанные Мириам и Марион в белой квартире во Фрогнере... И его мать, связанная с делом.

– А ты когда-нибудь видела подобное? – спросил Ким.

Миа покачала головой. Не видела. Ни разу не видела ничего подобного. Куда бы она ни пошла и как бы ни поворачивалась, она всюду видела себя. Она чувствовала сильный дискомфорт, но места для отдыха глаз не было, пропустить свое отражение было невозможно. Она выглядела уставшей. Непохожей на саму себя. Алкоголь и таблетки оставили следы, и на коже, и в таких обычно голубых глазах. Миа была отнюдь не тщеславна, но то, что она увидела, ей совсем не понравилось. А еще они потеряли Малин Штольц.

Мунк пришел из кухни тоже не особенно довольным. Тяжело вздохнув, он с потерянным видом встал перед встроенным в зеркало шкафом. Видно было, что он сам не привык так много смотреть в зеркало. Миа увидела, что он рассматривает себя. Интересно, о чем он думает?

– Я послал людей, – сказал он через некоторое время. – В Гардермуэн, на вокзал, в Торп и машины, куда нужно, но чувствую, что она снова нас обманула.

Мунк почесал бороду и снова взглянул на свое лицо в отражении.

– Миа, что это за чертовщина такая, а?

Миа пожала плечами. Она понимала, что все обращались к ней, когда дело касалось таких вещей, но в этот раз ее голова была совершенно пуста. Квартира, полная зеркал? Кому может нравиться все время смотреть на себя в зеркало? Человеку, который боится исчезнуть? Которому нужно все время смотреть на себя, чтобы знать, что она существует? Какая-то мысль начала принимать очертания, но не до конца. Она так устала. Она сдержала зевок. Пора и правда немного поспать. Со всех углов было видно, что ей нужен сон.

Глава группы обыска, низкий мужчина пятидесяти с чем-то лет, Миа забыла как его зовут, показался в дверном проеме.

– Что-нибудь есть? – с надеждой спросил Мунк.

– Ничего, – ответил тот.

– Что вы нашли?

– Нет, действительно ничего. Ни фотографий. Ни личных вещей. Ни рукописных записок. Ни газет. Ни горшков с растениями. Только немного одежды в шкафу и косметики в ванной. Как будто она тут не живет.

Вдруг у Мии случилось дежавю с острова Хитра. У нее было точно так же. Никаких личных вещей. Только одежда, алкоголь, таблетки и кофемашина. Казалось, это было очень давно. Стертое воспоминание, хотя едва прошло три недели с того дня, когда она сказала свой последний тост небу, готовая к исчезновению.

Пойдем, Миа, пойдем.

– Она здесь не живет, – сказала Миа.

– Что? – спросил Мунк.

Миа ощутила жуткую усталость, но собралась с силами.

– Она здесь не живет. Малин Штольц живет здесь, но это не она. Она живет в другом месте.

– Что ты имеешь в виду? Она не Малин Штольц?

– Нет никакой Малин Штольц, она нигде не зарегистрирована, это поддельное имя, – раздраженно сказал Мунк.

– Где же она живет? – спросил Ким.

– В другом месте, иди за мной, – прорычал Мунк.

Было видно, как сильно он вымотался.

– Здесь негде держать девочек, – сказала Миа.

Она села на стол. Была так измотана, не в силах стоять. Глаза защищало. Ей нужно выбираться из этой квартиры, пока все зеркала не треснут вокруг нее.

– Малин Штольц живет здесь. Но она – не Малин Штольц. Ее личные вещи лежат где-то в другом месте. Где она может быть самой собой. И где она держала девочек. Дача или домик на отшибе. Отмени людей в Гардермуэне и Торпе. Она не уедет из страны.

– Откуда ты знаешь? – спросил Мунк.

– Она любит быть дома, – вздохнула Миа. – Не спрашивай, почему.

– Оставим их там сегодня, – сказал Мунк. – Нам надо вернуться в дом престарелых. Кто-то должен что-то знать о Малин там.

Он повернулся к Киму.

– Организуешь? Опросишь всех сотрудников?

Ким кивнул.

– Мне нужно немного поспать, – пробормотала Миа.

– Поезжай домой, я буду держать тебя в курсе.

– Тебе и самому надо поспать.

– Я справлюсь, – сказал Мунк раздраженно.

– Ну что, сворачиваемся? – спросил коротышка.

– Нет, – сказала Миа.

– Почему нет?

– Чего-то не хватает. У нее есть место, где она прячет вещи.

– Мы все обыскали, – сказал коротышка, раздраженный комментарием Мии, будто он не знает свою работу.

Миа была не в силах быть вежливой, она слишком устала.

– Линзы, – сказала она.

– Что?

– Линзы. Она пользуется линзами. Она оставила здесь одежду и косметику, значит, оставила и линзы.

– Откуда вы знаете, что она пользуется линзами? – спросил начальник группы обыска.

Он уже поднадоел Мии.

– Я видела ее с голубыми глазами. Другие видели ее с глазами разного цвета. Здесь где-то есть линзы. Если она спрятала их, возможно, мы найдем еще что-нибудь.

– Но мы обыскали... – начал он.

– Ищите еще, – прорычал Мунк.

– Но где?

– Линзы должны храниться в холоде, – сказала Миа. – Прощупайте зеркала.

– Но...

– Начините с ванной. Должно быть место, где она прячет линзы. Прощупайте зеркала. Прощупайте... Твою мать.

Миа встала и потеряла контроль над телом на секунду. Колени подкосились, но Ким успел подхватить ее прежде, чем она свалилась на пол.

– Миа?

– Миа, ты в порядке?

Миа пришла в себя и выпрямилась. Она не любила выглядеть слабой. Не перед коллегами. *Твою мать.*

– Все нормально. Надо только немного поспать и поесть. Позвоните мне, ладно?

Пошатываясь, она дошла до двери. Выйдя из квартиры, она сразу почувствовала себя лучше. Квартира, полная зеркал. Все стены, с пола до потолка в зеркалах, кто может жить в такой?

Миа спустилась по лестнице и попросила одного из полицейских отвезти ее домой. Домой. Какой к черту это дом. Это не дом никакой. У нее нет дома. Она жила в гостиничном номере в Осло, вещи ее лежали на складе, и у нее был домик на Хитра. Вот кем она сейчас была. Никем. Вот почему так больно смотреть на себя в зеркалах.

Она пластом упала на кровать и уснула в одежде.

– Мама, что ты делаешь?

Марион посмотрела на маму, сидевшую на диване у окна. Мириам сказали не открывать шторы, но она уже больше не могла. Ей просто необходимо было выглянуть, вспомнить, что внешний мир существует.

– Просто смотрю в окно, милая, почему ты встала?

Марион подошла и села на коленки к маме.

– Не могу уснуть.

– Тебе нужно спать, – сказала Мириам, погладив дочь по волосам.

– Да, но ведь я не могу спать, если я не сплю? – сказала Марион, наклонив голову.

– Это называется «уснуть», милая, – сказала Мириам, улыбнувшись.

В последнее время дочка стала не по годам рассудительной. Мириам говорили, что она сама была такой же в детстве. Упрямая и своенравная. Рано повзрослела. Она вздохнула и снова задвинула шторы. Она многое помнила из детства. После развода многие из воспоминаний просто исчезли. Мама с папой собиралась развестись. Она помнила, как начала сомневаться в пятнадцать лет. Она думала так: они врали все это время. Но это было давно. Она была зла. Очень зла. В основном на отца. Холгер Мунк, следователь по делам об убийстве. Она так гордилась им все эти годы. *Мой папа – полицейский. Он посадит твоего папу в тюрьму, если он сделает что-нибудь плохое.* Но он обидел ее. Он сделал так, что маме пришлось найти другого мужчину. Мужчину, к которому Мириам не имела никакого отношения. Сейчас она стала старше, конечно, но это все еще не выходило у нее из головы. Они были так близки. Она с папой. Ей уже давно очень хотелось объясниться с отцом. Сесть рядом с ним и сказать, прости, папа, прости, что я была такой строгой с тобой, но она как будто не могла этого сделать. Упрямая и своенравная. Она почувствовала: время пришло. Скоро. Скоро она скажет ему это.

– Ну скажи, мама.

– Ладно, Марион, тебе надо подняться в спальню и *уснуть*, справишься?

– Это так трудно, – сказала светловолосая девочка. – Я все время думаю о ДракуЛауре и Фрэнки Штейн. Они дома совсем одни.

Куклы, которых папа недавно купил Марион.

– О, у них все хорошо.

– Откуда ты знаешь?

– Я говорила с папой, и он сказал, что у них все в порядке. Они передавали тебе привет.

Марион улыбнулась.

– Ты говоришь неправду, мама!

– Я? Неправду? Почему ты так решила? – улыбнулась Мириам.

– Потому что они не умеют разговаривать.

– Ну они же разговаривают, когда ты играешь с ними?

– Ну, мама, это же мой голос, ты что, не слышала?

– Твой голос? – Мириам притворилась удивленной. – А я думала, это они разговаривают...

Марион рассмеялась.

– Иногда тебя так легко обмануть, мама.

– Правда?

– Ага.

– А ты часто меня обманываешь?

– Конечно!

Марион потянулась за пледом и завернулась в него, положив голову на грудь маме. Мириам чувствовала тихое сердцебиение дочки.

– И когда ты обманываешь маму?

– Когда говорю, что почистила зубы.

– Значит, ты их не почистила?

– Почистила, но не очень хорошо.

– Значит, когда я спрашиваю, хорошо ли ты почистила зубы, ты этого не делаешь?

– Нет, – ухмыльнулась девочка.

– А как же ты их тогда чистишь?

– Ну, так, наполовину.

Мириам опять улыбнулась, погладив дочку по светлым волосам.

– Наверное, тебе нужно будет скоро постричься.

– В парикмахерской?

Мириам кивнула.

– О да, я очень хочу! Может быть завтра?

– Нет, завтра не получится. Сходим, когда вернемся домой.

– А когда мы вернемся домой?

Дочь смотрела на нее умоляющим взглядом.

– Пока не знаю, милая. Как дедушка скажет.

– У нас будет новый дом, когда мы туда приедем?

Мириам вопросительно посмотрела на нее.

– Что ты имеешь в виду?

– Ну, *move the bus!*

– Передвинуть автобус? Что это, Марион?

– Ну ты должна знать. Когда у кого-то плохой дом по телевизору, их отсылают из него и строят им новый. А когда они возвращаются, там стоит автобус, и все кричат «*move the bus!*»! И за автобусом стоит новый красивый дом, и все начинают плакать. Я очень хочу розовую комнату с кроватью под потолком, можно?

– Кровать под потолком?

– Да!

– Посмотрим. Где ты видела эту программу?

– У дедушки.

– Вы с дедушкой смотрели «Школу ремонта»?

– Я не знаю, как она называется, мама.

Мириам ведь ясно сказала отцу, какие программы можно смотреть Марион, а какие нет, но судя по всему, он оглох. Неужели он смотрит такое? Она даже представить этого не могла.

– А какие еще программы вы смотрели?

– О, не могу сказать.

– Почему?

– Мы пьем колу и смотрим телевизор – это наш маленький секрет, понимаешь, мама? Мой и дедушкин. А секреты нельзя рассказывать, так написано в законе.

– Правильно, тебе нельзя ничего рассказывать.

Марион прижалась лицом к ее шее и закрыла глаза. Большой палец устремился было ко рту, но переместился обратно на живот. Хорошая девочка. Они долго пытались отучить ее сосать большой палец. Это было непросто. Но теперь она справилась с этим. Мириам плотней укутала дочь в плед и придвинулась ближе к ней.

– Мама?

– Разве тебе не пора спать?

– Я не могу уснуть, когда разговариваю, – рассудительно сказала Марион.

– Конечно, нет, – рассмеялась Мириам.

Так глупо. Смеяться. Реагировать на нее, чтобы она продолжала дальше. Но Мириам просто не могла не делать этого. Честно говоря, она радовалась, когда дочка бодрствовала, без нее квартира была совсем пустой.

– О чем ты хотела спросить?

– Почему папа не с нами?

Мириам не знала, что ответить. Юханнес не знал, где они. Из соображений безопасности. Если кто-то способен повесить девочек на дереве, он совершенно точно сможет выведать у него, где они прячутся. Юханнес. Она с теплотой подумала о нем. Свадьбу отменили, и хотя она до последнего приводила аргументы против этого, в конце концов, сдалась. Чувства очень хотели, но разум говорил другое. Сейчас нельзя допустить церковь, полную народа. Там они не будут защищены. Всем будет плохо. Тем более что Марион – это номер пять.

Тик-так, малышка Марион – номер пять.

Папа страшно разозлился на Мию, но Мириам была благодарна ей, что узнала об этом. Лучше знать, что тебе грозит, чем ходить вслепую.

– Почему ты не отвечаешь, мама?

– Папа на работе, но он очень тебя любит, он просил меня передать тебе.

– Ты говорила с ним по телефону?

– Да, только что.

– А почему мне не дала поговорить?

– Потому что ты спала.

– Но ведь я не спала.

– А я думала, что спала.

– Это не одно и то же, мама, в следующий раз ты должна проверить, так нечестно.

Мириам улыбнулась.

– Хорошо, милая.

– Хорошо, – сказала Марион.

Девочка стащила с себя плед и вскочила.

– Пойду лягу в кровать.
– Очень хорошо, Марион. Хочешь, я провожу тебя?
– Я уже не ребенок, – язвительно сказала Марион. – Я знаю, куда идти.

Мириам засмеялась.

– Молодец. Тогда обними маму на ночь.

Девочка наклонилась и крепко обняла маму.

– Запомни, моя комната должна быть розовой с кроватью под потолком. Move the bus!

– Я скажу им, – улыбнулась Мириам и поцеловала дочку в щеку.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи.

Дочка в пижаме убежала вверх по лестнице. Мириам встала с дивана и пошла на кухню, сделать себе чашку чая. Она услышала звук сообщения на телефоне и быстро побежала обратно посмотреть, кто там.

Извини, Мириам, вам снова нужно переехать сегодня. Кое-что случилось, я объясню позже. Сейчас пришлю кого-нибудь за вами, хорошо? М.

Черт, сейчас? Марион только что легла спать. Ну-ну. Придется нести ее на руках. Что-то случилось? Но что? Она ответила на сообщение.

Хорошо :-)

Она вышла в коридор и достала чемодан. Вещей у них было немного. Пара смен белья для нее и дочери, туалетные принадлежности. Самое необходимое. Все сложить заняло всего десять минут. Она взяла чашку чая с кухни и снова села на диван. Интересно, куда они поедут. Первая квартира была маленькая, без телевизора, всего одна комната. Там ей было очень не по себе, клаустрофобия. Эта была намного больше, шикарно обставлена. Она явно использовалась важными людьми, которые хотели остаться незамеченными. Очень скрытая, идеальна для того, чтобы держаться подальше от любопытных журналистов. Как она. Поэтому она ушла из школы журналистов? Потому что журналистом быть не очень хорошо?

Потому что она хотела делать что-то более нужное? Помогать людям? Нет, не поэтому. Хорошо ли быть журналистом? Откуда эта мысль пришла ей в голову? Журналисты бывают разные, так же как учителя и полицейские. Некоторые журналисты пишут о знаменитостях. А некоторые освещают несправедливость. Вот таким журналистом хотела быть Мириам. Борься за что-то. Использовать свои способности для просвещения людей, вместо того чтобы оценивать, кто из них лучше одет и что звезды едят на Рождество.

Она как раз допила чай, когда в домофон позвонили. Мириам сняла трубку.

– Алло?

– Привет, ты готова?

– Я готова, поднимайтесь.

Она нажала кнопку и надела ботинки. Взяла чемодан и надела куртку. Она надеялась, что Марион не проснется в поездке. А то будет капризничать и опять не уснет.

В дверь осторожно постучали. Не звоня в звонок. *Молодцы полицейские*, подумала Мириам, *знают, что тут спит ребенок*. Она открыла дверь. Там стоял человек. В маске и каком-то парике. Она не успела среагировать. Человек бросил ей тряпку в лицо. Она услышала только:

– Спокойной ночи.

И все исчезло.

Миа Крюгер сидела за столиком у окна «Кафебреннери», пытаясь проснуться. Она моментально уснула в номере с включенным будильником, ее мучила совесть, поэтому она не позволила себе больше, чем пару часов сна, хотя тело было с этим не согласно и хотело попасть обратно под одеяло, в сны.

подавив зевоту, она набрала Киму:

– Ким, слушаю.

– Что-то узнали от сотрудников дома престарелых?

– Нет, – вздохнул он. – Похоже на то, что особо близко никто с ней не общался. Малин Штольц в основном держалась сама по себе.

– Ты все еще там?

– Нет, мы уже уехали. Едем встречаться с сотрудниками, у которых сегодня выходной. Может, узнаем что-то от них...

– Держи меня в курсе, ладно?

– Конечно.

Миа сдержала еще один зевок и пошла заказать вторую чашку кофе. Единственный способ быстро прийти в себя. Кофе. Много кофе. Чтобы привести голову в порядок. И тело. Ей снился лабиринт зеркал, из которого она не могла выйти, чувствуя себя запутанной и плененной. Чувство сидело глубоко внутри. Она заказала двойной эспрессо и как раз собиралась отнести его к своему столику, когда вдруг обратила внимание на двух женщин за столиком у стойки, ведущих личный разговор, но довольно громкими голосами.

Она не могла не услышать их разговор.

– Мы все перепробовали, но ничего не вышло, – сказала одна.

– Уф-ф, у тебя не получается или у мужа? – спросила вторая.

– Так и не выяснили.

– Какой ужас.

– Да, если бы не группа поддержки, я бы никогда не пережила это. Только он, он не хочет говорить об этом, – сказала первая женщина.

– И вы думаете об усыновлении?

– Я очень хочу, но он, он против, думаю. Он не хочет об этом говорить.

– Как глупо. Помочь ребенку, у которого нет родителей. Это же для всех хорошо.

– Да, я так и считаю, но он...

– Извините, – сказала Миа, подойдя к ним. – Я не хотела вам мешать, но я просто не могла пройти мимо темы вашего разговора.

Женщины посмотрели на нее.

– Вы говорили о группе поддержки? Что это за группа поддержки?

Первая женщина выглядела немного обиженной, но все же ответила.

– Группа поддержки женщин, которые не могут иметь детей. А что?

– Моя подруга... – сказала Миа, но передумала. – То есть я... я не могу иметь детей.

– Бедняжка, – сказала первая женщина, сразу изменив отношение. Она уже не была обижена – новый член в клубе.

– Это в Осло? – спросила Миа.

– Да, в Белере.

– А много таких мест?

– Да, они повсюду есть. Где вы живете?

– Большое спасибо, – сказала Миа. – Обязательно схожу туда.

– Всегда пожалуйста, – сказала женщина. – Вы думали об усыновлении?

– Подумываю об этом, – сказала Миа, забрав свой кофе со стойки. – Большое вам спасибо.

– Мы должны держаться вместе, – подмигнула женщина.

– Да, должны.

Миа мигнула в ответ и понесла чашку к своему столику. Зазвонил телефон.

– Миа.

– Это Людвиг, ты занята?

– Нет.

– Я кое-что нашел. Про общину.

– Что же?

– У нас есть на них дело. Началось несколько лет назад. Жалоба. От дома престарелых Вельвен в Хёнефоссе.

– Продолжай.

– Община уже делала это раньше. Получала наследство от стариков.

– В Хёнефоссе?

– Да, три дела. Все отозваны, решены через компромисс.

Дом престарелых в Хёнефоссе. Дом престарелых Хёвиквейен. Между ними должна быть связь.

– Ты сможешь достать списки сотрудников на нужный нам период?

– Уже работаю над этим, – сказал Людвиг.

– Можешь еще кое-что проверить для меня?

– Могу.

– Можешь посмотреть, существовала ли группа поддержки бесплодных женщин в Хёнефоссе до исчезновения ребенка?

– Конечно. Сделаю это завтра утром, как только они откроются.

– Очень хорошо. Есть что-нибудь новое по Малин Штольц?

– По-прежнему бесследно исчезла.

– Мы найдем ее.

– Если кто-то и сможет, это будешь ты, – сказал Людвиг.

– Спасибо, Людвиг.

– Не за что.

– Увидимся завтра.

– До встречи.

Миа положила трубку, осушила чашку одним глотком, надела куртку и вышла из кафе с улыбкой на лице.

Мии Крюгер ничего другого не оставалось, кроме как жалеть Холгера Мунка, когда он сидел рядом с ней на пути в общину в Белере. Они вместе работали над бессчетным количеством дел, но она ни разу не видела его таким измотанным. Он сидел с сигаретой в зубах и смотрел на дорогу пустым взглядом. Волнение поглотило обычно такого спокойного следователя. Это дело глубоко проникло в его собственную личную жизнь. Малышке Марион угрожают. Малин Штольц удалось согнуть Холгера до такой степени, что он больше не мог выпрямиться.

– Ничего по дому престарелых? – спросила она спокойно.

Мунк помотал головой.

– Похоже на то, что Малин Штольц ведет две жизни, – продолжил он. – Люди знают ее по работе, но никто не общался с ней в свободное время.

– Ты поговорил со своей матерью?

Миа не знала, удобно ли спрашивать об этом, но в сложившейся ситуации спросить было нужно, отбросив все сомнения.

Мунк кивнул.

– Человека, управляющего общиной, зовут пастор Симон.

Мунк еле смог выговорить имя. Он выглядел совершенно разбитым. Может быть, Анетте все же была права? Может быть, его стоит отстранить от дела? Сейчас она уже склонялась к тому, чтобы согласиться с этим.

– И все? Без фамилии?

Мунк вздохнул и покачал головой.

– Пастор Симон, это все. Я попросил Габриэля проверить все по нему.

– А Лукас Валнер? Она знает, кто это такой?

Мунк кивнул.

– Он помощник этого пастора.

– И ты видел их обоих?

Миа знала, что это тоже был не самый приятный вопрос, но все-таки задала его.

– Видел, издаleка, – кратко ответил Мунк, открыв окно в машине.

Он выбросил окурок и закурил новую сигарету, как раз когда они подъехали к белому зданию прихода. Если бы Миа не знала, что им сюда, она бы никогда не подумала, что это то самое место. По внешнему виду невозможно было догадаться, что это религиозное место, больше похоже на штаб-квартиру разведчиков или другое анонимное маленькое здание. Но как только они прошли ворота и зашли в дверь, она поняла: они пришли по адресу. На небольшой вывеске на двери было написано «Церковь Мафусаила», а сверху висел крест. Место выглядело пустынным и покинутым. Дверь заперта, и изнутри не доносилось ни звука.

Мунк спустился с крыльца и пошел по дорожке из гравия, ведущей к заднему двору. Миа собиралась пойти за ним, но у нее зазвонил телефон. Она раздумывала, брать ли трубку, Мунка в его состоянии нельзя упускать из виду ни на минуту, но учитывая срочность, в которой работала вся команда, не ответить было нельзя. Она увидела его спину, исчезнувшую за углом, и нажала на зеленую кнопку.

– Миа слушает.

– Это Миа Крюгер?

Незнакомый голос.

– Да, с кем я разговариваю?

– Нелегко до вас дозвониться, – вздохнул голос.

– С кем я разговариваю?

– Извините, что отвлекаю вас, – сказал человек на том конце. – Я пытаюсь найти вас уже некоторое время, но, как я уже сказал, это нелегко.

Миа зашла за угол вслед за Мунком и увидела, как он заглядывает в окно.

– Что вы хотели? – нетерпеливо спросила Миа.

– Меня зовут Алберт Волд, – продолжил мужчина. – Я церковный служащий в церкви Борре.

Церковь Борре.

На их кладбище похоронена вся ее семья.

– И что же?

– Как я уже сказал, извините, что мешаю вам, – продолжил он.

– Что-то случилось?

Мунк отошел от окна и продолжил обходить здание вокруг.

– Да, кое-что случилось. Мы обнаружили это неделю назад, и это все очень странно. Мы не знали, что еще можно сделать, кроме как связаться с вами.

– А что случилось?

Миа опять пошла за Мунком и нашла его около окна на заднем дворе.

– Было совершено осквернение могилы, – сказал церковный служащий.

– Что? Каким образом?

– Как раз это и странно, – продолжил он, – Похоже на то, что потревожили только могилу вашей сестры.

Миа остановилась, напрочь забыв, что надо следить за Мунком.

– Могилу Сигрид?

– Да, к сожалению, – извинился служитель. – Другие могилы, насколько мы можем судить, затронуты не были.

– Осквернена? Каким образом?

– Я даже не знаю, как вам сказать. Я думаю, что все это, наверное, довольно неприятно. Кто-то зачеркнул имя вашей сестры.

– Зачеркнул? В каком смысле?

– Краской из спрея. Сначала мы подумали, что это обыкновенный вандализм, такое случается, подростки все время бегают тут поблизости, но мы быстро поняли, что это что-то совсем иное, и это очень странно.

Миа искала глазами Мунка, но его нигде не было.

– Что значит «совсем иное»?

– Они написали ваше имя вместо сестры.

– Что?

– Кто-то зачеркнул «Сигрид» и написал «Миа».

По телу Мии пронеслась волна неприязни. Мунк вернулся и помахал ей рукой, призывая вернуться в машину.

– У вас есть возможность приехать? – спросил служитель.

Мунк показал на свои часы, раздраженно махая рукой.

– Я постараюсь приехать как можно скорее, – сказала Миа, положив трубку.

– Что ты там делаешь? – закричал Мунк. – Место явно заброшено. Мы должны установить слежку и за пастором, и за этим Лукасом.

– Что? – переспросила Миа, в своих мыслях.

Кто-то был на могиле Сигрид.

– Мы должны установить слежку, – повторил Мунк, уже сильно раздраженный. – Мы должны найти и допросить этих идиотов.

Мунк завел машину и поехал по Богерудвейен. Миа раздумывала, стоит ли рассказывать Мунку о разговоре с церковным служителем, но тут у Мунка зазвонил телефон. Разговор длился меньше десяти секунд. Когда он положил трубку, его лицо стало еще бледнее, чем раньше, если это только возможно.

– Что? – взволнованно спросила Миа.

Мунк не мог говорить. Он еле-еле выдавил из себя.

– Это из дома престарелых. У матери приступ. Я должен немедленно ехать туда.

– Черт подери, – прервала Миа.

– Я высажу тебя в центре. Установи слежку.

– Окей, – кивнула Миа.

Она поискала слова для выражения своего сочувствия Мунку, но так и не нашла их.

Мунк включил мигалку, вдавил педаль газа и помчался в центр.

Эмилие Исаксен сидела в машине в пути по Рингволлвейен. Она прожила в Хёнефоссе меньше года и еще плохо знала местность, и вдруг ей пришло в голову, что, наверное, быстрее будет поехать по Хаделандсвейен, а оттуда свернуть на старую Рингколлвей, куда она и направлялась. Эмилие Исаксен – учительница норвежского, и у нее много учеников из этих мест, в нескольких километрах от центра. Она переключила на вторую передачу и свернула на Йермундбувейен.

Эмилие уже в старших классах знала, что станет учителем. Она получила работу сразу после педагогического института и полюбила ее с первого дня. Многие учителя говорили с ней, когда она начала работать, давали ей советы с благими намерениями. Что важно заботиться о себе, не брать домой слишком много работы, не привязываться к ученикам, но она так не умела. Поэтому она и сидела сейчас в машине.

Тобиас Иверсен.

Она обратила на него внимание уже на первом уроке, красивый худой мальчик с умными глазами. С ним что-то было не так. Что-то, что она поначалу не могла определить. Он заметный мальчик, тут ничего не скажешь. С ним было что-то не так, да, сперва она не могла понять, но постепенно до нее дошло. Мать никогда не приходила на родительские собрания. Отчим тоже. Они не отвечали на письма. Не отвечали на звонки. Она так и не смогла связаться с ними. А потом она начала замечать синяки. На лице. На руках. Она не видела его на физкультуре, поэтому не знала, были ли они на теле, но подозревала, что синяки были повсюду. Она поговорила с учителем физкультуры, но он человек старой закалки. Дети падают и дерутся. А мальчишки-семиклассники особенно дикие. Что вы вообще такое имеете в виду? Она осторожно пыталась расспросить Тобиаса. Все ли у него в порядке? Все ли хорошо дома? Тобиас не хотел говорить об этом. Но она увидела это в его взгляде. Что-то было не так. И возможно, другие учителя смотрели на это сквозь пальцы, не хотели вмешиваться, у них своя жизнь и все такое. Но только не Эмилие Исаксен.

Он не появлялся в школе уже неделю. Она пробовала звонить им домой, но никто не брал трубку. Она осторожно расспросила других в

школе и выяснила, что и его брата тоже не было неделю. Сначала она поговорила с педагогическо-психологической службой, не называя имен, чтобы узнать, что к чему. Что обычно бывает в таких случаях? Что нужно делать? В ответ она получила довольно расплывчатую информацию, никто не хотел говорить, что нужно делать. Если нет доказательств. Надо аккуратно идти дальше. Эмилие все это слышала и раньше, но не хотела останавливаться. Что плохого может из этого выйти? Она просто хотела передать ему домашнее задание. Немного поговорить с его матерью. Может быть, договориться о встрече? Они могут провести ее и дома у Тобиаса, если матери сложно выходить из дома. Да, нетрадиционно, но она решила, что хуже от этого не будет. Она будет вежливой. Она не будет никого ни в чем обвинять. Она только хочет помочь. Все должно быть в порядке. Может быть, они все уехали отдыхать на неделю, не попросив освобождения от уроков. А может, оба мальчика болеют, в школе как раз распространился вирус весеннего гриппа. Много причин может быть.

Она ехала по Гамле Рингволлвей, пока не нашла нужный адрес. Или, может быть, это не тот адрес? Там был съезд с дороги, ведущий дальше в лес. На почтовом ящике было написано «Иверсен/Франк». Она решила припарковаться здесь и пойти пешком последний отрезок до дома. Маленький красный дом, с кучей построек еще поменьше вокруг, наверное, раньше это было небольшим хозяйством. Сейчас это склады всякого хлама. На земле лежали детали битых машин и кучи того, что она бы назвала мусором. Она подошла к входной двери и постучалась. Ответа не было. Она постучалась еще раз и услышала шаги внутри. Дверь открылась, и маленькое перепачканное личико высунулось наружу.

– Кто там? – спросил маленький мальчик.

– Привет, – сказала Эмилие, наклонившись, чтобы не казаться такой большой. – Тебя зовут Торбен?

Мальчик кивнул. На лице у него были остатки варенья, а руки были грязные.

– Я Эмилие, учительница Тобиаса, ты, наверное, обо мне слышал? Мальчик снова кивнул.

– Вы ему нравитесь, – сказал Торбен, почесав голову.

– Как хорошо. Я просто пришла узнать, где Тобиас. Он дома?

– Нет, – сказал малыш.

– А мама или отчим дома?

– Нет, – снова сказал мальчик.

Он чуть не расплакался.

– Ты один дома?

Он кивнул.

– Еды не осталось, – грустно сказал он.

– Сколько дней ты уже один дома?

– Я не знаю.

– Сколько ночей? Сколько раз было темно?

Мальчик немного подумал.

– Шесть или семь.

Эмилие почувствовала растущую внутри ярость, но не показала ее.

– У тебя есть какие-нибудь идеи о том, где бы мог быть Тобиас?

Мальш кивнул.

– Он у христианских девочек.

– Где это?

– Наверху в лесу, у Литьённа. Обычно мы там охотимся на буйволов. Я очень хорошо стреляю.

– Здорово! Это должно быть очень весело. Откуда ты знаешь, что он там?

– Он написал записку и положил ее в тайник.

– У вас есть тайник?

Мальчик улыбнулся.

– Да, только мы о нем знаем.

– Здорово! А можно мне посмотреть его записку?

– Конечно! Может, вы зайдете?

Эмилие замешкалась. Вообще-то это запрещено. Нельзя входить в чужие дома без разрешения. Она огляделась. Никаких признаков людей вокруг. Маленький мальчик был неделю один дома, ему нечего есть. Нужно помочь ему.

– С удовольствием, – улыбнулась Эмилие Исаксен и вошла в дом.

Холгер Мунк стоял у дома престарелых Хёвиквейен и ничего не видел перед собой. В последнее время накопилось слишком много. Угроза Марион. Квартира, где они должны прятаться. Они нашли Малин Штольц. Они потеряли Малин Штольц. Миккельсон звонил Мунку несчетное количество раз. Он так и не ответил. Холгер сел на стул, вытянув ноги. Вдруг он почувствовал неприятный запах, и к своему удивлению заметил, что это от него. Он дремал несколько часов в своем кресле в офисе, не успев переодеться. Потер лицо – глаза не хотели открываться. К счастью, он мог себе позволить содержать мать в этом доме. Врач приходил к ним моментально, матери даже не пришлось выходить из комнаты. С ней все было в порядке. Все оказалось не так серьезно, как они сначала подумали.

К счастью.

Холгер Мунк достал телефон и позвонил Мириам, но она почему-то не ответила. Он потряс головой и попробовал еще раз – также безрезультатно. Как это в ее характере. Упрямая девочка. Он обещал зайти принести еды, новой одежды и новых игрушек для Марион, но застрял здесь. Он послал ей смс с просьбой позвонить ему и убрал телефон в карман куртки. В коридоре было жарко. Ему стало тяжело дышать. Надо бы снять куртку, но от него пахло. Он встал и пошел в туалет. Припал к крану с водой и немного попил. Отражение в зеркале ему не понравилось. Он выглядел безумно уставшим. Квартира Малин Штольц полна зеркал. С пола до потолка. Он никогда не видел ничего подобного. Кто там может жить? Ему трудно было находиться там даже пять минут.

Малин. Мириам. Марион. Миккельсон. Мунк. Столько букв М. Он попробовал на секунду стать Мией. Одни буквы М, что бы это могло значить? Ерунда какая. Может, Миккельсон и прав. Может быть, ему нужно сложить полномочия. Голова не работала как нужно. Ему это не нравилось. Малин Штольц. Если только это ее настоящее имя. Она ударила по их самым больным местам, выбила их из колеи. Выбила его из колеи. Он больше не мог думать отстраненно. Не мог отделить чувства от разума. Он хотел было покурить на лестнице, но вместо этого выбрал пастилку от горла. Четыре девочки мертвы, и вся его

семья под угрозой. Теперь у них хотя бы есть подозреваемая. И новых похищений девочек не происходило, это странно. *Скоро все закончится*, подумал он и уселся обратно на стул. *Мы найдем ее, и все закончится*. Он и сам этого не замечал, но веки неизбежно опускались на глаза. Дверь открылась, и вышел врач в сопровождении Карен.

Мунк вскочил.

– Как она?

– С ней все нормально, – сказал врач. – Я вообще не нашел никаких признаков приступа, она всего лишь немного устала. Возможно, слишком резко встала с кровати, что угодно могло послужить причиной, но беспокоиться не о чем. Все в порядке.

У Мунка камень с души упал.

– Я могу ее увидеть?

– Я дал ей снотворное, сейчас ей нужно поспать, так что лучше после обеда, хорошо?

– Спасибо, – сказал Мунк, пожав врачу руку.

– А что со вторым? – спросил врач у Карен.

– Торкел Бинде, – сказала Карен. – Жалуется на свои лекарства. Он живет в конце этого коридора. Я вам покажу.

Карен мягко улыбнулась Мунку и пошла проводить врача. Мунк встал и вышел из здания. Закурил и набрал Габриэлю.

– Да?

– Это Холгер.

– Где вы?

– Я в доме престарелых, нужно было уладить кое-что личное.

– Я нашел видео на компьютере Сары Киесе. Оно немного повреждено, особенно звук, но у меня есть знакомый, который хорошо чинит такие штуки – ничего, если я его привлеку?

– Давай.

– Позвоню ему сейчас же, – сказал Габриэль.

Мунк положил трубку и набрал Мии. Она не отвечала. Он позвонил еще раз, но по-прежнему без ответа. Что такое с этими упрямыми девками, подумал он и тоже отправил ей смс:

Позвони мне!

Он набрал номер Людвига.

– Да?

– Это Мунк, сможешь оказать мне одну услугу?

– Конечно.

– Можешь послать кого-нибудь на квартиру во Фрогнере с кое-какими вещами для Мириам и Марион?

– Сделаю, что им нужно?

– Я пришлю тебе список сообщением, ладно? Только отправь кого-нибудь понадежнее.

– Без проблем.

– Да, и еще...

– Что?

На мгновение Мунк забыл, что хотел сказать. Потер глаза. Ему надо передохнуть, это уже небезопасно.

– Да, что у нас там по Малин Штольц?

– По-прежнему ничего. Ни в Гардермуэне, ни на вокзале Осло. Нам пока оставить там людей?

Мунк подумал о том, что сказала Миа. Что она не сбежит. Что она хочет домой. *Квартира, полная зеркал.* Его бросило в дрожь: хотя он и не хотел признавать, это оставило в нем большой след.

– Надо снять их, сделаешь?

– Хорошо.

– Вы установили слежку за этими двумя из общины?

– Да, – кивнул Людвиг.

– Хорошо.

Мунк положил трубку, выбросил сигарету и собирался зажечь новую, когда на крыльце появилась Карен.

– Холгер, с вами все в порядке?

Рыжеволосая девушка посмотрела на него с беспокойством.

– Привет, Карен, все хорошо.

– Мне так не кажется. Вы выглядите очень неважно. Вам нужно немного отдохнуть.

Она спустилась к нему на парковку. Подошла почти вплотную. Он почувствовал аромат ее духов. Его охватило странное чувство, он долго не мог понять, что это. Она беспокоилась о нем. Она заботилась о нем. Давно такого не было. Обычно он, Холгер, заботился обо всех.

– Вы очень заняты? – спросила Карен.

– Я всегда занят, – кашлянул Мунк.

- Вы не можете выделить час времени?
- В каком смысле?
- Пойдемте, – сказала Карен, взяв его за локоть.
- Куда мы идем?
- Тссс, – сказала Карен.

Она провела его за собой в дом престарелых, по коридору и в одну из пустых комнат.

– У меня нет на это времени, – начал Мунк, но она приложила палец к губам.

- Видите вон ту кровать?

Она показала на только что застеленную кровать у окна.

Мунк кивнул.

- А ту дверь?

Мунк снова кивнул.

– Я предлагаю, чтобы сейчас вы приняли душ. И прилегли поспать. Я разбужу вас через час. Никто вам тут не помешает.

- Но...

– Честно говоря, вам необходимо и то и другое, – сказала Карен, чуть сморщив нос. – Полотенце висит в ванной, – продолжила она. – Всего на час, хорошо?

Милая медсестра обняла его и исчезла из комнаты.

Поспать всего часок. От этого хуже не будет. Хорошо для головы. Хорошо для тела. Для всего хорошо.

Мунк послал Людвигу краткое сообщение со списком покупок для Мириам и Марион, не пошел в душ и, завалившись на кровать прямо в одежде, закрыл глаза.

Проснувшись, Марион Мунк не поняла, где она. Обычно она просыпалась дома, но в последние дни было по-другому, и она все время просыпалась в странных местах. Сначала маленькая квартира. Потом большая квартира. А теперь новое место.

– Мама? – осторожно позвала она, но никто не ответил.

Она села в кровати и огляделась. Комната была довольно милой. Это точно чья-то детская, предыдущие места были для взрослых, никаких тебе игрушек и детских вещей.

– Мама? – повторила она, вставая и продолжая рассматривать комнату.

В комнате были очень белые стены, такие белые, что смотреть больно, и не было окон. Марион стало жаль девочку, живущую здесь, без окон, – это, наверное, очень по-дурацки. Из окна ее комнаты в Сагене было столько всего видно. Машины, странные люди и все что угодно. А девочка, живущая здесь, ничего не видит. А еще странно, что тут нет двери.

В одном углу стоял письменный стол. С лампой. И альбом с какими-то штуками для рисования. Мама сказала, у Марион тоже скоро будет такой стол, когда она пойдет в школу, а это уже совсем скоро. На одной стене висели маленькие плакаты с буквами. На одном из них была буква «А» и рядом нарисован апельсин, а на другом буква «В» и нарисован банан. Следующую букву она не знала, или немного знала, точно – «С», а рядом нарисована знакомая газировка, та, что мама не любит, а бабушка разрешает пить, «Coca-Cola». Она почти не умела читать, разве что совсем чуть-чуть, могла прочесть несколько слов: «ма-ши-на», «я-бло-ко», «мяч». Еще мама научила ее песенке про алфавит. Она такая классная, и по ней можно выучить буквы. Алфавит. Она даже знала, как это называется. Мама так хотела научить ее читать хорошо, но потом подумала, что же скажет учитель, если Марион уже все будет уметь? Тогда ей, наверное, станет скучно? Поэтому лучше подождать, правда? Плавать она умеет. Не так много людей умеют плавать. И сама ездит на велосипеде почти без поддержки. Она единственная среди друзей, кто так умеет. Нельзя же все выучить сразу?

И тут Марион заметила, что на ней не ее одежда. Как странно! На ней же была голубая пижама! Та самая с дыркой, мама хотела выбросить ее, но это любимая пижама Марион, ей нравилось засовывать в дырку палец и засыпать, ощущая что-то вокруг него, теперь, когда она больше не сосет палец. Поначалу было очень трудно, ей так не хватало пальца во рту, и она иногда обманывала маму и папу, и все равно сосала его. Но когда Кристиан в садике сказал, что только дети сосут большой палец, она перестала. Никакой она не ребенок! Она уже плавать умеет. А кто-нибудь из них умеет плавать? Нетушки. Но тут, наверное, ничего странного, никто так часто не ходил в бассейн в Тейене, как они с мамой. Во всяком случае, она не встречала там никого из знакомых. Она посмотрела на себя и засмеялась. Одета, как на карнавал. У них был карнавал в садике. Она хотела одеться как Фрэнки Штейн, но мама была против, поэтому ее нарядили ковбоем. Девочка-ковбой. На втором месте у Марион была принцесса, но, видимо, для мамы очень важно, чтобы не только девочки делали женскую работу, ведь она много говорит об этом папе. Про мытье посуды, пылесос и крышку унитаза – наверно, это важно. Так что она была ковбоем, с пистолетом и усами и всем, что полагается. Это было не самое лучшее, но вполне ничего. А сейчас на ней большое старомодное платье, очень тесное, в нем так сложно двигаться. Только сейчас она заметила кукол на полке. Они сидели, болтая ногами. Не новые прикольные куклы, а какие-то старые, с твердыми белыми лицами, как были у бабушки в кладовке. На одной из них была такая же точно одежда, как и на самой Марион. Белое платье с кучей тружева, или кружева, или как там оно называется. Марион залезла на кровать и достала куклу. На шее у нее была ленточка с именем. Марион. Ее имя. Она хорошо знает свое имя. Умеет и читать, и писать его. Оно написано на ее шкафчике в детском саду, где висит ее одежда. Она посмотрела на других кукол, на них тоже были ленты с именами, но все незнакомые, хотя нет, одно она знала – Юханне, так звали одну девочку в ее группе. Она сидела рядом с Марион.

– Мама? – сказала Марион, в этот раз немного громче.

Никто не ответил. Может быть, она в туалете. Марион сама уже хотела писать. Она подошла к чему-то, что немного похоже на дверь, какие-то решетки без ручки, просунула пальцы в решетку, но не смогла открыть.

– Мама?

Уже очень сильно хотелось в туалет. Разве не странно, что у девочки, живущей здесь, есть ленточка с ее именем? Может быть, она очень добрая? Может она знала, что Марион приедет и сделала эту ленточку, чтобы показать, что она рада, пусть Марион поживет здесь, как обычно пишут на придверных ковриках соседи «Добро пожаловать». Добро пожаловать, я тут живу. Можешь рисовать и учить буквы.

Страшно хотелось писать.

– Мама! – закричала она изо всех сил.

Голос облетел комнату и вернулся к ней.

– Нет, теперь я *должна* пописать.

Вдруг что-то случилось за стеной. Жужжащий звук, что-то закричало. Тишина, а потом снова этот звук, сверху вниз, все ближе и ближе, как будто кто-то взял две тарелки и ударил ими друг об друга, они делали так в детском саду, когда придумывали оркестр из ничего.

Марион с любопытством рассматривала стену, пытаясь понять, откуда звук. В стене была дверная ручка. Она взялась за нее и потянула. Это дверца люка. Девочка открыла ее и вздрогнула от увиденного, не на шутку испугавшись. Там лежала маленькая обезьянка. Такая обезьянка, которую можно завести и она бьет двумя тарелочками друг об друга. Рядом с обезьянкой лежала бумажка. Она подождала, пока обезьянка закончит бить и просунула руку за бумажкой.

На ней было всего три буквы. Некоторые повторялись. Т, эту она знала. У, это тоже знакомая. К – и эту она знала. Ей *очень надо* пописать. Подогнув колени, она попыталась прочесть бумажку:

Т-у-к-т-у-к.

Она не поняла, что это значит.

– Маааааа! Я хочууу пиииисать!

Она прокричала это очень громко, но никто так и не ответил. Терпеть больше не было сил. Она подняла дурацкое платье. Под ним были странные огромные трусы. Огляделась. Вот там, под столом. Она сняла огромные трусы так быстро, как только могла, и пописала в мусорное ведро.

Миа Крюгер припарковала машину и прошла пешком последний отрезок до церкви. Церковь Борре. Красивое белое здание показалось вдалеке. Ей стало беспокойно. Четверо похорон в одной церкви. Три камня на одном кладбище. Она не была уверена, что выдержит это зрелище. Поэтому так долго ждала. А теперь там кто-то уже побывал. Осквернил камень Сигрид. Заставил ее вернуться, раньше, чем она была готова. Миа поискала глазами церковного служащего, который обещал ее встретить, но никого не было, и она нехотя, тяжелыми шагами пошла к могилам.

Она остановилась купить цветов. Почувствовала, что не может прийти без них. От запаха цветов ее чуть не затошнило. Цветы. Полный дом цветов. Сочувствующие друзья и соседи. Она продала оба дома. И их, и бабушкин. Два прекрасных белых дома посреди Осгордстранда, недалеко от того места, где жил Эдвард Мунк. Семейное наследство. Но она просто не смогла. Не хотела всего этого. Хотела забыть. Она прошла мимо колонки с водой, взяла лейку, стоявшую рядом. Ей стало стыдно. Три камня. Четыре члена семьи. Сигрид, бабушка и мама с папой. Тут была вся ее семья, а она даже не ухаживала за их могилами.

Сигрид Крюгер.

Сестра, подруга и дочь.

Родилась 11 ноября 1979, умерла 18 апреля 2002.

Помним. Любим. Скорбим.

Все было именно так, как сказал служитель по телефону. Кто-то зачеркнул имя Сигрид и подписал «Миа».

Она была больше не в силах сдерживаться. Выпустив лейку из рук и присев на колени, она заплакала. Все, что копилось, теперь нашло выход. Она так давно не плакала, не смела позволять себе погружаться в горе. Она сидела на земле, а слезы стекали по щекам.

Пойдем, Миа, пойдем.

Сигрид. Любимая, дорогая, красивая Сигрид. Помогло ли ей, что Миа застрелила этого наркомана? Ничуть. Нисколько. Только принесло больше горя. Больше покинутых. Больше тьмы. Она не хотела. Не хотела его застрелить. Она действительно не хотела его застрелить. Ее

нужно было наказать. Она не заслуживала жизни. Она заслужила смерть. Она поняла это теперь. Все эти годы она чувствовала себя виноватой, но не могла выразить это словами. Теперь она поняла. Она виновата. В том, что осталась жива. Она должна была быть со своей семьей. Там ее дом. Рядом с Сигрид. А не здесь, внизу, на этой чертовой планете, где зло и эгоизм правят всем. Нет никакого смысла бороться дальше, пытаться понять, пытаться сделать что-то хорошее. Мир – это гора мусора. Люди гниют изнутри. Ей нечего здесь делать.

Кто-то написал ее имя на камне. Кто-то за ней охотится? Хочет увидеть ее мертвой? У нее, конечно, были враги, ни одна женщина-полицейский с такой репутацией не могла бы обойтись без них, но сейчас никто не приходил ей на ум. Неприятно видеть свое собственное имя на могильном камне, но злость на того, кто осквернил могилу Сигрид, была гораздо сильнее.

Она тихо выругалась на неведомого вандала, встала и вытерла слезы. Убрала с могил листву, поставила цветы в вазу, пытаюсь сделать красиво. Погрузив пальцы в землю, она повернула вазу, так стало красивей. Пошла к тому месту, где стояла лейка. Взяла грабли. Сняла куртку и свитер. Окунула рукав свитера в воду и попробовала стереть свое имя с камня. Не стиралось. Краска из баллончика. Надо поговорить с кем-то, убрать это как можно скорее. Ее бесило, что эта надпись была перед ней и насмехалась над ней. Над обеими сестрами. В ожидании служащего церкви она убрала последние остатки листвы с могил. Надо было приходиться раньше. Уже слишком поздно. Она бормотала *Сигрид, Сигрид, прости меня*, сквозь сжатые губы, стараясь подавить новый поток слез. За вазой лежала маленькая пластмассовая капсула. Как из шоколадного яйца. Она наклонилась и подняла ее, отнесла к ближайшему мусорному ведру и выбросила. Пошла обратно к могиле, но остановилась на полпути.

Этого не может быть.

Быстро развернувшись, она вернулась к мусорному ведру и достала желтую коробочку. Открутила крышку.

Внутри лежала бумажка.

Пальцы дрожали, пока она разворачивала ее.

Тук-тук, Миа. Какая ты молодец. Но недостаточно. Ты думаешь, это та могила, но это не

так. Ты видишь меня теперь, Миа? Видишь меня?

Миа изо всех сил помчалась к машине, к своему телефону. У нее была сотня неотвеченных, но она была не в силах их смотреть. Утерев слезы, она стала звонить Мунку.

Людвиг Гренли вышел на курительную веранду Мунка, подышать свежим воздухом. Он вздохнул и потянулся. Очень устал, но не собирався ныть. В отделе были и другие, кто работал в два раза больше него. Людвигу скоро шестьдесят, и хотя никто вслух ничего не говорил, все было понятно и так. Он служил долго и верно, и теперь, если он не работал двадцать три часа в сутки, все молчали. Но сейчас дело больше было в моральном давлении, чем в физической усталости. Ни минуты покоя, всегда нужно что-то сделать. Пока серийный убийца на свободе, никто из них не будет отдыхать.

Его телефон зазвонил. Увидев знакомое имя на дисплее, он взял трубу.

– Гренли, – сказал Людвиг, потянувшись.

– Привет, Людвиг, это Кьелль.

– Привет, Кьелль, выяснил что-то?

Кьелль Мартинсен – один из старых коллег Людвига. Они работали вместе много лет, но, в отличие от Мунка, Мартинсен добровольно решил спуститься вниз по карьерной лестнице. Сам выбрал спокойную жизнь. Нашел женщину. Попросил перевести его в отделение Рингерике. Старый коллега сделал правильный выбор. Судя по голосу, он был спокоен и в хорошем настроении.

– Да, я кое-что выяснил.

– Группа поддержки бесплодных женщин?

– Да. Они называли это «группой бесед». Хайди немного работает с волонтерским центром Рингерике, так что это она навела меня на след.

Хайди – это та женщина, из-за которой Кьелль уехал из города. Людвиг и сам иногда подумывал об этом. Распрощаться со столичным стрессом и найти себе работу в маленьком местечке. Но этого так и не случилось, а теперь осталось всего ничего до пенсии.

– Она существовала с 2005 по 2007, ты про этот временной период спрашивал?

– Все верно, – кивнул Людвиг. – У тебя есть список фамилий?

– Даже лучше, я смогу достать список с фотографиями, именами и всей информацией.

– Хорошая работа, Кьелль, хорошая работа, – сказал Людвиг и пошел обратно к своему столу. – Ты по факсу пришлешь или как?

На секунду он пожалел о сказанном.

– По факсу, Людвиг? – рассмеялся коллега. – У тебя что, электронной почты нет?

– Конечно есть, я имел в виду по мейлу.

– Попрошу кого-нибудь здесь отсканировать и пришлю тебе как можно скорее.

– Отлично, Кьелль, отличная работа.

– Это вам как-то поможет? – спросил коллега уже серьезным тоном. – Народ здесь обсуждает все. Сомневается.

– Мы возьмем ее, – сказал Людвиг, тут же подумав, что, наверное, сказал лишнее.

– Ее? Штольц? Ту, чье фото вы нам пересылали? Ее ищут?

– Пока не знаю, – сказал Людвиг и, немного подумав, спросил: – Она есть на фотографиях в списке?

– Может быть, я не видел списка. Хайди ездила в центр добровольцев и забирала его, она едет сюда сейчас. Эй, Руне, у нас работает сканер или нет?

Последнее он прокричал кому-то в комнате. Получив ответ, он вернулся к телефону.

– Если Хайди права и найдет его, он будет у тебя в течение дня, хорошо?

– Замечательно.

Только он успел повесить трубку, как в двери показалась голова Габриэля Мёрка.

– Что-нибудь слышно от Мунка или Мии?

– Только что говорил с Мунком, Миа не берет трубку, а что такое?

– Я только хотел рассказать ей, что мы восстановим то видео в течение дня. Я переслал его товарищу, который рубит в этом.

– Хорошо, – сказал Людвиг, вдруг вспомнив, о чем попросил его Мунк. – Тебе, случайно, не нужно немного свежего воздуха?

– В смысле?

– Дочке Мунка нужны какие-то вещи, она в той квартире. Сможешь отвезти ей?

– Ладно, – кивнул Габриэль. – Что нужно купить?

– Подожди секунду, – сказал Людвиг, открывая список, присланный Мунком в сообщении.

Войдя в маленький домик, Эмилие Исаксен не поверила своим глазам. В коридоре было темно и все завалено вещами так, что невозможно пройти. Остальные части дома были не лучше. Остатки еды, пепельницы, мешки с мусором, которые никто не выбрасывал. Она еле-еле удержалась, чтобы не зажать нос. Тем не менее она постаралась сохранить доброе выражение лица, чтобы не подвергать мальчика еще большим переживаниям – он и так достаточно пережил. Один дома целую неделю в этой горе мусора, без еды и без присмотра. Эмилие была в ярости, но ей удалось сохранить улыбку.

– Хотите посмотреть наш тайник? – спросил малыш Торбен.

– С удовольствием, – сказала она и пошла за ним наверх по лестнице.

Похоже, счастье переполняло его оттого, что кто-то пришел в гости... Вначале, когда он открыл ей дверь, он был немного растерян, напуган, его большие глаза слезились, но теперь отошел.

На втором этаже все было так же, как на первом. Эмилие уже не могла этого вынести. Это было уже слишком. Бедность – одно дело, но это?! Первая дверь, очевидно, была в комнату мальчиков, и это место чем-то напоминало дом. Внутри пахло чистотой, комната была светлой и убранной.

– Мы прячем вещи в матрасе, на случай если придут злодеи, – улыбнулся Торбен, присев на колени перед кроватью.

Он расстегнул молнию сбоку тонкого матраса и приподнял его, чтобы Эмилие увидела.

– Это записка от Тобиаса? – спросила она.

– Ага, – Торбен энергично закивал.

– Можно мне взглянуть?

– Конечно можно.

Он засунул грязную ладошку в тайник и протянул ей бумажку.

Я ухожу в лес шпионить за христианскими девочками. Скоро вернусь. Тобиас.

– Ты знаешь, когда он это написал?

Малыш задумался.

– Н-н-нет. Но это было до того, как я вернулся домой, потому что она лежала здесь, когда я приехал.

Эмилие не смогла сдержать смех.

– Ты правильно говоришь. Когда ты вернулся домой?

– После футбольного матча.

– Что это был за футбольный матч? Можешь вспомнить?

– «Ливерпуль» против «Норвича», я смотрел матч у Класа, у них есть каналы со всем футболом, не только кубок Норвегии, а вообще весь футбол. Мы с Класом болеем за «Ливерпуль». Они выиграли.

– Может быть, в субботу?

– Наверное, в субботу, да, – кивнул Тобиас, почесав в голове.

Мальчик был весь грязный с ног до головы, и от него плохо пахло. Ему нужна ванна, чистая одежда, еда, чистое постельное белье. Сегодня пятница. Он дома один с субботы. Эмилие в растерянности сидела на полу. Что ей делать дальше? Не может же она оставить мальчика одного? И нельзя же забирать его к себе домой? Или забрать?

– Хотите посмотреть, что у нас еще есть в тайнике? – улыбнулся Торбен.

Он словно боялся, что она уже уезжает, теперь, когда она получила то, что хотела.

– Конечно, хочу, но послушай, Торбен...

– Да?

– Тобиас не приходил домой после того, как ты нашел его записку?

– Нет, никого не было дома.

– И никто не звонил?

Малыш покачал головой.

– Телефон не работает. Когда я снимаю трубку, нет гудков, а мобильный телефон очень дорогой, вы знали об этом?

Эмилие кивнула, погладив мальчика по голове.

– Да, он довольно дорогой, да и необязательно его иметь.

– Ага, Тобиас тоже так говорит.

– Кто такие эти христианские девочки?

– Мы не знаем, только догадываемся, – рассудительно заговорил Торбен. – Некоторые считают, что они едят других людей, это неправда, но мы знаем, что они не ходят в нашу школу, у них своя школа.

Эмилие знала о них все то же самое, что и остальные. Почти ничего. Они, конечно, обсуждали это с учителями, но на самом деле это все были сплетни, никто из детей не был зарегистрирован в школе, а значит это не их ответственность.

– Значит, Тобиас ушел в субботу, и с тех пор никто его не видел?

– Не знаю, в субботу ли он ушел. «Ливерпуль» выиграл 3:0. Луис Суарез забил три гола подряд. Почему у всех нет футбола по телевизору? У вас есть с собой какая-нибудь еда? Я очень люблю пиццу.

– Хочешь пиццы?

– Да, очень. Но сначала хотите кое-что покажу?

– Хорошо, – улыбнулась Эмилие.

– Это камень, упавший с луны, – сказал Торбен и показал ей черный камень с дыркой. – Он лежит тут, потому что может случиться, что они захотят его обратно, и тогда одним выстрелом мы убьем двух зайцев – увидим людей, которые там живут, правда круто?

– Да, очень круто, – немного нетерпеливо сказала Эмилие.

Тобиас Иверсен пропал семь дней назад, и никто даже не сообщил об этом. Она даже не осмеливалась думать о том, что могло случиться с этим замечательным мальчиком, который ей так нравился.

– А это секретная информация от нашего с Тобиасом знакомого полицейского. Он сказал, что мы можем звонить ему в любое время, если нам что-нибудь нужно или если мы окажемся в Осло. Мы такие герои, вы знали об этом?

– Да, я слышала, – улыбнулась Эмилие, погладив мальчика по голове.

Она еле касалась пальцами его волос. Ему нужно помыться. И поесть. И не менее важно, чтобы с ним кто-то разговаривал. Ведь они с братом нашли вторую жертву этого маньяка. На следующий день после этого у них было общее собрание в физкультурном зале, пригласили нескольких психологов, и дети могли поговорить с ними о том, что случилось, если хотели.

– Его зовут Ким, тут написано, – с гордостью показал Торбен.

Он дал ей визитку.

– К-и-м, Ким, правильно?

– Правильно Торбен, ты умеешь читать?

– Умею, – улыбнулся мальчик.

Эмилие посмотрела на визитку.

Ким Кульсе. Отдел расследования убийств. Специальное подразделение.

– Знаешь что, Торбен, – сказала Эмилие, поднимаясь.

– Нет.

– Думаю, нам нужно пойти и купить пиццы.

– Да!

Маленький мальчик весь засветился.

– Но сначала тебе нужно принять душ и надеть чистую одежду, ты сможешь сам, или мне помочь тебе?

– Конечно, я сам справлюсь, – сказал Торбен и подошел к шкафу. – Это моя одежда, – он показал на три нижние полки.

– Хорошо. Найдешь то, что тебе нужно, и сходишь в душ? А потом поедем и купим пиццу.

– Классно, – улыбнулся Торбен и сел на колени перед шкафом, выбирая нужную одежду.

– Я пойду сделаю один звонок, хорошо?

– Вы ведь не уедете?

Он посмотрел на нее испуганными глазами.

– Нет, нет, – сказала Эмилие.

– Точно?

– Абсолютно точно, Торбен.

Она еще раз погладила его по голове.

– Ты справишься с душем сам, да?

– Конечно! – сказал он, выбежав из комнаты в ванную.

Эмилие больше не хотела на это смотреть. Просто не могла больше сдерживаться. Она была в отчаянии. Братьям приходится жить в этих условиях, и о них некому позаботиться.

Она подождала, пока в ванной зашумит вода и вышла во двор.

– Отделение полиции Рингерике.

– Здравствуйте, меня зовут Эмилие Исаксен, я учитель в школе Хёнефосса, и я хочу заявить о пропаже человека.

– Подождите, я переключу вас.

Эмилие нетерпеливо ждала, пока ее переведут на нужного человека.

– Хольм.

Она представилась и объяснила, что случилось.

– А где его родители? – спросил человек по телефону.

– Этого я не знаю. Я обнаружила младшего брата одного дома, он был один целую неделю.

– А мальчик, о котором идет речь, Тобиас?

– Иверсен. Тобиас Иверсен.

– Когда его видели последний раз?

– Я не совсем уверена, но он оставил записку, ее нашли в субботу.

Записка о том, что он пошел в лес наблюдать за религиозной группой, той, что купила старый центр реабилитации, вы, наверное, слышали о ней?

– Ну да, – сказал полицейский.

На секунду он замолчал. Как будто прикрыл трубку рукой. Может быть, совещался с коллегами?

– Значит, у нас пропавший мальчик и пропавшие родители, правильно я вас понял?

Эмилие почувствовала нарастающую неприязнь к нему.

– Да, так я и сказала.

– А откуда вы знаете, что мальчик не с родителями?

– Нет, он же в лесу!

– Кто сказал? – спросил он.

– Он сам оставил брату записку.

Мужчина вздохнул.

– Я не могу принять заявление о пропаже без...

– Послушайте меня, – сказала Эмилие, теряя самообладание. – У меня тут семилетний мальчик, проживший один дома целую неделю. Его брат пропал. Родители пропали. И вы говорите, что не можете?!

Она пришла в ярость, пришлось сделать глубокий вдох, чтобы продолжить беседу.

– Нет, конечно же, мы все оформим. Я сейчас все запишу и узнаю, что можно сделать до завтра. Вы могли бы подойти к нам в участок в течение дня?

– Завтра? – прокричала Эмилие. – Вы хотите, чтобы мальчик, который неделю был в лесу, провел там еще ночь? Что, если с ним что-нибудь случилось?

– Да, конечно, ясно. Но я не могу... Что, если родители уехали в отпуск и взяли его с собой?

– Оставив семилетнего малыша одного дома?

– Случались вещи и похуже. Я возьму ваш телефон, посмотрю, что можно сделать, и перезвоню вам, хорошо?

– Перезвоните уж, – прорычала Эмилие.

Она продиктовала свой номер и положила трубку.

Габриэль Мёрк стоял на тротуаре милого райончика во Фрогнере у подъезда и ждал ответа из домофона. Он был немного зол на Людвиг за то, что тот послал его сюда. Он не понял, почему должен идти в магазин и покупать что-то. Он, конечно, не был высшим по званию в отделе, он только что начал, но, говоря по-честному, можно было бы отправить кого-нибудь другого. Сейчас у него, кроме всего прочего, были дела поважнее. Он еще раз оглядел улицу и снова позвонил в дверь. По-прежнему нет ответа. Милый двор. В лучшей западной части города. В каждой квартире большие комнаты и веранды, выходящие в парк. Он подумал о своей девушке и малыше в ее животе. Вначале он ужасно переживал. Где они будут жить? Как будут оплачивать счета, когда родится ребенок? Нужно так много всего купить, он чувствовал себя полным дураком во всем этом. Ничего не знал о детях. Младенец и коляска – это было для него так странно. Но теперь все поменялось. Теперь у него появилась работа. Возникла из ничего. Крутая работа. И важная. Он никогда не думал, что будет чувствовать такое. Полиция ведь была врагом, во всяком случае, для хакеров, которых он знал. Но они просто не знали, о чем говорят. Они не были знакомы с Мией Крюгер. С Холгером Мунком. С Карри. И с Анетте. И с Людвигом. И с Кимом, и со всеми остальными. Они не знали, что это такое, работать с коллегами. Приходить в офис, быть частью чего-то, где люди улыбаются и здороваются и где каждый знает, что он – часть команды, и что другим нравишься ты и твоя работа. Он чувствовал себя внутри всех новостей. Раньше он никогда особенно не интересовался новостями, но когда они о твоей работе, это совсем другое дело. Оборудование, которое он получил от компьютерщика в Грэнланде, такое классное. У него никогда в жизни не было денег купить такое себе. Он чувствовал себя почти как ребенок в первые дни после Рождества.

Он снова позвонил в дверь, подумав о том, что они купят себе. Какую квартиру. Для этой части города у них, конечно, не хватит средств, но, может быть, что-нибудь милое на другом конце? Не нужно сада и прочего – главное, чтобы свое. Он с радостью думал об этом. Табличка с их именами на двери. Здесь живут Габриэль и Туве, имя

ребенка они еще не обсуждали. Он собирался позвонить еще раз, но вдруг дверь открылась, и оттуда вышла пожилая женщина. Он улыбнулся, придержал перед ней дверь и проскользнул в коридор. Он поднял сумки с покупками на третий этаж. Людвиг сказал, что это последняя по коридору квартира. Он хотел позвонить в дверь, но увидел, что она приоткрыта.

– Тут кто-нибудь есть? – осторожно спросил он.

Нет ответа.

– Тук-тук? – крикнул он снова и осторожно открыл дверь.

Он занес вещи в прихожую.

– Я принес кое-какие вещи от Холгера Мунка.

Тут он заметил тело.

Какого черта?

Он бросил пакеты, набрал 112 и бросился к девушке, лежащей на полу.

Миа Крюгер сильно превышала скорость, но выбора не было. Она совершила ошибку, вот что она сделала. *Не тот Мунк*. Преступник охотился не за Холгером. Он охотился за ней. Она тихо выругалась, обогнав трейлер. Еле успела вернуться на свою полосу. Трейлер злобно засигналил ей вслед, а она еще сильнее утопила педаль газа. *Не тот Мунк*. Не Холгер. Эдвард Мунк. Осгордстранд. Это она. Миа Крюгер. Она была целью. Не Холгер. Ей стало стыдно. Она совершила ошибку. Черт побери, почему Мунк не берет трубку? Она обогнала еще одну машину, на этот раз автодом и, выкрутив руль одной рукой, вернулась на свою полосу, опять на волоске от столкновения со встречными. Она прижала телефон щекой, подумала использовать рацию, но не стала. Никогда не знаешь, кто тебя слушает, а она не хотела, чтобы кто-нибудь слышал, о чем она будет говорить.

Она собиралась еще раз набрать Мунку, когда позвонил Габриэль.

– Где Мунк? – спросила Миа.

– Где вы? – переспросил Габриэль.

– Я еду в офис, где Мунк?

– Черт его знает. Он не берет трубку, черт побери, Миа.

Только сейчас она услышала, что с ним что-то не так.

– Что случилось?

– Марион пропала.

– Ты шутишь?

– Серьезно.

Габриэль начал заикаться.

– Я пришел к ним в квартиру с покупками и нашел ее на полу.

– Кого ее?

– Его дочь.

– Мириам?

– Да.

Твою мать. Твою мать, черт бы побрал.

– Она в порядке?

Миа снова выехала на встречу и обогнала три машины подряд.

– Она дышит, но спит.

Наркоз. Она же говорила, что за ними должен смотреть служащий днем и ночью!

– И никаких следов Марион?

– Ничего, – сказал Габриэль.

Он чуть не плакал.

– Ты прослушиваешь телефон Мунка? Последний раз, когда я говорила с ним, он ехал в дом престарелых. У его матери случился удар.

– У его матери?

– Забудь об этом пока. Мне нужно достать его немедленно.

– Я не в офисе. Я во Фрогнере.

– Поезжай в офис, – сказала Миа, посигналив мотоциклисту, еле ехавшему перед ней.

– Мы... рабо... умень... шу...

– Я тебя не слышу, повтори.

Наконец она обогнала мотоциклиста и снова прибавила газу.

– Мы работаем над видео, уменьшаем шум.

– Хорошо, когда будет готово?

– Как только успеем.

– Да, но когда?

Она была раздражена, но осадила себя. Это не его вина. Он отлично поработал.

– Я точно не знаю, – сказал Габриэль.

– Поезжай в офис и позвони мне оттуда.

Она отключилась и позвонила Людвигу.

– Где тебя носило? – сказал коллега. – Тут черт-те что творится! Ты уже слышала?

– Да, я в курсе, где Холгер?

– Понятия не имею, он не берет трубку, ты далеко от офиса?

– Минут двадцать-тридцать.

– Черт побери, Миа. Это просто ад, черт.

В этом не было никаких сомнений. Малышка Марион была в безопасности, а теперь она пропала.

Она положила трубку и набрала номер справочной. Начался дождь. Капли тяжело падали на лобовое стекло, делая видимость хуже и хуже. Она на полную включила дворники, не отпуская педаль газа.

– Справочная, оператор 1881, слушаю.

– Вы можете переключить меня на дом престарелых Хёвиквейен?
– Хотите услышать номер?
– Нет, чтоб вас, просто соедините меня с ними! – прорычала Миа и притормозила, заметив опасный край дороги.

Очень долго ответа не было. Казалось, прошла целая вечность.

– Дом престарелых Хёвиквейен, меня зовут Биргитте, слушаю.
– Добрый день, это Миа Крюгер. У вас там случайно нет Холгера Мунка?

– Он был здесь некоторое время назад.

– А сейчас он там?

– Нет, я его не видела.

Чтоб им всем сгореть в аду.

– Карен там?

– Да, Карен здесь, сейчас позову ее.

Прошло миллион секунд. Больше всего Мии хотелось завывать в трубку. Она переключила дворники на еще более быстрый режим, чтобы хоть что-нибудь видеть впереди. Прошло еще миллион секунд, прежде чем пришла Карен.

– Это Карен, слушаю вас.

– Карен, добрый день, это Миа Крюгер.

– Добрый день, Миа, рада вас слышать.

– Вы видели сегодня Холгера?

– Да, он был у нас чуть раньше. У его матери случился удар, но к счастью ничего серьезного. Врач дал ей снотворное и...

– Ага, хорошо, – прервала ее Миа. – А сейчас он у вас?

– Нет, он уехал.

– Вы знаете, куда?

– Нет, не знаю. Он был очень усталым, и я сказала ему...

Миа выругалась про себя. У нее нет на это времени.

– ... и я разбудила его через час. Он все равно выглядел плоховато, но..

– Но вы не знаете, куда он уехал?

– Нет. Ему позвонили, и он выбежал из здания, даже не попрощавшись.

– Ладно. Спасибо.

– Миа... – начала Карен, как только Миа собралась положить трубку. – Я не знаю, насколько это важно, но...

- Но что?
- Ее машина здесь.
- Чья машина?
- Малин. Малин Штольц. Ее машина стоит здесь.

Пошел такой ливень, что Мии пришлось сбросить скорость. Капли барабанили по стеклу, почти как град. Она увидела, что машины впереди тормозили перед красным сигналом светофора, и тоже сбросила газ. Выдохнула. Мунку кто-то позвонил. Кто? Кто-то ему позвонил, и он побежал. Холгер никогда не бегают. Он даже не попрощался. Побежал. Кто мог заставить Мунка побежать?!

Преступник.

Конечно. Марион пропала. Преступник позвонил Холгеру. Холгер не позвонил никому из команды. Убежал, ничего не сказав. Марион. Ни за кем другим он не побежал бы.

- Миа, вы здесь?
- Извините, Карен, что вы сказали?
- Нет, это, наверное, неважно, я потом расскажу.
- Что вы сказали? Ее машина?
- Да, она стоит у нас на парковке. Не знаю, что это может

значить...

- Что за машина?
- Белый «ситроен».

Белый «ситроен».

Миа выглянула в окно, пытаясь понять, где она. Шлепенден. Она недалеко.

- Я сейчас приеду, – сказала она. – Машина закрыта?

– Я не знаю, – сказала Карен. – Но ключ может висеть в шкафу в комнате для персонала. Она немного рассеянная, часто теряет и оставляет вещи, помню, как она говорила о...

– Хорошо, Карен, – прервала ее Миа. – Сможете поискать ключ для меня? Я скоро буду.

Она положила трубку и набрала Анетте.

- Анетте.
- Привет, это Миа.
- Миа, это ты! Где ты была?
- В Осгордстранде. Мунк не звонил тебе?
- Нет, ты уже знаешь?

- Да, это ужас.
- Полное дерьмо.
- Миккельсон здесь. В бешенстве.

Миа подумала, что ей абсолютно насрать, что там думает Миккельсон.

- Кто сейчас за главного? – спросила она, ища глазами съезд.
- Миккельсон.
- Но он же ни черта не знает, Анетте. Ты должна рулить.
- Что ты хочешь, чтобы я сделала? И вообще где ты?
- Скоро буду в Хёвике. Мы нашли машину Штольц, есть что-нибудь новое по ней?
- Ничего. Что мне делать?
- Насядь на Габриэля, пусть достанут GPS-координаты этого чертова видео. И спроси, следит ли он за телефоном Мунка. Я думаю, ему позвонил преступник и он на пути туда.
- Окей. Что еще?
- Мы должны...

Миа нашла съезд на Хёвиквейен и свернула. Сильный ливень кончился, и теперь она видела дорогу.

- Должны?
- Но она так и не вспомнила, что хотела сказать.
- В общем, проследи за тем, чтобы они доделали это видео как можно скорее. И нашли координаты Мунка по его телефону.
- Хорошо. Ах да, у Людвига кое-что есть для тебя.
- Что?
- Фотография. Группа бесед из Хёнефосса.
- Гениально.* Она догадалась, и догадка оказалась верной.
- Попроси его прислать ее мне на телефон.
- Ладно.
- Точно ничего про Штольц?
- По нулям.
- Ладно, я скоро буду. Перезвоню тебе, если найду в машине что-то важное.

Лукас сидел на лавке у воды, завернувшись в плед. Он надел сухую одежду, но все еще не мог до конца согреться. Пастор Симон держал его под водой. Он чуть не утонул. Пастор Симон спросил, видит ли он дьявола, а он не видел, и тогда пастор опустил его в воду. Лукас был в замешательстве. Сначала пастор держал его под водой, а теперь пришел с сухой одеждой. У него была сухая одежда в машине. И плед. Пастор запланировал это? Зачем он это сделал?

Пастор Симон вернулся из машины с едой и термосом. Сел рядом с Лукасом. Бутерброды с коричневым сыром. Открутил крышку термоса и налил в чашку горячее какао.

– Пей и ешь, – сказал пастор.

Лукас сделал глоток какао и почувствовал, как тепло разлилось по горлу. Он медленно ел бутерброды под присмотром пастора. Пастор не говорил ни слова. Он сидел, сложив руки, и мягко смотрел на Лукаса. Лукасу все еще было немного страшно, но он чувствовал себя уже намного лучше. Пастор не отводил от него глаз ни на секунду. Обычно он смотрел поверх головы, в небо, а не так, как сейчас, – пристально, прямо в глаза. Постепенно тепло возвращалось в тело Лукаса. Он попробовал встретиться глазами с пастором, но получилось только отчасти. Он съел все бутерброды и выпил три чашки какао. Только тогда пастор заговорил.

– Бог послал своего сына, Иисуса единородного, на землю, чтобы искупить грехи человеческие. У людей был шанс спасти Иисуса, но вместо него они выбрали разбойника Варавву.

Лукас слабо кивнул.

– Что это говорит о людях? – спросил пастор.

Лукас не ответил. Он не хотел отвечать неправильно, чтобы потом снова оказаться под водой. В теле все еще ощущалась паника.

– Что люди не знают, что для них лучше, – продолжил пастор. – Им нельзя решать за себя. Ты понимаешь это, правда, Лукас?

Лукас кивнул. Об этом они говорили и раньше. Люди не знают, что для них лучше. Поэтому Бог выбрал тех, кто отправится на небо. Только особенных. Избранных. Тех, кто это понял. Сорок человек из

общины. И некоторых других, из других концов мира, с кем они встретятся позже.

Пастор Симон посмотрел прямо на Лукаса, взяв его за руку.

– Я – Бог, – сказал пастор.

Лукасу снова стало тепло. Внутри начало покалывать сильнее, чем когда-либо. От кончиков пальцев ног, к ступням, коленям и бедрам, животу, груди, шее и наконец к лицу, прямо к ушам.

– Я – Бог, – сказал пастор. – А ты мой сын.

Лукас открыл рот.

– Ты мой сын, Лукас. Ты новый Иисус.

Лукас чуть в обморок не упал. Пастор – это Бог. Ну конечно же. Теперь все встало на свои места. Вот почему, когда он разговаривал с Богом у себя в кабинете, он разговаривал сам с собой. Пастор – это и есть Бог. А он, Лукас, – его сын.

– Отец, – сказал Лукас благоговейно и поклонился.

– Сын мой, – сказал пастор, опустив руку ему на голову.

Лукас почувствовал жар руки Господа на своем затылке.

– Ты прошел испытание, – сказал пастор. – Ты вложил свою жизнь в мои руки. И я надеюсь, теперь ты мне веришь. Я мог убить тебя, но я этого не сделал. Потому что тебе суждены большие дела перед тем, как мы поедем домой.

– Домой? – осторожно переспросил Лукас.

– На небо, – улыбнулся пастор.

– Я действительно новый Иисус? – заикаясь, спросил Лукас.

Пастор кивнул.

– Двадцать семь лет назад я послал тебя на землю.

Лукас не мог поверить. Конечно! Все стало понятно. Вот почему у него нет родителей!

– И я снова нашел вас, отец, – благоговейно кивнул Лукас.

– Ты снова нашел меня.

– Но ведь первый Иисус совершил великие дела, а что сделал я?

– Ты совершишь, – улыбнулся пастор. – Сегодня.

– Сегодня?

Пастор улыбнулся и снова пошел к машине. Он вернулся с небольшим пакетом в руках и аккуратно положил его на лавку.

– Это мне?

– Открой, – сказал пастор.

Трясущимися пальцами Лукас открыл пакет. Увидев, что внутри, он поднял глаза на пастора.

– Пистолет?

Пастор кивнул.

– Что я должен сделать?

Пастор наклонился к нему, взял за руку.

– На прошлой неделе в Дом Света пришел нарушитель.

– Кто?

– Мальчик, посланник дьявола.

Лукас почувствовал, как в нем растет гнев. Дьявол послал им мальчика, чтобы помешать отъезду домой. Он знал это. Пастор и Нильс все время молчали в последние дни.

– Но, к счастью, я сильнее дьявола, – улыбнулся пастор. – Я понимаю его, а он меня не понимает.

Конечно, подумал Лукас.

Deo sic per diabolum.

Путь к Богу лежит через дьявола.

Понять дьявола. *Научить его чувствовать.* Вот что имел в виду пастор.

– Где сейчас этот мальчик?

– Он заперт в убежище.

– И что мы будем с ним делать?

– Ты убьешь его, – сказал пастор.

Лукас взглянул на пистолет и медленно кивнул.

– Есть только маленькая проблема. Он забрал Радел. Мою Радел.

– Вот дьявол, – фыркнул Лукас.

– Так что будь осторожен. Убей мальчишку, но не причини вреда Радел. Она нужна мне на небе.

– Я буду стараться изо всех сил.

Лукас поклонился и поцеловал руку пастора. Пастор поднялся. Лукас убрал пистолет обратно в пакет и отнес в машину.

– Когда мы попадем на небо, ты получишь свою собственную Радел, – сказал пастор.

– Правда?

– Конечно. Слышал про тех маленьких ангелочков, висевших на деревьях?

– Девочек, о которых все говорят?

– Именно, – кивнул пастор. – Мы встретимся с ними на небесах. Ты можешь выбрать одну.

Собственную девочку? Но ему не нужны никакие девочки. Ему достаточно Бога. Что ему делать с маленькой девочкой? Лукас не стал перечить пастору. Он пристегнулся, завел машину, и они медленно поехали обратно.

Ким Кульсе сидел на заднем ряду в переговорной и слушал, как все катится к чертям. Не для него, а для Мии с Мунком. Наверное, из-за того, что ни одной, ни другого не было на месте. Если бы они были здесь, они ответили бы на вопросы Миккельсона. Миа куда-то пропала на весь день, но сейчас Анетте уже успела с ней поговорить: Миа была в Осгордстранде и ехала обратно. От Мунка до сих пор не было никаких вестей.

Ким вздохнул и забарабанил пальцами по столу. Он мельком взглянул на Миккельсона, ходившего вперед-назад перед доской, нахмурив брови и сложив за спиной руки. Как какой-то учитель. А они – ученики, которым сейчас достанется. Ким перевел взгляд на Карри, тот беззвучно одними губами произнес *бред собачий* и закатил глаза. Ким отвернулся, чтобы не засмеяться, – он был полностью согласен. У них страшно много работы. Никто в команде не мог спокойно сидеть на месте. Даже Людвиг, собирающийся на пенсию, ерзал на стуле, как нетерпеливый мальчишка. Хуже всего было Габриэлю Мёрку. Его вытащили из его кабинета, где он разговаривал по скайпу с товарищем, чистившим видео от шума. Парень ездил туда-сюда на стуле и выглядел так, словно сейчас взорвется.

– Ну что? – сказал Миккельсон. – Все в сборе?

Никто не ответил. Если Миккельсон был учителем, то они – непослушными учениками, которых посадили в этот класс за неуважение к старшим. Комната была минным полем. В воздухе висело раздражение.

– Кто может дать новую информацию?

Миккельсон надвинул очки на нос и уставился на присутствующих. Никто не ответил. Забастовка против учителя продолжалась – по-детски, ну и пусть. В этой маленькой комнатке собрались самые преданные друзья и коллеги Мунка и Мии. И никто не хотел их дискредитировать.

– Где Холгер Мунк? Где Миа Крюгер? – спросил Миккельсон.

Наконец встала Анетте.

– От Холгера ничего не слышно, – спокойно ответила она. – С Мией я только что говорила.

– Местонахождение?

– Она едет сюда.

– А Мунк?

– Мы не можем до него дозвониться уже некоторое время. Но у Мии есть теория.

– Конечно же, у нее есть теория, – сказал он с сарказмом, но аудитория его не поддержала. – И на чем же она строится?

– Что Мунку позвонил преступник, – продолжила Анетте. – Что тот сказал ему приехать одному, и он поехал.

– Но ведь все телефоны на прослушке, есть ли какое-то доказательство этому?

– Нет, – сказал Габриэль. – До момента отключения телефона ничего подобного не зафиксировано.

– Преступник ведь мог связаться с ним и другим способом, правда? – спросил Людвиг осторожно.

– Как, например? – спросил Миккельсон.

– Ну, я не знаю, у Мунка ведь есть почта в телефоне? А личные мейл-аккаунты типа gmail и подобных – у нас же нет к ним доступа?

Гренли с сомнением посмотрел на Габриэля. Он знал, что тот принадлежал к другому поколению полицейских и надеялся, что он не ошибается.

– Все, что мы делаем в интернете, отслеживается? Надеюсь, что нет, – сказал Карри с сарказмом.

Из разных концов комнаты послышались смешки.

– Нет, к этому у нас нет доступа, – сказал Габриэль.

– Значит, он мог получить сообщение, – сделала вывод Анетте, – из-за которого он вынужден был поехать куда-то один.

Миккельсон вздохнул.

– И вот так мы работаем?

Он обвел взглядом собравшихся, снова не получив желаемой реакции.

– Вот так мы работаем? – повторил он чуть громче. – Нет, совсем не так. Мы команда. Команда! Здесь нет места непонятным операциям в одиночку. Здесь мы должны все сообщать друг другу и работать сообща. Неудивительно, что вы так ничего и не нашли.

– Вообще-то, мы кое-что нашли, – кашлянув, взял слово Людвиг.

Киму очень нравился Гренли. У того были все качества, необходимые для работы в специальном отделе. Это даже странно, в отделе сменилось много сотрудников, ни один из них просто не подошел. Никто так и не понял, что собственно нужно иметь для этой работы. Дело не в способностях, не в возрасте, не в образовании и опыте и не в специальности – нет, это просто какая-то химия. Молчаливое согласие. Так делаем, а так не делаем. У него было много очень способных коллег, которые так и не почувствовали себя дома. Кто-то не переносил рожу Мунка. Или считал Мию Крюгер незаслуженно расхваленным следователем. Ким долго работал с ними обоими. И он не мог вообразить себе работы лучше во всем мире.

Людвиг представил Миккельсону краткий обзор того, что они нашли и выяснили. Малин Штольц. Квартира, полная зеркал. Связь между домом престарелых Хёвиквейен и группой поддержки бездетных женщин в Хёнефоссе, видео Сары Киесе, которое, если бы Миккельсон не настоял на этом собрании, они бы уже восстановили и получили бы GPS-координаты места, где Штольц держит Марион.

– Ну-ну, – сказал Миккельсон, поправив очки. – И где мы сейчас?

– Можно я пойду?

Эту реплику произнес Габриэль Мёрк. Ким Кульсе улыбнулся про себя. Ему нравился этот паренек. Он возник ниоткуда и очень быстро стал частью команды. Все в стиле Мунка. Он так же нашел Мию – из ничего. Говорят, она даже полицейскую школу не окончила.

– Причина? – нахмурился Миккельсон.

– Если Мунк уехал встречаться с преступником, было бы неплохо узнать, где он находится. Мы сейчас чистим видео, у меня есть друг, который спец по таким штукам. Скоро у нас будут GPS-координаты. Может, лучше потратить время на это, чем сидеть тут?

– А как вас звать, еще раз? – спросил Миккельсон, сняв очки.

– Габриэль.

– Какой, говорите, у вас опыт работы в полиции?

– Две недели, – ответил Габриэль, не изменившись в лице.

– А у меня двадцать лет, – сказал Миккельсон, снова надев очки. – Вам не кажется, что я лучше знаю, на что тратить время, а на что нет?

Попытка сарказма опять разбилась о камни. Ким увидел, как Карри подмигнул Габриэлю. Тот в ответ пожал плечами.

– Анетте? – окликнул Миккельсон, ища себе помощника.

– Габриэль прав, – сказала она, встав. – Видео Киесе очень важно и должно быть сейчас на первом месте. Если Мунк не поставил нас в известность о своих делах, потому что Малин Штольц выдвинула ему ультиматум, это вполне понятно. Он любит свою внучку. Я бы поступила точно так же.

Ким увидел, как Миккельсон меняется в лице. Если он думал, что взял Анетте Голи в союзники, он ошибался. Карри подмигнул Киму, тот улыбнулся в ответ.

– Ну-ну, – сказал Миккельсон, покопавшись в каких-то бумагах на столе. – И что же мы будем делать?

Ким Кульсе отключил звук на своем мобильном, но забыл выключить вибрацию. Телефон вдруг подпрыгнул на столе перед ним и на дисплее высветился неизвестный номер.

– И? – раздраженно сказал Миккельсон, посмотрев на него.

– Я должен ответить.

– Сейчас?

– Да, – ответил Ким.

– То есть... – начал Миккельсон.

Ким вышел из комнаты, не слушая продолжение. Он зашел в кухню и налил себе чашку кофе.

– Ким Кульсе.

В трубке раздался женский голос.

– Здравствуйте, меня зовут Эмилие Исаксен.

– Вот как, добрый день. Чем я могу вам помочь?

Ким открыл холодильник и достал молоко. В чем Миа была права, так это что невозможно пить кофе на работе таким, каким он выходит из кофеварки.

– Я нашла вашу визитную карточку в матрасе. Я не знаю, что мне делать. Я подумала, может быть, вы поможете мне.

– Вполне возможно. В чем вам нужна помощь? – сказал он, налив в кофе молока.

Тобиас дал Радел плед и выключил фонарик. В землянке стало совсем темно, но выбора у них не было. Нужно экономить батарейки, да и глаза быстро привыкли к темноте. Тобиас не знал, сколько дней они уже заперты в этом убежище, по его предположению, дня четыре, может, пять. В тот вечер он открыл люк и посмотрел вниз. Он прошептал имя Радел, девочки, с которой он недавно познакомился, христианской девочки, что была у забора и просила о помощи. А потом кто-то подошел и толкнул его вниз. Ему стало страшно и досадно, да и ударился он ощутимо. Он долго катился вниз по лестнице и наконец упал в черную дыру, приземлившись на бетонный пол. К счастью, не на голову или руки, лестница немного замедлила падение, и он упал на бок, и было не очень больно, только немного ныло в бедре и в ноге.

– Давай еще попробуем открыть люк? – сказала Радел мягким голосом в темноте. Он различал ее силуэт, она сидела недалеко.

– Я думаю, нет никакого смысла, – сказал Тобиас.

Он не хотел казаться подавленным, но они пробовали много раз, последний – пару часов назад. Он взобрался вверх по лестнице и надавил плечом на люк, но тот не сдвинулся с места. Он был закрыт снаружи, и наличие отмычки им не помогло, ведь замок висел с другой стороны.

К счастью, у них была еда. И плед. И фонарик, хотя и нужно было экономить батарейки. Они были в убежище. Девочка по имени Радел все ему объяснила. Она много раз была тут. Здесь запирали непослушных детей. Обычно они сидели тут не так долго, в зависимости от проступка. В этом месте явно много видов наказаний. Не разговаривать неделю – одно из них. Поэтому Радел общалась с ним записками у забора. Она умеет говорить, она не потеряла голос, как Тобиас сначала подумал. Поначалу он решил, что она глухонемая, как Вождь Бромден из «Пролетая над гнездом кукушки», но нет, она отлично умела говорить, после того как кто-то толкнул его вниз, к ней, она только и делала, что говорила. Тобиасу нравилось слушать ее голос. Она говорила не как все девочки в его классе, не кривлялась и не несла всякий бред. Радел говорила правильно, почти как взрослая.

Она также знала, где что лежит в убежище. Там были коробки с едой и большие бутылки с водой и бензином, и одеждой, и вообще всем необходимым. Правда, они не нашли батареек, но и они должны быть где-то тут.

Тобиас и раньше бывал в убежище, у них было такое в школе, они прятались там по учебной тревоге. Служба гражданской обороны проводила такие учения в Хёнефоссе: они должны были выстроиться в длинный ряд и спуститься вниз, притворяясь, что наступила война. В школьном убежище были только несколько старых физкультурных матов и клюшек для хоккея на траве, а здесь – все, что только возможно. Первые дни ему было страшно, но теперь страх отступил. Ведь ничего опасного не случилось, а они уже долго тут сидели. В конце концов за ними придут, говорила Ракел, они всегда приходят. Больше всего Тобиас переживал за своего братика. Торбен, наверное, испугался, придя домой и никого не застав дома. Он написал ему записку и оставил ее в матрасе, который застегивается на молнию, в их с братом тайнике. *Я иду шпионить за христианскими девочками, скоро вернусь*, – написал он. Он надеялся, что это поможет.

– Я думаю, Бога больше нет, – сказала Ракел, взяв его за руку.

Тобиас и раньше держал девочек за руку, но это было по-другому. Ракел нравилось подолгу держать его за руку, а ему нравилось держать ее. У нее теплые и мягкие пальцы, а когда они придвигалась поближе, он чувствовал тепло всего ее тела. Здорово сидеть вот так вместе. Он бы хотел сидеть так подолгу. Если бы они не были замурованы под землей.

– А я не верю в Бога, – сказал Тобиас снова.

Они говорили об этом много раз. Видимо, это было важно для Ракел. Говорить о Боге. Иногда ему казалось, что она говорила в основном сама с собой, но он все равно старался отвечать на ее вопросы.

– Ведь если бы Бог существовал, он бы не позволил людям делать мерзкие, уродливые вещи, ты не согласен?

Ракел села поближе к нему и чуть сжала его руку. Он в ответ сжал ее руку. Они так иногда делали.

Все будет хорошо. Мы вместе.

– С этим я согласен, – сказал Тобиас, хотя ему и было все равно, есть Бог или нет.

В школе их учили, что существует много богов, в разных частях мира верят в разные вещи. Но это не его любимый предмет, и он не особенно много раздумывал об этом.

– А во что верить, если больше не веришь в Бога? – спросила Ракел.

– В Супермена? – пошутил Тобиас. Он делал так, когда брату становилось скучно, чтобы он почувствовал себя лучше.

– В кого? – переспросила Ракел.

Она действительно не знала, кто это. Она знала очень мало. И не слышала ни о чем.

– Это очень сильный человек. Он умеет летать.

– Но ведь никто не умеет летать? – спросила она удивленно.

– Ну да, он тоже не умеет летать, но ведь его не существует на самом деле, он герой из комикса.

– У нас есть комиксы про Иисуса, – сказала Ракел и замолчала.

Тобиасу стало немного жаль ее. Нет, у него тоже было не так много всего, у других в классе были айфоны, айпеды и компьютеры и все самое новое, но у него, по крайней мере, были телевизор, книжки и комиксы. А у Ракел ничего этого не было.

– Как думаешь, когда нас выпустят? Сколько максимум здесь сидели?

– Я точно не знаю, – сказала Ракел. – Девочка по имени Сара сидела здесь около двух недель, но когда я пришла, ее здесь не было.

– Что она сделала?

– Говорят, пыталась сбежать.

– Как ты?

– Да.

Становилось холоднее. Может быть, потому что на улице уже вечер. Тобиас накрыл плечи кусочком пледа. Ракел подвинулась еще ближе и обернула его всего пледом. Они посидели так еще какое-то время, плотно прижавшись друг к другу и крепко держась за руки. Ракел положила голову ему на плечо, и скоро Тобиас услышал ее глубокое дыхание. Уснула. Тобиас не двигался, чтобы не разбудить ее. Закрыв глаза. Вскоре и он уснул. Не глубоко, как дома в кровати, а так, задремал. Он не понял, что уснул по-настоящему, пока его не разбудил громкий звук. Он вздрогнул и увидел, как наверху открывается люк.

Наконец-то, подумал он, когда сверху свет фонаря осветил убежище.

Тобиас Иверсен разбудил девочку с милыми веснушками и встал.

Дождь перестал, когда Миа свернула к дому престарелых Хёвиквейен. Выйдя из машины, она увидела, как темные облака плывут по небу в сторону центра.

Когда она вошла, Карен стояла за стойкой ресепшен. На том же месте, где стояла Малин, когда Миа обнаружила диплом Вероники Бах по канасте. Боже мой, каким же тормозом она была. Ничего не поняла. Может, она вообще больше ни на что не годится. Не поняла она и того, за кем охотится Штольц. За Мунком – да не тем Мунком. Эдвард Мунк. Вот почему она оставила трупы в форте Исенгран. «Матери Мунка». Миа Крюгер тоже работала над делом в Хёнефоссе. Из-за этого? Полицейский и девушка? Она должна была лучше понимать? Должна была найти маленькую девочку, потому что она сама девочка? Она больше не могла думать ясно. Поездка на кладбище лишила ее последних сил. Бабушка умерла. Папа умер. Мама умерла. Сигрид умерла. Она осталась одна. Миа радовалась, что все закончилось. Живя на Хитра, она иногда сомневалась, сделала ли правильный выбор. Умереть. Покинуть этот мир. Может быть, нужно было думать иначе? Но теперь уже нет. Теперь она уверена. Она все правильно выбрала. Ей не нужно было уезжать с острова. В голове пронеслась картинка с таблетками на столе. Она почувствовала, что ждет не дождется их.

Пойдем, Миа, пойдем.

Сначала найти Марион. Собрать в кулак последние силы и найти улыбчивую малышку. Любимицу Холгера Мунка. Которую все они так полюбили. Найти Малин Штольц. Она подумала о Холгере, который исчез после звонка. Она надеялась, что с ним все в порядке. Может быть, он даже взял Малин. Нашел внучку. Миа через силу улыбнулась. Не хотела показывать, как плохо ей было на самом деле.

– Добрый день, Карен.

– Добрый день, Миа.

– Хорошо, что вы позвонили, спасибо. Извините, если была не очень вежлива, завал на работе.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросила Карен.

Ей нравится Мунк, подумала Миа. Это очевидно.

– Да нет, обычный стресс, – соврала Миа. – Вам удалось найти ключ?

– Да, он у меня. Только накину куртку.

Она исчезла в задней комнате и тут же вернулась уже одетая.

– Давно стоит тут ее машина?

– Не могу сказать, – сказала Карен, показывая путь через запасной выход к парковке. – Сегодня утром я пошла выбрасывать мусор – вообще-то это не моя обязанность, вы понимаете, но иногда мы это делаем, когда особенно много работы. Вот тогда я и увидела ее, не знаю, сколько она тут уже стоит.

– Почему она не отогнала ее домой?

– Понятия не имею, – сказала шустрая медсестра, войдя в гараж.

Легкой походкой, Миа, легкой походкой.

Слова бабушки на смертном одре. Миа уже не чувствовала легкой походки. Карен примерно ее ровесница. Может быть, чуть постарше, но выглядит гораздо лучше. Моложе. Красивее. Ни морщинки. Ответственность за мир не лежит на ее плечах. Медсестра в доме престарелых. Совсем не то что следователь по делам об убийстве. Миа закончила в этом мире. Она почувствовала это. Продержалась, сколько могла. Была Мией Лунный Свет. Полное одиночество. После поездки на кладбище она поняла. Что ей не нужно больше бороться. Она снова взяла себя в руки и улыбнулась милой девушке. Мунк и Карен. Она надеялась, что у них все получится. Что им будет хорошо вместе. Он по-настоящему заслужил это.

– Вот ее машина, – улыбнулась Карен, показав на белый «ситроен» в углу. И добавила: – А вот и ключ.

Миа открыла машину и заглянула в салон. На первый взгляд ничто не указывало на то, что это машина серийной убийцы. Все выглядело совершенно обычным. Пакет из «МакДональдс». Газета. Миа обошла машину и открыла багажник. Ничего особенного. Аварийный знак. Пара сапог. Черт, а что она вообще-то ожидала? Что Штольц оставит здесь что-то из вещей девочек? Она слишком умная. Циничная. Холодная. Годами планировала. Она бы не оставила следов в машине. Она была даже на могиле Сигрид. Миа пришла в ярость от этой мысли. В кармане завибрировал телефон. Людвиг. Значит, она еще существует. Она рада, что оказалась права. Группа бесед для бездетных женщин. Приятно осознавать, что раскопала хотя бы что-то.

Она достала телефон и открыла ММС от Людвига. Фотография. Группа бесед в Хёнефоссе. *Рождественская встреча—2005*. Она сразу ее узнала. Малин Штольц. Не с разными глазами. С двумя голубыми глазами. Линзы. Миа увеличила изображение. Так странно. Она выглядит совершенно обычной. Обычная девочка, которая хочет детей, но не может их иметь. Улыбаясь, одной рукой обнимает девушку рядом с собой. Девушку рядом. Миа чуть передвинула изображение на дисплее и рассмотрела.

Какого черта?!

Она повернулась, но было уже слишком поздно. Женщина на фото. Женщина сзади нее. Она почувствовала, как в шею вошла игла шприца, а затылок ударился об открытую крышку багажника.

– Досчитай до десяти, и ты уснешь, – улыбнулась Карен. – Так они обычно говорят. Правда, здорово? Один, два, три...

Миа Крюгер отключилась на цифре шесть.

Анетте Голи не нравился настрой в переговорной. Миккельсон пришел и захотел руководить делом. Не имея ни малейшего представления ни о чем, он не сможет вдохновить команду на работу. Она начала раздражаться. Им нужно работать, идти дальше, у них нет времени все пересказывать Миккельсону. И куда подевалась Миа? Она же только что говорила с ней. И зачем Мунк отключил телефон? Потому что он ехал на встречу с преступником – возможно, но почему не оставить телефон включенным? Чтобы они могли следить за ним? Она размышляла про себя и не услышала слов Кима.

– Обязательно делать это сейчас? – спросил Миккельсон. – Разве у нас нет дел поважнее?

Ким вздохнул.

– Есть, но я подумал, что тут может быть связь.

– И в чем же связь?

Анетте Голи взяла себя в руки, чтобы ничего не сказать. Миккельсон ничего не знал.

– Тобиас Иверсен – это мальчик, нашедший тело Юханне. А теперь он пропал. Я только что говорил с его учительницей, никто не видел его уже неделю. И он оставил брату записку, что уходит посмотреть на секту в лес.

– Это может быть чистой случайностью, – сказал Миккельсон.

Анетте не выдержала.

– А может значить очень многое. Если речь идет о секте в лесу прямо рядом с местом, где убили Юханне, обязательно нужно проверить. Мы знаем, что здесь явно замешана община, пока не знаем как, но должны выяснить.

Миккельсон посмотрел на нее и немного подумал.

– Ладно, ладно, – наконец сказал он. – Но не трать на это слишком много времени. И будь на связи, если вдруг понадобишься.

– Окей, – кивнул Ким.

Он отдал честь и вышел, с благодарностью подмигнув Анетте. Она улыбнулась и подмигнула в ответ. Ей нравился Ким Кульсе. Ей все нравились в их команде. У Мунка есть свои слабые стороны, но выбирать людей он умел. Она никогда раньше не работала в такой

сплоченной и целеустремленной команде. Правда, в данный момент не столь целеустремленной, к сожалению. Миккельсон хорошо смотрится в кресле начальника в Грэнланде, но не может быть следователем и лидером команды. Не хватает таланта общения. Недостаточно чувствительные антенны. Такая обычно увлеченная команда выглядела так, словно они хотели оказаться где угодно, лишь бы не в переговорной. Ничего удивительного. У них миллион дел, а время неумолимо убегает. Никто ничего не видел у квартиры, где жили Мириам и Марион. Марион бесследно исчезла. Анетте подумала о Мунке. Возможно, сейчас он там. Один, без прикрытия, в опасности, но зато там. Там ли он? Анетте не могла понять.

– Что у нас есть касательно Марион Мунк? – спросил Миккельсон в тот момент, когда зазвонил телефон Анетте.

Миккельсон злобно посмотрел на нее.

– Это дежурные из Грэнланда, – сказала она. – Я должна ответить. Анетте, – представилась она, сняв трубку.

– Добрый день, это Хильде Мюр, тут кое-кто хочет поговорить с вами.

– Лично со мной?

– Нет, с одним из вас. Я звонила Мунку и Мии, но не дозвонилась. *Не дозвонилась до Мии? Где она?*

– Я сейчас очень занята, это должно быть очень важно!

– О, думаю, это достаточно важно.

– Кто там?

– Малин Штольц.

Анетте чуть не уронила телефон.

– Что вы сказали?

– У меня тут Малин Штольц.

Анетте так растерялась, что забыла ответить. Она отсоединилась и вбежала в переговорную с криком:

– Мы взяли Штольц!

– Что? – спросил Миккельсон. – Где, когда?

– Она в Грэнланде. Карри, поедешь со мной.

– Едем, – сказал Карри, накидывая куртку.

Холгер Мунк сел в кровати. У него страшно болела голова и пересохло во рту. Он удивленно огляделся. Больничная палата. *Дом престарелых*. Он все еще в доме престарелых Хёвиквейен.

Но какого черта?!

Он резко встал, но тут же вынужден был сесть обратно. Голова кружилась, комната плыла перед глазами. Окно. На улице темно. Вечер. Он проспал весь день. В кровати дома престарелых, в одежде. Он пошарил в карманах, но не нашел телефона. Что за чертовщина? Где Карен? Почему она его не разбудила? Он снова попытался встать, на этот раз успешно. Доковылял до двери и попытался открыть ее, но она не поддавалась. дверь заперта снаружи. Он поискал замок изнутри, но его не было. Кто-то запер его. *С ума все походили*. Холгер почувствовал подступающую панику, поняв, что произошло.

Твою мать.

Он стал стучать кулаком в дверь и лихорадочно кричать:

– Помогите!

Он отчаянно барабанил.

– Есть здесь кто-нибудь?

Он поискал в карманах пальто, брюк. Вернулся к кровати и стал искать в ней. Телефон бесследно исчез.

Дверь открылась и заглянула медсестра, которую он раньше не видел. Она испуганно посмотрела на него.

– Кто вы? Что вы здесь делаете?

– Мунк, полиция Осло. Отдел убийств, – пробормотал он, протискиваясь мимо нее. – Вы не видели Карен?

– Карен? – переспросила напуганная медсестра. – Она закончила смену, а что?

– Мне нужно воспользоваться вашим телефоном, – сказал Мунк и шатаясь пошел вниз к ресепшену.

– Но подождите, вы не можете просто так...

– Я Мунк, из полиции, моя мать живет здесь, – сказал он.

Он снял трубку и остановился в недоумении. Ох уж эти современные технологии, ни одного номера наизусть не помнишь. Он набрал справочную и попросил переключить его на полицию

Грэнланда. Услышав ответ, попросил перевести на специальный отдел. Людвиг снял трубку.

– Гренли.

– Это Мунк.

– Где тебя черти носили, Холгер?

– Нет времени объяснять, Миа там?

– Нет, ее нет.

– Что значит «нет»? Где она?

– Не знаю, но здесь ее нет.

– Черт подери. А Габриэль на месте?

– Мунк? – сказал Людвиг.

– Переведи меня на Габриэля, он наверняка следит за ее телефоном, дай мне Габриэля.

– Мунк?

– Черт, Людвиг, дай мне Габриэля.

– Твоя внучка пропала, – сказал Людвиг на другом конце.

Мунк затих.

– Марион пропала, – продолжил Людвиг. – Кто-то похитил ее из квартиры. Но все наладится, Мунк. У нас есть Малин Штольц. Она сама пришла. Слышишь? У нас Малин Штольц. Анетте и Ким сейчас допрашивают ее. Все будет хорошо.

Мунк медленно просыпался. Как медведь после спячки.

– Это не она, – прорычал он.

– В каком смысле?

До Мунка дошло.

– Пришли машину.

– Но Мунк...

– Пришли машину! – прокричал Мунк в трубку.

– Хорошо, но где ты? – прокричал Людвиг в ответ.

– Извини, – сказал Мунк, почувствовав дрожь во всем теле. – Дом престарелых Хёвиквейен. Пришли машину, Людвиг. Я не могу сесть за руль. Пришли машину.

Он бросил трубку и выбежал в темноту.

В новой комнате для допросов в подвале полицейского участка в Грэнланде чувствовались одновременно напряжение и облегчение. Они так долго ее искали. Сначала как невидимое лицо, серийного убийцу, о личности которого они не имели никакого представления, и постепенно она превратилась в девушку с разными глазами, живущую в квартире, полной зеркал. И вот она здесь. Всего в метре от них. Анетте изучала ее взглядом, пока Карри наливал очередной стакан воды. Малин Штольц. Анетте не знала, чего она ожидала, но, наверное, не этого. Малин была очень рассеянной и слабой. Длинные черные волосы падали на бледное лицо. Тонкие пальцы, еле поднявшие стакан воды к сухим губам.

– Спасибо, – осторожно сказала Малин Штольц, опустив голову.

Анетте стало чуть ли не жаль ее.

– У вас есть право на адвоката, вы знаете об этом? – спросил Карри.

Малин кивнула.

– Мне он не нужен, – еле слышно сказала она.

– Он вам пригодился бы, – заметила Анетте.

Малин Штольц подняла на нее взгляд. Голубой и карий глаза смотрели так, словно в них не было ни малейшего желания жить.

– Мне он не нужен, – повторила она и провела худой рукой по черным волосам. – Я скажу все, что знаю.

– Подозреваемая отказывается от права на юридическую помощь, – сказал Карри в микрофон на столе.

– Вы уверены? – спросила Анетте.

Малин Штольц опять кивнула, так же осторожно, как и до этого. Она такая хрупкая. Анетте не могла в это поверить. Она почти прозрачная, как стекло. Анетте подумала, что если бы она сейчас повысила голос или щелкнула пальцами, девушка разлетелась бы на кусочки.

– Я скажу все, что знаю. Но я хочу, чтобы вы позвонили одному человеку.

– Кому? – резко сказал Карри.

Анетте сделала ему знак успокоиться. Нет причин для агрессии. Малин Штольц уже сломлена.

– Я больна, – сказала Малин. – У меня болезнь. Я хочу, чтобы вы позвонили моему врачу, ладно?

Малин снова посмотрела на нее, теперь уже умоляющим взглядом.

– Конечно, – кивнула Анетте. – Какой номер?

– Я помню его наизусть.

Карри перебрал блок листочков через стол. Его телефон запищал. Карри проверил сообщение, а Малин написала номер на листочке. Подняв брови, он показал телефон Анетте. СМС от Людвиг.

Мунк едет.

Анетте улыбнулась и передала телефон обратно. Мунк вернулся. *Наконец-то.* Анетте взяла листочек у Штольц и передала Карри.

– Позвонишь?

Карри кивнул и вышел из комнаты.

– Хотите еще воды? – спросила Анетте, когда они остались наедине.

– Нет, спасибо, – вяло сказала Малин, склонив голову.

– Что у вас за болезнь?

– Они не знают. Но это что-то с головой. Я нездорова на голову. Иногда я не знаю, кто я такая. Но они не выяснили, что это за болезнь.

– Где Марион Мунк? – спросила Анетте.

– Кто?

Малин Штольц удивленно посмотрела на нее.

– Марион Мунк. Вы забрали ее из квартиры, правда ведь? Где она?

– Кто? – опять спросила Малин.

Она выглядела по-настоящему удивленной.

– Вы ведь знаете, почему вы здесь?

– Знаю.

– И почему же?

– Мы обманывали стариков.

Теперь удивилась Анетте.

– Что-что?

Малин посмотрела на нее.

– Мы обманывали стариков. Мы не хотели. Просто так сложилось. Карен и я. Нам нужно было собрать денег. Я хотела усыновить ребенка. Это не так просто, когда ты одна и нездорова. Знаете, как дорого и сложно усыновить ребенка?

Теперь Анетте и правда не понимала, о чем говорит Малин.

– Вы сейчас не в себе, Малин?

– Что? Я?

Малин Штольц резко села и огляделась.

– Вы сейчас Малин или вы кто-то другой?

– Меня зовут не Малин.

– Как же вас тогда зовут?

– Меня зовут Майкен Стурбергет, – сказала Малин Штольц.

– Тогда почему вы называете себя Малин Штольц?

– Это была идея Карен, – кивнула девушка.

Майкен Стурбергет. Анетте была по-настоящему в замешательстве, но не показала виду.

Вернулся Карри.

– Я поговорил с вашим врачом. Он просил передать вам привет и сказать, что они уже едут.

Он полностью выключил агрессию. И это было вполне объяснимо. Сейчас, когда Малин Штольц сидела перед ними, можно было усомниться, что она та, кого они ищут. Если, конечно, она не профессиональная лгунья. Что вполне возможно. Она сама сказала, что у нее болезнь. Что иногда она не в себе. Но за годы работы Анетте видела много врунов, и если Штольц была одной из них, она была необыкновенно искусной. Анетте выключила диктофон и на минуту вышла. Вытянула Карри в коридор, оставив Малин одну.

– Что сказал врач?

– Она говорит правду, – кивнул Карри. – Ее таскали по больницам с детства. Если это и правда был врач, то дело принимает такой оборот, что я ни в чем уже не уверен.

– Он сказал, что с ней?

– Он обязан хранить врачебную тайну, но явно дал понять, что она ку-ку.

– Карри...

– Психически больна, черт возьми, Анетте, эта дамочка убила четверых детей, а я должен следить за выражениями?

– Проверь лицензию врача. И пусть кто-нибудь выяснит, что у нас есть по Майкен Стурбергет.

– Кто это?

Анетте кивнула в сторону комнаты допросов.

– Штольц?

– Так она говорит. Проверь, ладно?

– Хорошо.

Анетте вернулась в комнату и включила диктофон.

– Пятница, 4 мая 2012 года, точное время 22:40, адвокат полиции Анетте Голи допрашивает Малин Штольц.

– Майкен Стурбергет, – сказала Штольц, вдруг засомневавшись.

– Как вы хотите, чтобы мы вас называли?

– Думаю, Майкен, – сказала Малин.

– Тогда будет Майкен. Хотите еще воды, Майкен?

– Нет, спасибо.

– Вы знаете, почему вы здесь, Майкен?

– Да, потому что мы с Карен обманывали стариков. Мне очень жаль.

– Нет, Майкен, вы здесь не поэтому.

– Не поэтому?

Ранее Малин Штольц, а теперь Майкен Стурбергет странно посмотрела на нее.

– Вы уверены, что не хотите получить адвоката?

– Да, уверена, но почему я здесь?

– Вас подозревают в убийстве четырех шестилетних девочек. И в похищении шестилетней Марион Мунк.

– О... нет-нет-нет... нет...

– Вам нужно сесть, Майкен.

– К этому я не имею никакого отношения!

– Сядьте, пожалуйста, Майкен.

– Нет-нет-нет... нет-нет, это не я. Я ни при чем.

– Давайте вы сядете, а я вас выслушаю, хорошо? – сказала Анетте как можно более дружелюбно, держа палец у кнопки под столом.

Она решила звать охрану только в случае крайней необходимости.

Майкен Стурбергет посмотрела на нее и решила сесть обратно.

– Майкен?

– Да?

– Давайте пока забудем про то, что я сказала, хорошо?

– Хорошо? – сказала Майкен вопросительным тоном, вытирая слезы.

– Расскажите то, что начали.

– Про стариков?

– Кто такие старики?

– В доме престарелых. Я познакомилась с Карен в Хёнефоссе. В группе бесед для бесплодных. Мы подружились. Это она все придумала, она сказала, что знает кого-то.

– Кого?

– Священника. Или поначалу он не был священником, по-моему, он продавал машины, но потом стал священником и стал брать деньги у умирающих людей.

– Наследство?

Майкен немного замешкалась.

Миа сообщила команде про общину, которая пыталась обмануть мать Мунка.

Майкен кивнула.

– Мы забирали деньги у всех, кто...

– Кто?..

– ... ну, понимаете, у всех, кто мог поверить в жизнь на небесах...

Видно было, что ей очень стыдно. Она заламывала свои худенькие ручки.

– И сколько это продолжалось?

– О, долго. Очень долго. Мы многих обманули.

Дверь открылась, и вошел Карри. Анетте нажала на кнопку записи.

– Время 22:57. Следователь Юн Ларсен только что вошел в комнату. Допрос Малин Штольц, Майкен Стурбергет продолжается.

Она посмотрела на Карри, тот кивнул.

– Все это правда, – кратко сказал он.

– Так кто такая Карен? – спросила Анетте.

– Вы не знаете Карен?

– Какую Карен? – спросил Карри.

– Нет, мы не знаем Карен, – сказала Анетте.

– Я знаю Карен, – сказал внезапно появившийся Мунк.

Анетте даже не слышала, как он вошел.

– 22:59. Руководитель специального отдела, Холгер Мунк, только что вошел в комнату допросов.

– Где Карен? – спросил Мунк, садясь за другой конец стола.

Майкен Стурбергет стало стыдно, когда пришел он. Они были знакомы. И Майкен участвовала в попытке обмануть его семью.

– Простите меня, Холгер, – замямлила Майкен, опустив глаза в пол. – Я просто хотела ребенка. Почему у всех остальных есть дети, а у меня нет?

– Все в порядке, Малин, – успокоил ее Холгер и положил руку ей на плечо. – Мне только нужно знать, где Карен.

– Майкен, – поправила Анетте.

– Что? – переспросил Мунк, повернувшись к ней.

Анетте и раньше видела шефа уставшим, но не таким. Он с трудом сфокусировал взгляд. Если бы она не знала, что он никогда не пил алкоголь, подумала бы, что он пьян.

– Майкен Стурбергет, – сказал Керри, успокаивающе кивнув Мунку.

– Майкен? Хорошо, Майкен. Где Карен?

– А, нет, нет, – сказала Майкен и начала раскачиваться на стуле.

– Мунк... – начала Анетте, но он не хотел ее слушать.

– Мне нужно знать, где Карен, вы понимаете? Скажите мне сейчас же!

Мунк наклонился и потряс худенькую девушку за плечи. Майкен инстинктивно закрыла лицо руками.

– Нет, нет, нет...

– Мунк, – строго сказала Анетте.

– Где Карен?! – заорал Мунк, тряся девушку.

– Мунк! – заорала Анетте.

– Где Карен?!

Мунк с усилием тряс Майкен. Анетте как раз собиралась встать, но Керри опередил ее. Крепкого телосложения полицейский схватил Мунка сильными руками и вывел из комнаты.

– Вы в порядке, Майкен? – спросила Анетте, когда они остались одни.

Девушка подняла взгляд и медленно кивнула.

– Мне нужно отойти поговорить с ними, и я вернусь, хорошо?
Она снова кивнула.

– И, знаете...

– Да?

– Все наладится. Я вам верю.

Майкен вытерла слезу и слабо кивнула.

– Спасибо вам.

Анетте улыбнулась, положила руку ей на плечо и вышла.

– Какого хрена, Мунк?

В коридоре Карри все еще крепко держал Мунка.

– Извини, – пробормотал Мунк. – У нее Марион. У Карен. У нее моя девочка. У нее Марион.

– Успокойся, – сказал Карри.

– Отведи Майкен в камеру, – сказала Анетте. – Я займусь Мунком.

Карри недовольно кивнул, отпустил Холгера и пошел в комнату допросов, оставив их одних.

– Ты в порядке, Холгер? – спросила Анетте, положив руку на плечо шефу.

– У нее моя девочка.

– Кто такая Карен? – спросила Анетте.

– Работает в доме престарелых, – пробормотал Мунк. – У нее моя девочка, Анетте. Моя девочка.

– Мы найдем ее, – сказала Анетте, и тут у нее зазвонил телефон. – Анетте.

– Дайте мне Холгера, – выпалил запыхавшийся Габриэль Мёрк на другом конце.

Она протянула телефон Мунку.

Он выслушал краткую информацию и почти сразу положил трубку.

– Видео Киесе. У нас есть GPS-координаты. Возьми с собой Карри, ладно?

Толстяк-полицейский побежал по коридору, даже не дождавшись ответа.

Миа Крюгер проснулась от звука, похожего на крик чаек. Она снова на острове. В доме, который она купила, чтобы быть одной. Чтобы убежать от людей. Чтобы убежать от самой себя. Она залечила себя, почти до смерти. Море. Воздух. Птицы. Покой. Она отправится к Сигрид. Тяжело быть одной. Когда не осталось никого из твоей семьи. Все мертвы. Слишком тяжело, когда нет никого, кто тебя понимает. Сигрид всегда понимала. Замечательная, милая, добрая Сигрид. Мии даже можно было ничего не говорить. *Я понимаю, Миа*. Она даже рта не успевала раскрыть. Теплый добрый взгляд за светлыми волосами.

Теперь она осталась одна. Больше нет уверенности. Нет покоя. Только этот дом и чайки. Умная и храбрая Миа Крюгер, *Миа Лунный Свет*, индианка с ярко-голубыми глазами, один из лучших в стране следователей по делам об убийствах. Осталась чудачкой на пустынном острове.

Миа почувствовала сухость во рту. Попыталась открыть глаза, но это давалось ей с трудом. Переход от сна к реальности в режиме слоу-моушн с фоновой музыкой. Радио. Миа остановилась. Попыталась снова. Но веки отяжелели, не только веки, но и все тело не слушалось. Миа медленно проскользнула обратно в сон, кофе готов, слышно, как пар выходит из кофемашины в доме на Хитра.

– Привет-привет, Миа.

Миа подняла веки и увидела перед собой Карен Нюлунд. Рыжеволосая женщина улыбалась, держа бутылку воды в руке.

– Хочешь попить? Тебя, наверное, мучает страшная жажда.

Вдруг Миа все вспомнила, тело поднялось на автомате и попыталось освободиться. У нее было что-то перед ртом, а руки привязаны к стулу. И ноги тоже. Крепко связаны. Она машинально пыталась вырваться, мускульная паника, но все бессмысленно. Она не могла пошевелить ничем, кроме головы.

– Ты такая милая, – рассмеялась Карен, помахивая бутылкой перед ней. – Долго будешь пытаться? Так весело за тобой наблюдать, продолжай.

Миа почувствовала приближающуюся панику, но смогла взять себя в руки. Отбросить страх. Сделав глубокий вдох, она осмотрелась.

Наметанный глаз полицейского. Она была в маленьком домике. На даче. Или все же в домике. Оконные рамы белые. Старые. В деревне. Она в деревне. Окна заклеены снаружи. Смотри из окна, но не в окно. Тепло и потрескивание у нее за спиной. Печь, или нет, открытый огонь. Камин! Диван. Стол. Шестидесятые. Дорожка-половик на полу. Все разноцветное. Дверь налево. Старый холодильник. Кухня. Еще одна дверь. Нараспашку. Коридор. Пара грязных сапог. Кофта. Дождевик.

– Здесь мило, правда? – сказала Карен, поставив бутылку на пол. – Хочешь, я буду показывать и рассказывать?

Миа попыталась что-то сказать, но из горла раздалось только клокотание. Во рту кляп. Она просунула язык между зубов и почувствовала вкус клея.

– Если ты хочешь попить, тебе нельзя кричать. Мы вдали от людей, так что они тебе не помогут, но я не хочу, чтобы ты разбудила ребенка.

Перед ней стоял телевизор. Нет, даже не телевизор, а монитор. Подключен к компьютеру. Клавиатура. Мышка.

Карен включила монитор.

– Смотри. Она спит. Мы должны вести себя тихо. Т-с-с-с!

Карен Нюлунд улыбнулась и приложила палец к губам. Монитор медленно включился и показал спящую девочку. *Марион*. В белой комнате. Угол изображения сверху. Веб-камера, вмонтированная в потолок.

– Разве она не милашка? – улыбнулась Карен.

Медсестра села на стол и осторожно провела рукой по монитору.

– Нельзя будить спящего ребенка.

Карен сделала шаг вперед и рывком вытащила кляп изо рта Мии. Миа закашлялась. Ее затошнило. Болела шея. Хотелось вытошнить все.

– Вот, попей немножко, – сказала Карен, приставив бутылку к ее губам.

Миа жадно открыла рот, вливая в себя все что могла, остальное стекало по свитеру вниз и на ноги.

– Хорошая девочка, – сказала Карен, вытирая остатки воды с ее подбородка тыльной стороной ладони.

– Что ты с ней сделала? – рывкнула Миа.

Голос был странным и хриплым.

– Ну что ты такое говоришь? – улыбнулась Карен. – Я ничего с ней не делала. Я убью ее, это верно, но не сделаю ей ничего плохого.

– Черт тебя подери, – прохрипела Миа, сплюнув.

Карен отошла в сторону, увернувшись от плевка.

– Что за гадость, Миа? Хочешь кляп обратно или будешь хорошо себя вести?

Миа почувствовала накатывающую ярость, но в последнюю секунду сдержалась.

– Я буду хорошо себя вести, – сказала она тихо. – Извини.

– Так-то лучше, – улыбнулась Карен и снова села.

– Почему я?

– Ну как так, сразу к делу? Разве это не скучно? – засмеялась Карен. – Давай сначала поиграем? Я люблю играть. Играть – это весело. Ты так не думаешь? Ты не любишь играть, Миа? Миа Лунный Свет, такое милое имя. Маленькая индианка в плену, очень подходит, правда?

Миа не ответила. Она закрыла глаза и опустила голову на грудь. Карен поднялась и подошла к ней.

– Миа? Миа? Сейчас нельзя засыпать, мы будем играть.

Миа открыла глаза и плюнула Карен прямо в лицо.

Карен не была готова к этому и изменилась в лице за долю секунды. Улыбка стерлась. В глазах засверкали молнии.

– Ах ты сука!

Карен Нюлунд подняла руку и ударила Мию по лицу. Удар вышел сильным. Миа отклонилась назад, перед глазами замелькало.

Когда она снова открыла глаза, гротескная улыбка Карен вернулась.

– Хочешь пирога? – спросила Карен, наклонив голову. – Я испекла его специально для тебя.

– Что ты за тварь такая?

– Никаких ругательств. Это правило. Договорились? Это правило нашей игры.

Миа, сдержавшись, кивнула. Еще раз огляделась. Острым полицейским глазом. Она в плену. Далеко от людей. Привязана. Отговориться. Единственный способ. Сыграть в игру.

– Это хорошее правило, – тихо сказала Миа, выдавив улыбку.

– Хорошо, – сказала Карен, захлопав в ладоши. – Кто начнет? Давай я начну?

Миа кивнула.

– Я выросла в этом доме. Здесь жила я, моя мама, моя сестра и тот, чьего имени мы не называем.

– Твой отец?

– Тот, чьего имени мы не называем, – улыбнулась Карен, снова сев на стол. – Твоя очередь.

– Я выросла в Огсфордстранде, – сказала Миа. – С сестрой, мамой и папой. Мы жили в белом домике, недалеко от дома Эдварда Мунка. Бабушка жила рядом с нами.

– Скучота, – улыбнулась Карен. – Это все мы и раньше знали. Давай так: говорим то, что до этого другие не знали? – Миа снова кивнула. – Моя мама работала в больнице Хамара. Мне разрешали приходить к ней на работу. Она мне все показывала. У нее были самые мягкие волосы в мире, я всегда их расчесывала. Сестра была слишком маленькая, она только смотрела на нас. Однажды мама не вернулась с работы. Мы все знали, что случилось, но полиция ничего не сделала. Тебе не кажется это немного странным? Что мы живем в стране, где полиция ничего не делает?

Карен улыбнулась, убрав волосы за уши. Бросила взгляд на потолок, как будто думала о чем-то.

Больница Хамара. Они были рядом с Хамаром. Отец убил мать. Полиция ничего не сделала. Вот откуда ненависть к полиции.

– Можно задавать вопросы? – спросила Миа.

– Все можно, – засмеялась Карен. – В этой игре все можно!

– Кроме ругательств, – напомнила Миа, выдавив еще улыбку. Она надеялась, что выглядит честной.

– Именно, – фыркнула Карен. – Этого мы не любим.

– Как вы назвали ее? – спросила Миа.

– Кого?

– Девочку из родильного отделения?

Карен больше не улыбалась.

– Маргрете.

– Хорошее имя, – заметила Миа.

– Да, правда?

– Правда очень мило. Это была ее комната?

Она кивнула на монитор.

– Да, – грустно сказала Карен. – Или скорее нет, она была не такой милой. Помещение то же, но я здесь все переделала. Старая была очень грустной.

– Что с ней случилось?

– Нет-нет, моя очередь, моя!

Миа отвела взгляд от монитора, больше не в силах смотреть. Марион лежала в кроватке, одетая в белое платье с кружевами.

– Он истек кровью изнутри, – улыбнулась Карен.

– Кто?

– Тот, чьего имени мы не называем. Я подсыпала ему крысиный яд в еду. Я все время готовила для нас троих после того, как полиция сказала, что мама исчезла сама по себе. Весело было смотреть, как он умирает. Мы вместе наблюдали, я и сестра. Кровь текла изо рта и отовсюду. Так здорово было смотреть за этим. Почти празднично. Почти как на Рождество.

– Где вы его похоронили? – спросила Миа, пытаясь не смотреть на монитор.

Сосредоточься, Миа, сосредоточься.

– Прямо за туалетом на улице, – засияла Карен. – Вонь, грязь, смрад. То что надо. Уверена, что не хочешь пирога?

– Может быть чуть позже, – улыбнулась Миа.

– Он очень вкусный, – сказала Карен, исчезнув на минуту в своих мыслях.

– А Малин Штольц?

– Ты имеешь в виду Майкен?

– Глаза разного цвета? Малин?

– Майкен, – кивнула Карен. – Бедняжка Майкен. Она абсолютно сумасшедшая, ты знаешь об этом? Но вместе мы заработали много денег.

До Мии медленно стало доходить. Как все это связано.

– С помощью общины?

Карен Нюлунд улыбнулась и снова захлопала в ладоши.

– Молодец, Миа! Молодец. Ты даже не представляешь, как легко убедить пожилых дам отдать все свои деньги Иисусу, когда они скоро умрут!

Она засмеялась.

– Они получали шестьдесят процентов, а мы сорок. Я бы сказала, честная сделка. Это мно-о-ого денег, Миа. Знаешь, сколько?

– Нет.

– Много, – улыбнулась Карен. – В этом доме я больше не живу.

– Она знала про Маргрете или других девочек?

– О, нет, – засмеялась Карен. – Майкен чокнутая, без сомнений, но слишком мягкая для такого. Я использовала ее глупого друга, Рогера Баккена. Он не мог определиться, был ли он мужчиной или женщиной, это так забавно. Такие люди всегда очень слабые, и их легко обмануть.

– Вау, вот это план, – сказала Миа. – Совместная работа с общиной. Умно! И всем выгодно.

– Да, так и есть, – с гордостью согласилась Карен.

– А что случилось с ней?

– С кем?

– С ребенком. Маргрете.

Карен на мгновение замолчала перед ответом.

– Я попала под машину. Сломала ногу и обе руки. Лежала в больнице.

– Долго?

Карен молча кивнула.

– Я не могу их осуждать, – продолжила она, вернув свою притворную улыбку. – Стариков. За то, что они отдают свои деньги. Лежат там совсем одни. Тело не работает. Они думают о своей жизни и сожалеют. Они та-а-ак жалеют, Миа. Я видела их. Слышала их разговоры. Они думают, что все бы сделали иначе. Что надо было брать меньше ответственности за других. Больше думать о себе. Больше путешествовать, играть, познавать мир. Они все страшно боятся. Страх в их глазах, ты должна это видеть, Миа. Они понимают, что страшно сглупили. Наступает паника. Они надеются на еще одну жизнь. Хотят купить себе новый шанс. Я не могу их винить. Что чувствуешь, когда умираешь, Миа?

– Ты убьешь меня?

Карен странно посмотрела на нее.

– Да, естественно. Почему ты спрашиваешь?

– Почему меня?

– Ты этого еще не поняла? А я думала, ты умная...

– Нет, я не поняла, – тихо сказала Миа.

– Ты не поняла этого, потому что я умнее тебя.

Карен победно улыбнулась и снова как ребенок захлопала в ладоши.

– Я убила собаку, ты знала это? Чтобы детям было с кем играть, правда, классно?

– Я не знала об этом.

– Это потому что ты глупая, – улыбнулась Карен.

– Да, ты умнее меня.

– Так и есть.

– Так почему ты убьешь меня?

– Ты не знаешь? Правда не знаешь? – ухмыльнулась женщина с рыжими волосами.

– Нет.

– Сказать тебе?

– Да.

– Потому что ты убила мою сестру, – сказала Карен и исчезла в кухне.

Лив-Хеге Нюлунд впервые понюхала клей, когда ей было тринадцать лет, в одном из дворов Хамара. Она давно вылетела из школы, ей там не нравилось, уроки были ей не по душе, а люди тем более, да и все равно никому не было до нее дела. Раньше сестре было дело. Карен была на десять лет старше и заботилась о ней, когда они росли в Танген, в маленьком домике вдали от людей. Отец был тираном. Физическое и психологическое насилие так повлияло на жизнь сестер и матери, что в конце концов последняя исчезла с лица земли. Лив-Хеге Нюлунд сталкивалась с такими вещами, к которым ни голова, ни тело не могли привыкнуть. Тряпка с клеем стала прекрасным освобождением от тяжелых будней. Пока Карен была с сестрой, было легче. Приходить в школу. Переживать о чем-то. Верить в то, что она со всем справится. Но Карен стала такой странной. После того, как не стало обоих родителей, она очень изменилась. Она могла вспылить от любой мелочи. Могла внезапно начать громко смеяться от совсем не смешных вещей. Лив-Хеге помнила, как однажды в окно гостиной залетела птичка. Лив-Хеге поймала ее и посадила в коробку с ватой, хотела выходить ее. В один день она пришла домой из школы и застала сестру, смотрящую на кастрюлю с кипящей водой на плите и барахтающуюся в ней кричащую птичку. Карен повернулась к сестре, улыбаясь во весь рот. Словно ей нравилось смотреть, как птичка умирает. Мама работала в больнице в Хамаре, и Карен как старшей сестре разрешали ходить с ней на работу. Но мама не знала, что Карен крада лекарства. Как-то, когда они были одни дома, Карен показала Лив-Хеге коробку, лежащую в подвале. Там были шприцы, ампулы и все что угодно с разными странными названиями. Лив-Хеге не знала, для чего все это сестре, но вероятнее всего, чтобы убивать. Карен нравилось убивать.

Лив-Хеге нужно было забыть все это. Тряпка с клеем была только началом пути, у которого был один конец. Для начала Лив-Хеге прошла пешком от Танген до Хамара. Это и стало концом: назад она не вернулась. Они нюхали клей во дворе главного собора, засыпали в кустах. Они нюхали попперс, глотали таблетки от сердца и засыпали на лавках или лестничных клетках. Еду они крали, а бóльшую часть

времени искали, чем можно накидаться. Чем больше Лив-Хеге была под наркотиками, тем сложнее было остановиться. В первые годы еще удавалось держаться по паре недель, но потом это стало постоянным. Разрушительная спираль, ведущая вниз, из которой нет выхода. Лив-Хеге преследовали детские впечатления и переживания, нехватка любви, постоянный страх того, что может случиться. У нее не было никаких шансов приспособиться к жизни, как делают другие люди. Хорошая жизнь. Безопасная жизнь. Дом. Работа. Семья. Дети. Отпуска. Никаких шансов. У Лив-Хеге осталась одна цель в жизни. Новая доза. И еще новая доза. У нее были парни, но они были неважны. Один парень пустил ее переночевать и дал травы. Другой пустил в душ и напоил водкой. В таком духе.

А потом она встретила Маркуса Скуга. Лив-Хеге уснула в машине, а проснулась в Осло. Кто-то должен был забрать какой-то груз. Какие-то спиды. И вот они в квартире в Грэнланде. Лив-Хеге плюхнулась на кровать, и они переспали. Маркус Скуг познакомил ее с героином, и теперь она была влюблена в две вещи. Героин для нее был идеален. Не то что все эти непонятные вещества в клее и все нечистоты, которые она употребляла раньше. После них все время тошнило. Здесь же совсем иначе. Маркус Скуг сделал ей первый укол в летний день у реки Акерсэльва. Она поверить не могла, что так бывает. Будто ее тело всю жизнь было напряжено и вдруг обрело покой. Все, что раньше колело острыми стрелами, теперь стало широкой улыбкой. Широкая, красивая, упоительная улыбка на розовых облаках вечной красоты. Люди стали хорошими. Мир – прекрасным. Навсегда. С того раза они все время были вместе. Идеальный небесный треугольник. Она, Маркус и героин. Они скитались, жили то тут, то там. Маркус был знаком с кучей людей, а когда стал дилером, узнал еще больше. Дилеры – это знаменитости подпольного мира, всегда окружены знакомыми и незнакомыми людьми, и хотя он торговал только на уличном уровне, у них все было хорошо. Пришла осень, и они жили в фургоне для кемпинга около Трюванн. Вечеринка была в самом разгаре, много кокаина и спидов, но слишком мало героина. Лив-Хеге не хватало его. Было бы хорошо сейчас уколиться. По-настоящему воспарить. К счастью, они догадались пойти за героином в центр. В фургоне остались они втроем. Маркус, она и пленительное летучее золото, которое скоро потечет по ее жилам.

– Можешь меня уколоть?

Лив-Хеге умоляюще посмотрела на Маркуса, который бродил туда-сюда по маленькому фургону.

Он только что занюхал две дорожки микса – кокаина и спидов, и был уже под кайфом. Говорил сам с собой, выпучив глаза как две большие тарелки.

– Маркус? – повторила она. – Сделай укол!

Она засучила рукав свитера и положила руку на серый столик.

– Черт, Лив-Хеге, сама уколись, почему я должен это делать все время? – огрызнулся он, делая новую дорожку.

– Но мне нравится, когда *ты* делаешь это! – сказала Лив-Хеге. – Ну, давай же?

– Черт тебя побери, не понимаю, почему я вообще занимаюсь твоим барахлом. Нахрена я это делаю? Нахрена, Лив-Хеге? От тебя же никакого толку нет.

Лив-Хеге пристыженно уткнулась в пол и затянула руку ремнем. Маркус наклонился и втянул обе дорожки, по одной в каждую ноздрю.

– Ох, ну ладно, ладно, я вижу. Поехали!

Он громко засмеялся и воткнул иглу. Лив-Хеге резко дернулась, и он чуть не промазал, но игла таки вошла в вену. Тепло начало разливаться по ее телу. Наконец-то. Розовые облака. Бесконечные пляжи.

Как только она кинула иглу на пол, в дверь постучали.

– Есть тут кто-нибудь?

Женский голос.

– Что за черт? – сказал Маркус.

Он попытался выглянуть из-за шторы, но забыл, что окна загорожены коробками, и из грязного фургона невозможно посмотреть на улицу.

– Это полиция!

Теперь мужской голос.

– Твою мать! – сказал Маркус и стал убирать наркотики со стола. – Лив-Хеге, ну давай же, помоги!

Лив-Хеге не видела никакого смысла что-либо делать. На ее лице играла улыбка, она была на пути туда, где всем хорошо. Она смутно помнила, как все это произошло, но вдруг в дверном проеме возникла женщина-полицейский.

– Миа Крюгер, отдел расследования убийств. Мы ищем эту девочку, вы ее не видели?

– Это же Пиа, – улыбнулась Лив-Хеге, увидев фотографию.

– Заткнись! – закричал Маркус.

– Но это же Пиа, Маркус! Ты что, не видишь?

– Я сказал, заткнись!

– Маркус? – вдруг переспросила женщина. – Маркус Скуг?

– Что там, Миа? – закричал полицейский снаружи.

– Уж не сама ли это Миа Крюгер? – ухмыльнулся Маркус. – Давненько не виделись.

Женщина в форме по имени Миа выглядела так, словно увидела привидение.

– Как дела у твоей сестры? – рассмеялся Маркус, последние дорожки начали действовать, его рот стал похож на зияющую дыру, сотрясающуюся от смеха.

– А, точно, она же отбросила коньки? Точно-точно, она померла, не выдержав давления. Да-да, так и бывает с маленькими хорошими девочками из хороших семей. Они ни хрена не выдерживают, ха-ха-ха.

Лив-Хеге не видела, как женщина доставала пистолет, но откуда-то он возник в фургоне. Самой Лив-Хеге тут не было. Она сидела на вершине горы и наблюдала сверху. Было тепло и хорошо. Ветер раздувал ее волосы.

В другой комнате, где-то вдалеке от нее, Маркус схватил один из шприцов со стола. Изо рта у него пошла пена. Он прицелился шприцом в женщину в погонах и дико засмеялся.

– А ты не хочешь попробовать, Миа, а? Ха-ха, уверена, что не хочешь? А твоя сестричка не отказалась бы! Ну и мерзкая сучка была она, твоя Сигрид, хе-хе.

С прекрасной горной вершины Лив-Хеге было отлично видно, что произошло. Все было как в кино. Маркус плюнул в женщину, пытаясь ткнуть ее иглой. Та отскочила, и раздался выстрел. Гора стала похожа на вулкан, под ней загремело. Женщина выстрелила два раза. Маркус Скуг отлетел к стене и свалился на пол, истекая кровью.

Лив-Хеге Нюлунд пришла в себя спустя две недели, с сильным синдромом абстиненции, в незнакомой комнате. Карен сидела около нее. Не отходила от нее уже неделю. Они крепко привязали ее к кровати – Лив-Хеге никогда не испытывала ничего подобного. Она

была в аду. Как будто каждая клеточка в теле разрывается от дикой боли. Миллиард отходняков одновременно, будто сатана поселился в ней, пока она лежала привязанной к кровати в этой белой комнате, дожидаясь конца. Карен была с ней все время. Мыла ее, кормила, держала за руку, успокаивала. Ее долго не было, но теперь она вернулась.

И вот, наконец она смогла встать с кровати. Начала сама ходить в туалет, сама есть за столом. Карен ни на секунду не оставляла ее. Потом ей разрешили выходить в сад. Сидеть на траве. Смотреть на солнце. Смотреть на деревья. Теперь Карен улыбалась. Лив-Хеге не видела ее улыбку уже очень давно, но теперь Карен была рада.

Только Карен не знала одной вещи: у сестры не было в планах жить дальше. Она потеряла все, что имела. Две свои любви. Маркуса Скуга. И героин. Что этот мир может предложить ей? Ничего.

Еще через неделю, когда ей разрешили в первый раз пойти на прогулку одной, она забралась на высокую ель в лесу, надела веревку на шею.

И прыгнула в свободу.

– Я очень сожалею, – сказала Миа.

– О, ничего страшного. Ты убила ее. А теперь сама умрешь. Все по-честному, как считаешь?

Карен улыбнулась и похлопала Мию по руке. Вышла на кухню и вернулась с кусочком шоколадного пирога.

– Хочешь кусочек, Миа?

Миа помотала головой.

– Но ты должна попробовать, он очень вкусный, по рецепту моей мамы...

Миа бросила взгляд на монитор. Марион Мунк неподвижно лежала на кровати внизу, в подвале. Вдруг Миа увидела, как девочка чуть пошевелилась. Слава богу. Малышка просто спала. Карен Ньюлунд улыбнулась и провела пальцами по экрану.

– Она такая красивая, правда?

Миа осторожно кивнула.

– Жду не дождусь, когда помою ее. Важно, чтобы дети были чистыми, ты согласна?

Карен улыбнулась ей. Миа почувствовала, что ей стало страшно. До этого она была внутренне относительно спокойна, но теперь пришел страх. Зло. Она раньше не видела таких глаз. Женщина перед ней была твердо уверена в том, что делает, но при этом в ней напрочь отсутствовало сочувствие и другие нормальные человеческие качества.

– Хочешь услышать, что сейчас произойдет? Поиграем в эту игру? – ухмыльнулась Карен, поднимаясь.

– Давай поиграем во что-нибудь другое? – предложила Миа.

Надо выиграть время. Ради себя, но больше всего ради Марион. Она подумала о Мунке. Как он отреагирует, если Марион не станет. Она не смогла этого представить. Это слишком нереально.

– А во что ты хочешь поиграть? – улыбнулась Карен.

– Во что угодно, – сказала Миа, выдавив улыбку. – Давай поговорим о Маргрете?

Карен чуть посерьезнела. Нахмурила брови и сложила руки на груди. Миа Крюгер пыталась прочесть по лицу этой девушки, что

творилось у нее внутри, как работала ее голова, найти слабое место, но подобраться к ней не получалось.

– С Маргрете все хорошо, – прочирикала Карен, снова улыбнувшись. – Она ходит в школу на небе, и у нее есть четыре одноклассницы, а скоро будет пять. И еще учительница.

– Одноклассницы? – удивленно переспросила Миа.

– О да, они ведь пойдут в школу. Ты что, не поняла?

В голове Мии все встало на свои места. Я путешествую одна. Рюкзаки. Учебники. Скакалка. Карен Нюлунд пришла в голову сумасшедшая идея сделать школьный класс на небесах. А сама она будет учительницей. Так все было связано. В голове этой психопатки. Миа почувствовала вину. Почему она раньше этого не увидела? Может быть, тогда бы Марион не пришлось лежать запертой в подвале этого дома ужасов.

– Еще у нее есть собака, – добавила Карен. – Милый маленький щенок, она обожает играть с ним. Посмотри, как она радуется, Миа, посмотри.

Она стояла, показывая пальцем в потолок, с дурацкой ухмылкой на лице.

– Мама скоро вернется, Маргрете. Осталось недолго.

Карен помахала и послала воздушный поцелуй небу.

– Почему десять платьев, а девочек только пять? – попыталась Миа.

– Что?

– Ты заказала десять платьев, но забрала всего пять девочек?

– У каждой девочки должно быть несколько платьев, разве нет? У тебя что, было только одно, Миа? Дома в Осгордстранде, когда ты играла с малышкой Сигрид?

Миа прикусила губу, услышав имя Сигрид, нахлынула ярость, но ей снова удалось успокоиться.

– Значит, их всего пять? – улыбнулась она.

– Да, – задумчиво кивнула Карен, словно размышляя, не нужно ли было взять больше. – Лучше всего быть в маленьком классе, тогда всех видят и слышат. Тебе не кажется, что это важно, чтобы всех видели и слышали? А может, надо было забрать десять, как считаешь? Или пяти достаточно?

– Пяти абсолютно достаточно. Я думаю, ты молодец.

– Думаешь? – удивилась Карен.

– О, да, – продолжила Миа. – Отличная идея и отличный план. Боже мой, не могла же Маргрете одна пойти в школу?

– Именно, – подтвердила Карен, снова садясь на стол. – Это меньшее, что я могла сделать.

– Совершенно верная мысль, – продолжила Миа. – И отличное исполнение. Мы ведь ничего не поняли, ты обвела нас вокруг пальца, ты настоящий молодец.

– Правда-правда? – она захлопала в ладоши.

– Да, ты самая умная из всех, кого я встречала.

– Я до-о-олго планировала это. Очень тщательно. А все вышло так легко, так легко. Вы пошли по ложному следу, было так весело играть с вами, да?

– Да, очень увлекательно, – улыбнулась Миа.

– А сейчас мы уже приближаемся к концу. Будет хорошо, – вздохнула Карен. – Осталось нам всем умереть, и мы закончим.

– Да, будет хорошо, – поддакнула Миа, пока ее голова напряженно работала. – Ты сказала сейчас, Карен? А кто умрет сейчас?

– Сначала ты, – ответила Карен. – Потом Марион. Или погоди, я еще не решила.

– Не решила? У тебя не готов план, это на тебя не похоже...

– Знаю, – засмеялась Карен. – Но я не могу решать все, иногда возникают случайности.

– Правда? Расскажи!

– Мне помогал один парень, – сказала Карен, снова сев. – Мужики такие дураки, да?

– Просто идиоты, – улыбнулась Миа.

– Полнейшие. Он таким и был. Дураком, я имею в виду, дураком, понимаешь? Он и правда съел мой пирог, представляешь, Миа? – смеялась Карен.

– А кем он был?

– А, да просто какой-то мужик. Не помню даже как его звать. Кажется, Вильям. Он был женат, но хотел меня. Ты же знаешь, мужчины такие примитивные. Он помог мне построить комнату. Я не хотела старую комнату. Я хотела новую.

– Потому что здесь жила Маргрете?

– Да, тут уже было так себе.

– Понимаю.

– И вот он помог мне построить ее, и тогда мне пришло в голову кое-что забавное.

– Что же?

Карен уже была не в силах сдерживаться. Она кривлялась и смеялась, как маленькая школьница.

– Мы сняли видео.

– Видео?

– Да, на его телефон. Господи, как я потом смеялась.

Видео Киесе. Оно не настоящее.

Миа попыталась удержать маску.

– Что это за видео?

– Он притворился, как будто ему очень страшно, – смеялась Карен. – И дал ложные координаты места, где он был. Ну, знаешь, GPS-навигаторы на машинах?

– Да.

– Ну вот, и он сказал неправильные координаты, правда, весело?

– Очень весело, – согласилась Миа, с трудом сохраняя улыбку на лице. – И что за координаты вы дали? – кашлянула она.

– В том-то и шутка, – ухмыльнулась Карен. – Координаты соседнего дома по этой же улице. Правда, забавно? У вас ведь есть это видео, да?

Карен подошла к ней вплотную. Провела холодной рукой по лицу Мии.

– Ты думаешь, что обманешь меня, Миа? Притворившись, что мы друзья? Думаешь, я дура, Миа?

Миа ощутила холодные пальцы на своих глазах и губах.

– Вы получили видео, правда? Его жена принесла?

Миа медленно кивнула.

– Я не дура, Миа. Ты меня не обманешь. Не заговоришь мне зубы. Почему вы так долго занимались этим видео? Честно говоря, я думала, взрыв будет намного раньше.

Мию затошнило. Карен водила холодными пальцами по ее лицу, как будто она слепая, ищущая путь на ощупь.

– Что произошло, Миа?

Мии было все сложнее сохранять спокойствие. Больше всего хотелось укутить эту больную женщину за палец, но она снова

сдержалась.

– Она наплевала на все и не принесла видео. Пришла только пару дней назад.

– Ага, вот как, – улыбнулась Карен. – Она не очень-то его любила, да?

Миа не ответила.

– Я хорошо ее понимаю, – засмеялась рыжеволосая женщина. – Он был свиньей. Но теперь-то оно у вас есть?

Миа осторожно кивнула.

– Хорошо. Тогда будем сидеть и ждать «ба-ба-а-ах»!

Карен ухмыльнулась и снова села на стол.

– Так это здесь поблизости? – спросила Миа.

– Да, правда, здорово? Мы сможем услышать взрыв и даже посмотреть! Если успеем, конечно.

Карен встала и исчезла из поля зрения. Миа почувствовала холод от злой женщины за спиной. Она бросила взгляд на монитор. Увидев, что Марион просыпается, она пришла в ужас.

Нет, нет, Марион, лежи спокойно.

– Кстати говоря, ты не успеешь услышать взрыв, – раздался шепот прямо у уха Мии.

Карен погладила ее по щеке.

– Ты сейчас умрешь, правда, здорово?

Миа сделала последнюю отчаянную попытку высвободиться, но была слишком крепко привязана. Она больше не могла сдерживаться. Не могла остановить гнев. Было ощущение, что ее тело сейчас взорвется.

– Ты чертова чокнутая сука!

– Но-но-но, следи за языком, Миа, – подмигнула Карен.

Миа почувствовала вкус клея на языке. Тяжело дышать. Паника. Не впадать в панику. Спокойно дышать через нос. *Не просыпайся, Марион, не позволяй ей себя увидеть, лежи тихо. Это ловушка, Холгер. Не посылай никого в тот дом. Она решила убить всех. Не позволяй никому входить, Холгер. Не входи. Не посылай ни Кима, ни Карри, ни Людвига, ни Анетте, никого не посылай, мы не можем никого потерять.*

Миа почувствовала иглу в правой руке. Подняв глаза, она увидела, как Карен делает ей внутривенный укол. Миа слышала, как рыжая

психопатка что-то щебетала у нее за спиной, вешала пакет на штатив. По телу начало что-то разливаться, мышцы похолодели и отяжелели.

– Вот так, – сказала Карен, опять усевшись на стол. – Жаль, что мы не смогли поиграть еще, но сейчас тебе лучше умереть. Мне нужно побыть наедине с малышкой Марион. Нам нужно время перед поездкой, только я и она, ты будешь лишней.

Она оскалилась.

– Только подумай, как весело будет, когда они узнают, что ты умерла всего в паре домов от них? Конечно, если они сами выживут. Как думаешь, кто из них выживет? Мунк? Ким? Этот Ларсен, возомнивший из себя черт знает что? Вот будет весело узнать!

Миа что-то бормотала. Рыжая психопатка совсем сошла с ума, она не понимала, что Миа не может ей ответить. Карен стучала пальцами по столу. Издавала кудахтающие звуки. Чесала лицо. Снова встала. Вернулась с двуствольным дробовиком. Открыла его, вытащила и проверила патроны в обоих стволах. Засунула их обратно и положила ружье рядом с собой.

– Тот, чьего имени мы не называем, любил стрелять в животных. В этом мы похожи. Мы оба любили убивать. Разве не интересно смотреть, как кто-то умирает, Миа? Классно, когда они перестают дышать? Когда они отправляются на небо?

Карен встала и вышла в коридор. Миа услышала, как открылась и закрылась дверь. Легкое дуновение свежего ветра ворвалось в комнату. И снова исчезло. Вернулась Карен.

– Я не хочу застрелиться, если ты об этом подумала. Не думаю, что девочкам понравится учительница без лица, правда? Нет, это только на случай если кто-то придет, всегда нужно подстраховаться, да, Миа?

Миа почувствовала зудящую боль в руке. Как будто что-то металлическое разливалось по крови. Взгляд стал плохо фокусироваться. Она попыталась сосредоточиться на мониторе. Марион там больше не было. Марион нет. Карен была внизу? Что она сделала с малышкой?

Карен помотала головой и улыбнулась сама себе.

– Классно наблюдать, как что-то падает. Тот идиот, снявший видео, падал очень здорово. На мгновение я даже подумала, что он умеет летать. Прямо как Рогер Баккен. У Рогера даже крылья были.

Мне так понравилось смотреть на это. У тебя так же было, Миа? Когда ты убивала?

На мгновение Миа выпала из реальности, чуть не покинув уродливую комнату к лучшему миру, но все-таки проснулась. Карен собирала чемодан.

– А я была так уверена, что ты знаешь, – сказала она. – Что ты знаешь, почему.

Миа увидела Сигрид. В белом платье. Как в замедленной съемке, она бежала через поле.

Пойдем, Миа, пойдем.

– Маркус Скуг, – сказала Карен. – Моя сестра была не очень умной, но она была доброй. Это не ее вина. Он был нехорошим. Но что тут поделаешь? Мужчины. Ничего тут не поделать. Она покончила жизнь самоубийством после того, как ты его застрелила. Но не передозом. Она повесилась. Передоз был бы лучше, как считаешь, Миа? Так же, как Сигрид? Ей, наверное, было лучше, когда она умирала? Не пришлось прыгать с дерева с веревкой на шее?

Карен посмотрела на дверь, снова почесав лицо.

– Да, да, это все любовь. Что я об этом знаю?

Миа больше не могла держать глаза открытыми. Больше не чувствовала ног и рук.

Карен встала со стола. Подошла к ней и погладила по щеке.

– Счастливого пути тебе, Миа Лунный Свет!

Сигрид бежала к Мии через поле. Остановилась перед ней с дразнящим взглядом. Помахала сестре.

Пойдем, Миа, пойдем!

Я иду, Сигрид, подожди.

Давай я буду Спящей красавицей, а ты Белоснежкой?

Да, Сигрид, я очень хочу быть Белоснежкой!

Пойдем, Миа, пойдем!

Я иду, Сигрид, иду!

Миа спрыгнула с крыши.

И полетела за сестрой в белом развевающемся платье через желтое пшеничное поле.

– Дельта-один, прием.

Мунк ждал ответа, нажав кнопку связи.

– Девятый, это Дельта-один, прием.

– Прием. Это Девятый. Ваша локация?

Мунк бросил взгляд на Кима, тот сидел с пистолетом в руке. На нем был пуленепробиваемый жилет, а на лице – каменное выражение. Карри сидел на заднем сиденье, тоже в жилете и с пистолетом в руке. Они медленно ехали вверх по улице, выключив фары. Дом уже был виден невдалеке.

– Девятый, это Дельта-один. Локация в сорока метрах от меня. Мишени нет.

– Дельта-один, это девятый. Оставайтесь на месте, не стреляйте, пока я не дам команду.

– Девятый, это Дельта-один, вас понял, отбой.

– Полная темнота, – прошептал Карри, наклонившись вперед между сидений.

Мунк достал прибор ночного видения и навел его на старое полуразрушенное здание перед собой. Ничто не указывало на то, что дом жилой. В этом и был смысл. GPS-координаты из видео привели их к нему. Он с теплотой подумал о Габриэле Мёрке, с помощью этого их товарища они выяснили местоположение в рекордно короткий срок. Габриэль – настоящая находка. Мунк снова нажал вызов.

– Дельта-два, это Девятый, прием.

– Девятый, это Дельта-два.

– Локация?

– Это Дельта-два. У нас два человека за домом, на востоке. Трое у входа, северо-запад. Сто пятьдесят метров до цели.

– Дельта-два, это Девятый, ожидайте дальнейших указаний. Отбой.

– Странно, что не горит ни одна лампочка, – заметил Ким Кульсе, взяв прибор у Мунка.

– Может быть, ее здесь нет, – сказал Карри.

– Может быть, они в подвале, – сказал Мунк.

Он забрал бинокль обратно и навел его на маленький домик. На месте было три бригады. Двое из аварийного отряда, Дельта, команда снайперов и пожарная бригада. Вдобавок к Мунку, Киму и Карри. Мунк улыбнулся. И Людвиг, и Габриэль настаивали на том, чтобы поехать с ними. Ладно еще Людвиг, он давно работает в полиции, но Габриэль? Он едва ли когда-нибудь из рогатки стрелял. Но очень смелый. Настоящий клад для команды. Мунк попросил их держать оборону, на месте было достаточно людей.

– Мы знаем, что Миа у нее? – сказал Ким.

– Мы не знаем, но все-таки знаем, правда? – сказал Карри.

– Ее машину нашли у дома престарелых. И последний сигнал ее телефона зафиксирован где-то на Драмменсвейен.

– Наверняка выкинули его в окно, – прорычал Карри.

– Ты что-нибудь выяснил про мальчика? Иверсена? – спросил Мунк.

Ким уезжал по своим делам и прибыл на место как раз вовремя.

– Я говорил с его учительницей, Эмилие Исаксен. Очень предприимчивая девушка. С глубоким чувством социальной ответственности. Побольше бы нам таких. Мальчика нет. Родителей нет. Она только что забрала младшего брата из дома, он жил один неделю без еды. Я попросил ее ничего не делать самой, но сомневаюсь, что она послушала. Скорее всего, она сейчас едет разыскивать мальчика.

– Поговори с Людвигом, – сказал Мунк. – Пусть пришлют кого-нибудь из Хёнефосса.

– Уже сделано, – кивнул Ким.

Мунк одобрительно кивнул. На кого всегда можно положиться, так это на Кима Кульсе. Карри, наоборот, надо тянуть за уши. Ким замер на переднем сиденье, в то время как Карри не мог удержаться на месте.

– Что мы делаем? – спросил он, перегнувшись к ним.

– Мы ждем.

– Чего мы ждем? Сумасшедшая дамочка там внутри, и неизвестно, что она делает с Мией! Почему нам просто не вломиться и не скосить эту суку?

– Карри, – сказал Ким, успокаивая его.

– Я знаю, что у нас на кону, – спокойно сказал Мунк. – Там моя внучка.

Он посмотрел на Карри взглядом, значение которого было нетрудно разгадать. Карри кивнул, как бы извиняясь, и снова откинулся назад.

Марион там, внутри.

Мунк взял себя в руки. Сейчас нельзя об этом думать. Нельзя становиться дедушкой. Миккельсон, конечно же, настаивал, чтобы Мунк остался дома и предоставил эту работу другим, но даже бульдозер не остановил бы его. Он снова навел бинокль на темный домик.

– Сколько нам еще ждать? – нетерпеливо спросил Карри.

– Карри, – опять начал Ким.

– Нет, он прав, – твердо сказал Мунк. – Ждать нечего.

Он снова нажал на кнопку рации.

– Дельта-два, это Девятый, прием.

– Девятый, это Дельта-два, прием.

– Дельта-два, это Девятый, готовьтесь к захвату.

– Девятый, вас понял, отбой.

Мунк снял свой пистолет с предохранителя и кивнул двоим коллегам.

– Мы готовы?

Ким кивнул.

– Всегда готовы, – сказал Карри.

Мунк аккуратно открыл дверь и выбрался из «ауди» так тихо, как только было возможно.

Марион Мунк опять проснулась со странным привкусом во рту. Ей снились такие хорошие сны. Что она дома, а мама и папа рядом с ней, как всегда было раньше. Она открыла глаза и увидела, что по-прежнему заперта в холодной маленькой белой комнате. В том же дурацком платье. Свернувшись калачиком под тонким одеялом, она заплакала. Она не знала, как долго уже здесь находится, ведь свет никогда не выключался. Она искала выключатель, но его нигде не было, только холодные стены, без окон и дверей. Марион плакала так много, что в глазах уже не осталось слез. Она стучала по стенам, кричала и редела, но никто не пришел. Она не могла понять, почему. Ведь кто-нибудь всегда приходил, когда она плакала. Мама или папа, они же всегда приходят. Как в тот раз, когда у Марион была температура и ей снилось, что Вини-Пух превратился в огромного монстра и хотел съесть ее. Тогда пришли и мама, и папа, сразу же. А здесь никто не приходил. В этой комнате никто о ней не заботился. Она была совсем одна.

Марион Мунк положила палец в рот и свернулась под одеялом. Она давно уже покончила с этим, но сейчас начала опять. Она положила язык на палец, от этого было так хорошо и приятно. Облизала ноготь. На ногте было что-то странное. Вынув палец изо рта, она удивленно посмотрела на него. Кто-то что-то нацарапал на ее ногте. Там был символ, очень похожий на букву. Как буква Вивиан в садике, V. У нее на большом пальце была буква V. Марион засунула палец обратно в рот и стала водить языком по острым краям буквы.

Первое время она рисовала. Или пыталась рисовать, это было не так просто. Ведь некому было показывать рисунки. Она нарисовала маму, папу и дедушку. А потом нарисовала Супергероиню. Супергероиня – это девушка, с которой можно разговаривать и которая за ней присматривала. Тогда быть одной стало чуть легче. В белой комнате словно не было границ между днями. Дома каждый день были утро, день, вечер, и легко было догадаться о времени, а здесь такого не было. Здесь все время светло и тихо. Кроме тех моментов, когда еда приезжала через люк в стене. Через тот люк, где была заводная обезьянка. Еда была странной и не очень вкусной, но она все равно все

съедала, потому что очень хотелось есть. Иногда там была бутылка сока, но чаще всего просто вода. Есть было очень глупо, потому что после еды хочется в туалет. А в комнате не было туалета, только мусорное ведро, от него все время очень противно пахло. Марион сделала небольшую крышку на него, из картонок от альбома, и тогда запах чуть уменьшился. Но она боялась каждый раз открывать ее и садиться, потому что внутри уже было довольно много и это все выглядело очень-очень гадко.

Несмотря на то, что свет не выключался, уснуть было несложно. Так странно. Каждый раз случалось одно и то же. После еды она засыпала. Даже не чувствуя никакой усталости. Как будто еда ее усыпляла. Как будто это волшебная еда. Она хорошо помнила Алису в Стране чудес, с которой происходили странные вещи после того, как съедала что-то. То она вырастала, то уменьшалась. Значит, волшебная еда существует. Может ли быть такая невкусная еда волшебной? Марион снова засунула палец в рот, и тут раздался звук за стеной. Бррр, вррр, волшебная еда спускалась. Она встала и подошла к люку. Стала ждать, когда спустится еда. Бррр, вррр, грр – и бам! Теперь можно открывать. Обычно там было картофельное пюре, морковь и эти зеленые штуки, которые ей не нравятся. Цветная капуста. Нет, брокколи. Ни разу не было пиццы, или сосисок, или томатного супа, или еще что-нибудь из ее любимого. Марион стояла и ждала звука бум, чтобы открыть люк. Она никогда не слышала, чтобы лифт шел вверх. Так странно. Она забирала еду, съедала ее, и лифт снова шел вниз. Это потому что она спала? Наверное, поэтому. От волшебной еды она засыпала, а лифт шел вверх, пока она спала и не слышала его.

Бум. Марион открыла люк посмотреть, что на сегодня. В этот раз бутылка сока, это хорошо. Но еда выглядела так себе. Какая-то картошка и опять эти зеленые. Брокколи. Она взяла тарелку и бутылку и села за письменный стол. Поковырялась вилкой в еде. Вообще-то есть не хотелось. Хотелось только плакать. Не есть, а плакать. Слезы опять подкатили к горлу, но она плотно сжала губы. Нет никакого смысла плакать в этой комнате. Опять слезы. Теперь сдержать не получилось. Марион сидела с вилкой в руке, а в тарелку капали слезы.

Что, если она не будет есть еду? Она понятия не имела, откуда пришла такая мысль, она просто возникла в голове. Что, если не есть еду, что тогда? Она не уснет? И услышит, как лифт поедет вверх? Она

бросила взгляд на люк в стене. Откуда пришла эта мысль? Как будто из ниоткуда возникла в ее голове. Очень хорошая мысль, правда? Она может оставить еду и тогда лифт поедет вверх? Она быстро встала и подошла к люку. Открыв, заглянула внутрь. Ей ведь хватит здесь места? Она же пряталась и в куда меньших местах? Как-то они играли в прятки, и она спряталась в шкафчике с кастрюлями на кухне. И никто так ее и не нашел, ей пришлось вылезать. Тот шкаф был и правда очень тесным, никто ничего не понял, и все были впечатлены. Она обманет лифт, вот что она сделает. Она притворится, что съела еду, выбросит ее в туалетное ведро, поставит тарелку в угол рядом с другими и ляжет в кровать. Лифт поднимался, пока она спала. Может быть еще и притвориться, что она спит? Она закрыла лифт спиной и взяла тарелку со стола. Важно, чтобы лифт не видел, что она делает, а то вдруг он передумает. Она аккуратно подняла крышку ведра и как можно быстрее выбросила туда еду. Быстро села обратно и огляделась.

– Вот, теперь я наелась, – сказала она вслух, погладив себя по животу.

Лифт ничего не сделал. Он явно ничего не заметил.

– А теперь я так устала, – сказала она и притворилась, что широко зевает.

Она поставила тарелку в кучу к другим и подошла к кровати. Легла, повернувшись лицом к лифту, и закрыла глаза. Она лежала тихо-тихо, с большим пальцем во рту. Она хорошо умела быть тихой. В тот раз, когда она спряталась в кухонном шкафу, она лежала тихо как мышка. Очень долго. Так долго, что мама с папой стали звать ее. Марион закрыла глаза и лежала в ожидании звука лифта. Но звука не было. Она почувствовала нетерпение. Тут совсем не то, что лежать в кухонном шкафу. Тогда она знала, что снаружи кто-то есть. Что кто-то ее ищет. Кто-то хочет найти ее. А здесь никто не приходил. Слезы опять подкатили к глазам, но она сдержала их. Если она плачет, значит, не спит. Лифт поймет это. Она положила палец еще глубже в рот и попробовала подумать о чем-нибудь другом. Когда она лежала в кухонном шкафу, она придумала свою маленькую игру. Маленькую историю. Из «Школы монстров», ее собственную историю, которую не показывали по телевизору. И тогда время пролетело очень быстро, не было никаких проблем. Она притворилась ДракуЛаурой, забывшей сделать уроки. Это было глупо, ведь скоро придет учитель, и тогда

придется рассказать, что она их не сделала, а она не хотела этого рассказывать. ДракуЛаура могла показаться храброй, но на самом деле она хочет хорошо учиться в школе, может быть, другие в это не поверят, но она очень хочет. Так много дел. Марион собиралась выяснять, почему ДракуЛаура забыла сделать уроки, как вдруг услышала звук лифта. Бррр, врррр. Не задумываясь, она выскочила из кровати и подбежала к люку. Быстро открыла его и забралась в лифт. Он был очень маленький, и сначала у нее не влезала нога. Лифт уже тронулся вверх, а нога все еще была снаружи. Она рывком затащила ногу внутрь, и вдруг вся очутилась в нем. Она в лифте! И он идет вверх!

Лифт дребезжал и гремел на пути вверх, и ей ничего не было видно. Марион сжалась как только могла и старалась не бояться темноты. Сердце быстро колотилось в маленьком теле, она почти не смела дышать. Брр, ввр. Лифт ехал медленно. И вдруг, бум. Лифт остановился. Лифт остановился и не заметил, что Марион в нем. Она аккуратно толкнула крышку люка, и к ее радости она открылась. Марион вылезла из люка и оказалась посреди комнаты, открыв рот от удивления.

Она была в гостиной. В доме, который никогда раньше не видела. Здесь тоже не было окон, хотя нет, были, но закрытые шторами. Посреди комнаты на стуле сидела женщина. Марион огляделась и потихоньку подошла к ней. У нее были закрыты глаза и рот заклеен серым скотчем. К ней шла трубочка с водой или чем-то другим из пакета. Марион сразу узнала женщину, она много раз ее видела. Это Миа, подруга дедушки. Она была похожа на индианку. Марион нравилась Миа. Миа всегда шутила с ней, называла ее милашкой, всегда давала ей что-нибудь вкусненькое, пока дедушка не видит. А теперь она мертвая. Мертвая сидит на стуле с серым скотчем вокруг рта.

Марион в растерянности стояла на полу, лихорадочно оглядываясь по сторонам. Тут был коридор, с ботинками и сапогами, прямо как дома. И дверь. Дверь на улицу. Марион тихонько пробралась к двери. Дурацкое платье мешало двигаться и издавало дурацкие звуки. Осмелится ли она открыть дверь? Кто знает, что может быть за ней? В этом доме, где все такое странное.

– Стой!

Марион Мунк вздрогнула, услышав истошный женский крик сзади.

– Стой! Стой!

Марион взялась за дверную ручку, открыла дверь и побежала в темноту что есть силы.

Карианне Кулстад ненавидела продавать лотерейные билеты. Нет ничего хуже, чем продавать их... Четырнадцатилетняя девочка подумывала уйти из оркестра только из-за этих дурацких лотерейных билетов. Она не имела ничего против того, чтобы делать вещи, которыми можно заработать деньги, она собирала и камни, и клубнику, не любила только эти дебилские билеты. Карианне стеснялась, поэтому не любила продавать их. Нужно было звонить и разговаривать с кем-то.

Карианне Кулстад плотнее укуталась в куртку и пошла к дому Тома Лауритца Ларсена. Ларсену можно постучать в дверь, с ним все хорошо проходит. Свиновод был довольно странным, но добрым, она много раз с ним болтала. Последний раз он купил у нее почти всю пачку. Может быть, и сейчас повезет? Карианне открыла ворота и зашла во двор.

Том Лауритц Ларсен стал местной звездой после того, как кто-то отрезал голову одной из его свиней. Об этом написали в газете «Арбайдерблэде» Хамара. Несколько раз! Первый раз, когда голова исчезла, и второй, когда ее нашли. «Свиная голова обнаружена в ходе расследования дела о детоубийствах» – такой был заголовок, и там была фотография Ларсена вместе со сменщиком.

Карианне Кулстад знала все о пропавших девочках, она читала все, что писали в газетах про это дело. В округе даже проводили встречи в связи с этим, сначала в школе, потом в колледже, а потом в доме культуры, где собрались все – не только те, у кого были дочери шести лет, но все-все в деревне. Они зажгли свечи за упокой девочек, а кто-то даже создал группу сочувствующих на фейсбуке. Создать группу на фейсбуке легко, просто сидя за компьютером, не то что сейчас, когда нужно с кем-то разговаривать. Она подошла к дому и постучала в дверь. Начинало смеркаться, и в окне кухни горел свет. Она услышала музыку, значит, он дома. Она еще раз постучала, и дверь открылась. Она сделала вдох и, взяв себя в руки, попыталась улыбнуться.

– Кто там? – спросил Ларсен, посмотрев на нее. – А, это ты. Снова продаешь лотерейные билеты?

Уф, слава богу, ей ничего не нужно говорить.

– Да, – кивнула она с облегчением.

– Тогда проходи, – сказал Ларсен, выглянув в темноту. – Ты одна ходишь по улице так поздно? – спросил он, когда они зашли на кухню.

– Да, – стыдливо сказала Карианне.

– Что на этот раз?

Том Лауритц Ларсен уже достал кошелек и стоял наготове.

– Мы собираемся в поездку с колледжем. В Швецию.

– Вот это да, наверное, будет здорово?

– Думаю, да, – вежливо подтвердила она.

– Сейчас удача не балует меня, – посмеялся Ларсен, вынув сотню из кошелька. – Но надо полагаться на молодежь, правда?

– Спасибо, – улыбнулась Карианне. – Один билет стоит двадцать крон, и вы можете выиграть фруктовую корзинку, кофе или что-нибудь из наших самодельных вещей.

– А, вряд ли я что-то выиграю, но билеты куплю, – улыбнулся Ларсен, подмигнув ей. – У меня только сто крон, вот глупость.

Сто крон. Пять билетов. Значит, ей нужно идти дальше. Она откладывала это до последнего. Деньги нужно сдать завтра на занятия, а у нее все еще много нераспроданных билетов.

– Это лучше, чем ничего.

Ларсен отдал ей сто крон и взял билеты.

– Будь осторожна, – сказал он, немного обеспокоенно, когда они опять оказались на лестнице у выхода.

Он уставился в темноту ей вслед, поморщив нос. Было видно, что с ним что-то произошло после исчезновения свиной головы. Он не казался таким нервным в прошлый раз, когда она была у него.

Карианне пересекла двор и вышла из ворот. Она направилась вверх, к мосту Вик, и думала уже забыть всю эту продажу билетов, будь что будет, когда стала свидетельницей невероятной сцены.

Сначала она не поняла, что увидела. Этого просто быть не могло. В Танген, самом скучном месте в мире, никогда ничего не происходило. Прямо через дорогу был домик. Она не знала, кто там живет и, вообще говоря, думала, что он пустует. Туда никто никогда не входил и никто не выходил из него. А сейчас дверь была открыта, и вниз по лестнице бежала маленькая девочка. На девочке было странное платье, и она громко вопила. Карианне Кулстад сразу узнала

ее. Ее фотография была в газетах. И на странице в фейсбуке. Это девочка номер пять. Это Марион Мунк.

Карианне стояла с разинутым ртом, не двигаясь. Девочка сбежала вниз по лестнице и упала, как только спустилась на гравий. За ней широкими шагами бежала женщина. Марион встала на ноги, оглянулась назад, закричала и побежала дальше. Женщина была намного быстрее, схватила ее, зажала рот ладонью, затащила обратно в дом и закрыла дверь.

И все опять затихло.

Карианне Кулстад была в шоке. Она уронила билеты, деньги и телефон на землю.

Быстро наклонившись, она подобрала телефон и трясущимися пальцами набрала 112.

Лукас отложил пистолет на землю и вставил ключ в замок. На улице было прохладно, холодный вечерний воздух обдувал его шею. Он открыл замок и поднял тяжелую крышку люка. Посветил вниз в темноту. Свет скользнул вниз и встретился с бетонным полом через несколько метров. Лукас засунул пистолет за пояс брюк и спустился вниз. Мальчик с Ракем стояли, закутавшись в плед. Он посветил на них, но опустил фонарь, увидев, что они заслоняют глаза от яркого света.

– Я Иисус, – сказал он спокойным голосом. – Не бойтесь меня, я не сделаю вам ничего дурного.

Он осветил комнату и нашел то, что искал. Канистра стояла на полке с коробками. Ракем с мальчиком осторожно подошли к нему.

– Мы можем идти? – осторожно спросил мальчик.

– Да, вы можете идти, – сказал Лукас. – Ворота открыты. Идите с Богом.

На мгновение он встретился с мальчиком глазами.

– Спасибо, – сказал мальчик, аккуратно положив ладонь на его руку.

– Я Иисус, – снова улыбнулся Лукас и посветил фонарем на лестницу, чтобы мальчик с Ракем выбрались.

Он немного подождал, пока они оба уйдут. Посветил на полки и нашел канистру. Она была тяжелая, но он смог вытащить ее наверх, держа фонарь под мышкой. Он закрыл люк и минуту постоял, глядя на звезды. Редко он видел зрелище подобной красоты. Во всем небе мигала надежда и радость. Он тепло улыбнулся самому себе и перешел через площадку.

Пастор стоял в церкви у алтаря, спиной к Лукасу. Он повернулся, как только Лукас вошел.

– Как все прошло? – улыбнулся пастор, простирая к нему раскрытые объятия.

Он остановился как вкопанный, когда увидел, что Лукас держал в руках. Лукас достал пистолет из-за пояса и прицелился прямо в грудь пастору.

– Лукас? Что ты делаешь?

– Я спасаю тебя, – улыбнулся Лукас, медленно подойдя к седовласому мужчине.

– Что это значит, сын мой? – сказал пастор, сжав зубы. – Подойди ко мне, сын. Отдай мне пистолет. Ты не ведаешь, что творишь.

Он протянул руки к светловолосому мальчику.

– Тсссс! – сказала Лукас, и его глаза заблестели. – Ты не чувствуешь?

– Что?

– Что дьявол овладел тобой.

– Ты говоришь ерунду, сын мой, – нервно проговорил пастор.

– Нет, – серьезно возразил Лукас. – Дьявол вселился в тебя, но еще не поздно. Я был послан на землю, чтобы спасти тебя. Это мое предназначение.

– Но, какого черта, Лукас, – забормотал пастор.

– Видишь? – кивнул Лукас. – Дьявол забрал твое сердце. Он говорит твоими устами. Мы так не поступаем с детьми нашими. Мы не поступаем так с людьми. Мы помогаем им, а не причиняем вред. Это не воля Божья. Это не твоя вина. Ты невинен. Дьявол обманул тебя. Заставил тебя впустить его к себе. Забрал твою душу. Заставил тебя желать другим зла. Теперь все будет хорошо, отец. Мы отправимся уже сегодня. Нам не нужно больше ждать. Давай отправимся на небо вместе.

– Отдай мне пистолет, чертов идиот! – закричал пастор в истерике, но было слишком поздно.

Лукас нажал на курок, два раза выстрелил в грудь седому пастору и бросил пистолет на пол. Пастор резко отлетел назад и лежал перед ним, лоя ртом воздух. Лукас открыл канистру и начал поливать ее содержимым стены церкви. Он не спешил. Спешить было некуда. Запах бензина распространился по маленькому помещению. Пастор Симон лежал на полу с полуоткрытым ртом и в панике смотрел на Лукаса, закрывая раны одеревенелыми руками. *Красота*, подумал Лукас, увидев пятна свежей крови на чисто вымытом полу. Он вылил остатки бензина на алтарь и подошел к пастору. Тот хватался за горло, пытаясь что-то сказать, но из горла выходило только бульканье.

– Не бойся, – сказал Лукас, погладив пастора по седым волосам.

Он достал зажигалку из кармана. Проверил, работает ли она. Посмотрел на маленькое пламя, мигавшее перед ним. Он начал с

одного угла. Бензин быстро загорелся. Перешел к другому углу, поднес зажигалку к полу, поджег и пошел дальше, пока весь зал не наполнился горящим светом. Он бросил зажигалку, вернулся к пастору, опустился на колени и взял его за руку. Церковь была полна огня: шторы, стены, пол, алтарь. Лукас улыбнулся самому себе и стал напевать. Он аккуратно погладил седую шевелюру пастора.

– Видишь дьявола? Он покидает тебя. Разве это не прекрасно, – смеялся Лукас.

Пастор в ужасе посмотрел на него. Его тело сотрясалось. Кровь хлестала из ран на груди.

Языки пламени поднялись до потолка. Огонь был повсюду.

– Увидимся дома, отец, – улыбнулся Лукас.

И закрыл глаза.

Холгер Мунк медленно пробирался к старому маленькому домишке с нарастающим чувством, что что-то здесь не так. Окна были заколочены, а в крыше зияла огромная дырка. Похоже, тут никто не жил много лет. И дом может в любую минуту развалиться. Неужели здесь жила Карен? В этой лачуге? Странно. Чем ближе они подходили к дому, тем больше становилось ощущение, что что-то здесь не то.

– Все Дельта, это Девятый, – прошептал он в рацию, и вдруг почувствовал вибрацию телефона в кармане. – У вас что-нибудь есть?

– Ничего, – тихо прозвучал ответ в ухе.

Карри застыл всего в паре метров от него с пистолетом наготове. Коллега молча пожал плечами.

Чего мы ждем?

В этом доме невозможно жить. Она что, построила внизу целое жилище? Ту маленькую комнату из видео Киесе? Но в том видео видно, что комната слишком крошечная. Может быть, там было несколько таких комнат рядом друг с другом...

Он лихорадочно пытался принять решение. Нельзя терять время. У нее Марион. У нее Миа. Они вынуждены что-то сделать. Может быть, уже слишком поздно.

Уже слишком поздно.

Он не осмеливался даже думать о последствиях, если так и есть. Для Мириам. Для Марианне. Для всех. Для всех в отделе. Не в меньшей степени для него самого.

– Девятый, это Дельта-один, – услышал он тихий голос в ухе. – Мы готовы к захвату, ждем сигнала.

Карри опять в нетерпении пожал плечами. Похоже было на то, что он готов ко всему, и если Мунк в ближайшее время не отдаст приказ, он пойдет на штурм дома один.

Мунк присел на одно колено, пытаясь четче оценить ситуацию, но тут в кармане снова завибрировал телефон.

Нет, этого быть не может. Звучит неправдоподобно. Построить одну закрытую комнату под землей – это еще ладно, но целый дом для жизни?! Зачем кому-то это понадобилось? Ведь намного проще было бы перестроить подвал в нормальном, пригодном для жизни доме.

– Девятый? – прозвучало в динамике.

Уже не один Карри хотел идти на штурм, вся команда была наготове.

Телефон опять завибрировал, как жужжащая оса под штаниной. Что за черт?

Он аккуратно выудил телефон из кармана, пытаясь закрыть дисплей рукой, чтобы он не светился.

Два пропущенных от Людвига и сообщение:

Неверное место!!! Свидетель видел Марион!
Перезвони!!!

– Все Дельта, все Дельта, прием, – быстро сказал он. – Это Девятый. У нас новая локация. Перегруппируйтесь и ждите нового приказа. Повторяю, не входить, у нас новая локация, перегруппируйтесь и ждите приказа.

Он встал и быстрыми шагами пошел назад к машине, набирая номер Людвига Гренли.

Эмилие Исаксен сидела за рулем своей машины и ехала по узкой гравийной дорожке в лес. Она взвесила все за и против, ведь она обещала Торбену пиццу, но он выглядел довольным после банана и шоколадки, которые нашлись у нее в сумке. Она не знала почему, но чувствовала, что надо спешить. Тобиас. Его нет уже неделю. На пути в какую-то секту в лесу, к христианских девочкам, как называл их Торбен, она думала о том, что, возможно, Тобиасу нужна помощь *сейчас*, хотя и понимала, что найти его будет непросто, она даже не знала, где точно находится это место. Но ее разозлил медленный полицейский по телефону, и она решила взять дело в свои руки. Торбен сидел рядом с ней, улыбаясь и жуя шоколадку, и выглядел довольным.

Она никогда не видела ничего подобного. Этим детям нужен новый дом. Любой ценой. Нельзя так обращаться с детьми. Эмилие была так зла, что хотела ударить кулаком по рулю, но держала себя в руках ради мальчика. И все-таки она немного сомневалась в своем выборе. На улице стемнело. Все, что у нее было, – это фары спереди, дорога была извилиста и окружена лесом, если бы вдруг выбежал лось, у нее не было бы никаких шансов успеть затормозить. Поэтому она ехала медленно. Машина медленно скользила по гравию, и, как будто только этого не хватало, капли дождя западали на лобовое стекло. Организация по охране детства. Она мало знала об этих процессах, там наверняка есть какая-то процедура, скорее всего, нужно писать письма, вызывать родителей, длинная бумажная волокита, наверное, обращение в суд, нельзя забирать детей у родителей, но как быть в этом случае, когда родителей невозможно найти?

У нее есть знакомая, которая работает в этой организации. Агнете, они познакомились на аэробике и пару раз пили вместе кофе. Она решила позвонить ей позже, когда они выберутся с этой жуткой гравийной дороги.

Дождь усилился, и стало по-настоящему трудно что-то увидеть в лобовое стекло. Она даже не знала, как далеко они уехали. Продолжать казалось неразумным. Ведь у нее в машине маленький мальчик. Лучше всего развернуться. Пусть полиция займется поиском Тобиаса, а она

должна позаботиться о Торбене. Покормить мальчика горячей едой и уложить спать. А потом связаться с органами опеки. Запустить процесс, который поможет мальчикам найти хороший дом у приемных родителей, ответственных и надежных, которые полюбят их и будут заботиться о них так, как полагается.

Она как раз собиралась начать искать место для разворота, когда вдруг две фигуры, держась за руки, вышли на середину дороги, освещенные светом фар.

Тобиас.

У нее чуть не выпрыгнуло сердце из груди, когда она увидела, что дети, испугавшись, убежали с дороги в темный лес.

Она выжала педаль тормоза и выбежала под дождь, оставив машину с работающим мотором и подняв ручник.

– Тобиас! – закричала она.

Все тихо. Только капли дождя растворяются в гравии и барабанят по крыше машины.

– Тобиас! – опять закричала она. По ее лицу струилась вода. – Это я, Эмилие. Не бойся. Выходи. Все в порядке. Я приехала забрать тебя. Тобиас? Ты здесь?

Прошло несколько секунд, показавшихся Эмилие вечностью, и где-то поблизости зашумел гравий, и два озадаченных лица появились на дороге.

– Эмилие? – осторожно спросил Тобиас. – Это вы?

– Да, – улыбнулась она. – Ты в порядке? С тобой все хорошо?

Милый мальчик выглядел уставшим и смущенным, но, слава богу, был жив и здоров.

Спасибо. Слава богу.

– Это Раquel, – осторожно сказал Тобиас, показав на девочку, спрятавшуюся за ним.

Девочка, одетая в серое шерстяное платье и белый платок, словно она из другого века, дрожала за спиной Тобиаса и не решалась показаться.

– Ей нужна помощь, – сказал Тобиас, и теперь Эмилие увидела, как сильно он вымотан, у него закрывались глаза и подкашивались ноги.

– Садитесь в машину, – сказала Эмилие, открыв заднюю дверь.

– Тобиас! – закричал Торбен, увидев, что брат забирается в машину.

Малыш мигом отстегнул ремень безопасности, прыгнул на заднее сиденье и крепко обнял брата.

Господи. Через что прошли эти дети?

Эмилие села за руль и нашла место для разворота.

– С вами все хорошо? – спросила она, когда они проехали часть пути.

Она поймала взгляд Тобиаса в зеркале заднего вида. Мальчик все еще выглядел смущенным, но видно было, что теперь он понял, что в надежных руках, неважно, через какие ужасы он прошел.

– Все хорошо, – сказал он дрожащим голосом. – Вы сможете нам помочь?

Он посмотрел на Эмилие в зеркало.

– Конечно, – кивнула она. – Все наладится, Тобиас, обещаю.

Эмилие Исаксен ехала так быстро, как только осмелилась по гравийной дороге в сторону города.

Уже второй раз за час Холгер Мунк сидел в машине с биноклем перед глазами и с готовой к наступлению командой Дельта. На этот раз верное место. Гарантированно верное. Девочка видела ее. Видела Марион. Она выбегала прямо из этого дома. Ее затащили обратно. Карен Нюлунд. Девочка местная и знает, о чем говорит, так что больше нет никаких сомнений. И странное ощущение от той старой лачуги было абсолютно верным. Здесь же был старенький красный домик, очевидно жилой. Из окон светил слабый свет, как будто кто-то занавесил их, чтобы ничего не было видно. Из трубы на черепичной крыше слабо шел дым. Идиллический маленький домик в деревне. Снаружи. Но внутри все было совсем иначе. Внутри была Карен Нюлунд. Которая убила четырех маленьких девочек. Которая разрушила жизни невинных родителей, бабушек и дедушек, братьев и сестер, друзей, соседей, принесла им невообразимую боль, которая никогда не уйдет. Она обманула его, заставив поверить, что он любит ее. Он почувствовал закипающую в груди ненависть, лоб горел, руки вспотели, но он старался сохранять спокойствие. Он профессионал. Нельзя совершать опрометчивые поступки. У нее Марион. Марион жива. Во всяком случае, была жива менее часа назад. Холгер не смел думать о том, что там внутри Миа, и что с ней могло случиться.

Нужно действовать быстро, но не слишком быстро. Нужно оценить ситуацию. Расставить все команды по местам. Мунк бросил взгляд на дорогу, где остановились три машины «скорой помощи», выключив фары, чтобы остаться незамеченными. Карри нетерпеливо ерзал по сиденью, постукивая пистолетом по ноге. Ким, как обычно, сидел неподвижно, как статуя, рядом с Мунком, не отводя взгляда от двери.

- Дельта-один, это Девятый, прием.
- Девятый, это Дельта-один, мы на месте.
- Дельта-два, это Девятый, прием.
- Девятый, это Дельта-два, нам нужно еще пару минут.
- Дельта-два, это Девятый, вас понял, ждем. Отбой. – Пока ждем, – кратко сообщил Мунк.
- Чего мы ждем? Твою мать, там Миа!

Бритоголовый полицейский уже не мог сидеть на месте, пальцы как барабанные палочки стучали по ноге, а глаза сузились от гнева.

– Мы ждем, когда Дельта-два прибудет на место, – сказал Мунк со всем возможным спокойствием.

– Успокойся, Карри, – сказал Ким, сидя в той же неподвижной позе.

– Да срал я на это, – вдруг донеслось с заднего сиденья.

Все случилось так быстро, что Мунк не успел среагировать. Карри уже вышел из машины и направлялся к дому.

Мунк быстро открыл дверь, и вместе с Кимом они сломя голову понеслись к дому. Он хотел позвать Карри, но нельзя было, чтобы Карен услышала.

Твою мать.

Он бежал изо всех сил, по гравийной дороге, через ворота, вверх по камням и успел ступить на лестницу, когда Карри повернул дверную ручку и вбежал в дом.

А дальше все произошло как в замедленной съемке. Мунк увидел удивленный взгляд Карен, когда раздался выстрел. Было очевидно, что рыжая женщина никак не ожидала этого, но тем не менее успела повернуть ружье к Карри, который отскочил в сторону, когда раздался выстрел.

Она попала в него?

Карри, идиот хренов!

По-прежнему как в замедленной съемке, она повернулась к Мунку. Ее руки так крепко сжимали оружие, что костяшки пальцев побелели. Казалось, она хочет что-то сказать перед тем, как нажать на курок, но для Холгера Мунка наступил конец всем замедленным съемкам.

Он поднял пистолет и выстрелил два раза. Первый раз в горло. Второй – прямо в сердце. Карен Нюлунд покачнулась и безжизненно упала навзничь, истекая кровью.

И тут он увидел Мию. Она сидела, привязанная к стулу у стены. Скотч вокруг рта. Игла в руке тянется от штатива с капельницей.

О, нет.

О, нет, нет, нет, боже, нет!

Мунк встал как вкопанный прямо перед безжизненной коллегой, даже не заметив, что все вошли вслед за ним на штурм. Ким. Команда

Дельта. Врач. Персонал «скорой помощи». Он стоял, не в состоянии вымолвить ни слова, и смотрел, как люди, казалось, в милях от него отвязывают Мию от стула, несут ее к машине «скорой помощи». Он не видел, что Карри поднялся на ноги, держась за руку, и с поддержкой спустился вниз по лестнице. Холгер пришел в себя, только когда Ким вдруг оказался перед ним, держа в руках маленькую дрожащую фигурку.

Марион.

Она жива.

В плохом состоянии, но дышит.

– «Скорую»! – завопил Мунк и помог коллеге отнести девочку.

– Врача, врача сюда!

На этот раз «скорая» уже не передвигалась в тишине. Кортёж кричащих сирен и мигалок покинул деревню и на полной скорости сквозь тьму помчался к шоссе Е6.

Комната ожидания в отделении интенсивной терапии больницы Уллевол была переполнена. Одна из медсестер несколько раз выходила и просила их подождать в другом месте, но Мунк только махал рукой.

Все были напряжены. Габриэль Мёрк сидел на стуле, сложив руки на груди, первый раз в жизни уставившись не в монитор, а в пустоту перед собой. Анетте с Людвигом сидели на диване, подвинувшись, чтобы смогли сесть Ким и Кюрре. Вся команда с серьезными лицами собралась в комнате ожидания.

Анетте только что выходила говорить с Миккельсоном по телефону. Входя обратно в комнату, она подмигнула Мунку, и он улыбнулся ей в ответ, пока серьезность снова не опустилась на комнату.

Карри ходил туда-обратно, не желая садиться. Не мог заставить маленькое худое тело расслабиться.

– Черт возьми, – сказал Карри, размахивая одной рукой. – Может быть, нам наконец сообщат что-нибудь?!

– Сядь, – сказала Анетте. – Мы ничего не узнаем, пока они сами этого не узнают.

– Ад какой-то, – сказал Карри, продолжая ходить кругами по линолеуму.

– Кто-нибудь хочет кофе? – спросил Людвиг, встав.

У опытного полицейского было мрачное выражение лица, он был подавлен ситуацией так же, как и все остальные. Поднялось несколько рук. Людвиг кивнул и исчез в коридоре.

Вошла Мириам. Мунк встал ей навстречу и крепко обнял.

– С тобой все нормально?

Дочка кивнула, слегка сжав ему руку.

– Теперь все хорошо.

Она увидела Кима, подбежала к нему и обвила его шею руками.

– Спасибо, – сказала она.

И вытерла слезу с щеки.

– Господи, ну зачем ты так, – смутился Ким. – Я просто делал свою работу.

– Нет-нет, это очень важно! Спасибо! – сказала Мириам, еще раз обняв его, а потом подбежала к Карри и сделала то же самое.

Карри тоже смутился от оказанного ему внимания. Он кивнул Мириам и обнял ее.

– С ней все в порядке? – спросил Мунк, подойдя к дочери.

– С Марион все хорошо, – сказала Мириам, вытирая новую слезу. – Она с Юханнесом. Она была уставшая, но поразительно шустрая, спрашивала дедушку. – Мунк улыбнулся. – Есть новости про Мию? – посерьезнев, спросила Мириам.

– Нет.

Пришла врач с какими-то бумагами в руках.

– Юн Ларсен? – спросила она у собравшихся.

– Карри, – позвала Анетте, показав на врача.

– Что?

– Тебя спрашивают.

Карри повернулся.

– Вы Юн Ларсен? – повторила врач, посмотрев в свои листочки.

– Да, это я, – подтвердил Карри, подняв руку.

Вторую руку он плотно прижал к телу.

– Давайте осмотрим вас?

– Нет-нет, я в порядке, – сказал он, помахав здоровой рукой.

Мунк строго посмотрел на коллегу. Тот все еще избегал встречаться с ним глазами. Карри чуть не сорвал всю операцию, своим поведением он подверг опасности жизни всех. Но сейчас пусть это подождет, это уже неважно, выговор он получит позже.

Мунк бросил взгляд на вход в отделение, но оттуда по-прежнему никто не выходил.

– И все-таки я думаю, нам стоит взглянуть на вашу руку, – улыбнулась врач.

Карри вздохнул и неохотно пошел за ней по коридору.

– Держите меня в курсе, – крикнул он, строго указав на них простреленной рукой.

– Подведем итоги вечером? – спросила Анетте, посмотрев на Мунка.

– Нет, пока ждем, – сказал Мунк, запустив пальцы в бороду.

Дверь открылась, и вышел врач.

– Тут есть близкие Мии Крюгер?

Лес рук.
– Как она? – спросил Мунк.
– Она была на волоске от смерти. Но сейчас все в порядке.
По комнате пронесся вздох облегчения. Габриэль встал и обнял Анетте. Ким улыбнулся от уха до уха.
– Мы можем ее увидеть? – спросил Мунк.
– Она очень слаба. Но мы можем разрешить одно посещение, очень краткое.
– Я пойду, – сказал Мунк.
Он снял пальто, отдал его Мириам и пошел за врачом.
Миа лежала с закрытыми глазами.
– Очень коротко, – строго сказал врач и исчез.
Мунк подошел к кровати и взял Мию за руку. Миа медленно открыла глаза и улыбнулась, увидев его.
– Ты курил? – тихо спросила она.
– Нет, давно уже не курил, – улыбнулся Мунк.
– Хорошо, – сказала Миа, снова закрыв глаза.
Мунк осторожно пожал ей руку.
– Мы взяли ее? – слабо спросила Миа.
– Мы взяли ее, – ответил Мунк.
– А Марион?
– С Марион все хорошо.
Миа опять открыла глаза и чуть заметно улыбнулась.
– Правда?
– Правда, – кивнул Мунк.
Он увидел, как ее тело постепенно расслабилось. Рука в его руке ослабла, а голова глубже утонула в подушке.
– Ты приедешь ко мне в гости? – спросила она.
– Куда? На Хитра?
Миа медленно кивнула.
– Может быть, в отпуск. Но я считаю, тебе надо быть здесь. Должна же у меня быть компания.
– Ну ладно, – пробормотала Миа, закрыв глаза.
Врач просунул голову в дверь, показывая на часы. Мунк кивнул.
Когда он повернулся к Мии, она уже спала.

Примечания

1

Норвежский парламент. *Здесь и далее – примечания переводчика.*

2

Народное название места около центральной железнодорожной станции Осло, где собираются наркоманы.

3

Район, где располагается университет Осло.

4

Норвежская авиакомпания «Norwegian» предоставляет услугу – помощь детям, путешествующим без взрослых. Таким детям надевают специальную ленту с надписью «Я путешествую один/одна».

5

GCHQ (англ. *Government Communications Headquarters* – Центр правительственной связи) – спецслужба Великобритании, ответственная за ведение радиоэлектронной разведки и обеспечение защиты информации органов правительства и армии.

6

Глава полицейского участка, норвежский шериф.

7

Марк Дютру – бельгийский серийный убийца, виновный в похищении, изнасиловании и убийстве девочек, самой старшей из которых было 8 лет.

8

Латынь.

9

Квилт – стеганое лоскутное одеяло ручной работы.

10

Восточный устный вариант норвежского языка считается наиболее приближенным к литературному и наименее диалектальным.

11

Вид немецкого шнапса.

12

Кто там? (*англ.*)

13

Пока-пока, птичка (*англ.*).

14

Известная норвежская сеть кофеен.

15

Девочка (*англ.*).

16

Зд.: деревенщина (*англ.*).

17

Не пропадай (*англ.*).

«Тук-тук! – Кто там? – Дорис. – Какая Дорис? – Дверь заперта, поэтому я стучусь» (*англ.*). Шутка построена на игре слов: имя Дорис созвучно с первой частью конструкции «door is locked» – «дверь заперта».

Начальные строки трагедии «Гамлет» У. Шекспира: «Кто здесь? Сам отвечай мне – кто идет? – Да здравствует король!» (*Пер. с англ. А. Кронеберга*).

20

Норвежская журналистка, редактор, писательница и телеведущая.
Пишет, в основном, для женской аудитории.

21

Карточная игра.

Я так не думаю (*англ.*).

23

Нет проблем (*англ.*).

Норвежская, датская и шведская бульварная газета.

25

Крупная сеть норвежских супермаркетов.

Table of Contents

Самюэль Бьорк Я путешествую одна

1

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

2

14

15

16

17

18

19

20

21

22

23

24

25

26

27

28

29

30

3

31
32

33
34
35
36
37
38
39
40
41
42
43
44
45
46
47
48
49
50

4

51
52
53
54
55
56
57
58
59
60
61
62
63

5

64

65
66
67
68
69
70
71
72
73
74
75

6

76
77
78
79
80
81
82
83
84
85
86
87
88

7

89

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

[10](#)
[11](#)
[12](#)
[13](#)
[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)